ГЕРОИ И АНТИГЕРОИ ОТЕЧЕСТВА

Креститель Руси
ВЛАДИМИР СВЯТОЙ

Князь
ПОТЕМКИН-ТАВРИЧЕСКИЙ

Император
АЛЕКСАНДР I

Историк и его историография
СОБОЛЕВ

Поэт-трагедийщик
ГУМИЛЕВ

Царь
НИКОЛАЙ II

Серафим Саровский
САВИНОВ

Отец революции
ТРОЦКИЙ

Нарком НКВД
БЕРИЯ

Член политбюро ЦК ВКП(б)
МОЛОТОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первая книга новой серии рассказывает о жизни, малоизвестных фактах биографии, испытаниях, славе и ненависти, предательстве и благородстве, которые переплелись в судьбах героев или антигероев художественно-исторических очерков — крестителя Руси Владимира Святого; сиятельного князя Потемкина Таврического; освободителя Европы императора Александра I; неисправимого генерала Скобелева; поэта-гражданина Гумилева; последнего царя Всея Руси и пр. Николая II, короля террора Савинкова; кандидата в диктаторы Троцкого; авантюриста и палача Берии; политика, дипломата и пенсионера Молотова. Книга рассчитана на массового читателя.

- Герои и антигерои Отечества
  - Соотечественники!
  - Юрий Лубченков, Владислав Романов
  - Николай Шахмагонов
  - Владимир Федоров
  - Андрей Шолохов
  - Виктор Меньшиков
  - Олег Платонов
  - Николай Костин
  - Вячеслав Забродин
    - Беседа с Д. А. Волкогоновым и малоизвестные документы и приказы Председателя РВСР Л. Д. Троцкого
    - Вместо эпилога, или некоторые документальные добавления к беседе с Д. А. Волкогоновым
    - На практике
  - Виталий Оппоков, Борис Попов
  - Феликс Чуев
- notes
  - 1

Герои и антигерои Отечества
Сборник
(Сост. Забродин Вячеслав Михайлович)

Соотечественники!

Годы переоценок ценностей, культа и застоя не прошли даром для нашего общества. Под давлением страха, лжи, умолчаний и фальсификаций в сознании целых поколений стиралась память о славных делах и помыслах многих великих людей Отечества, и, наоборот, непомерно преувеличивалась и восхвалялась деятельность менее значительных или даже недостойных личностей. Как совершенно справедливо отмечал замечательный писатель-гражданин Валентин Саввич Пикуль:

> «К сожалению, у нас была целая временная полоса, когда появилось удивительное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них — необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие „патриотизм“ вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству».

Гласность, возвращение к правде потребовали сорвать пломбы с груза прошлого. Вновь возвращаются к нам из забвения и спецхранов забытые имена, восстанавливается порушенная связь времен, объективно оценивается роль в истории страны рапсе неприкасаемо-елейных лиц.

Страна проснулась! И тем более нельзя забывать, что люди учатся на ошибках, народы — на трагедиях, поколения — на историческом опыте своих предшественников. А изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и когда правда остается незыблемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Срок тому пришел! И новая серия «Герои и антигерои Отечества» поможет каждому из Вас сердцем прикоснуться к болям, славе и величию родной земли, понять в восстановленной связи времен, кто мы есть и куда идем, честно, без «грима и купюр» разобраться в череде первых лиц державы. Зримо увидеть тех, кто вошел в последнее тысячелетие Отечества со знаком плюс или минус.

Мы расскажем Вам о князе Владимире Святом и императоре Александре I, великом Петре I и самозванце Гришке Отрепьеве, сиятельном князе Потемкине-Таврическом и шефе жандармов

Бенкендорфе, графе Орлове и «святом старце» Распутине, о покорителе Сибири Ермаке и гетмане Мазепе, патриархе Никоне и поэте-гражданине Гумилеве, императрице Екатерине II и батьке Махно, имаме Дагестана и Чечни Шамиле и генерале от инфантерии Скобелеве, «взбалмошном» Павле I и мученике Николае II, генерале Деникине и адмирале Колчаке, супертеррористе Савинкове и Председателе ВЧК Дзержинском, демоне революции Троцком и наркоме НКВД Берии, крестьянском поэте Есенине и актере-барде Высоцком, маршалах Ворошилове и Жукове, члене Политбюро ЦК ВКП(б) Кагановиче и генералиссимусе Сталине, политических деятелях Молотове и Хрущеве, ученых Лысенко и Сахарове, Генеральных секретарях Андропове и Брежневе и многих других.

Предположительно в серии будут «фигурировать» двести имен. По десять в каждой книге. Без хронологической последовательности, чтобы, во-первых, удовлетворить исторический интерес разных категорий читателей и, во-вторых, не утомить Вас одной эпохой.

Нам нет смысла агитировать в пользу появившегося издания. Его целесообразность и полезность в Вашей личной или семейной библиотеке бесспорны!

Творческий коллектив серии «Герои и антигерои Отечества»

Юрий Лубченков, Владислав Романов
Креститель Руси Владимир Святой

Святослав — воин дерзкий и упрямый, оседлавший коня в три года и в эту же пору начавший воевать, погиб тридцатилетним, не умея хитрить и двинув напролом, почти заранее зная, что обречен на гибель. Что уж тут поделаешь, коли такая неприступная и дикая была натура, яростная в своем упорстве. Нарвавшись на большой отряд печенегов с горсткой своих ратников, он дрался, как лев, пока голова его не отлетела на пять метров прочь. То Куря, князь печенежский, отсек ее, а потом, теша самолюбие свое да похваляясь, сделал из черепа чашу и пил из нее вино. Совсем дикий, заблудившийся народ были эти печенеги. Русские их били часто, и боялись они даже большой ратью ходить на Киев. Случилась эта смерть со Святославом в 972 году, Владимиру тогда было уже семь лет, и был он сам великим князем (сразу оговоримся для тех, кто не знает, что эпитет «великий» означал не качество самой личности, ее силу, мощь, крепость, а прежде всего либо старшинство по роду, либо по положению, то есть великий значит главный. В постоянный обиход этот эпитет войдет чуть позже, начиная с сына Владимира Святославовича — Ярослава, но мы будем иногда употреблять его, дабы показать, что в Новгороде, к примеру, где правил уже Владимир, он был главным, то есть великим князем по отношению ко всем остальным. — Прим. авт.), ибо Святослав отдал ему в княжение Новгород.

Владимир Святославович, вошедший в русскую историю под именами равноапостольного князя Владимира Святого и великого князя Киевского, Владимира Красное Солнышко, был третьим сыном, рожденным от ключницы матери Святослава Ольги Малуши. Она была дочерью знатного новгородца Малка Любечанина, и Ольга в свое время взяла ее к себе, заглядевшись на ее красоту и статность. Грубый и совсем не знавший утонченных манер, Святослав силой взял красивую ключницу, и последняя вскоре родила крепкого малыша, которого назвали Владимиром.

Он был третьим после Ярополка и Олега, и няньки в шутку звали его «ярилиным внуком», ибо родился Владимир в любви, начавшейся как раз в дни молодеческих игр, посвященных Богу Солнца — Яриле. Родился еще в языческие времена, когда

русские поклонялись сразу многим Богам: Перуну — Богу молнии, Яриле — Богу Солнца, Волосу — Богу скота, Ладо — Богу веселия, любви, согласия и всякого благополучия. Были и еще идолы — Хоре, Даждьбог, Стрибог, Самарагл, всех не перечислишь. Упоминание об этом очень важно, ибо Владимиру выпала великая миссия — крестить Русь, принести на Русь христианские идеи, образ Иисуса Христа, которого мы поминаем именно с тех времен.

Здесь важно еще отметить, что Владимир именно «ярилин внук», а не сын, ибо родился, прижит он был не от жены законной, а на стороне, кого в западных землях называли грубой кличкой «бастард», т. е. «ублюдок».

Впрочем, и сам Святослав, согласно легенде, был таким же бастардом, ибо зачала его Ольга в дни «ярилиных игр» не от Игоря Старого, которому к тому времени было уже около семидесяти, а некого русского мужа, из чего мы можем заключить, что подобные любовные игры были в порядке вещей. И все же есть тут небольшая разница: Ольга была княгиней, и князь Игорь принял родившегося Святослава за своего сына, а Малуша к княжескому роду отношения не имела. К сожалению, «Повесть временных лет» да и другие летописные источники ничего не говорят о жене Святослава, которая родила ему Ярополка и Олега. Лишь в одной из дореволюционных работ нам удалось отыскать упоминание о том, что «первые два сына Святослава, Ярополк и Олег, родились от супруги русского князя, дочери венгерского короля Предславы». Историки же отвергают эту версию, ибо никак не могут отыскать следы сей Предславы в западных источниках. Несомненно одно, что сыновья Святослава не могли родиться сами по себе, а также очевидно и другое, что жена Святослава была, несомненно, если уж не княжеского, то весьма знатного рода, так как в правление Ольги Русь являлась уже большой и обширной державой, простиравшейся от крайнего севера до благодатного юга. И вполне естественно, что наследник столь могучего государства подыскивал себе жену, равную с ним по происхождению. Вспомним, что к Ольге сватался цесарь священной Римской Империи Константин, сын Льва, а после крещения Ольга получила имя Елена, как и царица, мать Константина Великого. Сын историка С. М. Соловьева, поэт и философ Владимир Соловьев, прилет, что первая жена Святослава была гречанка, которую привезла с собой Ольга из Царьграда. Так или иначе, но с происхождением Ярополка и Олега было все в порядке, Владимир же рос «ярилиным внуком» и гордиться в этом отношении ничем особенных! не мог. Ибо мать его, став ключницей по древнему Уставу Киевской Руси, становилась

рабыней, независимо от того, была она до сего времени вольной или не была, если это не оговаривалось специальным договором. Но поскольку о таком договоре ничего не известно, то можно считать, что Владимир был сын рабыни, холопки. Более того, когда стало очевидным, что Малуша понесла, то Ольга, рассердившись на нее, сослала свою холопку в дальнее свое поместье Бурутино, где и появился на свет Владимир.

Отсюда проистекает и характер будущего великого князя киевского и крестителя земли русской. Первые детские впечатления его вряд ли назовешь отрадными: вечно печальная мать, заброшенное селение, где пусто и одиноко, страх, который поселился в его душе еще до рождения. С Ольгой шутить было опасно, и Малуша боялась ее пуще огня, не зная, что произойдет с ней и ее сыном завтра. Поэтому с детства запомнил Владимир страстные исступленные ласки матери, у которой вскоре забрали сына, а ее саму сослали в один из дальних теремов, где она чуть не закончила свою жизнь в жуткой тоске по сыну.

Ольга взяла мальчика к себе и воспитывала всех троих внуков вместе, сама, не доверяя никому. Был еще у Владимира дядька, самой Ольгой назначенный в воспитатели. К счастью, приходился он Малуше старшим братом и был взят еще вместе с ней из Новгорода. Поначалу он состоял в теремной службе, потом был конюхом да приворотничком, то есть сторожем у ворот, после чего, видимо, за исправно-усердную службу взяли Добрыню в дом, где он стольничал-чашничал аж девять лет. Опала на сестру, сосланную в Бурутино, ударила и по нему: Добрыня отправился с ней и возвратился уже с племянником, к которому прикипел душой и сердцем, когда Ольга смилостивилась и вызвала его обратно в Киев. Случилось сие в достопамятном 968 году, о котором мы скажем ниже.

Итак, трехлетний отрок прибыл в Киев, из глуши в большой город, и все было в диковинку малышу. Но вместе с удивлением прилипло и огорчение. Если в Бурутино он был как бы центром небольшой вселенной, то здесь, будучи бастардом, он сразу же стал нелюбимым Ольгиным внуком и заметно отошел на задний план. Кроме того, рядом не было матери, и, привыкший к ласкам, к материнской холе, он тотчас ощутил свою сиротливость и покинутость. Начал плакать, что еще больше рассердило бабку и стало предметом частых насмешек со стороны братьев, которые сразу же почувствовали некоторую неполноценность своего неожиданно возникшего братца. Лишь Добрыня незаметно для окружающих поглаживал племянника то по спине, то по голове, и эти поглаживания хоть немного согревали одинокую душу.

Ярополк и Олег были не только старше Владимира по

возрасту, но и сильнее его физически; бастард не мог дать им сдачи, а если, случалось, не выдерживал град насмешек и кидался на обидчиков — чего они в общем-то и ждали, — то получал крепко и памятно. Подчас братья били его и без всякого повода, лишь бы выместить на нем свою злость и досаду, намеренно унижали его, зная, что бабка Ольга на их стороне, а Добрыня не вступится за «ярилиного внука». Владимир рос дичком, затравленным волчонком, и самые сладкие минуты выпадали перед сном, когда приходил Добрыня и Владимир мог пожаловаться и получить в утешение доброе дядькино слово или сказку и, слушая ее, заснуть.

Барственные братья дразнили его «ключников сын», и самое страшное заключалось в том, что бабка Ольга относилась снисходительно к подобному прозвищу, когда его произносили при ней. Владимир знал, что его мать «ключница», и постепенно он стал стыдиться ее. Когда Добрыня передавал от нее привет или пряник, то он молчал и отводил глаза, весь вспыхивая, словно его обливали ушатом помоев. Особенно замирало его сердце, когда, рассердившись на Владимира за что-нибудь, Ольга грозилась снова отправить неслуха в Бурутино, к матери, которое представлялось ему теперь страшным местом. Так в душе его непостижимым образом слились ненависть и тоска по матери, он мечтал увидеть ее и боялся попасть к ней. Добрыня видел муки племянника, но что-то сделать, помочь ему — не мог.

Отвергнутый братьями, Владимир охотно убегал играть к детям дворни, те, наоборот, относились к нему уважительно, сразу принимая его старшинство, чем он, впрочем, не кичился, не имея в душе той заносчивости, которую Ярополк и Олег большей частью переняли от Ольги, нежели от отца. Но между старшими братьями не было согласия. Если Ярополк обладал мягким покладистым характером и, став постарше, принял нейтралитет по отношению к младшему, Владимиру, иногда даже беря его сторону в мальчишеских спорах, то Олег, мужая, становился все более нетерпимым к бастарду. Иссушающая душу ненависть, точно оговор или сглаз, терзала его до конца жизни, и смерть он нашел ужасную, так что было во всей этой травле что-то роковое, инфернальное.

Слыша постоянно о милости, милосердии, любви к ближнему от бабки, он видел, что христианские постулаты, с которыми она подступала к внукам, мало согласуются в ней самой с ее собственными поступками. Слишком трудно было сбросить с себя языческие путы, усмирить гордыню и своевольный нрав, который долго владел характером княгини. Ольга любила рассказывать про усмирение древлян, как она выжгла с помощью воробьев и

голубей целое поселение, мстя за мужа. Рассказывая, она то и дело крестилась, ворчливо повторяя: «Господи, прости мя, грешную!» — и Владимир, слушая ее, никак не мог понять одного: неужели для того, чтобы Бог простил, достаточно одной фразы, достаточно слова?!

Ведь он обидчикам своим обязательно должен дать бой или содеять такую каверзу, чтобы они на своей шкуре почувствовали вкус боли, се прикосновение, только тогда наступала удовлетворенность в его душе, неужели Господу достаточно и слова?! Однажды, не выдержав, он спросил об этом у бабки, и та, задумавшись, кивнула: да, достаточно, а потом, подозвав его и впервые за много лет взглянув на него как-то особенно внимательно и даже ласково, проговорила: «В том-то и сила Господа и величие его, что для того, чтобы простил он, ему достаточно и слова!»

После этого короткого разговора Ольга чаще стала обращать на юного «ярилиного внука» внимание, стараясь чаще рассказывать о Христе.

Владимира потрясло то, что, зная свой конец и имея возможность спасти свою жизнь, Иисус не отказался от своих взглядов, а смело пошел на Голгофу. Ярополка и Олега смаривал сон, а Владимир сидел потрясенный, его колотил озноб, ибо настолько живо он все представлял себе, словно и он стоял в той толпе, наблюдая, как распинают на кресте Христа. Ольга замечала это его потрясение, с гневом обрушивалась на родных внуков, Ярополка и Олега, пытаясь и в них разбудить эту живость воображения, но все было без толку. Так неожиданно для Владимира он сблизился с бабкой, которая вдруг переменила гнев на милость, все чаще беря его под защиту от старших «варнаков», подсовывая младшему лакомые кусочки.

Произошло это сближение как раз накануне осады Киева печенегами, когда даже за водой нельзя было вылезти и приходилось идти на лишения. Олег разбойничал, отнимая у Владимира хлеб и воду, но «ярилин внук» не жаловался, помня о великом терпении Христа, и Ольга, подметив в нем эту раннюю черточку, приласкала внука, впервые за все время крепко обняв и прижав его к себе.

И Владимир был поражен величественным бабкиным спокойствием, особенно разительным на фоне всеобщей паники киевских горожан. Тогда Добрыня, восхищенно глядя на Ольгу, шепнул ему: «Вот так ведут себя правители!», как бы заставляя племянника учиться и этому нелегкому делу. Святослав находился в то время в Персяславце, небольшом городке на Дунае, который полюбился ему и где он задумал создать столицу

всего своего царства.

Стояло лето, и солнце палило нещадно, увеличивая страдания осажденных, и тогда на сходе решили киевляне, что если никому не удастся перебраться через Днепр и сообщить дружине о такой безысходности, то они откроют ворота и сдадутся на милость печенегам. Дружина на том берегу стояла небольшая, все видели ратники и сами, но не хватало у них решимости атаковать огромную рать печенегов столь небольшими силами. Бросили клич на сходе: кто отважится пробраться сквозь стоянки печенегов, переплыть Днепр и объявить о таком решении горожан?!

Молчал сход, понимая, что вряд ли кому удастся пройти густой слой осады, вмиг печенеги схватят, как вдруг раздался тонкий мальчишеский голос: «Я проберусь!» Владимир даже вздрогнул, узнав по голосу одного из своих дворовых приятелей, с кем недавно лишь подружился. Он единственный, кто, не владея мечом, смело бросался на княжича и заставлял его отступать, несмотря на то, что Владимира каждый день обучал владеть боевым оружием Добрыня. А уж дядя считался одним из лучших ратников в Новгороде. Хорошо, что мечи у пацанят были деревянные, и они возвращались домой лишь с царапинами и синяками. В тот вечер вернулся с синяками и Владимир, немало пропустил ударов от неистового Истра, так звали мальчишку. И вот теперь он отважился пробраться на тот берег.

Сход вздрогнул, услышав этот спасительный голос, и еле слышный ропот пробежал по толпе. Ольга пристально взглянула на Истра и, помолчав, сказала: «Иди!» Истр тотчас попросил у нее уздечку, и княгиня взглянула на Добрыню. Через минуту дядька принес уздечку. Несколько минут, пока Добрыня искал ее, Владимир стоял рядом с Истром и молчал. Ему очень хотелось спросить, что он задумал, но Владимир не отважился, ибо теперь не просто дворовый приятель стоял рядом, а настоящий герой, который вызвался спасти город, и сотни людей смотрят на него с надеждой и верой.

Ольга облизнула пересохшие губы, и слабая улыбка тронула ее лицо, когда она перехватила затаенный взгляд Владимира. Ярополк и Олег отказались идти на сход, заявив, что нечего им делать на солнцепеке.

Истр перехватил взгляд Владимира и улыбнулся ему своими узкими, точно у печенегов, глазами. Смуглый, босой, ловкий, весь он в эту секунду был как натянутая стрела. Схватив уздечку, еще раз взглянул на Ольгу и, получив ее одобрительный кивок, сорвался с места.

Еще через минуту дозорный доложил, что он миновал посты

печенегов и бросился в Днепр. Сход заволновался, все побежали к башням. По шуму в стане печенегов Владимир понял, что спохватились и они. Он хотел тоже броситься на башню, но перехватил спокойный и мудрый взгляд бабки, которая, стоя спиной к воротам, из которых выбежал Истр, казалось, все видела перед своим взором. Через несколько минут дозорный доложил, что Истра подобрали дружинники с того берега, выйдя навстречу к нему в ладье.

А на следующий день Владимир проснулся от шума: в город вступали дружинники. Печенеги, видимо, решив, что пришел сам Святослав, испугались наступления небольшого отряда и, сняв осаду, убрались восвояси. Истр вступал в город вместе с ними. Ольга приласкала его, спросила, что он хочет. Истр ответил: быть дружинником! Ольга улыбнулась и приказала зачислить его в гридь, чтобы потом, повзрослев, он смог перейти в боевой полк.

В те дни каждый мальчишка завидовал Истру. Даже Ярополк смотрел на него с завистью, не говоря уже об Олеге, который исходил желчью, видя самодовольное лицо Истра, но впрямую выступить против него боялся: все-таки тот был героем и спасителем Киева.

А еще через месяц пришел со своей ратью Святослав. Ольга тогда поругалась с сыном, запретив ему больше уезжать и покидать малолетних детей. В отместку ей Святослав решил дать каждому вотчину.

Ярополку он оставил Киев, Олега сделал наместником у древлян. Владимира пока оставил без удела, сославшись на слишком малый возраст, хотя Олег был старше его лишь на два года. Обида захлестнула Владимира, и кто знает, чем бы все кончилось — он даже собирался сбежать из Киева, — но пришли новгородцы просить и себе князя. Добрыня, видя такие страдания отрока, уговорил новгородцев, чтобы те просили Владимира. Святослав, желавший избавиться разом от детской обузы, тотчас согласился, чтобы новгородцы взяли к себе «ярилина внука». Так и свершилось: в 970 году пятилетний Владимир стал князем новгородским, великим князем. Добрыня с радостью отправился с племянником в родные места, надеясь послужить как будущему князю, так и родной стороне.

За год до этого события летом умерла мать-княгиня Ольга. Перед смертью она благословила всех внуков, тепло простившись и с Владимиром, шепнув ему: «Помни о Боге нашем, Иисусе Христе!» Теперь, уезжая в Новгород, с благодарностью вспоминал Ольгу сын Малуши. Многое отложилось в его памяти, передалась как бы по наследству ему ее сила.

Годы княжения в Новгороде воспитали из Владимира

хорошего воина. Новгородцы славились в те годы своей дружиной. Сильные, выносливые, закаленные в походах, они с успехом противостояли диким ятвягам и печенегам. Настал час Добрыми, который полностью взял в свои руки воспитание младого князя. Надеялся старый дядька сделать из племянника такого же яростного воина, как и его отец, Святослав, однако трудно давалась юному князю ратная наука. И не потому, что он был слаб телом или умом. Мышцы набухали быстро, да сметка была хорошая у княжича, но не радовалась его душа походам, равнодушен Владимир был к ратным дракам, хоть и сражался отменно, никто худого сказать о нем не мог. Просто чувствовали все: что-то лежит на душе у княжича, подчас лицо вдруг подернет печальное облако и трудно бывает разогнать его, хоть в дружине есть такие шутники, все пупки надорвут от смеха, а ему хоть бы что, сидит да тихо улыбается себе.

Добрыня уж Малушу вызвал в Новгород, чтоб была мать рядом с сыном, может быть, это его беспокоит. Но Владимир хоть и обрадовался матери поначалу, но потом словно и забыл и о ней, давно перерезали материнскую пуповину, отбили память о ней.

Чтобы отвлечь княжича, Добрыня предпринимал длительные походы за море, где жили варяги, и новгородцы подолгу гостили у них, совершая вместе с ними дерзкие рейды к свеям, то бишь шведам, поморам и другим народам. Как добрый лекарь, Добрыня лечил неведомую ему душевную болезнь племянника туманными утрами в тихих протоках, дикими болотами и холодной северной зорькой. И постепенно рубцевались детские раны, опадала кожа бастарда, дикого утенка, каким он был средь Ярополка и Олега, и вырастал крепкий и отважный воин. И, видя, как меняется на глазах княжич, светлело и лицо Добры ни.

Но память, что родничок в густой траве, «слышно», как журчит. Страх перед вероломством братьев, которые хуже злыдней терзали Владимира в детстве, исчезнуть не мог. И Святослав, рассекший Русь на три части, лишь подбавил каждому этого страха, ибо ведомо было княжичам, что не усидеть им, как тараканам, каждому в своем уделе, ибо не приемлет народ такого разделения. Русь должна быть едина! Об этом судачили посадники и вольные граждане на сходах, возмущались купцы, ибо на границах уделов дружинники каждого из князей требовали свою пошлину за ввоз, а у непокорных и вовсе отбирали весь товар. Особенно зверствовал в этом отношении Олег, перегородивший все дороги и дравший три шкуры с проезжающих.

Все точно выжидали, чувствуя, сколь шатко мирное равновесие между братьями, надеясь, что случай сам все

разрешит. И гроза не преминула грянуть.

Весной 975 года сын главного воеводы Святослава Свенельда Лют поехал поохотиться с друзьями. Свенельд, служивший еще Ольге, а потом ее сыну, перешедший на службу внуку Ольгиному Ярополку, был уже стар, хоть и являлся главным советником Ярополка по всем военным вопросам. Лют принес в 972 году весть о смерти Святослава в Киев, потом стал воеводой у Ярополка.

Увлекшись гоном зверя, красавца оленя, Лют и не заметил, как очутился в древлянских лесах. И надо же было случиться такому совпадению, что именно в это время там охотился наместник древлян, Олег. Узнав, что в его лесу воевода Ярополка, Олег, раздосадованный неудачной охотой, в ярости приказал убить Люта. Когда молодого воеводу привезли во двор к отцу, старый Свенельд от горя чуть не лишился рассудка, так любил он своего единственного сына, удалого воина и богатыря. Отныне не стало покоя Свенельду, настоял он на том, чтобы Ярополк собрал полки и выступил против брата.

В планы Ярополка не входили кровавая месть и убийство. Он лишь хотел, чтобы Олег по справедливости принес выкуп за убитого им воина и извинился перед отцом, такое наказание определил он Олегу, и все бы кончилось миром, прими тот эти условия старшего брата. Но Олег даже не захотел вести переговоры по этому ничтожному поводу. Тогда взъярился Ярополк и выступил с дружиной против брата.

Началась война. Перевес был на стороне Ярополка. Дрогнула дружина Олегова, побежала в город, прозванный Овруч. Перекинули мост охранники Овруча, и ратники, наступая друг на друга, спешили укрыться за мощными крепостными стенами. Немало пеших и всадников попадали с перекидного моста вниз, в обрыв, в этой давке — падали с конями, телегами. Смерть не разбирала, кто простой ратник, а кто воевода. Выдавили с шаткого моста обезумевшие ратники и своего князя, Олега. Полетел он вниз головой и был раздавлен конем насмерть.

Лишь на второй день нашел его мертвое тело Ярополк. Принесли Олега в княжеский терем, положили на ковер, и навзрыд зарыдал Ярополк, увидев обезображенное лицо брата.

— Смотри, ты этого и хотел! — не сдержав боли, воскликнул Ярополк Свенельду.

Этого ли хотел старый воевода?! Да и можно ли одну боль вытеснить другой?!

Поползли и страшные слухи о братоубийстве, ибо взял Ярополк древлянскую землю Олега под себя, под свою руку и стал править, где уж тут разбираться, из-за чего война началась. Случилось сие в 977 году, Владимиру исполнилось уж двенадцать

лет, пушок на верхней губе пробивался. Лишь взгляд исподлобья был хмур и затаен, пуглив и яростен одновременно.

Весть, пришедшая из Киева, застала Владимира врасплох. Не ожидал княжич, что Ярополк руку на брата единоутробного поднимет, не ждал такого он от Ярополка. На Олега помыслить такое мог, а на Ярополка…

Встревожился и Добрыня. Стал ворчать, досаждать Владимиру страхами, пугать его Ярополком. Раз уж на единоутробного поднял, то теперь очередь за Владимиром, не потерпит его, снова державу под своей рукой закрепить хочет. День ворчал Добрыня, другой, на третий сдался Владимир. «Чего хочешь?!» спросил он.

Словно только этого вопроса и ждал Добрыня, сразу же свой план изложил: к варягам податься, хорошее войско набрать да вернуться на родную землю и свои условия ставить Ярополку. Чтоб уж махом единым договориться и жить спокойно.

Сказано — сделано. Больше всего в рассуждениях Добрыни Владимиру понравилось то, что не на войну войско собирать они отправились, а просто, чтоб и свою мощь выказать, да наперед урезонить не в меру кровожадного братца.

Не успели и десять верст Добрыня с Владимиром отмахать, как Ярополку уже донесли, куда и зачем отправился его братец вместе с дядькой. Ярополк разгневался и тотчас взял Новгород под свою руку, посадив туда наместником своего человека. А уж Владимиру другие искривленные вести доставили: вот, мол, как твой братец тебя любит да чтит, живо вотчину твою к рукам прибрал.

Надо сказать, что в то время грамоты да указы писались по особо торжественным поводам. Больше в договорах своих князья полагались на слово и верили, коли сказано оно было, что так все и исполнится. Но была у этой хорошей традиции и своя оборотная сторона: немало отношений и чистых помыслов было испоганено дурными слухами и сплетнями. Легковерен был да и сейчас остается таким же, русский человек. И уж коли распалит его обида, все нутро изъест, то, что потом ни говори, все без толку. Такой вот упрямый характер был у наших предков.

И надо думать, какая обида жгла отроческое сердце Владимира у варягов! Не терпелось дикому утенку лебедем взмыть над родной стороной да отомстить брату-обидчику. Постоянно он торопил Добрыню собираться назад, но не спешил старый воевода, понимал, что непросто будет одолеть Ярополка, поэтому хотел основательно подготовиться к будущей битве.

Два года провел Владимир за морем. Хорошей военной выучкой стали для юного княжича товарищеские поединки с

варягами, которые с юных лет исповедовали один культ — культ меча, сражения и личной отваги. Многому научился князь за это время. Вытянулся, повзрослел, и трудно было узнать в крепком воине пятнадцатилетнего отрока. Настала пора и возвращения. В знак благодарности к юному полководцу отправили варяги с ним крепкую дружину ему в помощь. С шумом вошли в Новгород ратники, предводительствуемые Владимиром. Привели на его суд наместников Ярополковых. И сказал им Владимир: «Идите к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя, готовься с ним биться».

Почти в тот же день по наущению Добрыни князь новгородский, заслав сватов в Полоцк, к полоцкому князю Рогволоду, попросил руки его дочери Рогнеды. Еще от варягов слышал Владимир о красоте полоцкой княжны, кроме того, земли Рогволода лежали как раз меж Новгородом и Киевом. И, прежде чем идти войной на Ярополка, хотел Владимир заполучить в союзники князя. Однако свадебное посольство Владимира опоздало, чуть раньше просил ее руки Ярополк, и согласилась Рогнеда выйти замуж за киевского князя. Чтобы стоило княжне этой причиной и ограничиться, однако, услышав о сватовстве Владимира и хорошо зная, от кого он рожден, позволила себе заметить полоцкая княжна: ниже ее достоинства будет разувать сына рабыни. Ибо существовал такой обычай в свадебном обряде: невеста в знак покорности мужу снимала с мужа сапоги, разувала его. И князю полоцкому надобно было воздержаться от передачи этой язвительной реплики новгородским дружкам Владимира, ибо стоила она потом жизни ему.

Но оскорбление было нанесено и притом — публично, а такое не прощалось на Руси. И вместо войны с Ярополком разъяренный Владимир, как раненный лев в сердце, устремился к полоцким границам. У Рогволода была сильная дружина, но не стоит забывать, что Владимир привел с собой две тысячи ратников-варягов во главе с отважным и яростным полководцем Фулиером. Кроме этого, в поход вышла новгородская дружина, предчувствуя победный исход, а значит, надеясь и на богатые трофеи, да в помощь ей собрал Добрыня ополчение из чуди, северного народа, хоть и дикого, но чрезвычайно выносливого и неутомимого в битвах. Получилась целая армия, которая в один из летних дней снялась с места и в кратчайший срок, на больших, быстроходных ладьях достигла Полоцка и буквально в два дня, сломив упорство защитников, ворвалась в город, предав его разору и разграблению.

Вся дружина полоцкая была уничтожена. На глазах отца и братьев Владимир совершил насилие над Рогнедой, как бы

доказывая этим, что она отныне становилась его собственностью. При этом ритуальном акте присутствовал весь княжеский двор, глядя на это насилие, которое означало отныне, что двор не в силах защитить своих дочерей, и эта неспособность олицетворяла кончину княжеского рода Рогволода.

Надо сказать, что подобные ритуалы отличались жестокостью. К примеру, мужчин убивали ударом двух мечей: «под пазухи» и поднятием тела на мечах в воздух с посвящением его Богам, причем жрецы держали руки жертвы разведенными в стороны. Ритуальное изнасилование женщин совершали раньше также жрецы, но позже подобные акты мести стали обязанностью светских лиц, занимавшихся прилюдным плотским насилием. Безусловно, нельзя без внутреннего содрогания вспоминать об этих варварских языческих ритуалах, которые в то время даже не казались жестокими, ибо сама человеческая жизнь не была такой ценностью, какой она стала в наше время.

Итак, Владимир, совершив сей ритуал, победно оглядел княжеский род Рогволода, а двор огласился радостными воплями новгородцев, приветствовавших своего князя-победителя. Добрыня громогласно назвал Рогнеду «дочерью раба», и после этого Рогволод и его два сына были подняты на мечах в воздух. Старинного рода больше не существовало. Владимиру в это время было лишь пятнадцать лет.

К тому времени Добрыня всячески старался изжить в юном князе комплекс «дикого утенка», ту самую ущербность, которая возникла в результате еще детских потрясений, понимания неравноправности своей меж братьями. Добрыня натаскивал княжича, как волчонка, страшась того, что из княжича не получится добрый воин. Но Владимир быстро распознал вкус насилия, и эта новая страсть расцвела пышным цветом в неокрепшей душе. Особенно нравилось Владимиру проявлять свою власть над пленницами, которых он десятками брал в плен в походах, устроив еще в Новгороде целый гарем из них. Добрыня воспротивился было тому, что княжич столь много часов уделяет наложницам, вместо того чтобы совершенствоваться в ратном деле, но Владимир быстро пресек это недовольство. В отроке уже созревал мужчина, и новая энергия требовала выхода.

И в тот день в Полоцке публичное насилие над Рогнедой закончилось тем, что она забеременела и впоследствии родится первый сын Владимира Изяслав, а Рогнеда станет первой и главной женой князя, родив ему четырех сыновей и двух дочерей. Более того, она полюбит и привяжется к новому мужу и господину, простив ему не только горечь женского позора, но и убийство всех своих близких, понимая, что все происшедшее —

вещи вполне обычные для данного времени. И гордый нрав взбунтует лишь тогда, когда Владимир, решив принять христианство, задумает взять в жены византийскую принцессу Анну, упрочив тем самым свой союз с Империей. Вот тут-то гордая Рогнеда (в замужестве Гориславa, намек на участь ее рода) не захочет терпеть подобный позор (ибо быть брошенной — вот настоящее несчастье!) и сделает попытку убить мужа. Произойдет это через десять лет, столько лет уже было первенцу Изяславу, Рогнеда занесет уже нож над спящим мужем, но он проснется и выбьет его из рук жены.

Разгневанный Владимир схватит меч, решив убить свою жену, уже занесет его над лежащей в постели Рогнедой, но в последнюю минуту отца остановит Изяслав. Владимир обернется на возглас сына и увидит в руках десятилетнего сына его меч, направленный на отца, увидит яростный огонь во взгляде отрока и не на шутку испугается. На следующий день Владимир отдаст Рогнеде Полоцк, и она уедет туда править с сыновьями. Так закончатся их отношения, начавшись во дворе княжеских хором Рогволода в Полоцке. В истории этих отношений есть еще одна деталь, которую нам хочется подчеркнуть: отец фактически — как это было и со Святославом — не занимается воспитанием детей, они на попечении матери и дядьки, который назначается к ним с рождения (любопытно, что и в животном мире почти те же разграничения функций между отцом и матерью). И лишь когда сын вырастает, когда он обучен ратному делу, он начинает воевать вместе с отцом, сам становится князем, получая в удел город, княжество.

…Итак, завоевав Полоцк, включив в состав своего войска и кривичей, признавших законность его власти, Владимир со всей ратью двинулся на Киев, на Ярополка.

Надо сказать, что последний не на шутку обеспокоился: киевляне его были ненадежны. Крепкая и храбрая дружина Святослава пала еще в походе, а дружина Ольги, которая досталась в наследство Ярополку, наполовину состояла из христиан, наполовину из язычников. Сам Ярополк одной частью души исповедовал христианство, которое заронила в его детскую душу бабка, а другой, исходя из политических соображений, — язычество, ибо население Киева составляло как бы две части: христиан — это дружина (ее большая часть) и двор княжеский и посад, который был сплошь языческий.

Ярополк приближает к себе воеводу Блуда, язычника, возглавлявшего городское ополчение, всячески обласкивает, понимая, что без его помощи отразить натиск новгородцев ему будет не по силам. Понимал это и Добрыня, советуя племяннику

переманить воеводу на свою сторону, что Владимир и пытается сделать, воздействуя больше на языческие чувства Блуда и отговаривая его от христианина Ярополка. И здесь главную роль сыграли события в Полоцке, где Владимир поступил по всем правилам языческих обрядов, доказав тем самым свою приверженность

Перуну и другим славянским Богам. Блуд поверил ласковым словам Владимира больше, нежели увещеваниям Ярополка, в котором Блуд поневоле видел противника язычества, понимая, что если победит Ярополк, то он рано или поздно разрушит языческую веру и обратит всех в христианство. Это обстоятельство возымело больше сил на Блуда, и он начал активно действовать против Ярополка, в результате чего, когда Владимир подошел к Киеву, Ярополк, не найдя поддержки в посаде, со своей дружиной заперся в крепости на Старокиевской горе. Но Блуд сумел внушить Ярополку недоверие к собственной дружине, хотя она готова была умереть за князя и бежать в пограничный городок на реке Роси Родню.

Ярополк бежал, а Владимир спокойно вошел в Киев, повторив и здесь полоцкий ритуал, на этот раз с беременной женой Ярополка, гречанкой. После чего стала она его второй женой, родив ему Святополка.

Второй частью этого обряда является убийство мужчин, и Владимир осадил Родню, в которой вместе с Ярополком сидел и предатель Блуд. Был жестокий голод в крепости, и Блуд стал уговаривать Ярополка сдаться на милость брату, снова тот послушался его и, как ни отговаривали дружинники, отправился на переговоры.

Но едва он вошел в двери дома, где ждал его Владимир, два варяга подняли Ярополка на мечи. Так свершилась вторая часть жестокого обряда, который привел Владимира к долгожданному триумфу — он стал великим князем и единственным властителем на Руси.

На холме за теремным двором он воздвиг огромные статуи языческим Богам — Перуну, Хорсу, Даждьбогу, Стрибогу, Самараглу и Мокоше. И стали этим деревянным идолам приносить жертвы, родители приводили сыновей и дочерей, оскверняя землю кровавыми жертвоприношениями. Дядю своего, Добрыню, Владимир посадил наместником в Новгороде, и тот там уже над рекой Волхов поставил статуи славянских Богов, и стали им поклоняться новгородцы и приносить жертвы. Так возвысилось язычество с воцарением Владимира, и стал он первым общерусским князем огромной державы, простирающейся от Перемышля до Волги, от Новгорода и Полоцка до Тмутаракани. И

было в первый год воцарения Владимиру 15 лет, хотя внешне он выглядел отнюдь не мальчиком, а настоящим мужчиной. Войны, набеги, ратная выучка, охота — все это быстро делало подростков мужчинами, и пятнадцать лет того времени равнялось двадцати в веке нынешнем.

Надо сказать, что и умирали тогда мужчины значительно раньше. Святослав прожил тридцать лет. Правда, умер он не своей смертью. Владимир дожил до пятидесяти лет. Но и его смерть таит, на наш взгляд, загадку, ибо был он крепок и силен еще в этом возрасте и скорая его смерть была на руку Святополку, замыслившему захватить киевский стол. Он вполне мог убить отца, ибо не имел в душе никакого Бога.

В десять лет княжич уже не только держал в руке меч, но и умел им неплохо владеть. Вспомним, как в десять лет Изяслав, защищая мать, направил меч против отца. Владимир в эти годы, будучи за морем, у варягов, принимал участие в походах викингов против соседних племен. Кстати, когда Владимир расправился с Ярополком, то он решил отпустить варягов, они больше были ему не нужны. Варяги потребовали денежный выкуп, но в деньгах Владимир им отказал, и тогда варяги, понимая, что силой с Владимиром ничего не сделаешь, попросили отпустить их в Греческую землю. Владимир оставил себе лишь десятка два наиболее сильных и умных варягов, кто сумел по достоинству проявить себя за это время, раздал им города в управление, а остальных отпустил с миром. Варяги отправились в Царьград, но Владимир, прежде чем отпустить воинов, послал в Византию посла, дабы предупредить о приходе варягов императора, чтобы он не держал их в столице, а разослал по разным городам. Такой вот, уже совсем не юношеский ум имел в пятнадцать лет Владимир.

Начиная со следующего года после воцарения Владимир ведет бесконечную череду войн, итогом которых стало появление крупнейшего государства Европы Киевской Руси. Уроки Добрыни не прошли даром: вся Западная Европа до Одера и Немана оказалась во власти Владимира. Он отвоевывает поволжскую Булгарию и Хазарию, которую в свое время Святослав лишь оттеснил к Каспийскому побережью.

Победы побуждают Владимира приносить в жертву Богам молодых юношей, причем христиан. В Киеве вспыхивают распри между христианами и язычниками. Владимир внимательно наблюдает за ними и всерьез задумывается, ибо за языческих Богов выступает в основном голытьба, а за христианскую веру почтенные и зажиточные мужи Киева. Кроме того, рядом богатая и крепкая Византия, которая невольно оказывает свое влияние на

это расслоение посада, ибо византийские купцы в первую очередь поддерживают своих единомышленников. Да и в душе самого Владимира не меньшая сумятица, он хорошо помнит разговоры и рассказы Ольги о Христе, они когда-то оказали немалое влияние на развитие княжича.

В 986 году в Киеве прошли религиозные диспуты, когда представители мусульман, иудеев и христиан (как католиков, так и православных) пытались каждый обратить Владимира в свою веру, ибо он хотел всерьез разобраться, какое преимущество имеет та или иная религия. Диспуты подтвердили правильность выбора Владимира — православной веры.

В следующем году — 987 — византийский император попросил у Владимира помощи в подавлении восстания малоазиатского наместника Варды Фоки. Владимир взамен потребовал руки сестры императора Анны. И хоть Владимир был еще язычником и между ними не могло возникнуть брачного договора, император все же дал свое согласие выдать Анну за киевского князя.

В 988 году шеститысячный отряд славян прибыл в Византию и помог разгромить восстание, руководимое Фокой. Владимир резонно ожидал, что император выполнит свое обещание и пришлет в Киев свою сестру. Но этого не произошло. В Византии хорошо понимали и другое, если далее не предпринять никаких шагов, то вся мощь языческого Киева обрушится на Византию, и кто знает: устоит ли она против варваров? Поэтому византийский император предпринял хитроумную комбинацию. Он направил в Киев свое посольство, в которое входил и корсуньский епископ Анастас (Корсунь, она же Херсонес важная колония Империи на берегу Черного моря).

Он специально остался в Киеве якобы для подготовки брачной церемонии. На самом же деле цель его была другая. Он вошел в доверие к Владимиру и раскрыл ему план тайных служб Империи: даже если киевский князь примет византийскую веру, то по обычаям он все равно не может претендовать на столь высокопоставленную жену, ибо все народы, живущие вокруг Византии, — суть ее данники. И даже ради своего друга Владимира император не может нарушить устоявшиеся правила. Иное дело, если согласие на брак у него будет вырвано силой. Ну, к примеру, если Владимир осадит и возьмет Корсунь, то в обмен на сей стратегический форпост Империи император вынужден будет согласиться отдать сестру за киевского князя, ибо через Корсунь в Константинополь идет хлеб.

Владимир согласился на сей хитроумный маневр. Однако Корсунь оказалась довольно крепким орешком, и с первого

приступа киевский князь взять ее не смог. Анастас к тому времени был вынужден вернуться в осажденный город и как бы разделить его участь. Но, пользуясь авторитетом среди граждан, он узнает местонахождение городского водопровода и сообщает о нем Владимиру. Последний перекрывает доступ воды в город и принуждает корсуньцев к сдаче, что они, лишившись воды, и сделали.

Тем временем киевский князь принимает крещение, соглашаясь так же крестить в скором времени и всю Русь. Анна выезжает навстречу супругу. Анастас становится личным духовником Владимира, и по его совету князь спешно заканчивает с привольным житьем вождя-язычника.

Прежде всего он вынужден был распустить свое главное владение, которым гордился, — гарем, насчитывавший более восьмисот чаровниц, отменных красавиц, собранных со всех земель. Помимо личной прихоти-утехи, гарем выполнял и государственные функции. Ибо, завоевывая новые земли, новые племена, князь принимал их под свою руку. И символом такого принятия, будущей покорности племен князю-победителю становились дочери вождей племен, которые автоматически становились женами великого князя киевского, пополняя тем самым его гарем. Именно таким способом Владимир скреплял родство с новыми вождями племен, приобретая и новые земли.

Теперь этой традиции пришел конец. Отныне у Владимира должна была быть одна жена, Анна, и один Бог — Христос, который в скором времени должен стать Богом и для всех россиян.

Владимир по совету Анастаса сначала крестит в Киеве своих детей, потом ближайших помощников, за кого он отдал своих гаремных жен, затем дружину, и только после этого он приступил к массовому крещению киевлян.

Крещение это сопровождалось низвержением старых Богов. Народ плакал, видя, как рушатся многометровые идолы, в которых они еще недавно слепо верили и которым поклонялись.

В Новгороде для крещения пришлось применить силу и устроить настоящее кровавое побоище, такое злое сопротивление оказали вольные новгородцы крестителям.

Владимир стал строить по городам церкви, приглашать на Русь священников, набирать детей в церковные школы, властной рукой укрощать бунтовщиков, часть из которых бежала на север, в лесное междуречье (между верхней Волгой и Окой).

Вводя новую веру, Владимир продолжает и военные походы: усмиряет вятичей, обороняет южные границы от степняков, строя повсюду города и крепости, устраивая засеки и валы.

Он деятелен и силен, ему трудно сопротивляться, его напор решителен и скор, словно новая вера прибавила ему немало энергии.

У Владимира было двенадцать сыновей, всех их он рассадил по разным городам и землям, сам построил немало городов, побил и победил немало народов, дома сидеть не любил, годы и время коротал в походах. Анна, жена его последняя, оторванная от родного дома, вынужденная большей частью пребывать в Киеве одна, скончалась от печали и одиночества в 1011 году.

Неутомимый и ненасытный в женской любви, Владимир тотчас женился на немецкой графине, католичке, внучке германского императора Оттона I. Не все сыновья приняли этот брак, а Ярослав, младший сын Рогнеды, в гневе даже отказался платить отцу и Киеву дань — две тысячи гривен в год. Вскипел Владимир, приказал «расчищать дороги и мостить мосты», дабы идти войной на непокорного сына, но разболелся, да тут еще объявились половцы, на которых он послал находившегося у него в гостях сына Бориса, а сам остался вместе со Святополком. Летописцы пишут, что якобы сильно разболелся Владимир и умер 15 июля 1015 года.

Не верится, что умер он от болезни, ибо многое потом дает повод думать иначе и подозревать в его неожиданной смерти Святополка. Ибо утаил Святополк ото всех смерть Владимира, вывез отца из Берестова, небольшого сельца, что под Киевом, где скончался великий князь киевский, тайно завернув в ковер, также тайно отвез в церковь святой Богородицы в Киеве. Для чего-то все это нужно было Святополку, который потом стал убивать своих братьев, дабы завладеть престолом. И еще одно: не любил его Владимир, и Святополк ненавидел отца, так что трудно верится в то, что умер Владимир своей смертью.

…Непросто складывалась его судьба, не всегда гладко и приятно, немало ошибок он совершил в юности, но то были ошибки, свойственные всему времени язычества. Владимир же велик тем, что средь невзгод и терний сумел найти широкую дорогу, обрести великую религию, освятить ею Русь и придать ее разбегу новый священный смысл.

Николай Шахмагонов
Князь Потемкин Таврический

Когда б он не был Ахиллесом…

«Российское солнце погасло, — написал по поводу смерти императрицы Екатерины II Александр Семенович Шишков и прибавил: — Наступил краткий, но незабвенный по жестокости период четырехлетнего царствования Павла!».

Погасло солнце для русских людей, наступил трагический период для тех, кто возвышал славу России, кто побеждал под знаменами величайших полководцев «золотого екатерининского века» Потемкина, Румянцева и Суворова. Эти люди, воспитанные на идеалах чести, мужества и благородства, не поступались своими принципами, за что несли жестокие наказания. Известна судьба Суворова, сосланного Павлом I в далекое имение, известны судьбы многих офицеров и генералов русской армии, русской военной школы, рожденной Румянцевым, выпестованной Потемкиным и развитой Суворовым. Только смерть помешала Румянцеву испытать травлю, подобную той, что испытал Суворов. Правда, Павел I пощадил славу Петра Александровича. Славы же и доброй памяти Григория Александровича Потемкина он не пощадил…

Однажды император заговорил о ненавистном ему Потемкине с бывшим правителем канцелярии князя Василием Степановичем Поповым. При упоминании о Григории Александровиче Павел всегда выходил из себя, не мог сдержать эмоций и в тот раз. Ненависть закипела в нем, и он трижды, доводя себя до истерики, повторил одну и ту же фразу:

— Как поправить зло, которое причинил Потемкин России?

Попов был вынужден дать ответ, но кривить душой не хотел, слишком много значил для него человек, с которым довелось работать не один год и истинную цену которому он знал. Потому ответил дерзко, но с достоинством:

— Отдать туркам южный берег!

Он имел в виду Северное Причерноморье и всю Новороссию, Тамань и Крым.

Павел задохнулся от злобы и побежал за шпагой. Василий Степанович покинул зал и поспешил удалиться из дворца. На следующий день он был отстранен от должности, лишен всех чинов и сослан в свое имение Решетиловку.

Но и после того случая память о величайшем государственном деятеле России не давала покоя Павлу. Узнав о том, что прах Григория Александровича покоится в склепе херсонского храма, император повелел, чтобы «все тело без дальнейшей огласки в самом том же гробу погребено было в особо вырытую яму, а погреб засыпан землею и изглажен так, как бы его никогда не бывало».

Уничтожена была и изготовленная по распоряжению Екатерины II грамота с перечислением заслуг Потемкина, ликвидирован и великолепный памятник, воздвигнутый в Херсоне.

Начался период злобного охаивания памяти величайшего государственного и военного деятеля, полководца, политика, дипломата, администратора и строителя, реорганизатора и преобразователя армии, создателя Черноморского флота, основателя Херсона, Севастополя, Николаева и многих других замечательных городов. Семена сплетен и клеветнических наветов в период царствования Павла I ложились в хорошо удобренную почву. Эти семена дали такие богатые всходы, что потребовались десятилетия на то, чтобы сквозь весь этот буйный сорняк пробились ростки правды.

А между тем люди, которые изучали отечественную историю не по сплетням и зарубежным дилетантским и хулительным изданиям, оспаривали свой взгляд на Потемкина уже в первой четверти XIX века. Так, известный русский государственный деятель Михаил Михайлович Сперанский, вошедший в историю как составитель 45-томного Полного собрания законов Российской империи и 15-томного Свода законов Российской империи, однажды сказал:

— За все восемнадцатое столетие в России было четыре гения: Меншиков, Потемкин, Суворов и Безбородко…

Заметим, что трое из названных были современниками и сподвижниками императрицы Екатерины П. Период ее правления, справедливо названный «золотым екатерининским веком», был на редкость богат талантливыми военными и государственными деятелями, учеными и дипломатами. И это неудивительно. Известный историк Модест Иванович Богданович в труде «Русская армия в век Екатерины II» писал:

> «28 мая 1762 года вступила на престол императрица Екатерина Великая с твердою уверенностью в нравственные, умственные и материальные силы России и русской армии. Эта вера была основана не только на ясном понимании дел в половине XVIII столетия, но и на

изучении истории русского народа, с которым Екатерина II, еще будучи великою княгинею, успела вполне сродниться и полюбить все русское…»

Опора на людей высоких достоинств, прежде всего на русских, была одним из главных направлений ее деятельности, и не случайно прусский посланник в России Сольмс с тревогой доносил Фридриху II: «Все войны Екатерины II ведутся русским умом». Это означало, что прошли времена, когда русские армии возглавляли иноземные наемники, о которых очень метко отозвался несколько позже, когда такие времена воротились, Багратион: «Они всегда многим служат».

Русским умом в период правления Екатерины II велись не только войны, русским умом осуществлялся подъем всего государства Российского, изрядно расшатанного в годы царствования ближайших преемников Петра I, как правило, опиравшихся на иноземцев. Благодаря привлечению к разносторонней деятельности широких народных масс из российских глубинок, началось возрождение национальных — живописи, скульптуры, архитектуры, поднялась на новую ступень техническая мысль.

Императрица не уставала повторять:

— Крупные и решительные успехи достигаются только дружными усилиями всех… а кто умнее, тому и книги в руки.

Потемкину как раз и были «книги в руки», ибо происходил он именно из российской глубинки, из села Чижово Духовщинского уезда Смоленской губернии.

Род Потемкиных, в прошлом, когда русские умы владели Русью, был знаменит, но утратил былую значимость в начале XVIII века, когда все перемешалось в поднятой на дыбы Петром I России, когда хлынул в нее «на ловлю счастья и чинов» потоп иноземцев, которые, по образному выражению В. О. Ключевского, «посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забрались во все доходные места в правлении». Заметим: «во все доходные места» — ехали не работать, зарабатывать, не пользу приносить, как это всегда выдается, а карманы набивать, как является на самом деле.

Об одном из предков Потемкина, истинном русиче, в статье, посвященной Григорию Александровичу и помещенной в «Сборнике биографий кавалергардов», изданном в Петербурге в 1904 году, сообщается, что «более других известен стольник, позднее думный дворянин и окольничий Петр Иванович, ездивший в 1668–1681 годах русским послом в Мадрид, Париж, Лондон и Копенгаген.

Он оставил о себе память в Западней Европе своею упрямою настойчивостью в „почитании“ царского величества: он заставил французского короля Людовика XIV снимать шляпу при всяком упоминании царского титула; на аудиенции у датского короля Потемкин не согласился ни стоять, ни сидеть перед больным королем, лежавшим на диване, и ему был принесен особый диван, лежа на котором он вел переговоры с королем. Англичане высоко ценили деловитость Петра Ивановича, подписавшего русско-английский торговый договор, и во время его пребывания в Лондоне был написан портрет русского посла, долго находившийся в Виндзорском дворце…»

Во время посольства в Испанию подручным у Петра Ивановича Потемкина был дьяк Семен Румянцев, предок великого русского полководца Петра Александровича Румянцева. Впрочем, Петр Иванович отличился не только на дипломатическом поприще — был он и неплохим полководцем, одержал несколько побед над поляками.

Отец Григория Александровича не достиг высоких чинов, хотя участвовал в целом ряде войн и кампаний, имел немало ранений и вышел в отставку майором. По рассказам современников, Александр Васильевич Потемкин был человеком гордым, твердым и смелым. Когда появилась возможность уйти в отставку по болезни, он не пожелал заискивать перед чиновником, которого знал по прежней службе далеко не с лучшей стороны. Чиновник этот, бывший унтер-офицер его роты, заседал в Военной коллегии, и от него зависела судьба Александра Васильевича. Узнав мошенника и шалопая, Потемкин воскликнул:

— Как? И он будет меня свидетельствовать! Я этого не перенесу и останусь в службе, как ни тяжки мои раны!

После этого он прослужил еще два года.

Мать Григория Александровича Дарья Васильевна происходила из скромного дворянского рода Скуратовых, была хорошо воспитана, умна, необыкновенно красива — именно ее красоту унаследовал Потемкин — и после возвышения сына стала статс-дамой при дворе.

Родился Григорий Александрович Потемкин 13 сентября 1739 года. Здесь и далее даты даются по старому стилю. Отец, поклонник всего русского, отдал его на учебу сельскому дьячку Семену Карцеву. Там и получил первоначальное свое образование будущий генерал-фельдмаршал. Отец не следовал глупой моде и не стал приглашать для сына французских учителей, что спасло Григория, как метко заметил один из его биографов, от «наполнения головы сведениями в духе наносной

просветительской философии», спасло от общения с неучами, невеждами и бандитами, коими в то время «славилась» иноземная публика, подгрызавшая и подтачивавшая еще в недалеком допетровском прошлом здоровый организм России. В книге Ар. Н. Фатеева «Потемкин-Таврический», изданной в 1945 году Русским научно-исследовательским объединением в Праге, приводится такой примечательный факт: «Французский посланник при Елизавете Лопиталь и кавалер его посольства Мессельер, оставивший записки, были поражены французами, встреченными в России в роли воспитателей юношества. Это были большей частью люди, хорошо известные парижской полиции. Зараза для Севера, как они выражаются. Беглецы, банкроты, развратники. Этими соотечественниками члены посольства так были удивлены и огорчены, что посол предупредил о том русскую полицию и предложил, по расследовании, выслать их морем».

Не попал на обучение к подобным жуликам Потемкин и позже, когда его отвезли в Москву на воспитание к двоюродному брату отца Григорию Матвеевичу Кисловскому, бывшему президентом Камер-коллегии. Туда же после смерти мужа перебралась и Дарья Васильевна с дочерьми.

Сначала Григория вместе с сыном Кисловского Сергеем учили приходящие учителя, но не из числа беглых французов, а природные русские. Правда позднее пришлось все-таки выбирать учебное заведение из числа открытых иноземцами. Но и в этом случае Кисловский выбрал пансион, директором которого состоял некий Литке, отличавшийся религиозностью и честностью. Впрочем, семья дяди, по отзывам современников, была столь далека от иноземного влияния и почитания иностранщины, что тот нисколько не опасался так называемой денационализации детей.

После окончания пансиона Григорий стал воспитанником Московского университета. На решение поступить в это гражданское учебное заведение повлияла обстановка, которая царила в семье дяди. Там редко бывали военные, значительно чаще Григорий видел представителей духовенства, с многими из которых близко сошелся. Впрочем, по положению, существующему тогда, выпускники университета имели право на первичный обер-офицерский чин, что же касается службы, в которую, по обычаям того времени, Потемкин был своевременно записан, то воспитанникам предоставлялась отсрочка на время учебы.

Учился Потемкин превосходно и в 1756 году был удостоен золотой медали, а в 1757-м избран в число двенадцати

достойнейших воспитанников, приглашенных в Петербург графом И. И. Шуваловым для представления императрице Елизавете Петровне. На Потемкина обратила внимание императрица, Шувалов же, пораженный его знанием греческого языка и вопросов богословия, произвел из рейтаров лейб-гвардии Конного полка в капралы — случай беспрецедентный в истории кавалергардов.

В годы учебы в Московском университете Потемкин пристрастился к чтению. Он проглатывал одну книгу за другой. Летом, приезжая к родственникам в деревню, забирался в библиотеку и, случалось, засыпал с книгой в руках на стоящем там бильярдном столе.

Однажды его товарищ, Матвей Афонин, впоследствии профессор Московского университета, купил специально для Потемкина «Натуральную философию» Бюффона, только что изданную в России. Потемкин вернул книгу на следующий день. Афонин обиделся и упрекнул товарища в том, что тот и не открывал книги. Потемкин тут же убедил его в обратном — содержание ее он знал прекрасно. В другой раз Ермил Костров, тоже однокашник по университету, дал Григорию, по его же просьбе, с десяток книг, которые тот возвратил через несколько дней.

Костров с насмешкой сказал:

— Да ты, брат, видно, только пошевелил страницы в моих книгах. На почтовых хорошо летать в дороге, а книги — не почтовая езда…

— Я прочитал твои книги от доски до доски, — возразил Потемкин и предложил: — Коли не веришь, изволь, экзаменуй!

Костров был поражен тем, что Потемкин в совершенстве знал содержание его книг. Ермил Иванович Костров стал впоследствии бакалавром и известен рядом стихотворений, а также переводом шести песен «Илиады» Гомера на русский язык.

Любовь к чтению подчас отвлекала от занятий. После успеха в Петербурге Потемкин вдруг охладел к наукам и в 1760 году был отчислен из университета «за леность и нехождение в классы».

По-разному биографы Потемкина объясняли случившееся, и все же большинство сходились к тому, что состав преподавателей университета того времени, среди которых были и подобные тем, что описал Мессельер в своих записках, оставлял желать лучшего. Запоем читая книги, причем самого разнообразного содержания, Потемкин получил такие знания, которые подчас превосходили знания его учителей.

С отчислением из университета закончилась и отсрочка от службы в полку. Потемкин решил ехать в Петербург в конную

гвардию. Однако дядя не одобрял желания племянника, пытался убедить его окончить образование и склонял к гражданской службе. Были колебания и у самого Потемкина. В те годы он близко сошелся с протодиаконом греческого монастыря Дорофеем и архиепископом Крутицким и Можайским Амфросием Зертис-Каменским. Товарищи даже слышали от него:

— Хочу непременно быть архиереем или министром.

Или:

— Начну военную службу, а нет, так стану командовать священниками.

Он очень серьезно изучал богословие, что отметил граф Шувалов, и действительно подумывал о духовной карьере. Однако выбрал все-таки военную, и выбор его одобрил Амвросий, который дал на поездку в Москву и начало службы в гвардии, что стоило тогда очень дорого, 500 рублей.

Учеба же в университете наложила отпечаток на всю последующую жизнь. Потемкин всегда тянулся к знаниям, и племянник его Л. Н. Энгельгардт вспоминал:

> «Поэзия, философия, богословие и языки латинский и греческий были его любимыми предметами; он чрезвычайно любил состязаться, и сие пристрастие осталось у него навсегда; во время своей силы он держал у себя ученых раввинов, раскольников и всякого звания ученых людей; любимое его было упражнение, когда все разъезжались, призывал их к себе и стравливать их, а между тем сам поощрял себя в познаниях».

Энгельгардт упомянул поэзию. Оказывается, в юношеские годы Потемкин неплохо писал стихи и был дружен с Василием Петровичем Петровым, впоследствии известным поэтом XVIII века. Петров учил Потемкина языку Гомера и вместе с ним переводил «Илиаду». О литературных же способностях Григория Александровича поэт писал:

> Он без усилья успевает,
> Когда парит своим умом,
> И жарку душу выражает
> Живым и племенным пером.
> Не тяжких праздных слов примесом
> Красот нам в слоге он пример:
> Когда б он не был Ахиллесом,
> То бил бы он у нас Гомер.

Это стихотворение относится к более позднему времени, когда Потемкин был уже в ореоле славы, — недаром поэт восклицает: «Когда б он не был Ахиллесом!». Отношения между друзьями юности сохранились на всю жизнь. Однажды Петров пригласил Потемкина осмотреть только что открытую типографию, чтобы показать детище, в создании которого принял участие, и, демонстрируя работу станков, ловко набрал и сделал оттиск своего экспромта, посвященного Григорию Александровичу:

Ты воин, ты герой,
Ты любить муз творенья,
А вот здесь и соперник твой
Герой печатного изделья.

Потемкин в долгу не остался. Попросив Петрова показать, как делается набор, он тут же сочинил ответ, набрал его и с помощью товарища юности сделал оттиск:

Герой ли я? Не утверждаю.
Хвалиться не люблю собой,
Но что я друг всегдашний твой
Вот это очень твердо знаю!

К сожалению, немногое из написанного Потемкиным сохранилось. Известны лишь некоторые его экспромты наподобие посвященного писателю Федору Григорьевичу Карину и сочиненного на обеде:

Ты, Карин, — Милый крин
И лилеи мне милее!

Судя по отзывам современников, они не отражают в полной мере поэтического дара Потемкина.

Человек разносторонне образованный и одаренный, Потемкин сразу не мог найти себя, ибо, по мнению биографа В. В. Огаркова, в кипучей его натуре «жили часто противоположные крайности, что нередко является признаком людей с дарованиями».

Ведь и выбор военной службы, сделанный им в 1760 году, был тогда еще не окончательным, хотя службе этой с первых дней он отдавался полностью, что сказалось впоследствии, когда

пришлось применить на практике все то, чему научился он в лейб-гвардии Конном (впоследствии Кавалергардском) полку в мирное время.

До и после переворота

О государственном перевороте 28 июня 1762 года написано много, однако документов о том, чем конкретно занимался Потемкин и во время подготовки к нему, и в сам тот памятный день провозглашения императрицей Екатерины II, практически не сохранилось, хотя те немногие, что известны, свидетельствуют о том, что он играл далеко не последнюю скрипку…

Уже в первые месяцы своей службы в конной гвардии Потемкин обратил на себя внимание командования и своею прилежностью, и старательностью, и стремлением к совершенствованию знаний военного дела, которые, естественно, у него, еще не нюхавшего пороху, были поначалу невелики. Этот высокий, статный капрал быстро освоил верховую езду. Богатырское его телосложение и прекрасное знание иностранных языков, особенно немецкого, очень пригодились на первых порах.

Вступивший на престол Петр III пригласил в Петербург своего дядю принца Георга Людвига, которого сделал генерал-фельдмаршалом и приписал к конной гвардии. Тут же понадобились адъютанты и ординарцы. Одним из них стал Потемкин, выбранный самим принцем, обожавшим великанов.

Должность ординарца дядюшки российского императора сразу приблизила ко двору, выделила из среды гвардейцев. Вскоре Потемкину был пожалован чин вице-вахмистра. Однако существуют свидетельства, что служба эта не радовала Григория Александровича, не любил он и своего начальника за в лучшем случае равнодушное, а чаще жестокое и бессердечное отношение к русским воинам.

В тот период на Потемкина обратили внимание не только принц и его окружение, но и патриоты, которые были крайне недовольны опруссачиванкем порядков и новым потоком иноземцев, все гуще облеплявших уже не только престол, но и военное ведомство.

В войсках еще жила память о славных победах П. С. Салтыкова и П. А. Румянцева в годы Семилетней войны, результаты которой были сведены на нет одним мановением руки Петра III.

Падение Петра III было предрешено уже тем, что он с пренебрежением, безразличием, а то и презрением относился к

русскому народу, легко расплачивался русской кровью за чуждые России цели, даже выделил целый корпус для защиты Пруссии. Секретарь французского посла в Петербурге К.-К. Рюльер указывает на прямую измену России, на которую Петр пошел еще будучи великим князем:

«Петр… тайно принял чин полковника в его (Фридриха II. Н. Ш.) службе и изменял для него союзным планам. Как скоро сделался он императором, то явно называл его: „Король, мой государь!“».

Фридрих II, наголову разбитый русскими в Семилетней войне и уже заявлявший: «Как суров, печален и ужасен конец моего пути…», вдруг, по восшествии на престол Петра III, не только получил обратно все потерянное, но, как уже говорилось, стал решать свои цели при помощи русских штыков.

Фридрих отметил собачью преданность императора чином генерала прусской армии…

Все это переполнило чашу терпения, и гвардейцы, хорошо помнившие о другом перевороте, о возведении на престол Елизаветы Петровны в ночь на 25 ноября 1741 года, видели одну возможность спасти Россию от полного разграбления.

Уже после свершения переворота императрица Екатерина II рассказывала в одном из писем к Станиславу Понятовскому, что узел секрета находился в руках троих братьев Орловых, кроме которых в тайну были посвящены около сорока офицеров и примерно десять тысяч солдат к унтер-офицеров.

О предыстории же событий она писала так:

> «Уже шесть месяцев, как замышлялось мое восшествие на престол. Петр III потерял ту малую долю рассудка, какую имел. Он во всем шел напролом; он хотел сломить гвардию, он вел ее в поход для этого; он заменил бы ее своими голштинскими войсками, которые должны были оставаться в городе. Он хотел переменить веру, жениться на Л. В. (Елизавете Воронцовой. — Н. Ш.), а меня заключить в тюрьму. В день празднования мира (с Пруссией. — Н. Ш.), сказав мне публично оскорбительные вещи за столом, он приказал вечером арестовать меня. Мой дядя, принц Георг, заставил отменить приказ.
>
> С этого дня я стала прислушиваться к предложениям, которые мне делались со времени смерти императрицы…»

Ар. Н. Фатеев в книге «Потемкин-Таврический» писал, что Григорию Александровичу нелегко было разобраться в обстановке

при дворе, однако, как прибавляет он, «скоро разобрались в достоинствах Потемкина сотоварищи по гвардии». О роли его в подготовке к перевороту сохранилось очень мало данных, однако те, что имеются, свидетельствуют о серьезной роли Григория Александровича. Привлеченный к готовящемуся делу Орловыми, он принял всем сердцем замысел. На одном из важных этапов событий 28 июня 1782 года, он, действуя смело и решительно, убедил солдат, сомневающихся в законности творимого, присягнуть императрице.

Существует предание, что Екатерина II обратила внимание на будущего своего избранника именно в тот памятный день. Французский посланник граф Филипп де Сеггор в своих Записках о пребывании в России в период царствования императрицы Екатерины II, ссылаясь на рассказ самого Григория Александровича, писал:

> «Однажды на параде счастливый случай привлек на него внимание государыни: она держала в руках шпагу, и ей понадобился темляк. Потемкин подъезжает к ней и вручает ей свой; он хочет удалиться, но его лошадь, приученная к строю, заупрямилась и не захотела отойти от коня государыни; Екатерина, заметив это, улыбнулась и между тем обратила внимание на молодого унтер-офицера, который против воли все стоял подле нее; потом заговорила с ним, и он ей понравился своею наружностью, осанкою, ловкостью, ответами…»

Примерно также рассказывается и в ряде отечественных источников. К примеру, С. Н. Шубинский, добросовестный биограф Потемкина, собравший и издавший много удивительных историй о князе, уточняет, что случай произошел не на параде, а во время присяги 28 июня 1762 года в конно-гвардейском полку, что очень вероятно. Однако племянник князя граф Александр Николаевич Самойлов высказывает сомнения в том, что причиной знакомства мог стать темляк, ибо Потемкин, будучи вахмистром, не мог его преподнести, «поелику оный был не офицерский». Темляк — это кожаный ремень, сделанный в форме петли с кистью на конце. Он предназначался для надежного крепления оружия. В русской армии и на флоте темляки носили на эфесах холодного оружия офицеры и наиболее отличившиеся унтер-офицеры.

Однако нельзя опровергнуть, что знакомство состоялось именно во время переворота, поскольку из многих документов известно, что Екатерина II знала об участии в нем Потемкина и высоко оценила его роль. Так, в письме Понятовскому она

сообщала:

> «В Конной гвардии один офицер по имени Хитрово, 22 лет, и один унтер-офицер 17-ти по имени Потемкин всем руководили со сметливостью и расторопностью».

Эти строки свидетельствуют о том, что Хитрово и Потемкин чуть ли не главными были действующими лицами в лейб-гвардии конном полку. Такое предположение подтверждают и награды, врученные участникам событий. Один из списков награжденных, в котором значатся фамилии всего лишь 36 участников, открывается Григорием Орловым и заканчивается Григорием Потемкиным. В нем сообщается: «…вахмистр Потемкин — два чина по полку да 1000 рублей». В другом документе, в котором также отмечены немногие, говорится о том, что «жалуется конной гвардии подпоручику Григорию Потемкину 400 душ в Московском уезде Куньевской волости».

Несколько позже, к одной из годовщин своего царствования, императрица вновь отмечает ближайших своих соратников. И опять-таки имя Потемкина стоит рядом с именами маститых мужей. Достаточно сказать, что список открывает генерал-фельдмаршал, ее императорского величества генерал-адъютант, действительный камергер, лейб-гвардии Измайловского полка подполковник, сенатор и кавалер граф Кирилл Григорьевич Разумовский.

Уже при первых встречах императрица произвела на Потемкина неизгладимое впечатление, хотя, как показали дальнейшие события, в мечтах своих он не заходил слишком далеко. Он почитал Екатерину II более как императрицу, нежели как женщину. Она тоже не выделяла его среди прочих своих соратников, отмечая наряду с остальными своими милостями. Так, вскоре после переворота, он стал камер-юнкером. В 1763 году получил назначение на должность помощника обер-прокурора Синода. Это сделано было не случайно — Екатерина II знала об увлечении Потемкина духовными науками и полагала, что никто лучше него не сможет представлять ее интересы в Синоде. В указе ее значилось, что он назначается для того, чтобы «слушанием, читаньем и собственным сочинением текущих резолюций… навыкал быть искусным и способным к сему месту».

Императрица воспитывала и выковывала из своих соратников будущих государственных мужей, военных деятелей, дипломатов, преданных, как и она сама, интересам России.

Трудно сказать, как бы сложилась жизнь Потемкина, доведись ему служить в Синоде долгое время, но судьба распорядилась иначе. В 1763 году с Григорием Александровичем приключилось

несчастье, которое послужило затем источником множества сплетен и вымыслов. Он лишился зрения на один глаз. Чего только не написано по этому поводу. По рассказам одних «знатоков» его биографии, он, «бывши еще ребенком, как-то неосторожно играл ножницами и при этом ранил себе один глаз». Другие утверждают, что это произошло во время драки с братьями Орловыми — будто бы «Алексей Орлов своим кулаком лишил Потемкина глаза». По утверждению третьих, он повредил глаз во время игры в мяч, четвертые доказывают, что он потерял его от удара шпагой во время ссоры с придворным.

Однако обратимся к наиболее достоверным источникам, которые ведь тоже существовали в дореволюционной России. В статье, помещенной в «Русском биографическом словаре», издании официальном, имевшем статут энциклопедического, значится, что «в 1763 году Потемкин окривел, но не вследствие драки, а от неумелого лечения знахарем». Что же касается отношений князя Григория Орлова к Потемкину, то императрица в 1774 году говорила Потемкину: «Нет человека, которого он (Орлов. — Н. Ш.) мне более хвалил и, по-видимому, более любил и в прежние времена и ныне, до самого приезда, как тебя».

Отрицается факт драки с Орловыми, столь усердно перепеваемый в угоду обывателю некоторыми писателями, и в «Сборнике биографий кавалергардов», изданном в 1901 году в Петербурге и также являющемся вполне официальным изданием, в отличие от сотен низкопробных брошюр, которыми тоже была «богата» дореволюционная литература. Но наиболее достоверные свидетельства, на мой взгляд, принадлежат одному из самых близких к Потемкину людей графу Александру Николаевичу Самойлову, его племяннику, его боевому соратнику, который первым, возглавляя левое крыло русской армии, штурмующей Очаков, ворвался в крепость, который отличился при штурме Измаила и на протяжении всей жизни Потемкина был посвящен в самые его сокровенные тайны. Достаточно сказать, что в 1774 году во время венчания Григория Александровича с Екатериной II он был за дьячка… Так вот Самойлов вспоминал, что Потемкин, возвратившись в Петербург из Москвы после коронации Екатерины II, заболел горячкой. Всегда отличавшийся небрежением к медицине, он и в тот раз не пожелал лечиться официально, а воспользовался услугами некоего «Ерофеича», известного в то время как изобретатель водочной настойки. Тот обвязал ему голову повязкой с приготовленной специально смесью. Потемкин вскоре почувствовал сильный жар и боль. Стащив повязку, он обнаружил на глазу нарост и тут же сколупнул его с помощью булавки. Глаз перестал видеть. Не

подтверждает Самойлов и то, что Потемкин был обезображен потерей зрения, поскольку глаз не вытек и в общем-то был цел, но безжизнен. Разумеется, некоторую долю красоты Григорий Александрович потерял, но не настолько, как хотелось бы сплетникам. Самойлов свидетельствует: «Тогдашние остроумы сравнивали его с афинейским Альцибиадом, прославившимся душевными качествами и отличною наружностью».

И все же случившееся потрясло его. Он замкнулся, долгое время не выезжал из дому, не принимал гостей, полностью посвятив себя чтению книг по науке, искусству, военному делу и истории, а также «изучая дома богослужебные обряды по чину архиерейскому».

Кстати, ко двору он был возвращен Орловым по поручению императрицы.

19 апреля 1765 года Потемкин получил чин поручика, в котором «исполнял казначейскую должность и надзирал за шитьем мундиров». Надо сказать, что ко всем обязанностям Григорий Александрович относился с исключительной добросовестностью. В частности, «надзирая за шитьем мундиров», занимаясь формой одежды, он настолько изучил этот вопрос, что затем, в период власти, провел полезнейшую для русской армии реформу, надавив форму одежды «от неупотребительных излишеств».

Интересны сведения, сообщенные о том периоде жизни Григория Александровича Ар. Н. Фатеевым в книге «Потемкин-Таврический». «Можно сказать одно, — пишет автор, — что его (Потемкина. — И. Ш.) петербургское времяпрепровождение не напоминало того же знати и гвардейской молодежи. Он предался ревностному изучению строевой службы и манежной езды. В этих вещах проявил большую ловкость, чем в великосветских салонах и эрмитажных собраниях. Эрмитажных собраний… было три рода: большие, средние и малые. Приглашаемый на малые собрания, состоявшие из самых близких императрице особ, Потемкин не отличался ни изящными манерами, ни ловкостью, подобной той, какую проявлял в конном строю. Как эрмитажный гость, он приводил в конфуз хозяйку. Благодаря геркулесовой силе, ему случалось ломать ручки от кресел, разбивать вазы и пр. Любительница законодательствовать, Екатерина приняла это во внимание при составлении эрмитажных правил. Что и Потемкину шутливо указано. Однако ему уже тогда прощалось и сходило с рук, о чем другие не решались подумать. Екатерина знала и ценила его службу, не имеющую общего с великосветским гвардейским времяпрепровождением…»

Екатерина II, в отличие от своих предшественниц на

престоле, ценила прежде всего деяния на благо Отечества. Ветер добрых перемен коснулся всех сторон российской жизни, в том числе и наиболее важной — военной. Автор «Истории русской армии и флота» профессор Императорской военной академии Генерального штаба А. К. Баиов отметил, что с 28 нюня 1762 года началась «наиболее блестящая эпоха в истории русского военного искусства». И причину этого он видел в «понимании императрицей России русского дела, интересов, ее исторических задач, свойств и характера русского народа».

В одной из старых книг содержатся интереснейшие размышления о роли армии в жизни государства: «Все большие расы повелительницы были расами воинственными, и та, которая теряет твердые воинские доблести, напрасно будет преуспевать в торговле, в финансах, науках, искусствах и в чем бы то ни было: она потеряла свое значение; поэтому в жизни народа первое место должны занимать войска, а следовательно, и военная наука, которая есть искусство воевать и готовиться к войне…»

Императрица внимательно изучала и любила историю. Она часто повторяла:

— Не зная прошлого, можно ли принимать какие-либо меры в настоящем и будущем?

Екатерина II знала прошлое России и, безгранично полюбив саму Россию, не могла не полюбить ее прошлое, не могла не гордиться им. Исполнены этой гордости такие ее слова, которые не могут не заставить встрепенуться и сердца потомков:

> «Знающим древнюю историю нашего Отечества довольно известно, что воинство Российское, когда еще и просвещение регул военных ему не поспешествовало, войска мужественного имя носило. Но видевшим века нашего, когда к храбрости его природной дисциплина военная присоединилась, доказательно и неоспоримо, что оружие Российское там только славы себе не приобретает, где руки своей не подъемлет».

С первых лет своего царствования императрица делала все от нее зависящее для преумножения славы России и ее могущества. Она прекратила разбазаривание национальных богатств, заботилась о преумножении населения, о его образовании и воспитании. Она по-своему полюбила Россию и русский народ, хотя и оставалась представительницей своего класса, кстати безмерно преданного Отечеству, она оставалась убежденной, что стране необходима самодержавная власть и что «всякое иное правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно».

А ведь, если признаться, трудно здесь поспорить с Екатериной II, которая в пору своего правления, в пору монархического правления, то есть, как мы привыкли считать, абсолютно антинародного, добилась небывалого расцвета России, возвращения отторгнутых от нее земель, возведения новых цветущих городов, повышения благосостояния всех слоев народа. Сделала это не сразу и с трудом, но ведь сделала… А каковы результаты иных прогрессивных форм правления, теперь мы и сами воочию убедились, причем убедились на собственном опыте…

Вот какие интересные данные приводит в своих записках адмирал П. В. Чичагов. Он сообщает, что во время царствования Екатерины II:

> «…государственный доход простирался до ста миллионов рублей; Ея преемники возмечтали после того о доходе в четыреста миллионов рублей и вообразили себя богаче, на самом же деле чудесным образом обеднели. Рубль во времена Екатерины стоил четыре франка, тогда как благодаря экономии, чистоте нравов и финансовому искусству — стоимость его упала впоследствии на пятнадцать и даже на двадцать копеек. Офицер, получавший триста рублей жалованья, или генерал-майор, получавший тысячу, имели на самом деле в четыре с половиною раза более, нежели получают ныне, несмотря на весьма незначительные прибавки в несколько копеек, сделанные к их окладам в разное время. Государственный кредит был тогда, если не в самом, сколь возможно цветущем положении, то по крайней мере гораздо выше того, который был впоследствии, и стоял высоко, несмотря на фаворитизм и на войны, которые Екатерина была принуждена вести с соседями и в которые Ее вовлекли англичане и шведы, завидовавшие Ее успехам».

Слова чистота нравов и экономия, конечно, в пору бы взять в кавычки, ибо в данном случае Чичагов иронизировал, имея в виду стандартные обвинения, делаемые в адрес Екатерины по тому поводу, что она была расточительна и наносила ущерб казне, одаривая фаворитов. Он тут же и доказывает несостоятельность этих обвинений, приводя сравнение доходов государства и окладов военных.

О поисках императрицей способов к улучшению участи народа свидетельствует и собранная ею «Комиссия об уложении». Она нам интересна с той еще точки зрения, что активное участие

в ее работе принял Григорий Александрович Потемкин. 19 июня 1766 года он был назначен командиром 9-й роты лейб-гвардии конного полка, а в 1767 году с двумя ротами этого полка был направлен в Москву для «несения обязанностей по приставской части». Кроме того, он стал еще и опекуном «татар и других иноверцев», которые сделали его своим депутатом, дабы он отстаивал их права «по той причине, что не довольно знают русский язык». Уже тогда он детально изучил нравы малых народов, историю их, быт, привычки, что очень помогло его деятельности в период управления Новороссией и другими южными губерниями России.

Известно, что в тот период Григорий Александрович близко сошелся с автором записок об освобождении крестьян и сочинений по истории России Елагиным. Потемкин был сторонником отмены крепостного права в России, кстати, рассматривала вопрос об этом и сама императрица. Но надо учитывать, в каком состоянии тогда находилась Россия, не готовая к подобному шагу. Екатерине II было известно, что большинство помещиков категорически против подобных реформ, власть же ее еще недостаточно укрепилась, чтобы можно было рассчитывать на успех любого предприятия. Надо еще учесть и то, что русские помещики, первые заводчики и фабриканты зачастую находились под большим влиянием своих управляющих, почти поголовно иноземных наемников. Эти управляющие, стремясь набивать свои карманы, для чего они и прибыли в Россию, доводили эксплуатацию крестьян и рабочих до ужасающих пределов. Им тоже невыгодно было освобождение крестьян, которое не сулило прямых выгод.

«Комиссия об уложении» должна была решить немало вопросов государственного устройства страны, недаром же Екатерина II ввела в нее многих людей, которым совершенно доверяла. Кроме перечисленных обязанностей, Потемкин еще состоял членом комиссии духовно-гражданской, отстаивая в ней интересы и идеи императрицы. В 1768 году Екатерина II сделала его камергером и, видя успехи его на гражданской службе, освободила от воинской.

Однако в том же 1768 году началась русско-турецкая война, и, едва загремели пушки, Потемкин стал рваться на поле битв. 2 января 1769 года маршал собрания «Комиссии об уложении» А. В. Бибиков объявил, что:

> «…господин опекун от иноверцев и член комиссии духовно-гражданской Григорий Потемкин по Высочайшему Ея Императорского Величества

соизволению отправляется в армию волонтером».

Давая свое соизволение, императрица сказала:

— Плохой тот солдат, который не надеется быть генералом.

Мы привыкли считать, что слова эти принадлежат Суворову, однако А. Н. Фатеев отдает их авторство Екатерине II. Вполне возможно, Александр Васильевич Суворов, с большим уважением и почтением относившийся к государыне, услышав их от нее, часто затем повторял. Вообще многие крылатые фразы мы приписывали тем или иным деятелям совершенно необоснованно. В одной из книг русского историка ординарного профессора Императорской академии Генерального штаба генерал-майора Д. Ф. Масловского приводятся слова Потемкина, очень известные нам: «В военном деле нет мелочей». Масловский, издавший книгу в конце XIX века, не мог их переписать из послереволюционных брошюр о «Красной Армии»…

Однако вернемся к решению императрицы отпустить Потемкина на театр военных действий. Она, конечно, понимала, что направляется он не на милую прогулку, а едет туда, где свистят пули, где витает смерть. Но имея отважное сердце, она уважала отвагу в своих подданных. О себе же говорила:

> «Если бы я была мужчиною, то смерть не позволила бы мне дослужиться до капитанского чина».

Потемкин уехал в действующую армию поручиком. Впереди у него могли быть и победы, но могла быть и смерть…

«Он сам искал везде употребляться…»

В конце августа 1769 года главнокомандующий 1-й армией генерал А. М. Голицын докладывал императрице по поводу одного из сражений с турками:

> «Непосредственно рекомендую Вашему Величеству мужество и искусство, которое оказал в сем деле генерал-майор Потемкин, ибо кавалерия наша до сего времени не действовала с такою стройностью и мужеством, как в сей раз под командою вышеозначенного генерал-майора».

Таков отзыв заслужил человек, которому еще несколько месяцев назад тот же Голицын не решался доверить в командование какое-либо подразделение. В том не было,

впрочем, ничего удивительного. Высокий придворный чин и невысокий военный ставили в замешательство. Первое время Потемкина держали при штабе, не поручая никаких боевых дел. И тогда Григорий Александрович обратился с личным письмом к императрице, в котором просил сделать его положение в армии более определенным. Касаясь же своего личного желания, писал:

> «Склонность моя особливо к коннице, которой и подробности я смело утвердить могу, что знаю; впрочем, что касается до военного искусства, больше всего затвердил сие правило, что ревностная служба… и пренебрежение жизни бывают лучшими способами к получению успехов».

Письмо он отправил в Петербург 24 мая 1769 года, а уже в июне получил в подчинение кавалерийский отряд в несколько эскадронов, с которым ему предстояло действовать в авангарде корпуса генерала А. А. Прозоровского. А вскоре довелось принять боевое крещение. Это случилось 19 июня 1769 года под Хотином. В первом же бою Потемкин проявил мужество и распорядительность и заставил обратить на себя внимание командования. Особенно

Пугачевщина

Наибольшего успеха Пугачеву удалось достичь в конце 1773 года, когда его полчища взяли крепости Илецкий городок, Рассыпную, Нижне-Озерную, Татищевскую, Чернореченскую и обложили Оренбург. В октябре в Петербурге впервые заговорили о бунте с тревогой, а 23 ноября Московский генерал-губернатор писал Екатерине о необходимости выделения крупных сил для борьбы с мятежником и явном недостатке уже выделенных для этого.

К концу года опасность в полной мере была оценена и при дворе. Тогда-то и направила императрица Потемкину письмо, которым вызвала его из армии.

В одной из старых книг, кстати, вызывающей больше доверия, нежели продиктованные антироссийским социальным заказом послереволюционные издания, именуемой «Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия» говорится:

> «Пугачев был донской казак. В 1770 году он находился при взятии Бендер. Через год по болезни отпущен на Дон, там за покражу лошади и за то, что

> подговаривал казаков бежать за Кубань, было положено отдать его в руки правительства. Два раза бежал он с Дона и, наконец, ушел в Польшу, где скрывался у раскольников».

Вот тебе и народный герой, вот тебе и великий предок… Обыкновенный конокрад и изменник родины, ведь уговоры бежать за Кубань во владения Турции, с которой Россия вела войну, не что иное, как измена. Впрочем, предателем своего отечества Пугачеву стать удалось. Не сумев удрать в Турцию, он сбежал в Польшу, которая, как известно, также была противницей России. Таким образом, в начале своего «героического» пути Пугачев совершил два уголовных преступления — кражу и измену. О его дальнейших деяниях поведал профессор Дерптского университета А. Г. Брикнер в книге «История Екатерины Второй»:

> «Здесь, на польской границе, в одном раскольничьем монастыре, его (Пугачева. — Н. Ш.) натолкнули на мысль назвать себя Петром III и вооружить казаков на юго-востоке против власти. Руководствуясь этими внушениями и получив кое-какие денежные средства… Пугачев явился на Урале… где вскоре был схвачен. Его привезли в Казань, откуда ему удалось бежать…»

Относительно того, что бунт возник не сам собой и что первые сподвижники Пугачева были им куплены, есть некоторые интересные данные, правда, иногда разноречивые. А. Г. Брикнер в той же книге пишет, что Алексей Орлов, который, как известно, в ту пору находился в Италии, «подозревал в пугачевщине какую-то интригу Франции. Такое же предположение было высказано Вольтером».

Могло ли быть подобное? Безусловно. Ведь недаром в польском монастыре Пугачева снабдили средствами для осуществления бунта. Цель-то предельно ясна. Шла война, в предыдущие годы турки потерпели целый ряд жесточайших поражений. Полякам надо было придумать средство спасти союзников, которых они сами подтолкнули к войне, надо было также ослабить Россию еще и для того, чтобы русские не добились еще больших успехов на Дунае и Северном Причерноморье, не преуспели в освобождении Молдавии и Валахии, к чему также стремились, желая помочь народам, томившимся под бесчеловечным османским игом. В предотвращении победоносного шествия русских армий была заинтересована и Франция, поддерживавшая Турцию, но не из

любви к варварам, а лишь потому, что варвары были против России.

И вот еще один интересный факт. После победоносных кампаний 1770 и 1771 годов турки, оказавшиеся на грани поражения, согласились на мирные переговоры, но затягивали их настолько упрямо, что можно было понять — они ожидали важных событий, обещавших спасти их. И дождались… Кстати, когда вспыхнул пугачевский бунт, переговоры были прерваны полностью и боевые действия на Дунае возобновились.

Пугачевщина позволила противникам России вздохнуть свободнее, ибо оттянула с театра военных действий, особенно с второстепенного направления, часть сил. Против Пугачева были посланы и боевые генералы, так необходимые на Дунае, — сначала Потемкин отправил на борьбу с мятежниками П. И. Панина, а затем и Суворова.

Итак, сначала в ход пошли деньги, затем эксплуатировались добрые чувства и вера людей, которым внушали, что они идут за правое дело, идут защищать обиженного императрицей доброго царя. Сколь «добр» был Петр III для России, теперь хорошо известно… Правда, некоторые историки признают за ним кое-какие милосердные действия — в частности, Чичагов пишет об отмене Петром III некоторых садистских законов, введенных для истязания русских Петром I. Впрочем, этот факт столь серьезен, что лучше процитируем написанное русским адмиралом:

> «Со времен Петра I до Петра III, все русские без всякого изъятия, равно подлежали самым позорным наказаниям и самым произвольным насилиям, которым когда-либо обрекалось на жертву бедное человечество… Столь презренное положение продолжалось до воцарения Петра III, который впервые даровал дворянству указ об уничтожении телесных наказаний… Прибавим к сему, что этот государь упразднил гнусную Тайную канцелярию, в которой подвергали пыткам людей, туда приводимых. Это единственные черты добродетелей человеческих в биографии этого царя…»

Порой один маленький добрый фактик, маленький потому, что Петр III не освободил от истязаний всех русских людей, а сделал снисхождение лишь дворянам, разносится в народе и обретает немыслимые размеры. И вот уже ненавидевший и презиравший русский народ и все русское Карл Петр Ульрих, на русский лад Петр Федорович, в устах агитаторов обрел славу милосердного и просто обожающего народ демократа, а поистине милосердная и обладающая неизмеримо большими

достоинствами императрица оказалась ошельмованной. Но не все, даже преступники, верили агитаторам Пугачева. В книге «Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия» отмечено:

> «Злодей, освобождая заключенных преступников, умерщвлял тех, кои ему противились. Последние подвергались жестоким казням, некоторые были сожжены заживо».

И снова была агитация…

> «Пугачев обнародованиями своими, — читаем мы далее в книге, — уловлял легковерных, освобождал от податей, от рекрутских наборов, убеждал истреблять дворян, давал курить вино, владеть угоднями и торговать „безданно и беспошлинно“, словом, как сказано в обнародовании, „будете яко звери в поле жить“».

А теперь посмотрим, кто мог идти к Пугачеву добровольно? Прежде всего те, кому правилось грабить и убивать. Те, кому не хотелось идти в армию и защищать Отечество. Да, но как же сам-то Пугачев смотрел на проблемы защиты Отечества? Да никак. Ему нечего было бояться победы поляков и турок, на которых, впрочем, как показали дальнейшие события, он не слишком и надеялся.

Поддерживали его и люди, которые на «курении вина» наживали капиталы. Правительство Екатерины II преследовало спаивателей, ибо никогда целью этого правительства не являлось спаивание собственного народа.

И опять-таки Пугачев столкнулся не только с продажными тварями и жуликами, которых везде во все времена, к сожалению, вдосталь. Он столкнулся со здоровыми силами народа, и пришлось ему уничтожать безжалостно не только дворян, против которых якобы было направлено восстание, но и «несознательных» крестьян, дворовых людей, «разночинцев», которые не хотели никак подрывать устои России. Таких он казнил по сценарию, описанному в книге «Двор и замечательные люди». Подводя к Пугачеву жертву, холуи с почтением вопрошали:

— Не прикажете ли вешать?

Ничего не отвечая, Пугачев махал платком, и казнь совершалась. Тем же, кто вставал на его сторону, предлагалось присягнуть. Они падали с ноги и целовали руку самозванному

императору, который, правда, брезгуя своими «подданными», прикрывал ее полотенцем.

Для сравнения приведем другой пример, пример того, как общалась со своими подданными императрица Екатерина II. Граф де Сепер, сопровождавший се в путешествии в Белоруссию, вспоминал:

> «Каждое утро, поработав с час, Екатерина, перед отъездом, принимала являвшихся к ней чиновников, помещиков и купцов, того места, где останавливалась; она допускала их к руке своей, а женщин целовала и после этого должна была уходить в туалетную, потому что, по общему обыкновению в России, все женщины, даже мещанки и крестьянки, румянились, и по окончании такого приема все лицо государыни было покрыто белилами и румянами».

По неполным данным Пугачев зверски казнил около 700 дворян, 135 разночинцев, 53 священника, 86 дьяконов, 35 купцов, 167 дворовых людей и 103 крестьян.

Огромный вред принес он и государственной границе России. Первый удар приняли на себя российские пограничные крепости, защищавшие юго-восточные рубежи державы. Они предназначались для прикрытия государственной территории от нападения банд кочевников и прочих нарушителей, но уж конечно не были приспособлены для борьбы с огромными полчищами. Верные своему воинскому долгу, коменданты этих крепостей и офицеры, служившие в них, оборонялись до последней возможности, чем заслужили лютую ненависть Пугачева. Так, подойдя к Илецкому городку, самозванец направил атаману Портнову требование выйти к нему с повинной. Атаман ответил отказом. Пугачев послал подметные письма в гарнизон, который состоял в основном из яицких казаков. Те взбунтовались. Портнова схватили сообщники Пугачева и повесили вместе с офицерами городка и всей его семьей. После этой «победы» банда три дня пропьянствовала в городке, а затем двинулась дальше. На пути оказалась крепость Рассыпная, имевшая лишь невысокую деревянную ограду. Комендант крепости секунд-майор Веловский попытался организовать оборону, но уж куда там. Его повесили вместе с женой и офицерами. Жену предварительно, как уже стало входить в обычай мятежников, изнасиловали.

В крепости Нижне-Озерной мятежники устроили кровавую оргию. Они долго издевались над комендантом офицером Харловым, затем изрубили его вместе с офицерами гарнизона на куски. Красавица жена Харлова успела бежать и укрыться в

крепости Татищевской, где был комендантом ее отец, офицер Елагин. Он тоже «осмелился» сопротивляться. Пугачев, обратив внимание на тучность коменданта, приказал с него с живого содрать кожу, что и исполнили с охотой его сообщники, которые затем мазали жиром коменданта свои раны. Трудно поверить в подобные изуверства, трудно поверить, что на такое могли пойти люди, ведомые светлой идеей, а ведь именно такими изображались мятежники в последние семь «праведных» десятилетий. Но какова же идея? Смена одного царя на другого — смена великой и милосердной государыни на конокрада, изменника Родины, бандита и садиста?!

Сравним отзывы о них современников, отзывы, которые можно найти лишь в дореволюционных изданиях. Величайший русский поэт Гавриил Романович Державин писал об императрице:

> Екатерина в низкой доле
> И не на царском бы престоле
> Была б великою женой…

Действительный член Российской академии наук, племянник знаменитого поэта и драматурга А. П. Сумарокова, автор трудов «Обозрение царствования Екатерины Великия» и «Черты Екатерины Великия», а также многих публицистических и драматургических произведений Павел Иванович Сумароков писал:

> «Екатерина была кротка, приветлива, милостива, и все старались подражать ей в том, по крайней мере, по наружности, казались добрыми».

А вот свидетельства о деяниях Пугачева…

> «Жену несчастного Елагина, с которого по его приказу содрали кожу, Пугачев приказал изрубить на куски. Дочь их, вдову накануне умерщвленного им Харлова, по свидетельству современников бывшую красоты удивительной, он продержал более месяца как наложницу, а семилетнего брата ее назначил своим камер-пажом. Но потом, по подозрению своих приближенных, уступил их требованию и приказал расстрелять несчастную Харлову с ее братом. Не совершенно лишенные жизни, они в крови подползли друг к другу и, обнявшись, испустили дух».

Перечень злодеяний можно продолжать бесконечно. Пугачев очень любил сжигать людей заживо, любил «пятерить» их, то есть отрубать поочередно сначала конечности, а уж потом голову. Как известно, его самого было принято решение четвертовать, но императрица приказала сначала отрубить ему голову, чтобы не мучился.

Казалось бы, весь этот перечень «заслуг» самозванца не имеет прямого отношения к Потемкину, но нельзя не упомянуть о злодеяниях, поскольку нам долго вдалбливали в голову, что те, кто действовал против Пугачева, и сатрапы, и изверги, и тому подобное…

Потемкин принял активное участие в организации борьбы с пугачевщиной, но справедливо ли назвать его сатрапом и извергом. Он действовал во имя державы, ибо Пугачев был прежде всего врагом России, действуя с целью ее ослабления и способствуя тем самым врагу, с которым сражались на Дунае русские армии.

Григорий Александрович ежедневно просматривал все донесения, поступавшие с театра борьбы с Пугачевым, наиболее важные докладывал императрице с готовыми уже своими соображениями. Так, узнав, что пугачевские банды двинулись на Дон, немедленно направил соответствующие распоряжения по предотвращению разорения донского края. Своевременно принятые меры заставили мятежников отказаться от замыслов поднять на борьбу с Россией Войско Донское. Да и не собирались донцы связывать себя с конокрадом и изменником. Передовые отряды Пугачева встретили сопротивление на краю Донской земли. Жаркий бой полчищ мятежников с небольшим отрядом старшины Кульбакова разгорелся в районе станицы Березовской. Силы оказались слишком неравными, и донцы полегли почти все поголовно. Раненых мятежники после истязаний добили, а станицу сожгли Дитла.

Навстречу врагу смело бросился полковник Алексей Иванович Иловайский, который действовал по личному распоряжению Потемкина, однако мятежники повернули к Царицыну, близ которого были разбиты Михельсоном.

Ар. Н. Фатеев писал:

> «Дальнейшее участие Потемкина в принятии мер против пугачевского восстания свидетельствует о более глубоком понимании происшедшей), чем обычного администратора, хотя бы и облеченного большой властью. Он задумался над специальными причинами восстания. Его интересовали не столько главари

восстания, сколько увлеченные ими массы.

У главарей восстания всегда бывают более или менее одинаковые методы. Неграмотные Пугачевы походят в этом отношении на Пугачевых с университетским образованием: преобладает примитив игры на страстях».

Интерес Потемкина к рядовым участникам восстания объясним и тем, что в бунте участвовали, кроме яицких казаков, раскольников, беглых крепостных и отпущенных на свободу каторжников, татары, киргизы, мордва, мещера, башкиры, черкесы, пленные турки. А ведь в период работы в «Комиссии по уложению» Григорий Александрович являлся опекуном некоторых из тех народов.

Казанский губернатор Брэнт, который вел расследование восстания, назвал его участников сбродом. Фатеев по этому же поводу писал:

«Но, как бывает в революционное время, каждый влагал свое неудовольствие в движение. Оно нашло вождя, кто бы он ни был. По определению ближайшего сподвижника Пугачева Мясникова: „Хоть князь из грязи“».

Интересно, что Потемкин определил две главные причины восстание: крепостное право и плохое управление инородцами.

А. Г. Брикнер приводит слова самозванца, этого «князя из грязи», сказанные им на первом же допросе, на котором он тотчас предал всех сообщников, заявив, что будто бы они его побуждали к свирепости. Пугачев заявил, что «не думал к правлению быть и владеть всем Российским царством», а шел на мятеж, проливал кровь людей, надеясь, что ему «удастся поживиться или убиту быть на войне…». Самозванец признался, что его девиз: «День мой — век мой!» Вот ради чего он грабил, жег, убивал и истязал людей.

После смерти Бранна для расследования причин пугачевщины был направлен троюродный брат Григория Александровича Павел Сергеевич Потемкин, которого Екатерина II знала с самой лучшей стороны. Это был образованный человек, выпускник Московского университета. Дело он вел добросовестно, всячески помогая Григорию Александровичу выявлять главные причины происшедшего. Павел Сергеевич направлял в столицу депутации и представителей малых народов, дабы дать Григорию Александровичу побеседовать с людьми, способными помочь в установлении

истины.

Быть может, уже под влиянием этих событий и размышлений над ними Потемкин предметом своей деятельности сделал расселение населения из приобретенных областей на юге России. Нужно добавить, что в Новороссии, в краях, управляемых Потемкиным, крепостного права не было. Отношение же Григория Александровича к этому позорному явлению видно из многих действий, приказов, ордеров, писем и других документов, один из которых, очень характерный, привожу ниже.

31 августа 1775 года Потемкин писал в секретном ордере генералу Муромцеву:

> «Являющимся к вам разного звания помещикам с прошениями о возврате бежавших в бывшую Сечь Запорожскую крестьян, объявить, что как живущие в пределах того войска вступили по Высочайшей воле в военное правление и общество, то и не может ни один из них возвращен быть…»

Чьи же в данном случае в большей степени интересы отстаивал Потемкин дворян-крепостников или крепостных? Конечно, можно возразить, что ему были нужны люди, потому он и отстаивал их. Но требовались они не для личных нужд, не для строительства дворцов, по-нынешнему дач, а для освоения Новороссийского края, для строительства новых городов и портов, создания Черноморского флота, для повышения могущества армии и укрепления южных границ России. Они нужны были для Отечества!

«Солдат есть название честное…»

С первых же месяцев пребывания на посту вице-президента Военной коллегии Потемкин занялся преобразованиями в русской армии. Важным направлением этой деятельности он считал облегчение службы солдат. Работы оказалось непочатый край. В «Сборнике биографий кавалергардов» отмечалось:

> «Еще до рождения Потемкина, в 1737 году, русская армия взяла Очаков, над которым он столь потрудился пятьдесят лет спустя, и в годы его юности побеждала уже Фридриха II, несмотря на многие недостатки ее устройства. Эти недостатки сознавали и с ними боролись Румянцев, Панин, Суворов, но поборол их Потемкин.
>
> В своей книге „О русской армии“ генерал-поручик

Степан Матвеевич Ржевский так оценивал состояние войск до реформ, проведенных Потемкиным:

„Люди отменно хороши, но как солдаты слабы; чисто и прекрасно одеты, но везде стянуты и задавлены так, что естественных нужд отправлять солдат не может: ни стоять, ни ходить спокойно ему нельзя“.

К сожалению, слабую подготовку имели не только солдаты, но и офицеры, и генералы. Однажды в период Семилетней войны генерал-фельдмаршал А. Б. Бутурлин, расстелив перед собой карту, начат постановку боевых задач подчиненным командирам. При этом присутствовал президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал З. Г. Чернышев. Он сразу заметил, что Бутурлин вовсе не понимает, что показывает на карте — обстановку ему нанесли еще прежде, офицеры квартирмейстерской службы. Чернышев, воспользовавшись тем, что Бутурлин отвлекся, потихоньку перевернул карту другим концом. Не обратив на то внимание, главнокомандующий продолжал водить карандашом перед собой по… морю.

— Тут утонешь, — с иронией проговорил Чернышев, отводя в сторону руку главнокомандующего.

Уже во время первых инспекционных смотров Потемкин стал обращать главное внимание не на внешний блеск, а на боеспособность войск. Полки, по его докладам, отличались „исправностью людей и лошадей“, и их снаряжение было вполне прилично, что отдавало „начальнику справедливость“. Однако подготовка многих полков оставляла желать лучшего, на что и указывал Григорий Александрович в своих докладах. Обращая внимание на необходимость самого серьезного подхода к обучению и воспитанию солдат, Потемкин требовал, чтобы офицеры обучали подчиненных, „избегая сколько можно бесчеловечных и в обычай приведенных к сему побои, творящих службу отвратительною, но ласковым и терпеливым всего истолкованием…“

Но кто же привел в обычай издевательства и зуботычины? Кто сделал упор на палочную дисциплину, а не на сознательное отношение к исполнению воинского долга? Ответ на этот вопрос можно легко найти, если вспомнить, с чьего правления в России начались садистские изуверства. Да, все это было с петровских времен, о чем писал адмирал П. В. Чичагов. Именно при Петре

проникли во многие эшелоны государственное власти и в военное управление иноземцы, которые не щадили русских людей, а заодно и Петра I убедили в том, что порядок можно навести лишь изуверскими методами.

Непонятно только, зачем нужно было что-то менять — Россия и в прежние века была непобедима, ее войска били многих ворогов, проиграв лишь несметным полчищам монголо-татарским, да и то проиграв временно.

Русский военный историк профессор генерал-майор Н. Ф. Дубровин писал о положении дел в середине XVIII века:

> „Необходимо заметить, что в русской армии в это время был наплыв иностранных офицеров, преимущественно немцев. Их принимали без всякого разбора, и современники среди себя видели камердинеров, купцов, учителей, переодетых российскими штаб-офицерами. Офицерский чин давался многим и без всякого затруднения. Его получали подрядчики, умевшие угодить сильному, влиятельному лицу, и дети, едва вышедшие из пеленок“.

Екатерина II в первых же указах запретила производить в офицеры и даже записывать в полки детей, не достигших пятнадцатилетнего возраста. Стремилась она всячески и ограничить в армии число иноземных наемников, хотя что касается людей достойных, проявивших себя во многих походах и войнах, то для них делались исключения на протяжении всего ее царствования.

Бороться было нелегко, ибо засилие иноземцев оказалось подавляющим. Вот с каким положением столкнулся Алексей Иванович Хрущев, писавший уже в чине генерала от инфантерии книгу: „Размышления, в каком состоянии армия была в 1764 году“:

> „Вступил я в службу самым маленьким офицером в армию… С солдатом иноземные офицеры обращались грубо и жестоко; палка была в таком употреблении, что, стоя в лагере, от зари до зари, не проходило часа, чтобы не было слышно палочной экзекуции… Всякий офицер, по своим нравственным качествам и образованию мало отличавшийся от солдата, старался палкою доказать свое достоинство и значение“.

Григорий Александрович Потемкин, вступивший в службу еще до восшествия на престол Екатерины II, безусловно, был

свидетелем этого положения и уяснил всю его низость и пошлость. Недаром уже в годы русско-турецкой войны он в своем отряде завел совершенно иные порядки. Впрочем, во всей армии Румянцева они резко отличались от того, что творилось в других объединениях российских войск.

Получив пост вице-президента Военной коллегии, Потемкин стал добиваться прекращения изуверств повсеместно, опираясь в деятельности своей на милосердие императрицы, которая была с ним в этом полностью солидарна.

Можно привести десятки приказов и ордеров, свидетельствующих о борьбе Потемкина с порядками, насажденными иноземцами.

> „Г. г. офицерам гласно объявите, — писал он в одном из приказов, — чтоб с людьми обращались с возможною умеренностью, старались бы об их выгодах, в наказаниях не преступали дозволенных были бы с ними так, как я, ибо я их люблю, как детей“.

В другом приказе он требовал:

> „Наблюдайте крайне, чтоб гг. штаб- и обер-офицеры больше увещанием и советом, а отнюдь не побоями солдат всем экзерциям обучать старались“.

Забота проявлялась не только в требовании умеренности в наказаниях и терпения в обучении. Потемкин неоднократно подчеркивал, что солдату необходимо своевременно выдавать все, положенное по штату.

> „Строго я буду взыскивать, — писал он, — если какое в том нерадение будет, и если солдаты будут подвержены претерпению нужды от того, что худо одеты и обуты“.

Будучи сам предельно честным и щепетильным в отношении денег человеком, Григорий Александрович сурово карал тех, кто не брезговал средствами, предназначаемыми для подчиненных. „Употребите старание ваше, — писал он одному из подчиненных генералов, — пресечь неприличное офицерами распоряжение деньгами солдатскими. Полковой командир может сие учинить по их (солдат) только просьбе, когда может доставить потребные вещи ниже той цены, за какую сами они купить могли“.

Требования подкреплялись суровыми взысканиями. Так в ордере от 9 мая 1788 года Потемкин писал генеральс-адъютанту

Рокосовскому:

> „Предерзкие поступки некоторых офицеров вверенных вам баталионов Фанагорийского гренадерского полка требуют всей законной над ними строгости, которую и принужден я употребить над ними… Предписываю чрез сие капитана Свиязева за мучительные подчиненным побои… лиша чинов, написать в рядовые. Капитана Суняшова и подпоручика Бураго за продажу солдатского провианта, лиша также чинов, но только на три года, равномерно причислить рядовыми. Прапорщиков Борисова и Велихова за пьянство их, яко нетерпимых в службе, из полку выключить с приложенными при сем паспортами“.

Сурово карал Потемкин не только офицеров, но и генералов. Так, узнав о незаконном использовании солдат в личных целях генералом Давидом Неранчичем, он писал в ордере его непосредственному начальнику генералу Нащокину:

> „Я вам даю знать, что у генерал-майора Перанчича найдено в обозе шестьдесят гусар и все по моему приказу отобраны. Сие с такою строгостию повелено мною взыскивать, что ежели я найду у вас в обозе военных или нестроевых принадлежащих армии людей, то за каждого взыщу по десяти рекрут, а может еще и хуже будет; я уже знаю, что у вас есть двое мастеровых. Бога ради не доведите меня вас оскорбить“.

Облегчению участи солдата послужила и реформа в обмундировании, которую Потемкин стал проводить с первых дней своего возвышения. Он считал необходимым очистить полки:

> „…от всех неупотребительных излишеств и каждый род войск поставить на такой ноге совершенства, чтобы в нем благопристойность была соответственно стремительному его движению“.

В 1783 году Григорий Александрович представил императрице подробнейший доклад об изменениях в форме одежды. Доклад поражает глубиной знаний истории формы одежды в целом и отдельных ее элементов.

> „Когда в России вводилось регулярство, — писал

он, — вошли офицеры иностранные с педантством тогдашнего времени, а наши, не зная прямой цены вещам военного снаряда, почли все священным и как будто таинственным: им казалось регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, в ружейных приемах и проч. Занимая себя такой дрянью, и до сего времени не знают хорошо самых важных вещей, как-то: маршированья, разных перестроениев и оборотов.

Что касается до исправности ружья, тут полирование и лощение предпочли доброте, а стрелять почти не умеют, словом, одежда войск наших и амуниция таковы, что придумать еще нельзя лучше к угнетению солдата. Красота одежды военной состоит в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением: платье должно служить солдату одеждой, а не в тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно есть плод роскоши, требует много времени, иждивения и слуг, чего у солдата быть не может“.

Далее Потемкин подробно разобрал недостатки существующих головных уборов, тесных кафтанов, камзолов, дорогостоящих лосиных штанов, которые необходимы были в ту пору, когда еще воины носили железные латы, да так и остались на оснащении войск, и прочих элементов обмундирования. В заключение он писал:

„Завиваться, пудриться, плесть косы — солдатское ли сие дело? У них камердинеров нет. Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать ее пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал и готов!“

Императрица оценила по достоинству сделанное Потемкиным. Оценили и солдаты, о которых Григорий Александрович говорил:

— Я их люблю, как детей!

Да, он любил солдат, постоянно заботился о них, стремился облегчить их участь, охотнее и душевнее беседовал с рядовыми воинами, чем со знатными и напыщенными вельможами, однако это вовсе не означало, что был сторонником попустительства и панибратства, что потворствовал нарушителям дисциплины. Об этом он писал ярко и конкретно:

„Я предписал, чтобы наказания были легкие, но если

бы кто дерзнул перед командиром быть ослушанным, того я накажу равным смертным наказанием.

Солдат есть название честное, которым и первые чины именуются. Гнусно и подло впадать им в прегрешение таковое как побег. Уходит бездельник и трус, то и желаю я, чтобы никто не впадал в столь порочный поступок, заключающий в себе нарушение присяги“.

Но как же добивался Потемкин высокой воинской дисциплины? До недавнего времени нам вдалбливали, что сознательное отношение к своему служебному долгу возможно лишь при социализме, что только революция дала возможность добиться сознательной дисциплины, а „при царизме“ все держалось лишь на палке, на страхе, на жестоких экзекуциях.

Однако при внимательном рассмотрении военно-воспитательной системы екатерининского времени убеждаешься, что она была достаточно стройной, продуманной и весьма результативной. Недаром же Потемкин, Суворов, Румянцев и другие полководцы русской национальной школы били врага не числом, а умением, и не было в мире силы, способной противостоять русскому солдату.

С первых дней службы солдату внушали отличительную черту русских солдат — непоколебимую историческую храбрость и верность». В «Инструкции пехотного (конного) полка полковнику» значилось, что каждый командир, каждый солдат обязаны заботиться «о пользе службы, чести и сохранении полка». Рекрута следовало убеждать, что он с момента вступления в службу «не крестьянин, а солдат, который именем и чином от всех его прочих званий преимуществен».

С рекрута требовали не слепого повиновения старшим, а «при обращении к начальникам быть без робости, но с пристойной смелостью».

Отмечая результаты реформ, проведенных Потемкиным, генерал Хрущев писал:

«Обращение полковников с офицерами, а офицеров с рядовыми сделали обоюдную связь любви и послушания… Беседы о службе, повиновении, сохранении присяги и верности впечатывались в молодые сердца офицеров, а от них в благомыслящих солдат…»

Значительные преобразования Потемкин провел в штатной структуре войск, в тактике действий. Им было написано немало

подробнейших инструкций, разъясняющих, как обучать и воспитывать солдат, как отрабатывать навыки в производстве того или иного приема, как осуществлять марши, чтобы подразделения и части прибывали в назначенные районы в полной боевой готовности, как тренировать егерей в прицельной стрельбе, как отбирать людей в тот или иной род войск.

Немало инструкций и приказов издано и по содержанию госпиталей, по нормам питания в них солдат и даже по порядку лечения от тех или иных недугов. Интересны его замечания о диетическом питании при том или ином заболевании. Разносторонне образованный, мыслящий, интересующийся современными достижениями в медицине, Потемкин давал дельные рекомендации даже в тех областях, в которых, казалось бы, не мог по чину своему разбираться.

Остается только удивляться, как мог всего этого достичь один человек, обремененный множеством забот государственной важности. Мы сейчас упираемся ставшими модными книгами Дейла Карнеги, стараемся научиться у него правильно строить свой день, свои отношения с окружающими, преуспевать во всем и везде… И мы при этом не подозреваем подчас, что и нам есть с кого брать пример, есть у кого поучиться. Взять хотя бы одно только направление, как построить свой день, как суметь все учесть и ничего не забыть из многообразия дел. Стоит взглянуть на то, как строил свой день Потемкин, и невольно придешь к мысли — мы в наш бурный век разучились думать, разучились все: от «нижнего до высшего чина» — по терминологии XVIII века…

День Потемкина

В 1867 году в Петербурге вышла книга, название которой теперь, в обстановке особенно пристального «внимания» к анекдотам, рекламируемым даже по центральному телевидению, может восприниматься весьма своеобразно «Собрание анекдотов о князе Григорие Александровиче Потемкине-Таврическом». Но не надо в ней искать скабрезных историй, столь свойственных анекдотам нынешним. В XVIII и XIX веках слово анекдот имело совершенно иное значение. Вот, к примеру, как объяснил его Владимир Иванович Даль в знаменитом своем «Толковом словаре живого Великорусскою языка»: «Анекдот — короткий по содержанию и сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае…» Как видим, на первом месте стоит замечательный случай, а уж потом забавный.

Так вот в собрании анекдотов биограф князя собрал именно замечательные случаи из жизни Потемкина, включив в книгу также биографический очерк и несколько глав, дополняющих рассказанное в анекдотах и раскрывающих удивительные черты характера Григория Александровича. Одна из тех глав называется: «День Потемкина».

Остановимся на ее наиболее интересных моментах и попытаемся порассуждать:

> «Потемкин в своей домашней жизни всегда держался порядка, к которому сделал привычку еще в молодости. Он ложился спать и вставал в назначенные часы; впрочем, нередко, когда было нужно сделать какое-либо важное распоряжение или когда вверенным ему войскам угрожала опасность, он проводил целые ночи, хотя в постели, но не засыпая».

Надо сказать, что он не просто валялся в кровати, как это изображалось в иных романах, он думал… И в голове зарождались новые решения и планы, которые он тотчас сообщал правителю своей канцелярии Василию Степановичу Попову, немедленно принимавшему к исполнению все распоряжения. Попов, по словам Шубинского, изумлял всех «своей неутомимой деятельностью». Он мог работать сутки напролет и при этом всегда являлся к князю чисто и опрятно одетый, бодрый, деятельный…

> «Проснувшись и выслушав доклад Попова, князь на целый час садился в холодную ванну, потом одевался, отправлял краткое утреннее моление и выходил в столовую, где уже стоял завтрак, заключавшийся обыкновенно в чашке шоколада и рюмке ликера. Затем, если был весел, Потемкин приказывал музыкантам и певцам исполнять какую-нибудь духовную кантату… Напротив, когда князь находился не в духе, к нему никто не смел являться, за исключением должностных лиц, и все двери кругом затворялись, чтобы до него не доходил никакой шум».

Вот это самое «не в духе» нельзя не прокомментировать. Еще при жизни князя его враги, любым путем старавшиеся доказать, что Потемкин пребывал в роскоши, что не обладал ни работоспособностью, ни вообще способностью к какой-либо деятельности, распускали множество сплетен, в том числе и выдумки о часто якобы нападавшей на него хандре. Потемкин

знал о многих сплетнях и выдумках и зачастую просто не обращал на них внимания, а иногда использовал мнение о себе в собственных интересах, причем очень удачно. Помогала ему и так называемая «хандра», а точнее, мнение окружающих о ней, причем периоды той самой «хандры» удивительным образом совпадали с теми периодами, когда на Потемкина наваливался непочатый край работы. С. Н. Шубинский выпустил книгу, как уже отмечалось, в 1867 году, а наиболее интересные документы — письма, приказы, реляции, ордеры — автором которых был Потемкин, увидели свет лишь в 90-х годах, потому и не удивительно, что в собрании анекдотов так называемая хандра никак не оговорена.

Издание бумаг значительно расширило представления о личности Потемкина и убедительно доказало его гигантскую работоспособность. Бывало, что в наиболее ответственные и напряженные дни он сочинял, диктовал, писал сам до 30, а то и до 40 писем, ордеров, приказов и других бумаг в сутки. А теперь попробуем самокритично взглянуть на себя и честно признаться, что иногда на одно письмо, на один-единственный важный ответ мы тратим по нескольку дней…

Так вот, кругом затворялись двери не для того, чтобы Потемкин лежал в праздности, а для того, чтобы ничто не мешало ему напряженно работать. Посетителям же объявлялось, что он в плохом настроении и лучше на глаза ему не попадаться — это отбивало охоту добиваться приема даже у самых настырных.

Что же касается умелого использования всяких слухов о себе самом и о чертах своего характера, то в этом Потемкин особенно преуспел. В 1788 году, находясь под Очаковом, он задумал дерзкую операцию, чтобы достать необходимые ему планы подземных минных галерей, сооруженных французами на подступах к крепости и некоторые секретные документы по линии министерства иностранных дел, документы, характеризующие политику Франции по отношению к России. А надо сказать, что в той войне французы оказывали существенную помощь Турции, с которой воевала Россия.

В поездку за этими документами Потемкин снарядил своего адъютанта Баура, а дабы не насторожить французов, придумал и «серьезное» поручение он объявил, что адъютант едет за модными башмаками для Прасковьи Андреевны Потемкиной, жены генерал-поручика П. С. Потемкина. Весть эта мгновенно облетела русский лагерь, офицеры судачили, вспоминая прежние «причуды». Вот, мол, князь горазд на выдумки — то в Калугу за тестом посылает, то в Сибирь за огурцами.

Тем временем Потемкин вручил Бауру рекомендательные

письма и указал адреса своих агентов в Париже. Прибыв в столицу Франции, адъютант князя не скрывал официального своего поручения и привел в восторг сплетников. Один модный щелкопер успел даже моментально сочинить водевиль о странном русском вельможе и поставить его в театре еще до отъезда Баура. Пока шли пересуды, пока Париж наслаждался спектаклем, Баур бегал за башмаками, размещая заказы в модных и дорогих лавках и мастерских. Одновременно, не привлекая внимания, он прошел и по нужным адресам, получил необходимые средства и занялся выполнением главной своей задачи. Он подкупил любовницу министра иностранных дел, и та выкрала у своего обожателя нужные бумаги. Похожим путем достал он и планы подземных минных галерей.

Надежно спрятав все документы в ворохе башмаков, Баур выехал в Россию. Пропажи французы хватились, когда он был уже в лагере под Очаковом.

Слухи о том, что Потемкин вместо того, чтобы заниматься осадой Очакова, ублажает дам, поплыли по России, но князь относился к ним равнодушно главное-то он дело во имя России сделал, секретные французские документы были в его руках, и он умело использовал их в своей деятельности.

Однако продолжим рассказ о дне Потемкина… После завтрака начиналась обычная работа. Первым к князю заходил В. С. Попов, который приносил поступавшие на его имя письма и бумаги. В кабинете Василий Степанович оставался до тех пор, пока князь не отпускал его. Затем следовал доклад статс-секретаря. Его сменял медик, делавший подробное сообщение о состоянии медицинского обеспечения поиск, и, наконец, в кабинет поочередно допускались представители дипломатического корпуса.

Вели они себя с князем исключительно деликатно. По словам В. В. Огаркова, Потемкин держался с ними, как и подобает первому министру великой России, что заставляло «даже представителя „гордого Альбиона“ лорда Мальмсберри (Гарриса) заискивать у неперменившегося с посланниками князя».

Он был достойным последователем своего предка, известного умением держаться с представителями иностранных государств и даже с царствующими особами, как и прилично великороссу, и никогда не заглядывал в рот западным деятелям, что, увы, так часто мы видим в нынешние годы…

> «По отпуске последних, — продолжает далее С. Н. Шубинский, — Потемкин запирал сбой кабинет и оставался в нем более часа один. В этой комнате

находился большой стол, на котором лежали всегда: бумага, карандаш, пруток серебра, маленькая пилка и коробочка с драгоценными камнями разного цвета и вида; когда князь о чем-либо размышлял, то, чтобы не развлекаться и сосредоточить свои мысли на известном предмете, он брал в руки два драгоценных камня и тер их один об другой, или обтачивал пилочкою серебро, или наконец раскладывал камни разными фигурами и любовался их игрою и блеском. Что в это время созревало в его уме, он тотчас же записывал на приготовленной бумаге и потом, отворив двери, звал Попова и отдавал приказания».

Умение думать, причем думать масштабно, по-государственному, отличало Потемкина. Он никогда не принимал скороспелых решений, не делал опрометчивых шагов, особенно если это касалось интересов России. Взять хотя бы реформы в военном деле. Он не спешил сразу переломать все, что было прежде, а потом уж начинать строить, не зная как, но всесторонне исследовал каждую проблему и не экспериментировал на армии и ее личном составе. Недаром о его реформах П. В. Чичагов писал: «Военные силы, соответственные населению, были соразмерны материальным средствам империи и, благодаря гению Потемкина, были вооружены и экипированы лучше, нежели где-либо в Европе. Ибо, лишь после долгих опытов, доказавших превосходство этой экипировки над прочими, он решился ее ввести в наши войска».

Безусловно, вершить все эти великие дела помогал Потемкину и распорядок дня, раз и навсегда им принятый.

Григорий Александрович умел работать, но умел и отдыхать. После утренних своих трудов он обычно, если выдавалось время, навещал знакомых, родственников, общался с нужными людьми. Затем возвращался к себе, подписывал бумаги, вручал дежурному генералу пароль на следующие сутки и в 2 часа дня, как тогда говорили в 2 часа пополудни, садился за стол.

Интересное замечание делает Шубинский и в отношении питания князя:

> «Потемкин старался строго следовать правилам умеренности и трезвости и, для сбережения своего здоровья, воздерживался, иногда по целым месяцам, от употребления вина и других излишеств».

Таким образом, все обвинения в пьянстве рассыпаются, едва прикасаешься к фактам. Да и о каком пьянстве, о какой лености

могла вообще идти речь? Каким образом лентяй и пьяница мог бы сделать столько полезного для России, сколько сделал Потемкин?!

После обеда, побыв немного с гостями, Потемкин вновь удалялся в свой кабинет и оставался в нем один довольно продолжительное время. И снова после раздумий приглашался Попов для конкретных распоряжений.

Даже в праздности Потемкин не был праздным, даже за карточным столом он не забывал о делах. С. Н. Шубинский пишет:

> «Игра происходила всегда в глубокой тишине, потому что партнеры князя, зная его привычки, не говорили ни слова, кроме того, что следовало по игре, или если князь не подавал сам повода к разговору. На игральном столе постоянно лежали карандаш и бумага, так как Потемкин и в этом занятии не оставался праздным и, часто прерывая игру, записывал то, что приходило ему в голову. Во время игры в комнату несколько раз заходил Попов, становился за стулом князя и как только замечал, что бумага отодвинута, молча брал ее и спешил привести в исполнение написанное на ней».

Ежедневно в вечернее время Потемкин совершал прогулки пешком, делал гимнастические упражнения, словом, следил за собой, за своим здоровьем и поддерживал бодрость духа. Умевший сам работать и отдыхать, причем не в ущерб делу, он заботился и об отдыхе подчиненных. Известно такое его мнение: «Чтобы человек был совершенно способен к своему назначению, потребно оному столько же веселия, сколько и пищи; в рассуждении сего наипаче надлежит помышлять о солдатах, кои без того, быв часто подвергаемы великим трудам и отягощениям, тратят бодрость и силы сердца. Унылое же войско не токмо бывает неспособно к трудным предприятиям, но и легко подвергается разным болезням».

Армии же, предводимые Потемкиным, не знали поражений, ибо их великий предводитель отдавал все свои силы, весь свой талант повышению боевой мощи и боеготовности войск.

С 1784 года Григорий Александрович являлся президентом Военной коллегии, осуществляя общее руководство всеми вооруженными силами России, готовя их к новым столкновениям с многочисленными врагами, и прежде всего с Османской империей. Помнил он о том, что вскоре после подписания Кучук-Кайнарджийского мирного договора 1774 года верховный визирь

Османской империи сказал русскому послу со всем откровением, что, если Крым останется независимым, а Керчь и Еникале во власти русских, мир, вынужденный у Порты, не продлится долго.

Независимость же Крыма была оговорена именно по этому договору, завершившему русско-турецкую войну 1768–1774 годов. И именно этот пункт не давал покоя туркам, призывая их к мщению. Новая война была неизбежна…

Светлейший князь Тавриды

Об обстановке на юге России в начале 80-х годов XVIII столетия В. В. Огарков в книге, посвященной Потемкину, писал:

> «Наши границы были отодвинуты от Черного моря значительною своею частью, флот отсутствовал, на устьях Днепра, на Днестре и Буге по соседству был целый ряд грозных турецких крепостей. Крым, хотя и освобожденный от сюзеренства Турции по Кучук-Кайнарджийскому миру, на самом деле был еще довольно послушным орудием в руках турецких эмиссаров и во всяком случае грозил нам, как союзник Турции в возможной войне…»

Уже несколько веков, с того самого времени, как его захватили остатки разгромленной Золотой Орды, Крым представлял для России «гнездо хищников, грабительствующих в русских пределах». Сколько нападений было сделано оттуда на русские и украинские земли, сколько сожжено и разграблено селений, сколько уведено в рабство людей! Походы против Крымского ханства с целью обуздания агрессора совершались и при Петре I, и в годы правления его ближайших преемников, но все оставалось безрезультатным. Григорий Александрович Потемкин, назначенный генерал-губернатором ряда наместничеств, а в том числе Новороссийского и Азовского, соприкасавшихся с Крымом непосредственно, сразу оценил важность и необходимость присоединения полуострова к России. Кстати, Потемкин был и одним из инициаторов объявления Крыма независимым.

Вступив в управление югом России, Григорий Александрович начал планомерную подготовку к присоединению полуострова. Стремясь убедить в необходимости этого акта императрицу, он писал ей в 1782 году:

> «Крым положением своим разрывает наши границы.

Нужна ли осторожность с турками по Бугу или со стороны Кубанской — во всех случаях и Крым на руках. Тут ясно видно, для чего хан нынешний туркам неприятен: для того, что он не допустит их чрез Крым входить к нам, так сказать, в сердце. Положите же теперь, что Крым ваш и что нет уже сей бородавки на носу, — вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других. Всякий их шаг тут виден. Со стороны Кубанской сверх частых крепостей, снабженных войсками, многочисленное войско Донское всегда тут готово. Доверенность жителей в Новороссийской губернии будет тогда не сумнительна, мореплавание по Черному морю свободное, а то извольте рассудить, что кораблям вашим и выходить трудно, а входить еще труднее.

Еще вдобавок избавимся от трудного содержания крепостей, кои теперь в Крыму на отдаленных пунктах.

Всемилостивейшая Государыня! Неограниченное мое усердие к вам заставляет меня говорить: презирайте зависть, которая вам препятствовать не в силах. Вы обязаны возвысить славу России. Посмотрите, кому оспорили кто что приобрел: Франция взяла Корсику; цесарцы без войны у турок в Молдавии взяли больше, нежели мы. Нет державы в Европе, чтобы не поделили между собою Азии, Африки, Америки. Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить вас не может, а только покой доставит. Удар сильный — да кому? Туркам: это вас еще больше обязывает. Поверьте, что вы сим приобретением бессмертную славу получите, и такую, какой ни один государь в России еще не имел. Сия слава положит дорогу еще к другой и большей славе: с Крымом достанется и господство в Черном море; от вас зависеть будет запирать ход туркам и кормить их или морить с голоду. Хану пожалуйте в Керчи, что хотите, — он будет рад. Вам он Крым поднесет нынешнюю зиму, и жители охотно принесут о сем просьбу. Сколько славно приобретение, столько вам будет стыда и укоризны от потомства, которое при каждых хлопотах скажет: вот она могла, да не хотела или упустила. Есть ли твоя держава кротость, то нужен в России рай. Таврический Херсон! Из тебя истекло к нам благочестие: смотри, как Екатерина Вторая паки вносит в тебя кротость христианского правления».

Если обратиться к истории древних веков, то легко установить, что в те времена Крым не принадлежал татарам. В первом тысячелетии до нашей эры там обитали кимтюрийцы и тавры — отсюда — Таврика, позже — Таврида. В 6 и 5 веках до нашей эры побережье колонизовали греки, а вскоре там возникло Боспорское государство. В 4 веке до нашей эры образовалось государство Скифское. Затем часть побережья захватили римляне, которые удерживали свои колонии до 3 века нашей эры. Позднее орудовали на полуострове готы и гунны, которые полностью разрушили древние города скифов, ликвидировав и государства Боспорское и Скифское. После этого одна часть полуострова оказалась в руках Византии, а другая, восточная, вошла в состав Тмутараканского княжества, центр которого находился на Таманском полуострове. Образовалось же оно в результате походов князя Игоря на Византию в 944 году и Святослава — в 955 году разгромившего ясов и касогов.

В XIII веке на Русь опустился мрак ордынского ига. Монголо-татары захватили Крым и Северное Причерноморье, на полуострове разместился Крымский улус Золотой Орды. После распада Золотой Орды и возникло в 1443 году Крымское ханство, уже в 1475 году попавшее в вассальную зависимость от Османской империи.

И вот в 1774 году Крымское ханство обрело независимость, хотя Османская империя и продолжала еще вмешиваться в его дела, теша себя надеждами на возвращение столь лакомого куска и удобного плацдарма для агрессивных действий против России.

Потемкин в своей политике умело опирался на приверженцев России в Крыму, а таковых было немало. Человеку труда не нужны грабежи и насилие, человек труда привык жить доходами от произведений своих рук. Бездельники, становящиеся на путь грабежа и разбоя, всегда в меньшинстве, но они и виднее всегда, виднее и заметнее. Труженики из числа крымских татар не одобряли политики разбоя и грабежей и потому горячо откликнулись на манифест, направленный Потемкиным, с призывом присягнуть русской императрице.

Понимая, что присоединение Крыма вызовет немедленное и решительное противодействие Порты, которая может даже пойти на объявление войны, Потемкин позаботился и о дипломатическом обеспечении своих действий. В результате секретных переговоров с австрийским императором Иосифом II удалось заключить русско-австрийский военный союз, по которому обе державы обязались помогать друг другу и «присоединить, в случае успеха, приграничные к империи области, которыми владела незаконно Турция, а также

восстановить Грецию и организовать из Молдавии, Валахии и Бессарабии монархию под управлением государя греческой религии».

14 декабря 1782 года императрица издала специальный рескрипт, в котором отмечалось, что возникла настоятельная необходимость провести присоединение полуострова к России, «чтобы полуостров Крымский не гнездом разбойников и мятежников на времена грядущие оказался, но прямо обращен был на пользу государства нашего в замену и награждения осьмилетнего беспокойства вопреки нашему миру понесенного, и знатных иждевений на охранение целости мирных договоров употребленных».

Там же указывалось, что «произведение в действо столь великих и важных наших предприятий» возлагается на Г. А. Потемкина.

Осуществив присоединение Крыма, Потемкин немедленно приступил к административной деятельности на полуострове. Он разделил Таврическую область на семь уездов, объявил жителям, что все татарские князья и мурзы получают права и льготы русского дворянства, разрешил сформировать «Таврическое национальное войско», которое затем с успехом участвовало в войне с Османской империей на стороне России.

По-разному восприняли присоединение к христианской державе жители полуострова. Кое-кому не понравилось свершившееся, особенно тем, кто привык жить грабежами и разбоем. Такие люди стали тайно пробираться в Турцию. Их ловили и возвращали назад. Узнав о том, Потемкин заявил, что неразумно и даже вредно удерживать тех, кто не хочет становиться российскими подданными, и приказал не только не препятствовать их эмиграции, но даже снабжать пропусками и денежными пособиями на путь следования.

Политику русского правительства относительно присоединения Крыма лучше всего выражают слова Екатерины II:

> «Присоединенные страны непристойно называть чужестранными, а обходиться с ними на таковом основании есть больше нежели ошибка, и можно назвать достоверною глупостью. Сии провинции надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть, как волки из лесу».

Слово «обрусели» ни в коем случае не означало, что императрица собралась подавлять национальное достоинство и лишать национальной самобытности крымских татар. Во время ее знаменитого путешествия по Новороссии и Крыму в 1787 году

произошел очень примечательный случай, который является лучшей иллюстрацией отношения императрицы к национальному достоинству народа. Сопровождавшие государыню австрийский принц де Линь и французский посланник граф де Сегюр озорства ради задумали подкараулить татарок, чтобы посмотреть на их лица — обычно татарские женщины прятали их под покрывалами.

Сделать это удалось, но неосторожное восклицание де Линя напугало татарок и наделало переполох. Женщины с криком пустились бежать, а навстречу им ринулась толпа разъяренных мужчин, от которых высокородные шалуны едва спаслись бегством.

На следующий день, желая развеселить императрицу, принц рассказал о происшествии, считая его забавным.

Екатерина II рассердилась и сурово заявила:

— Господа, эта шутка весьма неуместна и может послужить дурным примером. Вы посреди народа, покоренного моим оружием; я хочу, чтобы уважали его законы, его веру, его обычаи и предрассудки. Если бы мне рассказали эту историю и не назвали бы действующих лиц, то я бы никак не подумала бы на вас, а стала бы подозревать моих пажей, и они были бы строго наказаны.

В первых же своих приказах Потемкин требовал от русской администрации в Крыму дружелюбного отношения к татарам, дабы «дать почувствовать жителям выгоду настоящего своего положения», а в указе от 16 октября 1783 года объявлялось требование русского правительства «соблюдать неприкосновенную целость природной его веры». Еще прежде, в манифесте от 8 апреля 1783 года было указано «содержать жителей наравне с природными подданными».

Особую заботу проявлял Потемкин о хозяйстве Крыма, о его развитии и совершенствовании. 15 апреля 1785 года он направил генералу Михаилу Васильевичу Каховскому, командовавшему русскими войсками в Крыму и осуществлявшему управление краем, объявление на русском и татарском языках, приглашающее всех жителей «употребить всеусиленное старание, чтобы хлебопашество в надлежащее состояние было приведено». Потемкин постарался создать самые благоприятные условия для того, «чтобы способствовать размножению коммерции и ободрить промыслы».

Некоторые указы Григория Александровича не потеряли актуальности и по сей день. Взять, к примеру, ордер от 16 октября 1784 года, которым он вменял в обязанность областному правителю Крыма прекратить истребление лесов. В ордере генералу Каховскому от 9 февраля 1786 года он снова коснулся

этого важного вопроса:

> «В рассуждении о сбережении в Таврической области лесов, к чему вы почитаете за нужное определить особых смотрителей, не лучше ли было бы обязать и поощрять к тому добрым манером деревенских жителей, а особливо новозаселяемых жителей, преподавать им в том нужные наставления и пособствия и назначив удобные к садке и посеву места».

Григорий Александрович заботился не только о флоре края, но и фауне. Так, 14 августа он приказал областному правителю «достать на Кубанской стороне фазанов и перевесть их в Тавриду для разводу в способных местах, чтобы завелось их более, имея их однако всегда на воле».

По распоряжению князя множились сады, виноградники, шелковичные плантации, проводилось исследование недр, строились новые и совершенствовались старые города.

Не забыл князь и о народном образовании, для чего были открыты в Крыму училища, а в Новороссии планировалось создать Екатеринославский университет, исполнению чего помешала война…

Современники свидетельствовали, что скоро:

> «…неусыпными трудами князя дикие степи новой Тавриды, подобно степям Новороссийским, превратились в обработанные поля и прекрасные луга. Развелось овцеводство, бедные татарские деревни и города начали терять свой жалкий вид, оживленные соседством богатых русских селений».

Об отношении же местных жителей к русскому правительству свидетельствует такой примечательный случай, описанный принцем де Линем в воспоминаниях. Во время путешествия по Таврической области едва не приключилась беда. Дорога к Бахчисараю шла под уклон, и резвые лошади неожиданно понесли карету императрицы, грозя опрокинуть ее и разбить вдребезги. Принц, находившийся рядом с Екатериной II, писал:

> «Она была в то время так же спокойна, как при последнем завтраке. Новые подданные, крымцы, устремились спасать ее, спешились, легли на дороге и, бешенством своей отважности, воздержали бешенство лошадей».

Кстати, история помнит и еще один факт, в нынешние дни кажущийся невероятным и неправдоподобным. При въезде в Крым императрица распорядилась, чтобы далее ее личную охрану осуществляли новые ее подданные крымские татары!..

Такой была правительница «тюрьмы народов», и таковой была сама та «тюрьма», в которую народы не приходилось загонять силой, а чаще сами они стремились встать под скипетр России, дабы расцвести, окрепнуть и разбогатеть под щедрой и доброй рукой могучей державы, надежной защитницы от всех бед.

Таким был инициатор и организатор присоединения Крыма, основатель замечательного города русской славы — Севастополя Григорий Александрович Потемкин, которого императрица нарекла в честь его грандиозного свершения князем Таврическим.

«Потемкинские города»

Упомянув о путешествии Екатерины II, совершенном ею в 1787 году по Новороссии и Крыму, нельзя не остановиться на бессовестной лжи, долгое время кочевавшей по многим историческим произведениям — мифе о так называемых «потемкинских деревнях». Суть ничем не подкрепленных сплетен заключалась в том, что якобы Потемкин, готовясь к встрече государыни, настроил на пути ее следования множество декораций, в том, что даже дома в деревнях были картонными, а сады представляли не что иное, как натыканный в снег хворост. В стремлении дополнить сплетню личными домыслами, направленными против величайшего гения России Потемкина, некоторые советские писатели дошли до того, что превзошли разумные пределы. Так, некий М. Т. Петров в романе «Румянцев-Задунайский», изданном в Саранске несколько лет назад, рассказывая о путешествии Екатерины II по краю, управляемому Потемкиным, не удосужился даже посмотреть, когда императрица достигла тех мест, о которых идет речь. Он повествует о том, как Румянцев бродит по сугробам, заглядывает за разрисованные щиты, скрывающие дряхлые избенки, с возмущением обнаруживает натыканные кучи хвороста, а адъютант, забегая вперед, пробивает генерал-фельдмаршалу тропинки в сугробах. Императрица покинула Киев 22 апреля (по старому), а следовательно, 3 мая по новому стилю. Некоторое время путешествие осуществлялось по Днепру и лишь после Канева по дорогам… Интересно, какие же санные возки могли быть в начале мая, да еще на цветущей Украине? Какие сугробы могли быть в то время? И ведь эту ложь, тиражируемую издательством, читали

люди, читали и искренне возмущались Потемкиным, столь бессовестно втиравшим очки своей государыне, своей покровительнице, вовсе не подозревая, что советский писатель способен на бессовестный подлог в угоду сусловско-брежневской администрации, продолжавшей курс на извращение русской истории. В романе М. Т. Петрова по той же причине Екатерина II изображена в традициях самых отвратительных, а сцены, касающиеся ее личной жизни, почерпнуты из пошлых анекдотов.

Но не будем подробно останавливаться на этом графоманском издании; упоминание о нем нам понадобится лишь для того, чтобы воочию убедиться, на чем зиждилась хула и сколь беспомощна ложь, если лгуны, в погоне за сенсацией, не удосуживались обратить внимание на столь заметные явления, как вьюга и сугробы на Украине в начале мая. Оставим это на их совести, тем более сохранились свидетельства очевидцев, не оставляющие камня на камне от мифа о «потемкинских деревнях».

22 июня 1782 года, за пять лет до путешествия императрицы, бывший гетман Украины Кирилл Григорьевич Разумовский, посетивший те края, с восторгом писал о них и о деятельности Потемкина:

> «В сделанном мною в Херсоне вояже я ощущал особливое удовольствие, ибо неточию в путешествии сем не имел никакого беспокойства, но зрение мое беспрестанно занималось приятным удивлением, поколику на самой той ужасной своею пустотою степи, где в недавнем времени едва кое-где рассеянные обретаемы были ничего не значущие избушки, называемые от бывших запорожцев зимовниками, на сей пустоте, особливо по Херсонскому пути, начиная от самого Кременчуга, нашел я довольные селения верстах в 20, в 25 и не далее 30, большею же частью при обильных водах.
>
> Что принадлежит до самого Херсона, то, кроме известного великолепного Днепра, северный берег которого здесь оным населяется, представьте себе множество всякий час умножающихся каменных зданий, крепость, замыкавшую в себе цитадель и лучшие строения, адмиралтейство с строящимися и построенными уже кораблями, обширное поместье, обитаемое купечеством и мещанами разнородными, с одной стороны, казармы, около 10 000 военнослужащих в себя вмещающие, с другой. Присовокупите к сему

почти перед самым предместием и видоприятный остров с карантинными строениями, с греческими купеческими кораблями и с проводимыми для выгод сих судов каналами. Все сие вообразите и тогда вы не удивитесь, когда вам скажу, что я и поныне не могу выйти из недоумения о толь скором возращении на месте, где так недавно один токмо обретался зимовник. Не говорю уже о том, что сей город, конечно, вскорости процветет богатством и коммерциею, сколь то видеть можно из завидного начала оной. Херсон для меня столь показался приятен, ч го я взял в нем и место для постройки дома, на случай, хоть быть там некогда и согражданином. Скажу вам и то, что не один сей город занимал мое удивление. Новые и весьма недавно также основанные города Никополь, Новый-Кондак, лепоустроснный Екатеринославль. К тому же присовокупить должно расчищенные и к судоходству удобными сделанные Нанасытицкие порот с проведенным и проводимым при них с невероятным успехом каналом, равно достойны всякого внимания и разума человеческого».

Надо думать, что Разумовский был сражен не карточными домиками, не декорациями, не хворостом, заменяющим сады, а действительными творениями рук человеческих, творениями, которые организовал и направил на великое созидание гений Потемкина.

Безусловно, Потемкин готовился к встрече, но подготовка эта вовсе не заключалась в стремлении втереть очки. Сохранились конкретные его указания многим должностным лицам.

«Дорогу от Кизикерменя до Перекопа сделать богатою рукою, чтоб не уступала римским. Я назову ее „Екатерининский путь“, — писал Григорий Александрович одному из своих подчиненных. Правителю Екатеринославского наместничества он приказывал: „Употребите все силы, не теряя ни минуты, чтобы все было в исправном порядке и готовности к приезду ее величества. Постарайтесь, по всей возможности, чтоб город был в лучшей чистоте и опрятности“».

А вот что говорилось в распоряжении, касающемся так часто упоминаемых распространителями мифа о «потемкинских деревнях» покосившихся избушек:

«Безобразящие строения разломать и срыть, особливо прибрать возле рядов».

Не забыл Потемкин и о культурной программе путешествия:

«Капельмейстеру Сарти предписанную ему пьесу скорее приуготовить и постараться, чтоб оная произведена была наивеликолепнейшим и огромнейшим образом. Обмундирование музыкантов и певчих, буде еще не окончено, тот час оное завершить».

Любопытно и то, что не Потемкину, знатному, как его любят называть, вельможе, писали речи и доклады, а напротив, он сам учил людей ораторскому искусству. Наставления его архиепископу Амвросию, приглашенному в Киев для встречи императрицы, очень показательны в этом плане:

«При первой встрече императрицы ваше преосвященство благоволите сказать самое краткое приветствие; но при сем случае, когда в лице дворянства все губернские представятся ее величеству в тронной зале, тогда вы за всех говорить будете. Речь сия должна состоять из благодарности, какую Россия чувствует в превращении земли сей из необитаемой степи в сад плодоносный; тут пройдите все пагубные следствия, от бывших соседей нанесенные, что татары обладали прежде нациею нашею; по разрушении же их царства, возгнездившиеся в Крыме, испускали по временам вред на многие провинции; но десница ее императорского величества стерла супостата, присоединила землю к Империи и народ, прежде вредный, сделался нам собратией…»

Приготовления к приезду императрицы, как видим, делались и немалые. Но можно ли осуждать за них Потемкина? На Руси издревле живет традиция широко, хлебосольно, щедро встречать гостей, здесь же не просто гостья приезжала, а государыня, да не одна, а с представителями чуть ли не всей Европы, с дипломатами, царствующими особами, военными и государственными деятелями.

Участники путешествия стали свидетелями необыкновенной по масштабам созидательной деятельности. Граф де Сегюр вспоминал:

«Множество народа громкими криками

приветствовало императрицу, когда, при громе пушек, матросы мерно ударяли по волнам Борисфена своими блестящими, расписанными веслами. По берегам появлялись толпы любопытных, которые беспрестанно менялись и стекались со всех сторон, чтобы видеть торжественный поезд и поднести в дар императрице произведения различных местностей…»

В мифе же о «потемкинских деревнях» говорилось, что толпы народа Потемкин перегонял от одного населенного пункта к другому, дабы показать обжитость края. И опять-таки тому же М. Т. Петрову, который с удовольствием перепевает в романе эту сплетню, словно бы недосуг было заглянуть в строгие исторические исследования, в которых говорится о комплектовании значительного количества иррегулярных полков именно в краю, возрожденном к жизни Потемкиным.

Поразили путешественников и города, возведенные Потемкиным. Поразил Херсон, о котором граф де Сегюр писал с не меньшим восторгом, чем за пять лет до того Разумовский. Неповторимое впечатление оставил Севастополь, главная база Черноморского флота, созданного трудами Потемкина.

Строительство Черноморского флота началось сразу после окончания русско-турецкой войны 1768–1774 годов. К тому времени на юге России существовали лишь две флотилии — Азовская (Донская) и Дунайская, которая в годы войны оказывала поддержку сухопутным войскам. Потемкин развернул строительство новых верфей и баз на Днепре и Днепровско-Бугском лимане, где в 1775 году заложил Глубокую Пристань.

Но лишь после присоединения Крыма к России удалось создать настоящую базу для флота. Для этого Потемкин избрал бухту Ахтияр, названную им Севастопольским пристанищем. 10 августа 1785 года, когда строительство уже шло полным ходом, он представил императрице подробнейший доклад, в котором показал глубокое знание всех вопросов, касающихся строительства порта и крепости, размещения в бухте флота, а также охраны и обороны ее, доставки к месту работ необходимых стройматериалов и, конечно, изыскания людских ресурсов. Объемный и всесторонне продуманный доклад поражает своим совершенством. Он убедительно доказывает, кого надо считать основателем города русской славы — Севастополя. Потемкин писал:

«Главная и одна только крепость должна быть Севастополь при гавани того же имени, которой описание и сметы у сего прилагаются… Воздух в сем

> месте благорастворенный и жаркие летние дни прохлаждаются морскими ветрами; земля в окрестностях тучная, как и во всем пространстве Таврической области; камень для строения находится в самой близости, так же и в лесе, для сожжения извести, кирпича и черепицы недостатку быть не может».

Интересны размышления Потемкина об укреплении и организации обороны гавани, в которых он легко оперирует фактами и примерами из истории фортификации не только отечественной, но и зарубежной. И по сен день целы в Севастополе многие строения и укрепления, заложенные по плану, начертанному Потемкиным, но нет в городе ни улицы, ни площади, которые бы носили его имя.

В 1787 году он в том не нуждался, ибо каждый знал, кто создатель необыкновенного чуда, представшего глазам императрицы и сопровождавших ее сановников. В Инкермане Потемкин дал прекрасный обед, в разгар которого по приказу князя был отдернут занавес. Взору присутствовавших открылась прекрасно оборудованная гавань, на рейде которой стояли 3 больших корабля, 12 фрегатов, 20 малых судов и 2 брандера.

Прогремел салют в честь российской императрицы. Зрелище было столь неожиданным, торжественным и величественным, что даже скептически настроенный ко всем австрийский император Иосиф II написал:

> «Императрица в восхищении от такого приращения сил России. Князь Потемкин в настоящее время всемогущ, и нельзя вообразить себе, как все за ним ухаживают». Сама же императрица писала по поводу увиденного: «Здесь, где назад тому три года ничего не было, я нашла довольно красивый город и флотилию, довольно живую и бойкую на вид; гавань, якорная стоянка и пристань хороши от природы, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что он во всем этом обнаружил величайшую деятельность и прозорливость».
>
> В Севастополе императрица присутствовала при подъеме кайзер-флага на флагмане Черноморского флота линейном корабле «Слава Екатерины». Кстати, нужно заметить, что императрица, узнав о таком наименовании корабля, велела Потемкину впредь не делать подобных вещей — российская императрица была значительно скромнее, нежели известные деятели послереволюционного периода, которые еще при жизни назвали своими именами многие города, ничего не

сделав для созидания, а лишь разрушив то, что содеяно было другими. Интересно и отношение императрицы к попытке дать ей титулы «Матери Отечества» и «Великой». В письме по этому поводу, адресованному князю А. М. Голицыну, она писала: «Князь Александр Михайлович! Уведомилась я, что дворянство С. Петербургской губернии вздумало приносить мне титулы и собирается сделать огромные встречи. Вам известен образ моих мыслей, а потому и судить можете, сколь излишним и непристойным все то я почитаю. Не приобретение пустых названий есть предмет моего царствования, но доставление блага и спокойствия Отечеству и вознесение славы и величия его; потому и не может иное мне приятно и угодно быть, как повиновение моей воле, ревностное и тщательное каждым звания на него возложенного исполнение вместо упражнения в подобных выдумках. Равным образом и встреча мне не нужна. Чего ради я желаю, чтобы собранные деньги отданы были в Приказ общественного призрения для употребления на дела полезные…»

Это письмо императрица отправила с дороги, возвращаясь из путешествия по Белоруссии. Узнав, что дворянством собрано свыше 500 тысяч рублей, она от себя добавила еще 15 тысяч и приказала использовать средства эти на «облегчение несчастных».

Да, не позаботились при жизни своей ни Потемкин, ни его государыня, чтобы оставить в Севастополе память о себе, как оставили в кем те деятели, которые и палец о палец не ударили для его создания…

Военную сторону деяний Потемкина оценил граф де Сегюр, который отметил:

> «Вход в залив спокоен, без опасен, защищен от ветров и достаточно узок, так что береговых батарей можно открыть перекрестный огонь, и даже ядра могут долетать с одной стороны на другую».

По окончании поездки императрица пожаловала Потемкина титулом «Таврического» — в княжеское достоинство он был возведен несколько раньше. Кроме того, она приказала составить похвальную грамоту с перечислением его знаменитых заслуг перед Россией:

> «…в при соединении Тавриды к Российской империи, успешном за ведении хозяйственной части и

населении губернии Екатеринославской, в строении городов и умножении морских сил на Черном море».

Путешествие российской императрицы ошеломило Порту, поразило ее словно гром среди ясного неба. Крым и так был для турок притчей во языцех, а теперь, когда они узнали о необыкновенных торжествах там, терпение их кончилось.

Последующие события показали, что война не за горами. Впрочем, Потемкин ожидал этого рано или поздно, потому и готовил столь тщательно армию и флот к грядущему столкновению.

И вот 15 июля 1787 года Рейс-Эфендий вручил русскому послу в Константинополе Якову Ивановичу Булгакову ультиматум, в котором излагались требования Порты, сводившие на нет все предыдущие соглашения и трактаты. Ответ было предложено дать не позднее 15–20 августа. Срок по тому времени нереальный, ибо курьер просто не мог успеть добраться до Петербурга и возвратиться обратно. Но не прошло и установленного турками времени, когда Булгаков вновь был приглашен на заседание дивана — совета при турецком султане, — на котором от него потребовали немедленного возвращения Османской империи Крыма и признания недействительным Кучук-Кайнарджийского мирного договора. Булгаков заявил, что этот ультиматум не считает нужным передавать в Петербург, ибо заранее знает, каков будет ответ. Его заточили в Семибашенный замок — константинопольскую политическую тюрьму, а уже 13 августа Порта объявила войну России.

Настал час испытания для Григория Александровича Потемкина, час проверки на прочность всего содеянного им в предвоенные годы. Оценивая гигантскую его деятельность в годы той войны, ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба генерал-майор Д. Ф. Масловский писал:

«Блестящие эпизоды подвигов Суворова во 2-ю турецкую войну 1787–1791 годов составляют гордость России. Но эти подвиги (одни из лучших страниц нашей военной истории) лишь часть целого; по оторванным же, отдельным случаям никак нельзя судить об общем, а тем более делать вывод о состоянии военного искусства. 2-я турецкая война, конечно, должна быть названа „Потемкинскою“. Великий Суворов, столь же великий Румянцев занимают в это время вторые места. В строгом научном отношении, для суждения об общем уровне, которого достигло русское военное искусство в конце царствования Екатерины II, для заключения о значении реформ императоров Павла I и

Александра I, 2-я турецкая война должна быть рассматриваема в целом, главным образом, как „Потемкинская война“».

«Потемкинская война»

Прусский посланник Сольмс писал Фридриху II: «Все Екатерининские войны ведутся русским умом». Именно в этом заключались истоки наиболее блестящих побед русского оружия, побед, во время которых русские несли неизмеримо меньшие по сравнению с противником потери, уничтожая при этом целые полчища неприятеля. Не имея возможности полностью умолчать об этом, на Западе договорились до того, что стали упрекать Суворова в кровожадности. А между тем все без исключения генералы русской военной школы, основоположниками и законодателями которой были Потемкин, Румянцев, Суворов, отличались особенным милосердием в обращении с пленными, и в каждом их приказе обязательно содержалось требование щадить просящих пощады и раненых, с малолетками не воевать, женщин и стариков не обижать. Только ожесточение противника заставляло проливать много его же крови. Но перед каждым штурмом крепостей и Потемкин, и Румянцев, и Суворов обязательно направляли гарнизону предложения о сдаче, причем на очень выгодных условиях.

В этих ультиматумах русские полководцы обязательно предупреждали неприятельское командование об ответственности за кровопролитие, которое неизбежно должно было произойти в случае отказа от сдачи. И предложения эти были вполне обоснованными, ибо если в 1-ю турецкую («Румянцевскую») войну 1768–1774 годов еще были случаи, когда, не сумев взять крепость, русские войска снимали осаду, то в «Потемкинскую войну» таких случаев не было, за исключением отступления от Измаила в 1789 году князя Н. В. Репнина по совершенно необоснованным причинам и снятия осады Измаила в 1790 году Гудовичем, которое кстати произошло буквально за несколько дней до того, как присланный туда Суворов взял крепость блестящим штурмом…

В остальных случаях, если русские войска осаждали крепость, то она уже была обречена.

Думается, более справедливо упрекнуть турецких сераскеров и пашей, упорствовавших вопреки здравому смыслу, что и сделал князь Потемкин после победоносного штурма Очакова, стоившего туркам 8700 убитых, 1840 умерших от ран и 4000 пленных.

— Твоему упорству мы обязаны этим кровопролитием, —

сказал Григорий Александрович.

— Оставь свои упреки, — возразил Гуссейн-паша. — Я исполнил свой долг, как ты свой.

А ведь нельзя было назвать врага, с которым довелось сражаться русским чудо-богатырям в годы той войны, слабым. Мужество и отвагу турок, их ожесточение не раз отмечал сам Потемкин, о том докладывали ему и подчиненные генералы. Так, после Кинбурнской победы Суворов писал: «Какие ж молодцы, Светлейший Князь, с такими я еще не дирался!»

Можно ли упрекать в жестокости Суворова, если он, не имея даже превосходства над противником, а уступая ему числом войск втрое, отразил под Кинбурном атаки турецкого десанта и уничтожил 5 тысяч из 5 тысяч 300 высадившихся турок, потеряв при этом 136 человек убитыми и 297 ранеными?! Он, что ли, звал неприятелей на Кинбурнскую косу, чтобы затем учинить эту «расправу»? Честный бой, в котором русские чудо-богатыри проявили великолепное мужество, а турки заслужили похвалу самого Суворова, решил дело, принеся первую значительную победу в «Потемкинской» войне и заставив турок отказаться от замысла по захвату Кинбурна, Глубокой Пристани, Херсона и нанесения удара на Крым. Ведь нападение на Кинбурн было их ближайшей задачей — началом исполнения далеко идущих агрессивных планов.

А сколько нелепиц мы слышали об осаде и штурме Очакова? В чем только не упрекали Потемкина и историки и литераторы — и в медлительности, и бездеятельности, и в лености, и даже в трусости…

А между тем осада Очакова и последующий его штурм можно оценить как блестяще осуществленную операцию. И все действия Потемкина у стен вражеской твердыни свидетельствуют о замечательных его качествах, как военачальника и человека.

Григория Александровича торопили из Петербурга, даже императрица поначалу просила ускорить взятие Очакова. Правда, уяснив затем глубокий смысл его действий, она стала союзницей его во всех его решениях.

Потемкин предвидел, что при дворе будет немало пересудов, что «паркетные полководцы» не устанут убеждать Екатерину в том, что взять Очаков — пустяшное дело. Однако он имел свое твердое мнение, достаточно взвешенное, ибо судил об Очакове не понаслышке, а на основании личного изучения турецких укреплений и обобщения разведывательных данных.

Еще в ноябре 1787 года, вскоре после Кинбурнского сражения, он сам побывал под стенами крепости. В тот ноябрьский день он сел в шлюпку и приблизился к Очакову на

расстояние не только артиллерийского, но даже ружейного выстрела, чтобы лучше рассмотреть крепость. Турки немедленно открыли огонь. Поблизости от шлюпки падали ядра, в воду врезались пули, но Потемкин продолжал рекогносцировку до тех нор, пока не изучил все интересующие его вопросы. Затем он долго в задумчивости стоял на берегу, офицерам же гарнизона сказал перед отъездом:

— Турки, наверное, в будущую кампанию придут в лиман для отмщения вам за вашу отважность и причиненные беспокойства, но я надеюсь на вас всех…

В целом кампания 1787 года была удачной для русской армии, но в сентябре месяце, еще до победоносного сражения под Кинбурном, на Потемкина свалилась великая беда…

В начале войны он отдал приказ командующему Севастопольской эскадрой контр-адмиралу Войновичу:

> «Хотя бы всем погибнуть, но должно показать свою неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля. Сие объявить всем офицерам вашим. Где завидите флот турецкий, атакуйте его во что бы то ни стало, хотя бы всем пропасть…»

Приказ суров, но сурово было и время. Флот создавался не для парадов в гавани, а для действий против превосходящего численно османского флота, для завоевания любой ценой господства на Черном море, без которого и успех на сухопутном театре не мог быть существенным. Одолеть же турок можно было лишь решительными и дерзкими действиями.

24 сентября Потемкин получил ошеломившее его известие, вызвавшее впоследствии много кривотолков. Севастопольская флотилия, составлявшая основу всего Черноморского флота, его детище, была разбита бурей. Трудно передать горе князя, столько сил и энергии вложившего в создание флота. В тот день, 24 сентября, он был близок к отчаянию, о чем свидетельствуют его письма… Правда, сразу нужно оговориться — искренне и откровенно поделился он своим горем лишь с двумя самыми близкими ему людьми — со своим учителем и другом П. Л. Румянцевым и, конечно, с императрицей…

> «Матушка, государыня, — писал он, — я несчастлив; флот Севастопольский разбит бурею; остаток его в Севастополе, все малые и ненадежные суда и, лучше сказать, не употребительные; корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки. Я при моей болезни поражен до крайности: нет ни ума, ни духу. Я

просил о поручении начальства другому. Верьте, что себя чувствую (sic); не дайте чрез сие терпеть делам. Ей, я почти мертв, я все милости и имение, которое получил от щедрот ваших, повергаю к стопам вашим и хочу в уединений и неизвестности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу к графу Петру Александровичу (Румянцеву. — Н. Ш.), чтоб он вступил в начальство, но, не имея от вас повеления, не чаю, чтобы он принял…»

Злопыхатели жестоко посмеялись над горем князя, с сарказмом писал о нем и К. Валишсвский в книге «Роман императрицы» и М. Т. Петров в романе «Румянцев-Задунайский». Письмо, которое было сугубо личным и секретным, адресованное только императрице, каким-то образом стало известно при дворе. Людям же, никогда и ни во что не вложившим и доли своего труда, нелегко понять человека, столько забот и трудов употребившего на дело, когда это дело гибнет.

«Правда, матушка, — писал далее Григорий Александрович, — что сия рана глубоко вошла в мое сердце. Сколь я преодолевал препятствий и труда понес в построение флота, который бы через год предписывал законы Царь-городу (Константинополю. — Н. Ш.). Преждевременное открытие войны принудило меня предприять атаковать разделенный флот турецкий с чем можно было, но Бог не благословил. Вы не можете представить, сколь сей печальный случай меня почти поразил до отчаяния».

Горьким и печальным было и письмо к Румянцеву, которое заканчивалось предложением принять командование всеми вооруженными силами на юге России, и в том числе и Черноморским флотом. Ответ Румянцева опровергает измышления некоторых историков и многих литераторов о том, что Петр Александрович был Потемкину врагом, завидовал его успехам и славе. Старый фельдмаршал писал:

«Что до письма государыни, то я его и поныне не имею и не желаю, чтобы в нем была нужда; но того желаю от всего сердца, чтобы вы, милостивый князь, наискорее выздоровели, и, тут всего к лучшему учредя и в Петербурге, где вы, конечно, и необходимо надобны, побывав благополучно, возвратились и чтобы все обстоятельства вообще вам поспособствовали на

одержание вам же определенных побед и славы. Сего вам от всей души и наусерднейше желает к вам всегда преданный и вас душевно любящий…»

Немало было пересудов о том, что Потемкин опустил руки и потерял способность к руководству войсками. Но, во-первых, неудача была не такая уж пустячная, и, во-вторых, о своем душевном состоянии он признавался только тому, кому безгранично верил и к чьим советам прислушивался. Перед подчиненными же он оставался по-прежнему строгим, требовательным и распорядительным командиром, о чем свидетельствуют многочисленные его бумаги. Так, 26 сентября он писал Суворову:

> «Флот наш, выдержавши наижесточайшую бурю, какой не помнят старые мореходы, собирается в гавани Севастопольской. И так остается употребить старание о скорейшей починке флота, дабы к будущей кампании был оный в состоянии выйти в море».

В те дни Потемкин направил десятки писем в разные адреса, издал немало приказов. В них не было и тени растерянности. 29 сентября он отдал распоряжение адмиралу Мордвинову:

> «Подтверждаю вашему превосходительству о снаряжении порта Севастопольского всеми нужными для вооружения флота припасами и материалами, особливо же мачтами, дабы ничто не могло препятствовать скорейшему приведению в исправность поврежденных кораблей».

Профессор Д. Ф. Масловский сделал такой вывод:

> «Если у Потемкина (в особенности после неудачи Севастопольской эскадры) начинают проявляться известные колебания, положим, хотя бы мнимая болезнь, то, ближе всматриваясь в грандиозность выпавшей ему задачи, — эти волнения (тем более по особенностям характера) не могут быть признаны неестественными. Весь вопрос в том, ослабела ли его энергия за это время? Касаясь его распоряжений (директивы Суворову, Мордвинову и др.) на главном театре, мы этого не замечаем».

Была и еще одна расхожая сплетня, о которой нельзя не

упомянуть в связи с тиражированием в последнее время антиисторических русофобских романов К. Валишевского о том, якобы, что Потемкин хотел даже, в отчаянии, оставить Крым. Да, он высказывал такие мысли, но опять же только двум людям Румянцеву, которого по справедливости считал своим учителем, и императрице. Объяснял это довольно просто: оборонять полуостров, не имея флота, крайне сложно, ибо турки обладают в этом случае грандиозным преимуществом в выборе места высадки десанта и направлении главного удара. Реагировать же на их действия, учитывая рельеф местности, сложнее, чем, запустив их на полуостров, разбить в полевом сражении. Румянцев и императрица отвергли подобный план действий, да и сам Потемкин склонялся более к тому, чтобы, полностью не покидая полуострова, сосредоточить крупные силы в одном кулаке, где-нибудь в центре его.

Что же касается передачи командования другому лицу, хотя бы даже самому Румянцеву, то и здесь ни Петр Александрович, ни Екатерина II с Потемкиным согласиться не могли, ибо понимали его роль в той войне. Кстати, вот как эту роль оценил русский профессор Д. Ф. Масловский:

> «Главным действующим лицом в войну 1787–1791 гг. был фельдмаршал Потемкин. Командуя войсками всего южного пограничного пространства, созданными им военными поселениями, начальствуя им же возрожденным краем, заведуя иррегулярными войсками и, наконец, управляя почти 14 лет делами Военной коллегии, — Потемкин является главнокомандующим по праву, безусловно незаменимым при тогдашних обстоятельствах и вполне ответственным перед историей за последствия его специально-военной и административной деятельности в период от конца 1-й и до начала 2-й турецкой войны».

Он и провел ту войну с блеском, о чем убедительно говорят замечательные победы русского оружия, в том числе и беспримерный в истории штурм Очакова, продолжавшийся всего час с четвертью, но заставивший содрогнуться от ужаса «блистательную» Порту. Об имевшей же якобы место медлительности сам Потемкин писал императрице:

> «Если бы следовало мне только жертвовать собою, то будьте уверены, что я не замешкаюсь минуты, но сохранение людей, столь драгоценных, обязывает идти верными шагами и не делать сумнительной попытки…»

Медлил же он с Очаковом по целому ряду вполне объяснимых причин. При выдвижении к крепости он не торопился, поскольку опасался атаки турок на Херсон и Пристань Глубокую, и лишь после разгрома неприятельского флота в лимане уверенно двинулся к крепости и осадил ее 1 июля 1788 года. Медление с началом построения батарей тоже, как оказывается, объяснимо: имея в Очакове сильную агентуру, Потемкин рассчитывал на сдачу крепости. И лишь после провала агентуры, после того, как турки казнили ее, выставив головы казненных на колах, он отдал распоряжение о сильной бомбардировке, которая в конечном счете предрешила успех и позволила завершить дело с малыми потерями.

Блестяще была проведена Потемкиным и кампания 1789 года, во время которой турки были биты под Максименами и Галацем генералом Дерфельденом, под Фокшанами и Рымником Суворовым. Сам же Григорий Александрович взял бескровно Аккерман и Бендеры. Императрица писала ему:

> «Знатно, что имя твое страшно врагам, что сдались на дискрецию, что лишь показался… кампания твоя нынешняя щегольская».

Здесь нужно добавить, что в течение всего 1789 года войска, предводимые Потемкиным, успешно били врага и на суше, и на море. Следующий, 1790 год был славен штурмом Измаила, с блеском проведенным Суворовым, а 1791 год знаменитой победой Ушакова при Калиакрии, окончательно подорвавшей волю Порты к сопротивлению.

«Благослови, господь, Потемкина!»

Завершив свою «Потемкинскую» войну полной победой, Григорий Александрович умер 5 декабря 1791 года по дороге из Ясс в Николаев, так и не успев подписать мирный договор.

«Страшный удар разразился над моей головою… -

писала Екатерина II, -

> мой ученик, мой друг, можно сказать, мой идол, князь Потемкин-Таврический умер в Молдавии… Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца; цели его всегда были направлены к великому… Им никто не управлял, но сам он

удивительно умел управлять другими… у него были смелый ум, смелая душа, смелое сердце…»

Мужеству и отваге он учил и своих солдат, часто повторяя:

— Я вас прошу однажды и навсегда, чтобы вы предо мною не вставали, а турецким ядрам не кланялись…

Русские воины с восхищением говорили о нем:

— Благослови, Господь, Потемкина!..

Болью отозвалась кончина Григория Александровича в их сердцах. Один гренадер сказал племяннику князя Л. Н. Энгельгардту:

— Покойный его светлость был нам отец, облегчил нашу службу, довольствовал нас всеми потребностями, словом сказать, мы были избалованные его дети; не будем уже мы иметь подобного ему командира: дай Бог ему вечную память!

Оплакивая утрату, генерал-фельдмаршал Румянцев сказал о Потемкине:

— Россия лишилась в нем великого мужа, а Отечество потеряло усерднейшего сына, бессмертного по заслугам своим.

Владимир Федоров
Император Александр I

Старший сын Павла I и внук Екатерины II родился 12 декабря 1777 года. Екатерина II нарекла его в честь Александра Невского — покровителя Петербурга. Александр был се любимым внуком, и она сама руководила его воспитанием, пригласив лучших преподавателей. Русскую словесность и историю преподавал ему М. Н. Муравьев — писатель, один из просвещеннейших людей своего времени (отец будущих декабристов Никиты и Александра Муравьевых); естественные науки — известный ученый и путешественник, академик П. С. Паллас; законоучителем и духовником был протоиерей А. А. Самборский — по отзывам современников, «человек светский, лишенный глубокого религиозного чувства», сумевший, однако же, внушить это чувство своему ученику. Самборский долго жил в Англии, был страстным англоманом; ему было поручено, помимо духовных наставлений, обучать Александра английскому языку.

По рекомендации широко известного в то время в Европе публициста и дипломата Фридриха Гримма, с которым Екатерина вела дружескую переписку, в 1782 г. в Россию был приглашен швейцарец Фридрих-Цезарь Лагарп — человек высокообразованный, приверженец идей Просвещения и республиканец по взглядам — состоять «кавалером» при Александре и обучать его французскому языку. В этой должности он находился 11 лет (1784–1795), имея полную свободу внушать своему ученику те идеи, которые разделял. Знакомя Александра с отвлеченными понятиями о естественном равенстве людей, предпочтительности республиканской формы правления, о политической и гражданской свободе, о «всеобщем благе», к которому должен стремиться правитель, Лагарп при этом тщательно обходил реальные язвы крепостнической России. Более всего он занимался нравственным воспитанием своего ученика. Рассказывают, что по совету Лагарпа Александр вел журнал, куда записывал все свои проступки. Впоследствии он говорил, что всем, что есть в нем хорошего, он обязан Лагарпу.

Общий надзор за воспитанием Александра и его младшего брата Константина был вверен графу Н. И. Салтыкову, ограниченному, но ловкому придворному интригану, главной обязанностью которого было доносить императрице о каждом шаге Александра и Константина, равно как и их воспитателей.

Несмотря на подбор блестящих преподавателей, Александр не получил основательного образования. Они отмечали в своем ученике нелюбовь к серьезному учению, медлительность, леность, склонность к праздности. Он не умел сосредоточиться. Мало читал; обладая незаурядным умом, быстро схватывал всякую мысль, но потом так же быстро ее забывал. В 1793 г., когда Александру еще не исполнилось и 16 лет, Екатерина II женила его на 14-летней баденской принцессе Луизе, нареченной в православии Елизаветой Алексеевной. Женитьба положила конец учебным занятиям Александра.

Действенной школой его воспитания была атмосфера враждующих между собою «большого двора» Екатерины II в Петербурге и «малого» — Павла Петровича в Гатчине. Необходимость лавировать между ними приучила Александра, по выражению историка В. О. Ключевского, «жить на два ума, держать две парадные физиономии», развила в нем скрытность и лицемерие. Роскошь и утонченные салонные разговоры не могли скрыть от него закулисную, неприглядную жизнь двора его державной бабки. Он видел непривлекательность грубых гатчинских порядков, презрение Екатерины и ее придворных к «малому двору» в Гатчине, слышал недвусмысленные высказывания своего отца об «узурпации» Екатериной его прав на престол. Тогда-то и сложилась личность Александра, вызывавшая разноречивые оценки и суждения как современников, так и позднее историков.

Уже в 1787 г. Екатерина II решила передать престол Александру, минуя Павла, а в 3794 г. ознакомила с этим планом своих наиболее доверенных сановников, ссылаясь на «нрав и неспособность» Павла. Утверждают, что против выступил граф В. А. Мусин-Пушкин, влиятельный вельможа, и дело о престолонаследии на время остановилось. В сентябре 1796 г., незадолго до кончины, Екатерина вновь вернулась к этому вопросу, поставив Александра в известность о своем решении, и начала составлять об этом манифест для всенародного объявления, но не успела этого сделать. Намерения Екатерины не были тайной для Павла. О них стало ему известно от самого Александра. Уверяя отца о своем нежелании принять престол, он в присутствии А. А. Аракчеева принес Павлу присягу как императору и еще при жизни Екатерины называл его «императорским величеством».

Чтобы погасить подозрительность отца, Александр во всеуслышание заявлял, что желает вообще «отречься от сего неприглядного поприща» (наследования престола). Об этом же он сообщал в письмах, несомненно перлюстрируемых для Павла. В

1796 г. он писал Лагарпу (в то время уже выехавшему из России) о своем желании «поселиться с женою на берегах Рейна» и «жить спокойно частным человеком, полагая свое счастие в обществе друзей и в изучении природы».

По вступлении Павла на престол Александр получает ряд важных постов: его назначают военным губернатором Петербурга, шефом лейб-гвардии Семеновского полка, инспектором кавалерии и пехоты, а несколько позже и председателем Военного департамента Сената. Каждое утро он обязан был являться к отцу с рапортом, выслушивая от него строгие выговоры за малейшую ошибку. Ряд крупных военных назначений получил и Константин, с которым Павел обращался так же круто, как и с любым офицером. Как свидетельствуют современники, Александр и Константин очень боялись своего деспотичного отца.

В 1796 г. вокруг Александра сложился дружеский, «интимный» кружок молодых аристократов — князь А. А. Чарторыйский, граф П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцев, граф В. П. Кочубей. Все они в то время увлекались идеями Века Просвещения и даже были поклонниками «радикализма и якобинства». Наиболее одаренный и честолюбивый из этого кружка Петр Строганов стремился подчинить своему влиянию Александра. Двоюродный брат Строганова Николай Новосильцев, обладавший блестящим литературным слогом, задавал тон изящества и непринужденности в кружке. Тонкий политик и наблюдатель, выдающегося ума и дарований Адам Чарторыйский, будучи горячим патриотом Польши, лелеял мысль о восстановлении ее государственности и возлагал в этом надежду на Александра как на будущего императора. Умеренных взглядов придерживался Виктор Кочубей — блестящий дипломат, воспитанный в Англии, убежденный англоман. Собираясь тайно, члены кружка вели откровенные беседы о необходимости отменить крепостничество, о вреде деспотизма, о предпочтительности республиканского образа правления. При этом сам Александр высказывал весьма радикальные взгляды. Он, как вспоминал Чарторыйский, говорил, «что ненавидит деспотизм повсюду, во всех его проявлениях, что любит одну свободу, на которую имеют одинаковое право все люди, что он с живым участием следил за французскою революциею, что, осуждая ее ужасные крайности, он желает республике успехов и радуется им… что желал бы всюду видеть республики и признает эту форму правления единственно сообразною с правами человечества… что наследственная монархия установление несправедливое и нелепое, что верховную власть должна даровать не случайность рождения, а голосование народа, который сумеет

избрать наиболее способного к управлению государством». Чарторыйский уверяет, что Александр говорил это вполне искренне.

Во время коронации Павла I Чарторыйский по поручению Александра подготовил проект «манифеста», в котором указывалось на «неудобства» неограниченной монархии и на выгоды той формы правления, которую Александр, когда он станет императором, надеялся даровать, утвердив свободу и правосудие. Далее говорилось, что Александр, «исполнив эту священную для него обязанность», намерен «отказаться от власти для того, чтобы признанный наиболее достойным ее носить мог упрочить и усовершенствовать дело, основание которого он положил». Александр был весьма доволен составленным проектом, благодарил за него Чарторыйского, а затем надежно спрятал проект и никогда не заговаривал о нем. Это было вполне в духе Александра.

Впоследствии, уже будучи императором, он не раз заявлял о своем намерении ввести в Россию конституцию, «законно-свободные учреждения», представительное правление, поручал составить проекты в этом духе, одобрял их и неизменно прятал под сукно. Разрыв между словом и делом, демагогическими заявлениями и реальной политикой был для него характерен и находит свое объяснение в несомненном влиянии противоречивой политики «просвещенного абсолютизма»: модные либеральные и просветительские идеи прекрасно уживались в ней с реакционной абсолютистско-крепостнической практикой.

«Ужасная четырехлетняя школа при Павле», по словам Н. М. Карамзина, не прошла для Александра бесследно. К скрытности и лицемерию прибавился и страх перед деспотом-отцом, а впоследствии и боязнь заговора. Не только «тень убитого отца» (Павла I), но и опасность самому стать жертвой заговора, постоянно преследовали Александра. Правление Павла I вызвало всеобщее недовольство, особенно дворянства, интересы которого были сильно ущемлены (восстановление обязательной службы и телесных наказаний для дворян, введение для них массы стеснений и ограничений). К тому же при непредсказуемом поведении Павла никто не мог чувствовать себя в безопасности. Не чувствовал себя в безопасности и Александр. Один из современников свидетельствует, что Павел уже готовил приказ своим фаворитам Аракчееву и Ф. И. Линденеру «заточить императрицу и двух ее сыновей и тем избавиться от всех тех, которые казались ему подозрительными». Императрицу Марию Федоровну предполагалось сослать в Холмогоры, Александра посадить в Шлиссельбург, а Константина в Петропавловскую

крепость. Это и помогло заговорщикам привлечь Александра на свою сторону.

Заговор против Павла I созрел уже к середине 1800 года. Вдохновителем его был екатерининский вельможа, опытный политик и дипломат, граф Н. П. Панин, а руководителем и исполнителем петербургский военный генерал-губернатор граф П. А. Пален. К заговору был причастен и английский посол Чарльз Витворт. Была вовлечена в него также большая группа офицеров. В сентябре 1800 г. состоялся конфиденциальный разговор Панина с Александром, в котором он «намекнул» на возможное насильственное устранение Павла. Далее все переговоры с Александром вел Пален. Александр дал согласие при условии сохранения жизни отца, даже заставил Палена в этом поклясться. «Я дал ему это обещание, — говорил после Пален, — я не был так безрассуден, чтобы ручаться за то, что было невозможно. Но нужно было успокоить угрызения совести моего будущего государя. Я наружно согласился с его намерением, хотя был убежден, что оно невыполнимо». Впоследствии Александр утверждал, что заговорщики его «обманули» и демонстративно удалил их всех в деревни. Некоторые исследователи полагают, что Александр лишь на словах потребовал от заговорщиков клятвы, хотя сам не рассчитывал на иной исход дела.

В начале марта 1801 г. Павел прослышал о готовящемся заговоре и поделился этим с Паленом. Медлить было нельзя. С Александром был согласован срок выступления — ночь с 11 на 12 марта, когда караул должны были нести солдаты Семеновского полка, шефом которого был Александр. В полночь 60 заговорщиков-офицеров пересекли Марсово поле, переправились через замерзшие рвы, окружавшие только что выстроенный Михайловский замок, куда Павел переселился как в наиболее «надежное» место. Разоружив не оказавшую сопротивления охрану, заговорщики проникли в замок. В комнату Павла заговорщики шли двумя путями, разбившись на группы. Когда они ворвались в спальню императора, то, к своему ужасу, увидели, что она пуста. Мелькнула мысль, что Павел бежал через потайную дверь, но вскоре заметили его скорчившимся от страха за ширмой. Павел на коленях умолял заговорщиков сохранить ему жизнь, обещая выполнить все их требования. Но события развивались стремительно. Вторая партия заговорщиков своим шумным приближением напугала первую, и та решила немедленно покончить с Павлом. В суматохе некоторые даже бросились бежать, кто-то сбросил ночник, и в темноте Павла прикончили. Говорят, что табакерка П. А. Зубова и шарф

Я. Ф. Скарятина были главными орудиями его убийства.

В первом часу ночи Пален принес весть Александру о «скоропостижной кончине» его отца. Рассказывают, что Александр «залился слезами». Пален заставил его выйти к собранным во дворе Михайловского замка Семеновскому и Преображенскому полкам. «Довольно ребячиться, ступайте царствовать и покажитесь гвардии», — сказал он. 12 марта 1801 г. был обнародован манифест, в котором говорилось: «Судьбам Всевышнего угодно было прекратить жизнь любезнейшего родителя нашего, государя императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11-го на 12-е число сего месяца».

При известии о смерти Павла I «столичное общество предалось необузданной и ребяческой радости, восторг выходил даже из пределов благопристойности», — вспоминал один из современников. Дружный хор торжественных од приветствовал восшествие на престол Александра I. Среди них была и ода Г. Р. Державина «На всерадостное восшествие на престол императора Александра Первого». Правда, она не была пропущена в печать, ибо в ней содержался недвусмысленный намек на дворцовый переворот, но Александр пожаловал за нее поэту бриллиантовый перстень. День коронации нового царя, состоявшейся 15 сентября 1801 г., приветствовал стихами и Н. М. Карамзин. «После краткого и несчастливого царствования Павла вступление на престол Александра было встречено восторженными возгласами, — писал декабрист А. М. Муравьев. — Никогда еще большие чаяния не возлагались у нас на наследника власти. Спешили забыть безумное царствование. Все надеялись на ученика Лагарпа и Муравьева».

Сам Александр своим поведением и даже внешним видом производил благоприятное впечатление на публику. Скромно одетый император «запросто» разъезжал или гулял пешком по улицам Петербурга, и толпа восторженно приветствовала его, а он милостиво отвечал на эту дань почтения. Самые его слова и поступки, по выражению Муравьева, «дышали желанием быть любимым».

В августе 1801 г. в Петербурге появился вызванный Александром из Женевы Лагарп. Но это был уже не тот республиканец и «якобинец», некогда смущавший придворные круги. Теперь он предостерегает своего воспитанника от «призрачной свободы народных собраний и либеральных увлечений вообще», указывает на пример Пруссии, «соединившей с законами порядок», — твердую монархическую власть. «Не дайте себя увлечь тем отвращением, какое внушает вам

абсолютная власть, сохраните ее в целости и нераздельно», — наставлял Лагарп. Он давал совет: «Надо приучать своих министров к мысли, что они только уполномоченные», обязанные докладывать монарху все дела «во всей полноте и отчетливости»; царю следует «выслушивать внимательно их мнения, но решения принимать самому и без них, так что им остается лишь исполнение». Наконец, он требовал от Александра покарать убийц Павла, дабы впредь не было подобных покушений. Лагарп хотя и понимал вред крепостничества, но советовал Александру вести дело к отмене крепостного права постепенно, «без шума и тревоги» и без малейшего посягательства на права собственности дворянства.

Александр вступил на престол со сложившимися взглядами и намерениями, с определенной «тактикой» поведения и управления государством. Современники говорили о таких чертах его характера и поведения, как скрытность, лицемерие, непостоянство: «сущий прельститель» (М. М. Сперанский), «властитель слабый и лукавый» (А. С. Пушкин), «сфинкс, неразгаданный до гроба» (П. А. Вяземский), «коронованный Гамлет, которого всю жизнь преследовала тень убитого отца» (А. И. Герцен). Отмечали в нем и «странное смешение философских поветрий века просвещения и самовластия». Друг его юности Адам Чарторыйский впоследствии отзывался о нем: «Император любил внешние формы свободы, как можно любить представление… но кроме форм и внешности, он ничего не хотел и ничуть не был расположен терпеть, чтобы они обратились в действительность». Генерал П. А. Тучков отметил в воспоминаниях, что уже «при начале вступления на престол» Александра «из некоторых его поступков виден был дух неограниченного самовластия, мщения, злопамятности, недоверчивости, непостоянства и обманов». А. И. Тургенев (брат декабриста Н. И. Тургенева) называл Александра I «республиканцем на словах и самодержцем на деле» и считал, что «лучше деспотизм Павла, чем деспотизм скрытый и переменчивый Александра». А вот впечатления французского императора Наполеона от встреч с Александром I: «Русский император — человек несомненно выдающийся; он обладает умом, грацией, образованием; он легко вкрадывается в душу, но доверять ему нельзя: у него нет искренности. Это настоящий грек древней Византии. Он тонок, фальшив и ловок».

Александр I отличался поистине виртуозной способностью строить свои успехи на чужой доверчивости. Обладая «врожденным даром любезности», он мог ловко расположить к себе людей различных взглядов и убеждений: с «либералами»

говорить о «либерализме», с ретроградами — о «незыблемых устоях», проливать обильные слезы с религиозной фанатичкой баронессой В. Ю. Крюденер, беседовать с английскими квакерами (представителями реформатского религиозного течения) о спасении души и веротерпимости. Говоря в указах, что человеческие заблуждения нельзя исправлять насилием, а лишь кротостью и просвещением, Александр тут же негласно приказывал расстрелять нескольких духоборов за отказ сражаться во время войны. Он выслушивает проповеди скопца Кондратия Селиванова, но утвердит решение военного суда о наказании солдат-скопцов батогами. За актерство современники называли Александра I «северный Тальма» (знаменитый в то время французский актер). «Такого артиста в жизни, — писал об Александре I историк С. П. Мельгунов, — редко рождает мир не только среди венценосцев, но и простых смертных».

Крайне самолюбивый, недоверчивый и подозрительный, Александр ловко пользовался людскими слабостями, умел играть в «откровенность» как надежное средство управлять людьми, подчинять их своей воле. Он любил приближать к себе лиц, неприязненно относившихся друг к другу, и ловко пользовался их взаимной неприязнью и интригами, а однажды так и заявил управляющему канцелярией Министерства полиции Я. И. де Санглену: «Интриганы так же нужны в общем государственном деле, как и люди честные, иногда даже более».

Лицейский товарищ Пушкина и близкий ко двору барон М. А. Корф вспоминал, что Александр, подобно бабке своей Екатерине II, «в высшей степени умел покорять себе умы и проникать в души других, утаивая собственные ощущения и помыслы». Известная французская писательница мадам де Сталь, на которую Александр произвел большое впечатление при встрече с ним в 1814 г. в Париже, отзывалась о нем как о «человеке замечательного ума и сведений». Александр говорил с ней о «вреде деспотизма» и заверял в своем «искреннем желании» освободить крепостных крестьян в России. В том же году во время визита в Англию он наговорил массу любезностей вигам представителям либеральной парламентской партии — и уверял их, что намерен создать оппозицию в России, ибо она «правильнее помогает отнестись к делу».

«Благодушие» и «приветливость» Александра покорили известного прусского государственного деятеля и реформатора барона Генриха-Фридриха Штейна. Однако от проницательного прусского министра не укрылась присущая императору черта: «Он нередко прибегает к оружию лукавства и хитрости для достижения своих целей». Известно высказывание шведского

посла в Петербурге графа Лагербильке: «В политике Александр тонок, как кончик булавки, остер, как бритва, фальшив, как пена морская». «Изворотлив, как грек», — отзывался об Александре французский писатель Франсуа Шатобриан.

Александр не любил тех, кто «возвышался талантами». Современники отмечали, что «он любит только посредственность; настоящие гений, ум и талант пугают его, и он только против воли и отворотясь употребляет их в крайних случаях». Конечно, он не мог обойтись без умных, талантливых государственных и военных деятелей, таких, как Сперанский, Кутузов, Мордвинов. Нельзя назвать бездарностями реакционных деятелей его царствования, таких, как А. А. Аракчеев, А. С. Шишков, митрополит Филарет. Но в большинстве своем его окружали беспринципные, без чести и совести, царедворцы, вроде московского генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина, министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына, «гасителей просвещения» Д. П. Рунича и М. Л. Магницкого, изувера-фанатика архимандрита Фотия.

Александр и сам весьма нелестно отзывался о сановниках, которыми себя окружил. В 1820 г. он жаловался прусскому королю Фридриху-Вильгельму III, что «окружен негодяями» и «многих хотел прогнать, но на их место являлись такие же». Он старался приблизить к себе людей, не имевших прочных связей в аристократических кругах, привлекал лиц, заведомо ничтожных и даже презираемых в обществе, неохотно назначал на государственные посты представителей родовой аристократии, которая вела себя независимо. Особенно оскорбляло чувства обойденных «российских патриотов» «засилье иностранцев» на русской службе, которым Александр демонстративно отдавал предпочтение. «Чтобы понравиться властелину, нужно быть или иностранцем или носить иностранную фамилию», — сетовал А. М. Муравьев.

В салонах передавали друг другу остроту генерала А. П. Ермолова, который на вопрос царя, какую награду он хотел бы получить за свои воинские заслуги, ответил: «Государь, произведите меня в немцы». Декабрист И. Д. Якушкин вспоминает: «До слуха всех беспрестанно доходили изречения императора Александра, в которых выражалось явное презрение к русским». Во время смотра своих войск в 1814 г. близ французского городка Вертю в ответ на похвалы герцога Веллингтона по поводу их хорошей организации, Александр во всеуслышание заявил, что этим он обязан иностранцам на русской службе, а однажды в Зимнем дворце, «говоря о русских вообще, сказал, что каждый из них или плут или дурак». Не

случайно в числе задач первой декабристской организации Союза спасения было «противодействие иностранцам, находившимся на русской службе».

Помимо неискренности, «изменчивости и двусмысленности его характера», у Александра отмечали упрямство, подозрительность, недоверчивость, большое самолюбие и стремление «искать популярности по любому поводу». В семейном кругу его называли «кротким упрямцем». Шведский посол барон Стединг отзывался о нем: «Если его трудно было в чем-нибудь убедить, то еще труднее заставить отказаться от мысли, которая в нем возобладала». Особенное упрямство и настойчивость он проявлял, когда дело касалось его самолюбия. Упрямство вполне соединялось со слабой волей, как «либерализм» на словах — с деспотизмом и даже жестокостью — на деле. «Он слишком слаб, чтобы управлять, и слишком силен, чтобы быть управляемым», — отзывался о нем Сперанский, который отмечал и непоследовательность царя («он все делает наполовину»).

Александр никогда не забывал событий марта 1801 г. — не столько из-за «угрызения своей совести», сколько как предостережение. Подозрительность, унаследованная от Павла I, с годами у Александра возрастала. Отсюда система надзора и сыска, особенно развившаяся в последние годы его царствования. Сам он охотно слушал доносы и даже поощрял их, требуя от своих сотрудников, чтобы они следили друг за другом, и даже считал допустимым прочитывать корреспонденцию своей жены.

У современников сложилось представление о крайней его ветрености и непостоянстве. Для ближайшего окружения Александра не были тайной его сложные семейные отношения, полные взаимной подозрительности и притворства. Все прекрасно знали, в том числе и императрица Елизавета Алексеевна, о продолжительной (более чем 20-летней) связи Александра с А. М. Нарышкиной, которая в 1808 г. родила ему дочь Софью (смерть Софьи Нарышкиной в 1824 г. Александр переживал как самую большую личную трагедию). Он особенно любил «общество эффектных женщин», выказывая им «рыцарское почтение, исполненное изящества и милости», как выражались его современницы. По свидетельству графини Эдлинг, «отношение к женщинам у Александра не изменялось с летами, и [его] благочестие отнюдь не препятствовало веселому времяпрепровождению».

Полицейские донесения австрийскому канцлеру Миттерниху во время Венского конгресса 1815 г., куда съехались монархи-победители над Наполеоном вершить судьбы Европы, пестрят

сообщениями о волокитстве русского царя. Но надо сказать, что «игра в любовь» у Александра подчинялась дипломатической интриге. В салонах велась закулисная дипломатическая игра, тон в которой задавали Александр, сам Меттерних и французский министр иностранных дел Талейран.

Несколько слов о внешнем облике и некоторых чертах повседневной бытовой жизни Александра I. Сохранилось немало его портретов, на которых он изображен высоким и стройным молодым человеком, розовощеким и голубоглазым, с приятной улыбкой. Хотя придворные художники, несомненно, идеализировали облик Александра, но, судя по рассказам современников, основные черты его переданы верно. Наиболее близким к натуре считается портрет, написанный знаменитым английским художником Джорджем Доу. Здесь изображен задумавшийся мужчина средних лет с небольшими бакенбардами и сильно поредевшими волосами. С юности Александр был близорук, но предпочитал пользоваться не очками, а лорнетом; был глух на левое ухо, поврежденное еще в детстве, когда во время стрельбы он оказался рядом с артиллерийской батареей. С юности закаливал свое здоровье, ежедневно принимая холодные ванны. В повседневном быту сам он жил относительно скромно. С весны до глубокой осени обычно проживал в Царском Селе, занимая там малые комнаты дворца. Ранним утром, в любую погоду прогуливался он по Царскосельскому парку. С1816 г. постоянным спутником его прогулок стал Карамзин. Император и придворный историограф беседовали по самым острым политическим вопросам, при этом Карамзин смело высказывал о них свои суждения. Зимой император переезжал в Петербург, где по утрам бывал на разводе караула и воинских экзерциях, затем принимал с докладами министров и управляющих.

В первые годы царствования он редко покидал Царское Село или Петербург. Частые и продолжительные разъезды приходятся в основном на последние 10 лет его царствования. Подсчитано, что за это время им было проделано более 200 тыс. верст пути. Он путешествовал на Север и на Юг России, бывал на Урале, Средней и Нижней Волге, в Финляндии, Варшаве, ездил в Лондон, несколько раз в Париж, Вену, Берлин, посетил ряд других городов Западной Европы.

В манифесте 12 марта 1801 г. Александр I объявил, что будет управлять «Богом врученным» ему народом «по законам и по сердцу в Бозе почивающей августейшей бабки нашей государыни Екатерины Великия», тем самым подчеркнув приверженность политическому курсу этой императрицы, много сделавшей для расширения дворянских привилегий. Он начал с того, что

восстановил отмененные Павлом I «Жалованные грамоты» дворянству и городам (1785). дворянские выборные корпоративные органы — уездные и губернские дворянские собрания, освободил дворян и духовенство от телесных наказаний (которые ввел Павел), объявил амнистию всем бежавшим за границу от павловских репрессий, вернул из ссылки до 12 тыс. опальных или репрессированных Павлом по политическим и иным мотивам чиновников и военных. Среди них значились возвращенный еще Павлом I из Сибири, но находившийся в ссылке в Калужской губернии «бывший коллежский советник Радищев» и сосланный в Кострому за участие в тайном политическом кружке «артиллерии подполковник Ермолов».

Были отменены и другие раздражавшие дворянство павловские указы, вроде запрета носить круглые французские шляпы, выписывать иностранные газеты и журналы, выезжать за границу. В городах исчезли виселицы, к коим прибивали доски с именами опальных. Была объявлена свобода торговли, повелено распечатать частные типографии и дозволить их владельцам издавать книги и журналы. Была упразднена вселявшая страх Тайная экспедиция, занимавшаяся сыском и расправой. Пока это были еще не реформы, а отмена наиболее тиранических распоряжений Павла I, вызывавших всеобщее недовольство, но влияние этих мер на умы было исключительно велико и породило надежды на дальнейшие перемены. В серьезность реформаторских намерений Александра I верили не только в России: даже американский президент Томас Джефферсон полагал, что новый русский царь всерьез готовится к реформам.

Хотя в манифесте о восшествии на престол Александр I и подчеркивал преемственность своего правления с царствованием Екатерины, однако его правление не было ни возвратом к «золотому веку» Екатерины, ни полным отказом от политики, проводимой Павлом. Александр не любил, когда ему напоминали о царствовании бабки, и недружелюбно относился к екатерининским вельможам, на многое претендовавшим. Демонстративно подчеркивая свое отрицание характера и методов павловского правления, он воспринял мною черт его царствования, причем в главной его направленности — к дальнейшей бюрократизации управления, к укреплению самовластья. Да и сами «гатчинские привычки» (приверженность к воинской муштре) глубоко укоренились в нем, любовь к парадам и разводам осталась у него на всю жизнь. По натуре Александр I не был реформатором. К такому заключению пришел и весьма осведомленный его биограф великий князь Николай

Михайлович Романов:

> «Император Александр никогда не был реформатором, а в первые годы царствования он был консерватором более всех окружавших его советников».

Однако Александр не мог не считаться с «духом времени», в первую очередь с влиянием идей французской революции, и даже в какой-то мере использовал эти идеи в своих интересах. Любопытно его заявление:

«Самое могучее оружие, каким пользовались французы и которым они еще грозят всем странам, это общее убеждение, которое они сумели распространить, что их дело есть дело свободы и счастья народов, поэтому „истинный интерес законных властей требует, чтобы они вырвали из рук французов это страшное оружие и, завладевши им, воспользовались им против их самих“».

В русле этих намерений и следует рассматривать широковещательные демагогические заявления царя (особенно за границей) о его стремлении к преобразованиям, к обеспечению «свободы и счастья народов», о намерении отменить в России крепостное право и ввести «законно-свободные учреждения», т. е. конституционные порядки.

По сути дела Александр I стремился, не меняя основного направления политики Екатерины II и Павла I, к укреплению абсолютизма, найти способы укрепления своей власти, которые соответствовали бы «духу времени». В этом и заключалась суть его заигрывания с либерализмом, присущего, впрочем, не только Александру I, но и другим российским монархам. Однако он не чуждался, особенно в годы его откровенно реакционного политического курса, применять и «палаческие методы управления». Одна из характерных черт российского самодержавия — его умение, в зависимости от конкретной обстановки, проводить гибкую политику, идти на уступки, приспосабливаться к новым явлениям и процессам в стране и использовать их в интересах укрепления своих позиций. В значительной мере этим и объясняются относительная самостоятельность, сила и живучесть российского самодержавия.

Вступая на престол, Александр I публично и торжественно провозгласил, что отныне в основе политики будет не личная воля или каприз монарха, а строгое соблюдение законов. В манифесте от 2 апреля 1801 г. об уничтожении Тайной экспедиции говорилось, что отныне положен «надежный оплот злоупотреблению», что «в благоустроенном государстве все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы

общею силою закона». При каждом удобном случае Александр любил говорить о приоритете законности. Населению были обещаны правовые гарантии от произвола.

Все эти заявления имели большой общественный резонанс. Идея законности, утверждения «власти закона» была главнейшей у представителей различных направлений общественной мысли: Сперанского, Карамзина, декабристов, Пушкина (наиболее четко выражена эта идея в его оде «Вольность»). Для разработки плана преобразований царь привлек своих «молодых друзей» Строганова, Кочубея, Чарторыйского и Новосильцева, которые и составили его «интимный кружок» или «Негласный комитет». Хотя комитет и назывался «негласным», но о нем знали и говорили многие. Впрочем, и сам Александр не делал из него тайны, опираясь на него в борьбе с сановной оппозицией. «Молодые друзья», однако, уже оставили былые республиканские увлечения и придерживались весьма умеренных взглядов, были осторожны в своих проектах и предположениях и, строя планы реформы государственного управления, рассуждая о необходимости издать «Жалованную грамоту народу», тем не менее исходили из незыблемости основ абсолютизма и сохранения крепостничества.

С июня 1801 по май 1802 г. комитет собирался 35 раз, но в 1803 г. после всего лишь четырех заседаний был закрыт. Александр I уже прочно чувствовал себя на троне, и не было нужды в либеральных разговорах. Хотя все дело и ограничивалось по существу этими разговорами, но они пугали аристократию екатерининских времен, окрестившую комитет «якобинской шайкой» (слова поэта Г. Р. Державина). Повод к такому нелестному эпитету подал и сам царь, в шутку называвший свой «интимный комитет» «Комитетом общественного спасения» (так назывался один из комитетов французского Конвента в период якобинской диктатуры под главенством М. Робеспьера).

«Дух времени» выразился в проведенных Александром мерах, хотя и второстепенных, по такому жгучему вопросу, как крестьянский. С самого начала новый царь без какого-либо специального указа или манифеста прекратил раздачу крестьян в частные руки. Уже во время коронации в сентябре 1801 г. таких раздач не последовало (вопреки сложившейся «традиции») «к великому огорчению многих жаждавших сего отличия». Когда один из сановников (герцог Александр Виртембергский, родственник царя) в 1802 г. обратился к Александру I с просьбой о пожаловании ему имения, царь ответил: «Русские крестьяне большею частию принадлежат помещикам; считаю излишним доказывать унижение и бедствие такого состояния, и потому я

дал обет не увеличивать число этих несчастных и принял за правило не давать никому в собственность крестьян».

Это отнюдь не означало, что казенные крестьяне были вполне гарантированы от перевода их на положение крепостных. В 1810–1817 гг. в связи с тяжелым финансовым положением империи было продано в частные руки свыше 10 тыс. душ мужского пола крестьян; широко практиковалась сдача казенных крестьян в аренду частным лицам в Белоруссии и на Правобережной Украине (к концу царствования Александра в аренде там числилось 350 тыс. душ). Казенных крестьян закрепощали и другими путями: например, переводили в удельное ведомство (в разряд удельных крестьян, принадлежавших царской фамилии), приписывали к казенным заводам и фабрикам, наконец обращали в создаваемые при Александре I военные поселения (последнее было худшим видом крепостной зависимости, о чем будет сказано ниже).

О характере мер к смягчению крепостной зависимости крестьян можно судить и по указу 1801 г. о запрещении публиковать объявления о продаже крепостных «без земли» («на своз»), хотя практика таковой продажи не запрещалась: в публикуемых в официальных изданиях объявлениях теперь сообщалось, что такой-то крестьянин или крестьянка не «продается», а «отдается внаймы». Указами 1808–1809 гг. помещикам запрещалось продавать крестьян на ярмарках «в розницу» («с раздроблением семейств», т. е. отдельно мужа от жены и детей от родителей), ссылать крестьян по своему произволу в Сибирь «за маловажные проступки»; помещиков обязывали кормить своих крестьян в голодные годы. Ничтожные результаты дал и указ 20 февраля 1803 г. о «вольных хлебопашцах», предусматривавший выкуп крестьян на волю с землей по обоюдному согласию их с помещиками. Выкупная сумма была настолько высока и сделки обставлялись такими кабальными условиями, что к концу царствования Александра дарованным им правом смогли воспользоваться лишь 54 тыс. душ крестьян, что составляло менее 0,5 % их общего числа. В 1804–1805 гг. был проведен первый этап крестьянской реформы в Латвии и Эстонии. На этом этапе реформа коснулась «крестьян-дворохозяев». Они получали личную свободу без земли, которую должны были арендовать у своих помещиков за установленные законом феодальные повинности — барщину и оброк. Указом 12 декабря 1801 г. недворянские свободные сословия — купцы, мещане, казенные крестьяне получал и право покупать землю. Все эти меры Александра I в принципе не затрагивали прав и привилегий помещиков.

Многие меры Александра I касались просвещения, печати, центрального управления. В 1804 г. был издан цензурный устав, который считается самым «либеральным» в истории России XIX века. Устав гласил, что цензура вводится «не для стеснения свободы мыслить и писать, а единственно для принятия пристойных мер против злоупотребления оною». Цензорам рекомендовалось руководствоваться «благоразумным снисхождением для сочинителя и не быть придирчивым, толковать места, имеющие двоякий смысл, выгоднейшим для сочинителя образом, нежели преследовать». Однако цензорская практика сводила эти благородные пожелания на нет, а годы усиления реакционного курса Александра I характеризуются настоящим цензурным террором. И все же некоторые цензурные послабления в первые годы его царствования нельзя не отметить; расширялась издательская деятельность, — появился ряд новых журналов и альманахов, печатались многочисленные переводы.

По инициативе Александра за счет казны были переведены на русский язык и изданы произведения известных западноевропейских просветителей философов, экономистов, социологов, юристов — Адама Смита, Джорджа Бентама, Чезаре Беккария, Шарля Делольма, Шарля Монтескье. Позже декабристы на следствии будут постоянно указывать на этих авторов, из произведений которых они заимствовали «первые вольнодумнические и либеральные мысли».

Реформа народного образования была проведена в 1803–1804 годах. Отныне в учебные заведения могли быть приняты представители всех сословий. На низших ступенях училищ обучение было бесплатным, на «казенном коште» училась часть студентов в университетах. Вводилась преемственность учебных программ. Низшей ступенью являлось одноклассное приходское училище, второй уездное трехклассное училище, третьей — шестиклассная гимназия в губернском городе. Высшей ступенью был университет, который был поставлен также во главе учебного округа и должен был обеспечивать гимназии и училища учебными программами и кадрами учителей из числа воспитанников университета. Помимо существовавшего с 1755 г. Московского университета, в 1802–1804 гг. были открыты еще Дерптский (ныне Тартуский), Виленский, Казанский и Харьковский, а также на правах университета Петербургский педагогический институт (преобразован в университет в 1819 г.). Университеты призваны были готовить кроме учителей для гимназий кадры чиновников для гражданской службы и специалистов-медиков. Университетам предоставлялась широкая автономия. К университетам приравнивались привилегированные

средние учебные заведения Царскосельский (учрежден в 1811 г.) и Демидовский (в 1803 г. в Ярославле) лицеи. Основанием в 1801 г. Института путей сообщения и в 1804 г. Московского коммерческого училища было положено начало высшему специальному образованию.

Еще большее значение имели преобразования органов центрального управления. Все важные законы 1802–1812 гг. (а позже, при Николае I) составлялись или редактировались М. М. Сперанским. Выходец из семьи бедного сельского священника Владимирской губернии, Сперанский, благодаря своему выдающемуся уму, энергии и необычайной работоспособности, быстро сделал блестящую служебную карьеру. Все современники Сперанского и впоследствии историки отмечали, что никто не мог с таким блеском и строгой логикой составить доклад, проект закона. Он оказался наиболее подходящей кандидатурой для разработки преобразований, которые в новых условиях, не меняя основ феодально-абсолютистского строя, могли бы придать российскому самодержавию внешние формы конституционной монархии. В конце 1808 г. Александр I поручил Сперанскому разработку плана государственного преобразования России, и к октябрю 1809 г. проект под названием «Введение к уложению государственных законов» был им представлен царю.

В своем проекте Сперанский теоретически оправдывает и закрепляет неравенство сословий, привилегии дворянства и отсутствие политических и гражданских прав у «народа рабочего», куда им зачислялись помещичьи крестьяне, рабочие по найму и домашние слуги. В «среднее состояние» включались свободные, но непривилегированные сословия (купцы, мещане, государственные крестьяне), которым предоставлялись «гражданские», личные и по имуществу, но не политические (участие в управлении) права. Проект проводил принцип «разделения властей» — законодательной, исполнительной и судебной, при независимости судебной власти и ответственности исполнительной перед законодательной. Эта система давала доступ к управлению страной дворянству и верхам нарождающейся буржуазии, нисколько не нарушая абсолютной власти царя.

Александр I признал проект «удовлетворительным и полезным», однако проведение его в жизнь встретило сильное противодействие со стороны высших сановников, считавших его слишком радикальным и «опасным», и дело свелось к учреждению в 1810 г. Государственного совета — законосовещательного органа при императоре. Новый орган,

централизуя законодательное дело, обеспечивал единообразие юридических норм, предотвращая появление противоречий в законодательных актах, но сама законодательная инициатива и окончательное утверждение законов оставались всецело прерогативой царя. Члены Государственного совета не избирались, а назначались императором. Сперанский получил важную должность государственного секретаря — начальника канцелярии Государственного совета.

1807–1812 гг. — вершина карьеры Сперанского: он занимал посты товарища (заместителя) министра юстиции, директора Комиссии составления законов и Комиссии финляндских дел, ведал подготовкой и проведением финансовых реформ.

В 1811 г. было обнародовано подготовленное Сперанским «Общее учреждение министерств», которое увенчало министерскую реформу, начатую в 1802 г., когда старые петровские коллегии были заменены новой европейской формой высшей исполнительной власти — министерствами. Теперь дела по каждому ведомству решались не «коллегией» во главе с ее президентом, а единолично министром, ответственным только перед императором. Если первоначально, по положению 1802 г., структура и функции министерств еще не были четко определены, то новый закон 1811 г. строго разграничивал компетенцию министерств, увеличивал их численность (с 8 до 12), устанавливал принцип единоначалия и регламентировал взаимоотношения министерств с другими органами высшего государственного управления — Сенатом, Комитетом министров и Государственным советом. Реорганизованное таким образом при Александре I центральное управление просуществовало, с небольшими изменениями, вплоть до 1917 года.

Преобразовательная деятельность Сперанского вызвала недовольство в реакционных придворных кругах; вокруг него плелись интриги. До Александра I доходили слухи, муссируемые придворной средой, о «неблаговидных» отзывах о нем Сперанского. Самолюбивый император почувствовал себя оскорбленным, но не подавал виду; более того, стал демонстративно оказывать Сперанскому знаки своей «благосклонности», а это, как знали по собственному опыту придворные, служило верным признаком приближавшейся опалы. 1 января 1812 г. тот был удостоен ордена Александра Невского. А 17 марта 1812 г. он был вызван на аудиенцию к императору. После двухчасовою конфиденциального разговора Сперанский вышел из кабинета императора «в великом смущении». Дома он застал министра полиции А. Д. Балашова с помощником, которые опечатывали его бумаги. У дома уже стоял возок для отправки

Сперанского в ссылку. Сначала его отправили в Нижний Новгород, но затем по новому доносу перевели в более далекую ссылку — в Пермь.

Падение Сперанского вызвало в придворных кругах бурю восторга. Некоторые даже удивлялись «милосердию» царя, не казнившего этого «преступника, изменника и предателя». Уверяли, что «этот изверг хотел возжечь бунт во всей России, дать вольность крестьянам и оружие для истребления дворян». Разумеется, все это было чистейшим вздором. Сам Александр I был убежден в невиновности ссыльного, но решил принести его в жертву, чтобы погасить растущее недовольство дворянства. Сперанский считал, что «первой и единственной» причиной его опалы явился слишком смелый план преобразований.

На следующий день после удаления Сперанского Александр говорил А. Н. Голицыну: «Если бы у тебя отсекли руку, ты наверно кричал бы и жаловался, что тебе больно; у меня прошлой ночью отняли Сперанского, а он был моею правою рукою!» Как вспоминал Голицын, «все это было сказано со слезами на глазах». Позже графу К. В. Нессельроде Александр объяснял: «Обстоятельства заставили меня принести эту жертву общественному мнению». Через четыре года Сперанский был «прощен», назначен сначала пензенским губернатором, а в 1819 г. — генерал-губернатором Сибири, где провел ряд административных реформ. В 1822 г. он был возвращен в Петербург, назначен членом Государственного совета, получил значительные земельные пожалования. Николай I сначала относился с подозрением к Сперанскому за его «былые либеральные увлечения» и за «связи» с декабристами, но после «нашел в нем верного и исполнительного слугу». Сперанский был введен в состав Верховного уголовного суда над декабристами, в котором играл видную роль, провел кодификацию законов Российской империи, за что был возведен в графское достоинство.

Начало XIX века в Европе было ознаменовано полосой наполеоновских войн, в которые были вовлечены все европейские страны и народы, в том числе и Россия. В 1803 г. началась подготовка Наполеона к вторжению в Англию. Британское правительство энергично сколачивало новую европейскую коалицию против Франции, чем помогли и вызывающие действия самого Наполеона. По его приказу в 1804 г. в Бадене был схвачен и затем расстрелян принадлежавший к французскому королевскому дому герцог Энгиенский, подозревавшийся в заговоре против Наполеона. Это событие вызвало взрыв негодования всех европейских монархов, однако лишь

Александр I заявил официальный протест. В Петербурге был демонстративно объявлен траур, а Наполеону направлена нота протеста против «пролития венценосной крови». Наполеон ответил вызывающим посланием, в котором говорилось, что и в самой России была пролита «венценосная кровь», и пусть Александр I позаботится схватить и наказать убийц своего отца. Это было прозрачное и публичное обвинение самого Александра.

Военные действия против Франции протекали неудачно для коалиции, в которую входили Англия, Австрия и Россия. После поражения союзных войск при Аустерлице 2 декабря 1805 г. Австрия капитулировала и заключила унизительный мир с Наполеоном. Русские войска были отведены в пределы России, а в Париже начались русско-французские переговоры о мире. 8 июля 1806 г. был заключен мирный договор между Россией и Францией, однако Александр I отказался его ратифицировать, и Россия формально продолжала оставаться в состоянии войны с Францией. Летом 1806 г. Наполеон захватил Голландию и западногерманские княжества. Осенью образовалась четвертая по счету коалиция против Франции (Пруссия, Англия, Швеция и Россия), однако воевать пришлось только Пруссии и России. В начале октября 1806 г. прусские войска в двух сражениях подверглись полному разгрому. Прусский король Фридрих-Вильгельм III бежал к границам России. Почти вся Пруссия была оккупирована французскими войсками. Русской армии пришлось одной в течение последующих семи месяцев вести упорную борьбу против превосходящих сил французов.

Наполеону удалось оттеснить русские войска к Неману, но и французская армия понесла столь значительные потери, что Наполеон не решился тогда войти в пределы России. 25 июня (7 июля) 1807 г. в Тильзите между Россией и Францией были заключены мирный и союзный договоры. По настоянию Александра I Наполеон согласился сохранить самостоятельность Пруссии, хотя территория ее была сокращена наполовину. Неблагоприятные для России условия Тильзитского мира и союзного договора вовлекали ее в фарватер политики Наполеона, ограничивали самостоятельность Александра I в международных делах, вели к внешнеполитической изоляции. Особенно тяжелые последствия вызвало присоединение в 1808 г. России к континентальной блокаде Англии, что причинило существенный ущерб экономике страны, поскольку Англия была ее главным торговым партнером.

Тильзитский мир наносил серьезный удар по международному престижу России, уязвлял патриотические чувства русских общественных кругов. Популярность

Александра I резко упал а. Поднялся всеобщий ропот. «Вообще неудовольствие против императора более и более возрастает, — доносил шведский посол Стединг своему королю, — и на этот счет говорят такие вещи, что страшно слушать». По свидетельству русского современника, «от знатного царедворца до малограмотного писца, от генерала до солдата, все, повинуясь [царю], роптало с негодованием». Французский посол в Петербурге герцог Рене Савари писал: «Видна оппозиция решительно против всего, что делает император». В 1807 г. распространялся в списках «Проект обращения» дворянства к императору с требованием проявлять твердость во внешнеполитических вопросах. Поговаривали даже о возможности дворцового переворота и возведении на престол умной и энергичной сестры Александра I Екатерины Павловны, жившей в Твери. По материалам французского историка Альбера Вандаля, усердно собирал и распространял слухи о «заговоре» против русского царя герцог Савари.

Александр внимательно следил за настроением различных кругов и собирал об этом сведения. Еще в 1805 г., уезжая на войну, он создал Временный комитет высшей полиции для наблюдения за общественным мнением, толками среди публики. После Тильзитского мира этот комитет был преобразован в Комитет общественной безопасности, которому вменялась в обязанность и перлюстрация частных писем.

В правящих кругах, однако, прекрасно понимали, что тильзитские соглашения 1807 г. знаменовали лишь передышку перед новым военным конфликтом с наполеоновской Францией. «Тильзитский мир для Франции, — писал Сперанский, — всегда был мир вооруженный. Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с [этим] миром, самый мир заключал в себе все элементы войны». Наполеон откровенно заявлял свои притязания на мировое господство, на пути к которому стояла Россия.

Ни к одной из войн Наполеон не готовился так тщательно, как к походу на Россию, прекрасно отдавая себе отчет в том, что ему предстоит иметь дело с серьезным противником. Под ружье он поставил 1200 тыс. солдат. Около 650 тыс., составивших так называемую Большую армию, были двинуты к русским границам. В России знали о всех деталях подготовки Наполеона к войне. Русский посол в Париже князь А. Б. Куракин начиная с 1810 г. регулярно, дважды в месяц, доставлял точные данные о численности, вооружении и дислокации французских войск; ценные сведения он за крупные денежные суммы получал от Талейрана — министра иностранных дел в наполеоновском

правительстве.

В России знали и примерные сроки вторжения французской армии — июнь 1812 г. Распространенное в литературе мнение о внезапности нападения Наполеона несправедливо. Неверно также и утверждение, будто вторжение произошло «без объявления войны». Как установлено в последнее время, объявление войны России Наполеон сделал официально 22 июня (за два дня до вторжения) через своего посла в Петербурге Жака-Александра Лористона, который вручил управляющему министерством иностранных дел А. Н. Салтыкову надлежащую ноту. Но Россия к этой войне не была готова, хотя с 1810 г. полным ходом шло перевооружение русской армии, укрепление ее западных границ, строительство крепостей, устройство складов боеприпасов, фуража и продовольствия. Однако тяжелое финансовое положение страны не позволило выполнить эту программу. Архаическая рекрутская система не могла подготовить необходимые резервы. Численность русской армии была значительно меньше французской, хотя по боевой выучке солдат и техническому уровню вооружений она нисколько ей не уступала.

Александр I не блистал военными талантами. Современники отмечали характерную закономерность: там, где непосредственно он находился, его войска терпели неудачи. Во время тильзитской встречи Наполеон прямо сказал Александру: «Военное дело — не Ваше ремесло». В сущности такого же мнения придерживались и трезво мыслящие русские военные и государственные деятели и даже члены царской семьи.

В преддверии войны Александр имел долгую беседу со Сперанским и в частности спросил, что он думает о предстоящей войне и принимать ли ему, императору, непосредственное руководство военными действиями. Сперанский советовал Александру не брать командование лично на себя, а созвать «Боярскую думу» и ей поручить вести войну, при этом «имел дерзость» расхваливать «воинственные таланты» Наполеона, чем сильно уязвил самолюбие царя. «Что ж я такое? Разве я нуль?» — возмущенно говорил Александр.

Первая акция Александра при известии о вторжении французских войск предложение Наполеону мира; с письмом императора к Наполеону был направлен генерал А. Д. Балашов. Впрочем, Александр не верил в успех этой миссии, надеясь лишь выиграть время. Присутствие царя в армии сковывало действия русского командования. Александру недвусмысленно указывали на «неудобство» такого присутствия. И он нашел в себе мужество внять доводам влиятельных лиц и членов царской семьи, но его

отъезд из армии преследовал и другую цель возложить ответственность за первые неудачи и отступление русских войск на своих генералов. Не мог Александр не прислушаться и к голосу общественности, требовавшей назначить главнокомандующим М. И. Кутузова, которого он особенно не жаловал после Аустерлица. «Общество желало его назначения, и я его назначил, — сказал он генерал-адъютанту Е. Ф. Комаровскому. — Что же касается меня, то я умываю руки». При этом Александр сетовал, что в молодости не отдали его к Суворову или Румянцеву: «Они меня научили бы воевать».

Находясь в столице, Александр был в курсе всего, что происходило в действующей армии, отнюдь не довольствуясь официальными донесениями ее командующих. Верный своему принципу противопоставлять одних лиц другим, Александр, передав командование М. Б. Барклаю де Толли, начальником штаба назначил его соперника генерала А. П. Ермолова с правом личного доклада императору; назначив затем главнокомандующим Кутузова, начальником штаба поставил личного его недруга генерала Л. Л. Беннингсена, доносившего царю о всех шагах Кутузова.

Обычно одно-два генеральных сражения решали судьбу всей кампании, которую вел Наполеон. И на этот раз, используя свое численное превосходство в силах, он рассчитывал разбить рассредоточенные русские армии поодиночке в нескольких приграничных сражениях. Но этот расчет не удался. Русские войска с боями, организованно и в полном боевом порядке отступали. Еще до подхода к Смоленску Наполеон убедился, что предстоит длительная и изнурительная кампания. Из Смоленска он отправил пленного генерала П. А. Тучкова к Александру I с предложением мира, но оно осталось без ответа. Позже Наполеон, находясь в Москве, несколько раз обращался к царю с подобными предложениями, но все они были отвергнуты. Перед началом войны, видя ее неизбежность, Александр заявил: «Я не начну войны, но не положу оружия, пока хоть один неприятельский солдат будет оставаться в России». Когда война разразилась, он неоднократно заявлял о своей готовности «истощить все силы империи, дойти до Камчатки», но не заключать мира с Наполеоном. Узнав о взятии Москвы, Александр сказал: «Я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться картофелем с последним из моих крестьян, нежели подпишу позор своего Отечества».

Война 1812 г. явилась поистине всенародной, освободительной, и это обеспечило победу над агрессором. 25 декабря 1812 г. был издан царский манифест, возвестивший об

окончании Отечественной войны. Россия явилась единственной страной в Европе, способной не только противостоять наполеоновской агрессии, но нанести ей сокрушительное поражение. Была разгромлена громадная, закаленная во многих сражениях армия, предводительствуемая выдающимся полководцем. Но победа досталась дорогой ценой: огромными людскими и материальными потерями, разорением десятков губерний, бывших ареной военных действий, сожжением и разорением Москвы, Смоленска, Витебска, Полоцка и других древних российских городов. Но победоносное окончание кампании 1812 г. еще не гарантировало Россию от новой агрессии Наполеона. Сам Наполеон считал, что воина против России еще не закончена. Но теперь военные действия были перенесены уже за пределы России. Советские историки обычно рассматривают заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. как продолжение Отечественной войны 1812 года. Александр I расценивал продолжение войны за пределами России как достижение своей цели низвержения Наполеона. «Не заключу мира, пока Наполеон будет оставаться на престоле», — открыто заявил он. Он также добивался и восстановления «легитимных», т. е. абсолютистских режимов в Европе.

Военные успехи России сделали Александра вершителем судеб Европы. С лихвой было удовлетворено и его самолюбие. После решающей битвы при Фершампенуазе (под Парижем) он с гордостью говорил Ермолову: «Ну что, Алексей Петрович, теперь скажут в Петербурге; меня считали за простачка». И далее: «Двенадцать лет я слыл в Европе посредственным человеком: посмотрим, что она заговорит теперь». В 1814 г. Сенат преподнес Александру I титул «Благословенного, великодушного держав восстановителя». Император находился в зените величия и славы. Декабрист Якушкин вспоминает об энтузиазме, с каким был встречен Александр по возвращении в Россию. Его поразил такой эпизод во время царского смотра возвратившейся из Франции гвардии. Какой-то мужик, оттесненный толпой, перебежал дорогу перед самым конем императора Александра. «Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция принялась бить мужика палками. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого царя. Это было во мне первое разочарование на его счет».

Тщетны оказались надежды ратников ополчений — крепостных крестьян — на обещанную «волю» как награду за подвиг в Отечественной войне 30 августа 1814 г., в день тезоименитства царя, был обнародован манифест «Об избавлении державы Российския от нашествия галлов и с ними дванадесят

язык». Манифест возвещал о даровании дворянству, духовенству, купечеству различных наград и льгот, а о крестьянах было сказано: «Крестьяне, верный наш народ — да получит мзду свою от Бога».

1815–1825 гг. принято считать временем мрачной политической реакции, именуемой аракчеевщиной. Однако она в полной мере проявилась не сразу. Примерно до 1819–1820 гг. наряду с проведением ряда реакционных мер имели место и факты «заигрывания с либералами»: планы преобразований продолжали разрабатываться, печать и просвещение еще не подвергались тем суровым гонениям, какие начались позднее. В 1818–1820 гг. издаются книги прогрессивных профессоров — историка и статистика К. И. Арсеньева «Российская статистика» и правоведа А. П. Куницына «Право естественное», в которых излагались просветительские идеи и открыто ставился вопрос о необходимости отмены крепостного права в России. В журналах продолжали публиковаться тексты западноевропейских конституций.

В ноябре 1815 г. Александр I подписал конституцию образованного в составе Российской империи Царства Польского. Для того времени она была либеральной. 15(27) марта 1818 г. при открытии польского сейма в Варшаве царь произнес речь, в которой заявил, что учрежденные в Польше конституционные порядки он намерен «распространить и на все страны, провидением попечению моему вверенные», однако с оговоркой: «когда они достигнут надлежащей зрелости». Его речь произвела сильное впечатление на прогрессивных людей России, внушив им надежды на конституционные намерения царя. Карамзин отметил, что речь Александра «сильно отразилась в молодых сердцах: спят и видят конституцию». Передавали и другие конституционные заявления царя. Декабрист Н. И. Тургенев записал 25 октября 1818 г. в своем дневнике сказанное Александром I прусскому генералу Мезону: «Наконец все народы должны освободиться от самовластия. Вы видите, что я делаю в Польше и что хочу сделать и в других моих владениях».

В 1818 г. Александр поручил Н. Н. Новосильцеву составить «Уставную государственную грамоту» в духе принципов польской конституции 1815 года. Проект был готов к 1820 г. и получил «высочайшее одобрение». Хотя проект Новосильцева, готовившийся в глубокой тайне, так и остался на бумаге, однако сам факт его разработки характерен для политики Александра в те годы. В 1816–1819 гг. была завершена крестьянская реформа в Прибалтике (ее второй этап). Все крестьяне получали личную свободу, а землю на условиях ее аренды, но в перспективе

приобрести ее в собственность посредством покупки у помещика. В 1818 г. 12 сановников получили секретные поручения царя подготовить проекты отмены крепостного права и для русских губерний. Один из этих проектов подготовил Аракчеев, намечавший постепенный выкуп помещичьих крестьян в казну. По собственному почину подал царю свой проект освобождения крестьян и декабрист Н. И. Тургенев, но все поступившие к царю проекты были положены под сукно, так как осуществление их он счел несвоевременным.

Но уже в первые послевоенные годы Александр I проводит и ряд реакционных мер. Среди них наиболее жестокой явилось учреждение в 1816 г. военных поселений, которые А. И. Герцен назвал «величайшим преступлением царствования Александра I». Создание военных поселений вытекало из задачи поисков новых форм комплектования армии и разрешения острых финансовых проблем путем перевода части армии на «самоокупаемость», т. е. устройства солдат на земле, чтобы они наряду с военной службой занимались и земледелием и тем содержали себя. Население определенного региона обращалось в военных поселян, которые назывались «поселянами-хозяевами», а к ним поселяли солдат, составлявших так называемые «действующие» (регулярные) батальоны и эскадроны. И «поселяне-хозяева» и солдаты «действующих» поселенных частей одновременно должны были заниматься земледелием и военной службой. И служба и быт были до мелочей регламентированы. Это был худший вид крепостной неволи. Устройство военных поселений в Новгородской, Херсонской и Харьковской губерниях встретило отчаянное сопротивление местного населения, переводимого на положение военных поселян.

Начальником всех военных поселений был назначен А. А. Аракчеев показатель того, какое большое значение придавал Александр этому учреждению. Аракчеев первоначально высказывался против военных поселений, предлагая сократить срок солдатской службы до 8 лет и из увольняемых в запас создавать необходимый резерв. Но как только вопрос о военных поселениях был решен Александром I, Аракчеев стал рьяным и последовательным проводником в жизнь этой меры. По наблюдению историка Н. К. Шильдера, Аракчеев усмотрел «в этой царственной фантазии верное средство еще более укрепить свое собственное положение и обеспечить в будущем преобладающее влияние на государственные дела».

Аракчеев начал службу при дворе в царствование Павла I. Сначала Александр его недолюбливал и однажды в кругу гвардейских офицеров назвал его «мерзавцем», но затем увидел в

нем «привлекательные» качества: педантичность и поистине маниакальную приверженность к «порядку», неукоснительную исполнительность и незаурядные организаторские способности. Письма Александра Аракчееву в эти годы пестрят уверениями в «дружбе» и выражениями «сердечных чувств», подытоженными в письме 1820 г.: «Двадцать пять лет могли доказать искреннюю мою привязанность к тебе и что я не переменчив». Импонировали Александру I в Аракчееве и его твердый характер, готовность не считаться с любыми препятствиями и жертвами при выполнении поставленных перед ним задач. Карьера Аракчеева при Александре I (как и Сперанского) началась в 1803 году. В 1808 г. Аракчеев уже военный министр и — надо отдать ему должное — на этом посту (до 1810 г., когда его сменил Барклай де Толли) он сделал немало для вооружения русской армии первоклассной артиллерией. Но «звездный час» Аракчеева наступил со времени назначения его начальником военных поселений и председателем Департамента военных дел Государственного совета. 1822–1825 гг. — время наивысшего могущества этого временщика, которого ненавидела вся Россия. На положении фактически первого министра он являлся единственным докладчиком императору по всем отраслям управления, даже по ведомству Святейшего синода. Все министры были обязаны представлять свои доклады императору «через графа Аракчеева».

Современники, а впоследствии и ряд историков, видели в «змие Аракчееве» главное «зло» России тех лет. Недаром это лихолетье последнего периода царствования Александра I было окрещено «аракчеевщиной». Современники дело представляли так, что император, занятый больше внешнеполитическими делами, а в последние годы испытывая «глубокую утомленность жизнью», передал управление страной своему жестокому фавориту. Известный мемуарист того времени Ф. Ф. Вигель отзывался об Александре I как о «помещике, сдавшем имение управляющему» (Аракчееву), в полной уверенности, что в этих руках «люди не избалуются». Монархически настроенные дворянские историки (М. И. Богданович, Н. Ф. Дубровин, Н. К. Шильдер) пытались все беды страны свалить на Аракчеева, чтобы тем самым в благоприятном свете представить Александра I. Нисколько не отрицая большого влияния этого временщика на ход государственных дел, все же надо подчеркнуть, что вдохновителем реакционного курса был сам царь, а Аракчеев лишь усердно претворил эту политику в жизнь. Александр, даже находясь за границей, держал все нити управления в своих руках, вникая во все мелочи, касающиеся, кстати, и «ведомства» самого Аракчеева — военных поселений.

Начальник штаба военных поселений П. А. Клейнмихель свидетельствовал, что многие из аракчеевских приказов по военным поселениям собственноручно правил император.

Через сеть осведомителей Александр внимательно следил за умонастроениями в России и отдавал соответствующие предписания генералам, возглавлявшим сыск. Александр мастерски умел «перекладывать свою непопулярность» на других. Это видел и сам Аракчеев, говоря, что император представляет его «пугалом мирским». Отлично зная его «переменчивую натуру», Аракчеев даже в годы могущества не был уверен в прочности своего положения. Одному из сановников он говорил об Александре I: «Вы знаете его — нынче я, завтра вы, а после опять я».

Курс самодержавия был тесно связан с общеевропейской реакцией. Окончательный поворот Александра к реакции определился в 1819–1820 гг., что было отмечено современниками. «Как он переменился!» — писал об Александре в середине 1819 г. в своем дневнике Н. И. Тургенев. Не скрывал такой «перемены» и сам Александр, говоря осенью 1820 г. австрийскому канцлеру Меттерниху, что он «совершенно изменился». Наблюдательные современники, в первую очередь декабристы, связывали перемену курса русского монарха с политическими потрясениями в странах Западной Европы: революциями в Португалии, Испании, Неаполе, Пьемонте 1820 г., греческим национально-освободительным восстанием 1821 г. «Происшествия в Неаполе и Пьемонте, с современным восстанием греков произвели решительный перелом в намерении государя», — писал В. И. Штейнгель.

Речь Александра при открытии второй сессии польского сейма 1(13) сентября 1820 г. сильно отличалась от сказанной два с половиной года назад. Он уже не вспоминал о своем обещании даровать России «законно-свободные учреждения». В это время полыхали революции в южноевропейских странах. «Дух зла покушается водворить снова свое бедственное владычество, — говорил теперь император, — он уже парит над частию Европы, уже накопляет злодеяния и пагубные события». Речь содержала угрозы полякам применить силу в случае обнаружения у них какого-либо политического «расстройства». На собравшемся осенью 1820 г. конгрессе держав Священного Союза в Троппау (в Австрии) Александр I говорил о необходимости «принять серьезные и действенные меры против пожара, охватившего весь юг Европы и от которого огонь уже разбросан во всех землях». «Пожар в Европе» заставил сплотиться реакционные державы Священного Союза, несмотря на их разногласия.

В Троппау царь получил известие о восстании лейб-гвардии Семеновского полка, выступившего в октябре 1820 г. против жестокостей его командира полковника Е. Ф. Шварца. Первым сообщил Александру это неприятное известие Меттерних, представив его как свидетельство, что и в России «неспокойно». Это произвело сильное впечатление на Александра. Поражает суровость его расправы с этим старейшим, прославленным гвардейским полком. Полк был раскассирован по различным армейским частям, 1-й его батальон был предан военному суду, и основная его часть разослана по сибирским гарнизонам без права выслуги, 8 «зачинщиков» приговорены к наказанию кнутом и последующей бессрочной каторге. Были преданы и четыре офицера полка, подозреваемые в «попустительстве» солдатам. Остальные офицеры были определены в разные армейские полки. Показательна лицемерными словами о «милостях» царская конфирмация приговора суда «зачинщикам» выступления. «Государь император, говорится в ней, — приняв в уважение долговременное содержание в крепости рядовых, равно и бытность в сражениях, высочайше повелеть соизволил, избавя их от бесчестного кнутом наказания, прогнать шпицрутенами каждого через батальон 6 раз и потом сослать в рудники».

Александр был убежден, что выступление солдат Семеновского полка инспирировано тайным обществом. «Никто на свете меня не убедит, чтобы сие выступление было вымышлено солдатами или происходило единственно, как показывают, от жестокого обращения с оными полковника Шварца, — писал он Аракчееву. — …По моему убеждению, тут кроются другие причины… я его приписываю тайным обществам». Начались их усиленные поиски. Однако не полиция напала на след существовавшего в то время декабристского Союза благоденствия. С ноября 1820 — февраля 1821 г. власти уже располагали серией доносов. В конце мая 1821 г., по возвращении Александра I из-за границы, генерал И. В. Васильчиков подал ему список наиболее активных членов тайного общества. Рассказывают, что царь бросил список в пылающий камин, якобы не желая знать «имен этих несчастных», ибо и сам «в молодости разделял их взгляды», добавив при этом: «Не мне их карать».

Карать он умел, и очень жестоко. Отказ же от открытого судебного преследования был вызван отнюдь не соображениями «гуманности». Громкий политический процесс мог в то время посеять сомнения относительно могущества «жандарма Европы». Александр I, по свидетельству декабриста С. Г. Волконского, вообще не любил «гласно наказывать». Размышляя, «что воспоследовало бы с членами тайного общества, если бы

Александр Павлович не скончался в Таганроге», Волконский писал: «Я убежден, что император не дал бы такой гласности, такого развития о тайном обществе. Несколько человек сгнили бы заживо в Шлиссельбурге, но он почел бы позором для себя выказать, что это была попытка против его власти». Действительно, не желая преследовать явно, Александр покарал ряд выявленных членов тайного общества скрытно, без суда и огласки: отставкой и ссылкой с установлением полицейского надзора.

1 августа 1822 г. Александр I дает рескрипт на имя управляющего министерством внутренних дел В. П. Кочубея о запрещении тайных обществ и масонских лож и о взятии от военных и гражданских чинов подписки, что они не принадлежат и не будут принадлежать к таковым организациям. В течение 1821 1823 гг. вводится централизованная и разветвленная сеть тайной полиции в гвардии и армии. Вся система слежки делилась на ряд округов, имела свои центры, условные явки и пароли, целую сеть низших и высших «корреспондентов». Были особые агенты, следившие за действиями самой тайной полиции, а также друг за другом. Активизировала свою деятельность и «гражданская» тайная полиция. «Недостатка в шпионстве тогда не было, вспоминает известный военный историк А. И. Михаиловский-Данилевский, правительство было подозрительно, и в редком обществе не было шпионов, из коих, однако же, большая часть были известны; иные принадлежали к старинным дворянским фамилиям и носили камергерские мундиры».

Следили и за высшими государственными лицами, в том числе за Аракчеевым (у которого, кстати, была и своя тайная полиция). Служивший у него декабрист Г. С. Батеньков вспоминает, как Аракчеев во время прогулки с ним на Фонтанке указал на шпиона, который был «приставлен за ним наблюдать». Впрочем, Аракчеев отнесся к этому как к должному. В течение всего царствования Александра I действовали «черные кабинеты», занимавшиеся перлюстрацией частных писем. Это было «классическое» время доносов. «Здесь озираются во мраке подлецы, чтоб слово подстеречь и погубить доносом», — писал один из тогдашних поэтов. Доносили на лиц не только с передовыми взглядами, но и на влиятельных вельмож и ретроградов, например, на того же Аракчеева, на министра полиции А. Д. Балашова, министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына, митрополита Филарета. М. Л. Магницкий подал донос даже на великого князя Николая Павловича (будущего Николая I). Стоит лишь удивляться, что в

условиях такого «шпионства» правительству до лета 1825 г. не удавалось напасть на след декабристских тайных организаций, которые были обнаружены не полицией, а другими «доброхотными» доносителями, совершенно случайно, вследствие неосторожности некоторых неопытных членов этих организаций.

Наступление реакционного правительственного курса в 1820–1825 гг. обозначалось во всех направлениях. Были отменены все указы, изданные в первые годы царствования Александра I и несколько сдерживавшие произвол помещиков по отношению к крестьянам; вновь подтверждалось право помещиков ссылать крестьян в Сибирь «за предерзостные поступки»; крестьянам запрещалось жаловаться на жестокость. Усилились гонения на просвещение и печать. Цензура беспощадно преследовала всякую свободную мысль. В 1819 г. в Казанский университет для «ревизии» был послан М. Л. Магницкий. Он обнаружил там «дух вольнодумства и безбожия» и потребовал в своем докладе царю «публичного разрушения» университета. «Зачем разрушать, можно исправить», написал в своей резолюции на докладе Александр I. «Исправлять» он поручил тому же Магницкому, назначив его попечителем Казанского учебного округа. Из университета было уволено более половины профессоров, из его библиотеки изъяты все книги, отличавшиеся, по мнению Магницкого, «вредным направлением», находившиеся в анатомическом театре препараты человеческого тела были преданы «христианскому погребению». Попечитель самовольно отдавал «неугодных» ему студентов в солдаты и ввел в университете казарменный режим, доложив императору: «Яд вольнодумства окончательно оставил университет, где обитает ныне страх божий». В 1821 г. назначенный попечителем Петербургского учебного округа Д. П. Рунич подверг разгрому столичный университет. Он начал с доноса о том, что науки преподаются там «в противном христианству духе», и возбудил судебный процесс против лучших профессоров: К. И. Арсеньева, А. И. Галича, К. Ф. Германа и Э. В. Раупаха. Процесс тянулся до 1827 г., когда был прекращен за недоказанностью «преступления».

Это было время господства религиозного обскурантизма и мистицизма, поощряемых Александром I. Увлечение царя мистицизмом заметно проявилось с 1814 года. До этого, как свидетельствовала Александра Федоровна (жена Николая I), он в вопросах религии был весьма «фриволен и легкомыслен». В 1814 г. Александр I встретился в Париже с «европейской пифией» — баронессой В. Ю. Крюденер и вел с ней долгие беседы о религии. Беседы продолжились и в России. Он

покровительствует духовным собраниям фанатичной Е. Ф. Татариновой, обращается к разного рода «пророкам» и «пророчицам». Вызванного к нему музыканта Никитушку Федорова, слывшего «юродивым» и «пророком», производит в чиновники. Впоследствии он приблизил к себе известного своим изуверством архимандрита Фотия, близкого друга Аракчеева. А. С. Шишков составляет для Александра выписки из библейских текстов.

В 1814 г., по возвращении из Парижа, Александр берет под свое покровительство российское Библейское общество, вступив в число его членов и пожертвовав ему значительные денежные суммы. В это общество вошел «цвет» тогдашней аристократической реакции. Председателем его был поставлен А. Н. Голицын. К 1824 г. оно имело уже 89 отделений в России и издало 876 тыс. экземпляров Библии на 40 языках народов России. Деятельность Библейского общества была связана с Министерством духовных дел и народного просвещения, во главе которого находился тот же Голицын. Однако деятельность Библейского общества и голицынского ведомства нарушала прерогативы православной церкви, что вызвало недовольство и противодействие высшего духовенства. В 1824 г. оно при поддержке Аракчеева и Фотия добилось упразднения «духовного» министерства, отставки Голицына и роспуска Библейского общества (официально оно было закрыто указом 12 апреля 1826 г.). Несмотря на увлечение мистицизмом, царь не терпел вмешательства своих «пророков» в дела управления государством, и когда, например, баронесса Крюденер попыталась вторгнуться в вопросы политики, она была немедленно выслана из России.

В 1819 г. Александр I занялся вопросом о своем преемнике на престоле. Родившиеся у него и Елизаветы Алексеевны в 1797 и 1806 гг. дочери Елизавета и Мария умерли в младенчестве. Состояние здоровья жены царя больше не давало надежды на появление у них детей. Хотя в коронационном манифесте от 15 сентября 1801 г. и не был назван наследник, но согласно «Общему акту о престолонаследии» и «Учреждению об императорской фамилии» Павла I от 5 апреля 1797 г. законным преемником Александра считался следующий по старшинству брат Константин, получивший еще в 1799 г. от отца титул цесаревича. Однако и Константин находился «в тех же самых семейных обстоятельствах», что и Александр, т. е. был бездетным, а со своей женой фактически разошелся в 1801 году. Рождение в 1818 г. у другого брата царя, Николая Павловича, сына Александра (будущего Александра II) определило выбор. Летом 1819 г. Александр I предупредил Николая и его жену, что они

«призываются в будущем к императорскому сану».

В том же году Александр нанес визит Константину в Варшаву, где тот находился в качестве наместника царя. Во время этой встречи Александр дал Константину устную санкцию на развод с женой и разрешение вступить в морганатический брак с польской дворянкой Иоанной Грудзинской при условии передачи своих прав на престол Николаю. Позднее, в 1825 г., Константин говорил, что он сам отрекся от своих прав в пользу Николая. Рассказывали, что и ранее в семейном кругу Константин говорил о своем нежелании когда-либо царствовать («удушат, как отца удушили»). Однако документы, связанные с отречением Константина (да и само его поведение в дни междуцарствия 1825 г.), позволяют прийти к выводу, что отречение едва ли было с его стороны вполне добровольным жестом.

20 марта 1820 г. был издан манифест «О расторжении брака великого князя цесаревича Константина Павловича с великою княгинею Анною Федоровною и о дополнительном постановлении об императорской фамилии». Манифест давал разрешение Константину на развод с женой, а в дополнительном постановлении указывалось, что член царской семьи при вступлении в брак «с лицом не из владетельного дома, не может сообщить ему прав, принадлежащих членам императорской фамилии, и рождаемые от такого союза дети не имеют права на наследование престола». Хотя манифест формально и не лишал Константина прав на российский престол, но ставил в такие условия, которые вынуждали его отречься от этих прав. 14 января 1822 г. Константин вынужден был обратиться к Александру с письмом об отказе от своих прав на престол. Характерно, что оно было написано под диктовку Александра, который правил и текст письма. 2 февраля Александр дал письменное «согласие» на отречение Константина, а 16 августа 1823 г. последовал манифест, в котором Александр, ссылаясь на письмо Константина, передавал права на престол Николаю.

Все эти акты составлялись и хранились в глубокой тайне. О манифесте знали только сам Александр, Голицын, Аракчеев и составитель текста митрополит московский Филарет. Манифест был положен на хранение в Успенском соборе в Кремле, а три его копии, заверенные подписями Александра, — в Синоде, Сенате и Государственном совете, с собственноручными надписями царя: «Хранить с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть прежде всякого другого действия». Можно предполагать, судя по этой надписи Александра, что свое решение он не считал окончательным и мог его переменить («востребовать» для пересмотра).

Манифестом нарушался изданный Павлом I закон о престолонаследии, о чем говорил петербургский генерал-губернатор М. А. Милорадович, когда было получено известие о смерти Александра I, и его секретный манифест был оглашен в присутствии членов Сената, Синода и Государственного совета. Милорадович указывал, что воля покойного императора, «изъявленная в запечатанной бумаге, не может служить законом, потому что русский государь не может располагать наследством престола по духовной». Николай вынужден был первым принести присягу своему брату как императору. Константин в своих письмах заявлял об отказе от престола. Но, чтобы Николай мог объявить себя императором, Константин должен был обнародовать официальный манифест о своем отречении. Константин же по сути дела отказался сделать это, ограничившись частными письмами. Такое поведение его до сих пор остается загадкой. Оно создало династический кризис, которым, как известно, и воспользовались декабристы.

Нарастало недовольство самим Александром I, который уже не мог «прикрыться» Аракчеевым. Д. И. Завалишин вспоминал, что в последние годы царствования Александра I «раздражение против него было значительно, не было очевиднее факта, до какой степени государь потерял в последнее время уважение и расположение народа». Об «общем негодовании» против Александра I в эти годы свидетельствовал и П. Г. Каховский.

Приближенные Александра I отмечали, что в последние годы он становился все мрачнее, чаще стал уединяться. Разумеется, он не мог не знать о растущем ропоте в народе и различных общественных кругах, был убежден в существовании тайных обществ и готовящемся против него заговоре, подозревал в этом многих влиятельных лиц из военной среды. В 1826 г. при разборе его бумаг была обнаружена записка, датируемая 1824 годом, в которой говорилось о росте «пагубного духа вольномыслия» в войсках, о существовании «по разным местам тайных обществ или клубов», с которыми якобы были связаны влиятельные лица из военных — А. П. Ермолов, Н. Н. Раевский, П. Д. Киселев, М. Ф. Орлов и др.

В середине июля 1825 г. Александр получил достоверные сведения о том, что против него зреет заговор в войсках, расквартированных на юге России. Унтер-офицер южных военных поселений И. В. Шервуд случайно узнал о тайном обществе и немедленно донес об этом царю. Однако только одного сведения о существовании заговора, без знания конкретных его участников, было недостаточно, чтобы начать репрессии. По личному указанию Александра I был разработан план выявления членов и

руководителей тайной организации. Возглавить это расследование было поручено Аракчееву. Известия о заговоре в войсках, расположенных на юге России, заставили Александра I отменить намеченный на осень 1825 г. смотр войск в Белой Церкви. Впоследствии из показаний декабристов, членов Южного общества, стало известно, что они замышляли использовать этот смотр для своего выступления.

1 сентября 1825 г. Александр выехал на юг, намереваясь посетить там военные поселения, Крым и Кавказ (поездка предпринималась под предлогом поправления здоровья императрицы). 14 сентября царь был уже в Таганроге. Через 9 дней туда приехала Елизавета Алексеевна. С нею Александр посетил Азов и устье Дона, а 20 октября отправился в Крым, где посетил Симферополь, Алупку, Ливадию, Ялту, Балаклаву, Севастополь, Бахчисарай, Евпаторию. 27 октября на пути из Балаклавы в Георгиевский монастырь царь сильно простудился, ибо ехал верхом в одном мундире при сыром, пронизывающем ветре. 5 ноября он возвратился в Таганрог уже тяжелобольным, о чем написал своей матери в Петербург. Лейб-медики констатировали лихорадку. Ранее в Таганрог прибыл начальник южных военных поселений граф И. О. Витт с докладом о состоянии поселений и с новым доносом на тайное общество. Витт возглавлял также и систему политического сыска на юге России и через своего агента А. К. Бошняка получил сведения о существовании Южного общества декабристов. В доносе Витта значились имена некоторых из членов тайного общества, в том числе и его руководителя П. И. Пестеля. Еще до своей поездки в Крым Александр вызвал в Таганрог Аракчеева, но тот не приехал в виду постигшего его несчастья (убийства дворовыми людьми его любовницы Настасьи Минкиной).

7 ноября болезнь императора обострилась. В Петербург и Варшаву были отправлены тревожные бюллетени о состоянии его здоровья. 9 ноября наступило временное облегчение. 10 ноября Александр отдал приказ арестовать выявленных членов тайной организации. Это было последнее распоряжение Александра: вскоре он окончательно слег, и все дело по раскрытию тайной организации и аресту ее членов взял на себя начальник Главного штаба, находившийся при Александре в Таганроге, И. И. Дибич. Приступы болезни царя делались все сильнее и продолжительнее. 14 ноября царь впал в беспамятство. Врачебный консилиум установил, что надежд на выздоровление нет. В бреду Александр несколько раз повторял по адресу заговорщиков: «Чудовища! Неблагодарные!» 16 ноября царь «впал в летаргический сон», который сменился в последующие дни конвульсиями и агонией.

19 ноября в 11 часов утра он скончался.

Неожиданная смерть Александра I, ранее почти никогда не болевшего, отличавшегося отменным здоровьем, еще не старого (ему не было и 48 лет), породила слухи и легенды. Фантастические рассказы о таганрогских событиях появились в начале 1826 г. в зарубежных газетах. В дальнейшем среди многочисленных слухов наиболее широкое распространение получила легенда о «таинственном старце Федоре Кузьмиче», под именем которого долгие годы (до 1864 года) якобы скрывался император Александр I. Легенда породила обширную литературу, включая и известную повесть Л. Н. Толстого «Записки Федора Кузьмича». Великий князь Николай Михайлович Романов, биограф Александра I, имевший доступ к секретным материалам императорской семьи, в специальном исследовании «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича» (СПб., 1907), опроверг эту нелепую «версию». Он имел также несколько бесед со знаменитым писателем, который не настаивал на достоверности легенды, рассматривая ее лишь как материал для художественного произведения. Аргументированное опровержение дано и в книге К. В. Кудряшова «Александр I и тайна Федора Кузьмича» (Петроград, 1923), в которой собраны и всесторонне проанализированы все данные по этому вопросу. Однако в последнее время вновь делаются попытки отстаивать «подлинность» легенды о «старце Федоре Кузьмиче». Подчеркнем, что все версии о «перевоплощении» Александра I в «старца» основаны исключительно на слухах, зафиксированных мемуаристами. При этом игнорируются или без всякого основания ставятся под сомнение такие документальные материалы, как подробнейшие бюллетени о ходе болезни Александра I, акты вскрытия его тела, официальные донесения из Таганрога находившихся при умирающем императоре лиц, генералов царской свиты П. М. Волконского и И. И. Дибича. Наконец, имеются письма императрицы Елизаветы Алексеевны, находившейся при муже до самой его кончины, а также письма придворных дам — княгини С. Волконской и камер-фрейлины Е. Валуевой. Значительная часть этих материалов опубликована в свое время историками Н. К. Шильдером и вел. кн. Николаем Михайловичем Романовым.

…В истории царствования и биографии императора Александра I имеется еще немало спорных и неизученных проблем. Так, до сих пор не выяснено до конца, чем были вызваны в 1821 г. отказ Александра I от открытого судебного преследования, выявленного по доносам, декабристского тайного общества «Союза благоденствия» или решение не обнародовать

такой важный документ, как манифест 1823 г. о передаче престола Николаю, минуя Константина. Биографами так и не объяснены причины «душевной депрессии» Александра в последние годы его царствования. Недостаточно изучена сущность «правительственного либерализма» в начале царствования Александра I, характер его социальной политики. В литературе весьма разноречивы оценки его позиции в «польском», «финляндском» и «греческом» вопросах. Жизнь и деятельность этого, несомненно, незаурядного монарха России ждет обстоятельного монографического исследования.

Андрей Шолохов
Генерал от инфантерии Скобелев

Смерть, потрясшая Россию

Утром 26 июня (8 июля) 1882 года Москва напоминала растревоженный улей. На улицах собрались группы что-то горячо обсуждавших людей, местами они сливались в гудящие толпы. Всех потрясло трагическое известие: ночью при таинственных обстоятельствах в номере девицы легкого поведения скончался народный герой Михаил Дмитриевич Скобелев, прозванный за свое пристрастие к белым лошадям и кителям «белым генералом».

Писатель В. И. Немирович-Данченко, (брат известного театрального деятеля, друживший с военачальником. — А. Ш.) вспоминал:

> «Кто-то в толпе стал было рассказывать о последних часах жизни М. Д. Скобелева.
>
> Слушал, слушал старик какой-то. Крестьянин по одежде…
>
> — Прости ему, господи, за все, что он сделал для России. За любовь его к нам, прости, за наши слезы!
>
> — Не вмени ему во грех. И он человек был, как мы все. Только своих-то больше любил и изводил себя за нас.
>
> И вся окружающая толпа закрестилась — и если молитва уносится в недосягаемую высоту неба, — эта была услышана там, услышана богом правды и милости, иначе понимающим и наши добродетели, и наши преступления…
>
> В другой толпе рассказ шепотом.
>
> — Был я у Тестова… Вдруг входит он и садится с каким-то своим знакомым… Я не выдержал, подхожу к нему… Позвольте, говорю, узнать, не доблестного ли Скобелева вижу? Дозвольте поклониться вам. Он вежливо так встал тоже… С кем имею честь говорить? — спрашивает. — Бронницкий крестьянин такой-то, говорю. Подал он мне руку и так задушевно, по-дружески пожал мне мою… Ушел я, заплакал даже!
>
> — Он простых любил, сказывают.

— Сам ведь из простых был.

И целый ряд рассказов, один за другим, слышался в толпе. Появились солдаты, лично знавшие покойного…

Невольно думалось, сколько с ним похоронено надежд и желаний… Какие думы, какие яркие замыслы рождались под этим выпуклым лбом… В бесконечность уходили поля сражений, где должно было высоко подняться русское знамя… Невольно казалось, что еще не отлетевшие мысли, как пчелы, роятся вокруг его головы. И какие мысли, каким блеском полным были они… Вот те мечты о всемирном могуществе родины, о ее силе и славе, о счастье и свободе народов, — дружных с нею, родственных ей. Сотни битв, оглушительный стихийный ураган залпов, десятки тысяч жертв, распростертых на мокрой земле… Радостное „ура“, торжество победы, мирное преуспеяние будущего… Грезы о славянской независимости.

— Отчего он умер? — слышится рядом.

— Говорят, от паралича сердца…

— Ну, а когда мы с вами умрем… У нас будет ведь тоже паралич сердца?

— Тоже!

— Следовательно, это все равно, что умер от смерти?

— Да!

Вот и те, которые всю жизнь клеветали на него, вставляли ему палки в колеса, интриговали при дворе…

Один из них говорит лицемерные слова, а с лица у него не сходит улыбка. Едва сдерживает ее…

— Это ужасно… ужасно… Народный герой и такая смерть. Такая смерть, что скажут немцы. И вообще иностранцы. Ай-ай-ай.

К нему подходит бледный, взбешенный скобелевский ординарец.

— Ваше высокопревосходительство…

— Что вам угодно?

— Предлагаю вам от лица боевых товарищей покойного, собравшихся здесь, — выйти отсюда.

Наконец отворили дверь на площадь. В ее просвет народ увидел в цветах венков лицо Скобелева. Раздалось многотысячное рыдание.

— Москва плачет… — доносилось отовсюду.

— Народные похороны… — говорили в толпе.

И действительно, траурная процессия со всех сторон

была охвачена целым морем голов. Кругом виднелись заплаканные лица, десятки тысяч рук поднимались, чтобы издали перекрестить своего любимца. Черные сюртуки, изящные дамские платья — и тут же грязная потная рубаха рабочего сибиряка, крестьянина.

Гроб Скобелева был перенесен в церковь Трех Святителей, что у Красных Ворот, заложенную его дедом Иваном Никитичем (И. Н. Скобелев в сражениях потерял руку, но дослужился до генерала, одно время являлся комендантом Петропавловской крепости, был известен также как способный литератор. Генералом стал и его сын Дмитрий Иванович, отец нашего героя. — А. Ш.). Епископ Амвросий свою речь перед гробом Скобелева закончил следующими словами: „Ради любви его к нашему православному отечеству, ради любви к нему народа твоего, ради слез наших и сердечной молитвы нашей о нем, паче же ради твоей бесконечной любви, благоволительно приемлющей чистую любовь человеческую во всех ее видах и проявлениях, будь к нему милостив на суде твоем праведном“».

На другой день вся церковь была окружена войсками.

На панихиду съехались высшие воинские чины: у гроба Скобелева стояли известнейшие русские генералы Радецкий, Ганецкий, Дохтуров… Черняев, заплаканный, положил серебряный венок от туркестанцев… Кругом, сплошною стеною сомкнулись депутаты от разных частей армии, от полков, которыми командовал Скобелев. Гроб утопал в цветах и венках. Один из них от Академии Генерального штаба. На нем надпись: «Герою Скобелеву, полководцу, Суворову равному». Александр III прислал сестре М. Д. Скобелева телеграмму: «Страшно поражен и огорчен внезапной смертью вашего брата. Потеря для русской армии незаменимая, и, конечно, всеми истинно военными людьми сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно, терять столь полезных и преданных своему делу деятелей».

Чем же заслужил такую популярность Михаил Дмитриевич Скобелев и почему его смерть породила множество слухов? Ответить на эти вопросы нам помогут факты и только факты. Вспомним, что война — всегда трагедия, но нет народа, который не гордился бы своими военными героями, не вспоминал бы их подвиги и не стремился им подражать. Да, слава Скобелева связана как с русско-турецкой войной 1877–1878 гг., освободившей балканских славян от почти пятивекового турецкого ига, так и с присоединением Туркестана (Средней

Азии) к России процессом хотя и прогрессивным, но не лишенным жестокостей. Да, в характере этого сложного человека тесно переплелись отвага и честолюбие, доходившие до авантюризма; либеральные убеждения и консерватизм, вера в славянскую идею и бонапартизм. Это был типичный представитель российского дворянства с известной долей европейского космополитизма, и в то же время пламенный патриот, глубоко любящий и понимающий свой народ с его добротой и жертвенностью, терпением и неприхотливостью.

М. Д. Скобелев являлся не только важным субъектом общественно-политической жизни России 70–80-х годов прошлого века, но и игрушкой в чьих-то руках, жертвой закулисных сил, куда более мощных, чем даже самодержавие. Гибель 39-летнего генерала в расцвете сил и по сей день таит в себе загадку.

Разобраться во всем этом трудно, порой невозможно. И все же, думается, сложность и противоречивость жизни и деятельности М. Д. Скобелева ни в коей мере не должны служить поводом для замалчивания его недолгой, но яркой роли в отечественной истории.

Еще об одном хотелось бы предупредить читателя. Те, кто стремится внедрить в сознание народов национализм, действуя по принципу «разделяй и властвуй», спешат обвинить Скобелева в «имперском мышлении», причислить к панславистам. При этом намеренно забывается, что сам термин «панславизм» возник в начале 40-х годов XIX века в кругах немецкой и венгерской националистической буржуазии, опасавшейся национально-освободительного движения славян. Применялся термин по отношению ко всякому национально-освободительному движению, направленному против немецкого господства в Австро-Венгрии и турецкого гнета. Изначально он служил жупелом, с помощью которого немецкий шовинизм запугивал собственных обывателей и общественность других стран мнимой славянской и русской угрозой. Между прочим борьбой с «панславизмом» оправдывал свою агрессию Гитлер. О «советском панславизме» неизменно кричат и нынешние поборники «атлантической солидарности» в США и Европе.

Если уж использовать понятие «панславизм», то, как справедливо отмечает советский историк и публицист Аполлон Кузьмин, нужно помнить, что под него подводилось много идейных течений — от радикальных до консервативных. Разновидностью его было и русское славянофильство, имеющее перед отечественной историей немалые заслуги. Разумеется, и в славянофильстве, и в западничестве были крайности, присущие российской интеллигенции. Реальная же политика чаще всего

выбирала золотую середину, тем самым подвергаясь нападкам и «слева» и «справа», и отнюдь не всегда оправдываясь будущим.

Что касается Михаила Дмитриевича Скобелева, то он мечтал об объединении славян под эгидой России на основе общности крови, веры, языка и культуры, но не противопоставлял их другим народам. Отечество виделось ему как мощный естественный союз европейских и азиатских народов, давно сожительствующих на сопредельных территориях, образованный с целью защиты своих исконных интересов.

В последние годы жизни Михаил Дмитриевич называл главным врагом славянства немецкий национализм. И внешний ход последующих событий вроде бы подтвердил эту его мысль. Но нельзя не видеть за разразившимися двумя мировыми войнами интересов других стран, желавших поживиться за счет ослабления России и Германии. Стоит задуматься: не оказывается ли в конечном счете всякий национализм лишь орудием в руках мощных космополитических сил, рвущихся к мировому господству? На этот вопрос не так-то просто найти убедительный ответ. Думается, не все здесь понимал и Скобелев.

Зенит славы М. Д. Скобелева совпал с переломным для России временем рубежа царствования Александра II и Александра III, когда до предела обострилась борьба либеральных и консервативных сил, централистов и децентралистов, славянофилов и западников, а реформы в который уже раз сменились контрреформами. Из таких исторических точек обычно протягиваются нити и к прошлому и к будущему. Здесь есть над чем задуматься любознательному читателю.

Мы не ставили своей целью подробно описывать, безусловно, яркую военную деятельность Скобелева, расскажем лишь о некоторых боевых эпизодах и наиболее насыщенном политическими событиями годе его жизни, который предшествовал загадочной смерти, потрясшей Россию.

Последний штурм

В январе 1881 года генерал М. Д. Скобелев одержал свою последнюю военную победу, взяв туркменскую крепость Геок-Тепе (Денгиль-Тепе), тем самым присоединив к России Ахалтекинский оазис и укрепив ее позиции в Средней Азии, где в тугой узел переплелись интересы России и Британской империи.

Процесс присоединения Туркестана к России растянулся почти на два десятилетия. Скобелев принимал в нем самое деятельное участие. Он приехал в эти края совсем молодым

офицером, затем участвовал в Хивинском походе и вот теперь уже прославленным генералом вновь вернулся в Среднюю Азию, чтобы покорить воинственное туркменское племя текинцев.

Совершив тяжелый переход через пески, войска под командованием Скобелева осадили текинскую крепость. С самого раннего утра рылись в земле саперы и команды рабочих. Осадные сооружения все росли и росли.

Чем плотнее окружали скобелевцы последний оплот текинцев, тем все более и более возрастало их упорство. Осажденные были убеждены, что русским никогда не удастся взять крепость. Они, впрочем, надеялись не только на свои силы, но и на помощь извне.

Крепость Геок-Тепе представляла собой неправильный четырехугольник, ее стены имели в длину 300–500 метров с множеством выходов. Толщина стен около 5–10 метров в основании, а ширина коридора на гребне между стенами около 6 метров. Внутри крепости, по разным данным, было сосредоточено от 25 до 40 тысяч защитников, в том числе от 7 до 10 тысяч конных.

Уверенность в победе росла среди степняков. Никто из них не допускал даже мысли, что русские одержат над ними верх. Видя осадные работы, защитники крепости не понимали их значения и насмехались над русскими, будто бы закапывающимися в землю из-за страха перед ними, удалыми джигитами.

Хмурились скобелевские воины, когда до них доходили эти насмешливые отзывы степняков. Текинская крепость не казалась им такою твердыней, которую они не могли бы взять штурмом.

На первых порах воинское счастье как будто бы улыбалось текинцам. Иногда им удавалось одержать кое-какие успехи в незначительных схватках с осаждающими.

В стычках с неприятелем Скобелев всегда подавал пример мужества. На своем неизменно белом коне он не раз врубался в самую гущу нападавших внезапно текинцев.

Произошел и такой случай. При отряде разведчиков была так называемая ракетная команда: десять станков для запуска ракет. Как-то молоденький поручик суетливо хлопотал около них, уговаривая наводчиков попадать прямо в текинцев, бесновавшихся совсем близко. Однако первая попытка закончилась неудачею. Две ракеты не взлетели. Третья наконец вылетела, но не поднялась, а упала тут же около офицера. Тот инстинктивно отскочил назад. Тогда Скобелев, чтобы предотвратить панику, наехал на нее своим конем. Лошадь ранило, зато пострадавших не оказалось.

Как всегда заботы Скобелева о солдатах стояли на первом

месте. Однажды, осмотрев полевой лагерь, он отмечал: «Мало заботливости о людях. Между тем офицеры построили себе отличные землянки в несколько комнат. Я ничего не имею против устройства землянок для офицеров, но требую, чтобы забота о солдате была на первом месте, т. е. чтобы офицеры строили себе землянки после того, как нижние чины действительно, по возможности, вполне обеспечены».

Михаил Дмитриевич не знал, что такое отдых. Его видели всюду на работах. Здесь он указывал направление траншей, там подбодрял энергичным словом, но ласково, без озлобления, уставших, в другом месте определял направление подкопов, которые вели для закладки мин под стены текинской крепости. В палатке-канцелярии Скобелев постоянно проводил совещания с начальниками отдельных частей. Ночью свет никогда не гас в его личной отдельной палатке: генерал сидел над просмотром множества поступающих в отряд бумаг, разрешал всевозможные дела, диктовал приказы на следующий день.

Как только закончились минные работы, которые Михаил Дмитриевич всячески торопил, на 12 (24) января 1881 года он назначил штурм. Это был понедельник, «тяжелый день», но Скобелев помнил, что это годовщина знаменитого указа Павла I Донскому войску о походе на Индию. (Отдав такой приказ, Павел I вскоре был убит заговорщиками, и войско возвратилось назад. — А. Ш.)

Князь Шаховской, присутствовавший при разговоре, прибавил:

— Ничего, Михаил Дмитриевич, хотя сегодня и понедельник, но 12 января Татьянин день, день основания Московского университета.

Для убежденного сторонника просвещения и эта дата имела символическое значение.

В ночь перед штурмом Скобелев, сделав надлежащие распоряжения, велел приготовить парадную форму, эполеты и ордена. А затем, перед тем как соснуть несколько часов, решил побеседовать со своим личным военным врачом О. Ф. Гейфельдером на отвлеченные темы. Так, о проблемах войны и мира они и проговорили до глубокой ночи.

Наконец наступил желанный Татьянин день. Густыми клубами плавал над русским лагерем предрассветный туман, когда поднялись на ноги войска и выстроились в правильные ряды в ожидании объезда главнокомандующего.

Он появился перед своими богатырями, когда совсем уже рассвело. Красивый, гордый, надменно глядящий вдаль проехал он по рядам, здороваясь с одними, ободряя других, поздравляя с

боем всех. «Белый генерал» предупредил, что отступления не будет, да и никто в это утро и не думал об отступлении. Победа светилась на лицах воинов. Все считали минуты до той поры, когда их поведут к стенам Геок-Тепе.

Текинская крепость примолкла. Видимо, почувствовали ее защитники, что наступил решительный миг.

Холодное зимнее солнце поднималось все выше и выше. В клубах тумана слышались звуки музыки. Когда туман рассеялся, текинцы увидали три русские колонны, стоявшие в некотором отдалении от крепости в боевом порядке. Их повели к стенам полковники Куропаткин, Козелков и подполковник Гайдаров.

Несколько поодаль на высоком холме, с которого были видны все окрестности, собрался вокруг главнокомандующего его штаб. Сам Михаил Дмитриевич примостился на высоком походном кресле и с величайшим нетерпением ждал начала штурма. Он то и дело посылал к колоннам своих ординарцев, что-то говорил своей свите, нервно пожимал плечами.

В 7 утра подполковник Гайдаров повел наступление на западную часть крепости, стараясь отвлечь на себя внимание ее защитников.

Вдруг у самой стены раздался оглушительный удар. Это взорвалась мина. В результате образовался 30-метровый пролом в стене. В него бросилась колонна полковника Куропаткина. Другие русские подразделения тоже ринулись в крепость, не давая текинцам опомниться.

Скобелев, едва только начался штурм, встал с кресла и наблюдал за все разгоравшимся с каждой минутой сражением.

Около Геок-Тепе кипел жестокий бой. Русские орудия, не смолкая ни на мгновение, громили стены крепости, чтобы расширить образовавшуюся брешь. А внутри уже шла рукопашная схватка. Опомнившиеся текинцы отбросили ножны шашек, надвинули на глаза шапки и дрались отчаянно. Но русские воины неудержимо стремились вперед. Слышались хриплые крики и лязганье железа. Все это временами заглушалось трескотней выстрелов, громом орудий, пронзительными воплями тысяч женщин и детей, сбившихся в нестройную толпу на главной площади крепости.

Вдруг неудержимой волной пронеслось над бойцами новое богатырское «ура» — это врывалась в Геок-Тепе вторая штурмовая колонна полковника Козелкова. Здесь во главе атакующих шли бойцы апшеронского батальона, потерявшего знамя в недавнюю ночную вылазку текинцев. Для них этот бой являлся делом чести: знамя должно быть возвращено любой ценой.

Солдаты карабкались на стены, взбираясь по штурмовым

лестницам, вонзая в расщелины штыки. Сверху на них летели пули, сыпались камни, но никто не мог остановить русских воинов. Вот они уже на стенах, еще миг — и новые живые волны уже влились в крепость.

Третья штурмовая колонна подполковника Гайдарова наконец также ворвалась в крепость, но с другой стороны. Она отрезала текинцам выход из крепости и ударила на них с тылу. Текинцы разбились на отдельные группы, часть их оказалась прижатой к стене и отчаянно отбивалась. Схватки разгорались и между кибитками, куда поспешили укрыться менее храбрые из защитников крепости. Как ни были разгорячены боем солдаты, но они свято помнили, что дети и жены врагов неприкосновенны.

Громовое, полное радости «ура», покрывая шум боя, пронеслось над крепостью: это апшеронцы вернули свое знамя. Со всех сторон им ответили не менее громким победным кличем. Скобелеву и без уведомления уже стало ясно, что его воины победили. Лицо генерала прояснилось, на тонких губах заиграла радостная улыбка. Он вызвал начальника конницы и приказал вывести казаков и драгун в степь, чтобы быть готовыми к преследованию неприятеля.

Около часу дня штурм закончился. Все три колонны сошлись на площади взятой крепости. Раздались звуки музыки. Скобелев вступил через брешь в покоренную крепость. Затем началось преследование текинцев, отступивших двумя большими отрядами в северном направлении.

Во время погони под ноги коня Скобелева бросилась пятилетняя девочка. Он велел ее взять и отвести к себе, а затем передал графине Милютиной, дочери военного министра, приехавшей в отряд в качестве сестры милосердия. Девочку окрестили и назвали Татьяной в честь дня штурма. Впоследствии она воспитывалась в Московском институте благородных девиц и была известна как Татьяна Текинская.

Благодаря полководческому таланту Скобелева, экспедиция обошлась всего в 13 миллионов рублей и была закончена в 9 месяцев вместо предполагаемых двух лет. Она была проведена с характерными для этого военачальника дальнозоркостью и расчетом, которые в наибольшей степени соответствовали изречению, записанному в его кожаной походной книжке: «Избегать поэзии в войне».

Официальный Петербург ликовал по поводу быстрого и успешного завершения Ахалтекинской экспедиции. Скобелева произвели в генералы от инфантерии, или полные генералы, и наградили орденом Георгия 2-й степени. В царском дворце назначили «большой выход с благодарственным молебствием».

Военный министр Д. А. Милютин отметил, что овладение Геок-Тепе, «несомненно, поправит наше положение не только в Закаспийском крае, но и в целой Азии». Это было тем более важно, что на сей раз в роли неудачников оказались английские захватчики, потерпевшие ряд поражений в Афганистане и Южной Африке.

Скобелеву очень хотелось, чтобы выстрелы 12 января 1881 г. были в Туркестане последними. Он требовал умиротворения края к февралю. «Мы извлечем, — говорил он, — несомненные выгоды, если сумеем сохранить в полности дорого купленное, ныне несомненное, боевое обаяние, затем, вводя наши порядки, не поставим всего дела на чиновничью ногу, как везде, в обширном отрицательном смысле этого слова».

В этом же письме Михаил Дмитриевич сформировал принципы, на которых, по его предположению, должна строиться русская политика. «Наступает новое время полной равноправности и имущественной обеспеченности для населения, раз признавшего наши законы. По духу нашей среднеазиатской политики париев нет; это наша сила перед Англией. К сожалению, буйный нрав отдельных личностей не всегда на практике сходится с великими началами, корень которых следует искать в государственных основах великого княжества Московского. Ими только выросла на востоке допетровская Русь; в них теперь и наша сила. Чем скорее будет положен в тылу предел военному деспотизму и военному террору, тем выгоднее для русских интересов».

В Ахалтекинском оазисе, включенном в Закаспийский военный отдел, затем преобразованный в область с административным центром в Ашхабаде, довольно быстро установились новые порядки благодаря способности русских, по словам английского лорда Керзона, добиваться верности и дружбы тех, кого они подчинили силой.

Особое внимание было уделено привлечению на сторону Российской империи феодальной знати. Некоторые представители племенной верхушки получили звания офицеров местной «милиции». Пятеро из них во главе с перешедшим на сторону России вслед за капитуляцией Геок-Тепе Тыкма-сардаром прибыли в Петербург в качестве делегации туркменских старшин и были приняты царем и военным министром.

Конфликт с императором

Скобелев еще торжествовал победу над воинственными

туркменскими племенами, когда в Среднюю Азию дошла весть об убийстве 1 марта 1881 года императора Александра II. Стало известно, что за несколько часов до гибели царь вызвал в Зимний дворец председателя комитета министров П. А. Валуева и возвратил ему одобренный проект правительства о привлечении местных деятелей к участию в обсуждении законопроектов. Фактически это был значительный шаг к созданию Российской конституции. Однако бомба, брошенная агентом Исполнительного комитета «Народной воли» И. И. Гриневицким, изменила ход дальнейших событий.

На престол вступил Александр III, который в отличие от своего слабовольного отца обладал определенной системой взглядов. Он весьма последовательно боролся за чистоту «веры отцов», незыблемость принципа самодержавия и развития русской народности. Кроме того, новый российский самодержец не преклонялся перед германским императором Вильгельмом I, как его отец, нередко забывавшим национальные интересы своей страны.

В манифесте 29 апреля (10 мая) 1881 года Александр III выразил программу внешней и внутренней политики: поддержание порядка и власти, наведение строжайшей справедливости и экономии, возвращение к исконным русским началам и обеспечение повсюду русских интересов.

Не исключено, что это могло в дальнейшем вызвать у Скобелева симпатии к новому царю. Пока же генерал встретил перемены на тропе весьма настороженно. Ведь Александр II хотя какое-то время и недооценивал Скобелева, но позже признал его дарование, доверял ему ответственные посты. Теперь все могло измениться, как и положение при дворе А. В. Адлерберга, который оказывал Михаилу Дмитриевичу существенную помощь при решении различных вопросов. (Муж сестры матери М. Д. Скобелева. Министр двора при Александре II и его близкий Друг. Вначале правления Александра III был вынужден уступить свою должность графу М. М. Воронцову-Дашкову.)

Сдав управление Закаспийской областью генералу П. Ф. Рербергу (общее руководство было возложено на главнокомандующего Кавказской армией. — А. Ш.), Скобелев осмотрел пограничную полосу с Персией, чтобы затем изложить свои соображения о границе специальной комиссии. Только после этого 27 апреля (9 мая) он уехал в Петербург.

Генерал Скобелев возвращался из Ахалтекинской экспедиции триумфатором. Его встречали, как народного героя. Чем ближе подъезжал он к центру России, тем торжественнее и многолюднее были встречи. Но прибытие в Москву превзошло все ожидания. На

площади перед вокзалом собрались десятки тысяч людей, и сам генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков едва сумел протискаться в вагон, чтобы сопровождать Михаила Дмитриевича до столицы Российской империи.

Думается, что все же не с легким сердцем подъезжал Скобелев к Петербургу. Как уже отмечалось, внутреннее положение в стране было чрезвычайно тревожным. Убийство Александра II вызвало растерянность властей, страх перед новыми покушениями. Скобелев это чувствовал, как политик мысленно старался предугадать ход дальнейших событий. Он хорошо знал расстановку политических сил.

В высших правительственных сферах сформировались две группировки: консерваторы во главе с бывшим воспитателем Александра III обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым и либеральная бюрократия со своим лидером министром внутренних дел генералом М. Т. Лорис-Меликовым, сторонником конституции.

В 1893 году в издании фонда русской вольной прессы вышла анонимная брошюра «Конституция гр. Лорис-Меликова». Как утверждал историк Б. З. Нольде, она была написана М. М. Ковалевским. Этот известный устроитель масонских лож в России резюмировал свое повествование: «Так кончилась эта странная попытка примирения культурных классов с бюрократией и абсолютизмом, так устранен был единственный путь к мирному развитию русского народа, к завершению тех реформ, начало которых было положено 19 февраля 1861 года».

В следующем 1894 году те же издатели выпустили в Лондоне брошюру Ф. В. Волховского, в прошлом революционера-народника «Чему учит конституция гр. Лорис-Меликова?». Автор стремился доказать, что в неудаче, постигшей планы Лорис-Меликова, виноваты не революционеры, убившие Александра II, а в первую очередь он сам. представитель иной тактики.

Причина неудачи задуманных преобразований, думается, все же не столько в тактике той или иной стороны, сколько в неизбежных изъянах самой стратегии проведения «революции сверху», когда противоборствующими политическими течениями не очень-то учитываются народные интересы.

Авторитет Лорис-Меликова постепенно падал, а Победоносцева укреплялся. Появились и новые лица, влияние которых росло. Среди них — граф Н. П. Игнатьев, в прошлом посол России в Турции. Сохранилась его записка, излагающая программу правительственной деятельности. Он полагал, что прежде всего нужно освободиться от некоторых явлений общественной жизни, сгубивших «лучшие начинания»

Александра II. Игнатьев писал:

> «В Петербурге существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела. Многими законными и незаконными путями и средствами они имеют громадное влияние на чиновничество и вообще на весь ход дел.
>
> Отдельными своими частями эта группа соприкасается и с развившимся расхищением казны, и с крамолой. Проповедуя слепое подражание Европе, люди этой группы, ловко сохраняя свое нейтральное положение, очень охотно пользуются крайними проявлениями крамолы и казнокрадства, чтобы рекомендовать свой рецепт лечения: самые широкие права полякам и евреям, представительные учреждения на западный образец. Всякий честный голос русской земли усердно заглушается польско-жидовскими критиками, твердящими о том, что нужно слушать только интеллигентный класс и что русские требования следует отвергнуть как отсталые и непросвященные».

Такая концепция, судя по всему, импонировала молодому императору и его идейному вдохновителю К. П. Победоносцеву.

Будучи еще наследником престола, Александр Александрович в узком кругу выражал недовольство по поводу пристрастия батюшки к инородцам. Его злило, что Россией фактически правит армянин Михаил Тариэлович Лорис-Меликов, а пост государственного секретаря занимает Евгений Абрамович Перетц — сын еврея-откупщика, вдобавок брат декабриста.

В конце апреля 1881 года вместо ушедшего в отставку М. Т. Лорис-Меликова министром внутренних дел стал Н. П. Игнатьев. Он начал с очищения государственного аппарата от различных оппозиционных, «либеральствующих» элементов. Так как «расстройство администрации и глумление над властью… началось с высших чиновничьих кругов Петербурга и пошло отсюда в провинцию, — рассуждал Игнатьев, — отсюда же надо начать лечение болезни, подтачивающей наши силы и здравый смысл». Он верил, что меры по обузданию высшей бюрократии «будут встречены всей Россией, за исключением петербургской (читай: либеральной. — А. Ш.) прессы, с истинным удовольствием».

Однако новый министр все-таки не был законченным реакционером, как это можно представить из процитированных

его суждений. Относясь резко отрицательно к либералам-западникам, он был известен своими славянофильскими настроениями, размышлял над тем, как преодолеть трагическое расхождение между властью и обществом присущими России мерами. По этому поводу М. Д. Скобелев в письме И. С. Аксакову отмечал, что «по моему глубокому убеждению политик у нас один — граф Николай Павлович Игнатьев».

Игнатьев считал, что Россия находится на «перепутье», дальнейшее развитие ее государственности может пойти по трем путям. Первый — усиление репрессий, как он полагал, не приведет к положительным результатам, а лишь заставит недовольство уйти глубже. Второй — уступки, также неприемлем, потому что «каждый новый шаг, ослабляя правительство, будет самою силою вещей вынуждать последующие уступки». Опасность этого пути в том, считал министр, что в результате преобладающее значение в общественной жизни страны займет интеллигенция, которая «вмещает в себе все более опасных, неустойчивых элементов… ее участие в делах всего скорее приведет к ограничению самодержавия, что Россия несомненно станет источником вечной смуты и беспорядков». Единственно правильный, «спасительный путь», резюмирует Игнатьев, — возвращение к старине, к «исторической форме общения самодержавия с землею — земским соборам».

Идею созыва Земского собора горячо поддерживал И. С. Аксаков. Чтобы помочь Игнатьеву к коронации разработать соответствующий проект, он послал ему в помощь П. Д. Голохвастова, хорошо знакомого с историей вопроса. Забегая вперед, отметим, что этим славянофильским планам не суждено было сбыться: царь не без оснований увидел в них шаг к ограничению своей власти, но с другой стороны, нежели предложения западников. В середине 1882 года он дал отставку Н. П. Игнатьеву, министром внутренних дел назначил ярого консерватора Д. А. Толстого, изобретшего формулу: «Россия объелась реформами, ей нужна диета!» Период колебаний правительства кончился, началось наступление на либералов и нигилистов.

Весной, в мае, Скобелев прибыл в Петербург. Прямо с вокзала Михаил Дмитриевич, как полагалось, поехал в Петропавловскую крепость на могилу императора Александра II засвидетельствовать свое почтение. Новый самодержец Александр III встретил прославленного генерала крайне сухо, даже не поинтересовался действиями экспедиционного корпуса. Вместо этого он высказал неудовольствие тем, что Скобелев не сберег жизнь молодого графа Орлова, убитого во время штурма

Геок-Тепе, и презрительно спросил: «А какова была у вас, генерал, дисциплина в отряде?»

Холодный прием Скобелева царем получил широкую огласку. «Об этом теперь говорят, — писал императору обер-прокурор Священного синода К. П. Победоносцев, — и на эту тему ему поют все недовольные последними переменами. Я слышал об этом от людей серьезных, от старика Строганова, который очень озабочен этим. Сегодня граф Игнатьев сказывал мне, что Д. А. Милютин говорил об этом впечатлении Скобелева с некоторым злорадством». (Военный министр Д. А. Милютин, поддерживающий М. Т. Лорис-Меликова, к этому времени вынужден был уйти в отставку. Его сменил генерал П. С. Ванновский. — А. Ш.)

Оппозиция видела в лице Скобелева не только человека, недовольного режимом, но и военачальника всероссийской известности, народного героя, готового на самые смелые действия. Личная позиция Скобелева во внутренней политике еще не была ясна, но знали, что он сторонник некоторых мероприятий Лорис-Меликова, поддерживал Игнатьева, и разделял многие суждения И. С. Аксакова. Все это вызывало беспокойство в окружении императора и порождало множество слухов,

Скобелев считая, что революционное движение в большой мере связано с депрессией, охватившей русское общество после Берлинского конгресса конференции великих держав, проходившей в июне 1878 года в Берлине под председательством Бисмарка и в значительной степени лишившей Россию плодов ее победы в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

> «Уже под Константинополем, — писал он, — слишком для многих из нас было очевидно, что Россия должна обязательно заболеть тяжелым недугом нравственного свойства, разлагающим, заразным. Опасение высказывалось тогда открыто, патриотическое чувство, увы, не обмануло нас. Да, еще далеко не миновала опасность, чтобы произвольно не доделанное под Царьградом не разразилось бы завтра громом на Висле и Бобре. В одно, однако, верую и исповедаю, что наша „крамола“ есть, в весьма значительной степени, результат того почти безвыходного разочарования, которое навязано было России мирным договором, не заслуженным ни ею, ни ее знаменами».

Вскоре после событий 1 марта 1881 г. Скобелев писал своему доверенному лицу И. И. Маслову, что «при правильном решении Восточного вопроса, в смысле общеславянских, следовательно,

русских интересов, не в уступках и колебаниях надо искать величия и внешнего, так и внутреннего преуспевания отечества. Печальное решение было бы, в виду грозных внешних и внутренних врагов, отказываться от самого исторического признания, от пролитой реками православной крови, от нашего природного права бытия во всем его размере нравится ли это или нет германско-австрийским культуртрегерам, должно быть для России безразлично… люди слабые, иногда неблагонамеренные, всегда сердцем нерусские, будут, конечно, теперь кричать о необходимости внутренних преобразований в ущерб нашей политической и исторической самобытности. Повторяю, это поведет к пагубным последствиям. В монархической политике стояние на запятках враждебной Европы, как показал Берлинский трактат, особенно опасно».

Это письмо написано Скобелевым вдали от центра русских политических событий — в Средней Азии. Но мысль о связи судьбы страны с внешней политикой выпажена здесь очень ясно.

Вполне вероятно, что неприветливый прием в какой-то мере был связан с осложнениями между М. Д. Скобелевым и Петербургом, последовавшим после смерти Александра II, когда генерал имел намерение под предлогом болезни покинуть действующую армию и вернуться в Россию. Слухи об этом упорно тогда ходили по столице, им придавали большое значение. Английский посол Дуфферинг поторопился донести о них в Лондон, а некоторые русские сановники зафиксировали данное обстоятельство в своей переписке и дневниковых записях.

Обер-прокурор Священного синода К. П. Победоносцев был чрезвычайно обеспокоен обострением взаимоотношений Скобелева с императором, которому он настойчиво советовал постараться привлечь на свою сторону «белого генерала». Его письмо Александру III, отрывок из которого приводится выше, полно недомолвок и намеков.

Вот что пишет далее Победоносцев: «Я считаю этот предмет настолько важным, что рискую навлечь на себя неудовольствие вашего величества, возвращаясь к нему. Смею повторить слова, что вашему величеству необходимо привлечь к себе Скобелева сердечно. Время таково, что требует крайней осторожности в приемах. Бог знает, каких событий мы можем еще быть свидетелями и когда мы дождемся спокойствия и уверенности. Не надобно обманывать себя: судьба назначила вашему величеству проходить бурное, очень бурное время, и самые опасности и затруднения еще впереди. Теперь время критическое для вас лично: теперь или никогда, — привлечете вы к себе и на свою сторону лучшие силы России, людей, способных не только

говорить, но самое главное, способных действовать в решительные минуты. Люди до того измельчали, характеры до того выветрились, фраза до того овладела всеми, что уверяю честью, глядишь около себя и не знаешь, на ком остановиться. Тем драгоценнее теперь человек, который показал, что имеет волю и разум, и умеет действовать, ах, этих людей так немного! Обстоятельства слагаются, к несчастью нашему, так, как не бывало еще в России, — предвижу скорбную возможность такого состояния, в котором одни будут за вас, другие против вас. Тогда, если на стороне вашего величества будут люди, хотя и преданные, но неспособные и нерешительные, а на той стороне будут деятели, — тогда может быть горе великое и для вас, и для России. Необходимо действовать так, чтобы подобная случайность оказалась невозможной. Вот, теперь будто бы некоторые, не расположенные к вашему величеству и считающие себя обиженными, шепчут Скобелеву: „Посмотри, ведь мы говорили, что он не ценит прежних заслуг и достоинств“. Надобно сделать так, чтобы это лукавое слово оказалось ложью не только к Скобелеву, но и ко всем, кто заявил себя действительным умением вести дело и подвигами в минувшую войну. Если к некоторым из этих людей, ваше величество, имеете нерасположение, ради бога, погасите его в себе; с 1-го марта вы принадлежите, со всеми своими впечатлениями и вкусами, не себе, но России и своему великому служению. Нерасположение может происходить от впечатлений, впечатления могли быть навеяны толками, рассказами, анекдотами, иногда легкомысленными и преувеличенными. Пускай Скобелев, как говорят, человек безнравственный. Вспомните, ваше величество, много ли в истории великих деятелей, полководцев, которых можно было бы назвать нравственными людьми, а ими двигались и решались события. Можно быть лично безнравственным человеком, но в то же время быть носителем великой нравственной силы. И иметь громадное нравственное влияние на массу. Скобелев, опять скажу, стал великой силой и приобрел на массу громадное нравственное влияние, т. к. люди ему верят и за ним следят. Это ужасно важно, и теперь важнее, чем когда-нибудь… У всякого человека свое самолюбие, и оно тем законнее в человеке, чем очевиднее для всех дело, им совершенное. Если бы дело шло лишь о мелком тщеславии, — не стоило бы и говорить. Но Скобелев вправе ожидать, что все интересуются делом, которое он сделал, и что им прежде и более всех интересуется русский государь. Итак, если правда, что ваше величество не выказали в кратком разговоре с ним интереса к этому делу, желание знать подробности его, положение отряда,

последствия экспедиции и т. д., Скобелев мог вынести из этого приема горькое чувство. Позвольте, ваше величество, на минуту заглянуть в душевное ваше расположение. Могу себе представить, что вам было неловко, неспокойно со Скобелевым и что вы старались сократить свидание. Мне понятно это чувство неловкости, соединенное с нерасположением видеть человека, и происходящая от него неуверенность… Но смею думать, ваше величество, что теперь, когда вы государь русский, — нет и не может быть человека, с которым вы не чувствовали бы себя свободно, ибо в лице вашем — предо всеми и перед каждым стоит сама Россия, вся земля с верховной властью и т. д.».

Приведенное письмо, написанное со свойственной Победоносцеву вкрадчивостью и лестью, чрезвычайно показательно. В нем виден высокий общественный и политический авторитет Скобелева в то время. И это даже со слов Победоносцева, презиравшего людей вообще.

Теперь можно верить, что Скобелев если не пытался играть роль Бонапарта, возвратившегося из Египта, то во всяком случае фрондировал, чувствуя свое влияние, и, судя по отзывам лиц, знавших его в то время, не всегда был сдержан на язык. Петербургские острословы тут же окрестили его иронической кличкой — «первый консул».

О том, что Скобелев тогда вел себя довольно вызывающе, говорят многочисленные факты. Барон Н. Врангель (отец известного белогвардейца. — А. Ш.) вспоминал, как в свою последнюю встречу со Скобелевым они сидели у генерала Дохтурова в большой компании — были Воронцов-Дашков, Черевин, Драгомиров, Щербаков и др. Между прочим говорили и об императоре Александре III, отзываясь о «хозяине» не совсем лестно.

Затем обсуждали современное положение. Всем мало-мальски вдумчивым людям, по словам Врангеля, уже тогда становилось ясным, что самодержавие роет себе могилу. Воронцов оказался настроенным оптимистически, но можно было понять, что говорит он одно, а в душе не уверен, что все обстоит благополучно. Когда все уехали, Скобелев принялся шагать по комнате и расправлять свои баки:

— Пусть себе толкуют! Слыхали уже эту песнь. А все-таки, в конце концов, вся их лавочка полетит тормашками вверх…

По отзыву Врангеля Скобелев в то время отрицательно относился к Александру III и окружавшим его лицам.

— Полетит, — смакуя каждый слог, повторял он, — и скатертью дорога. Я, по крайней мере, ничего против этого лично иметь не буду.

— Полететь полетит, — сказал Дохтуров, — но радоваться этому едва ли приходится. Что мы с тобой полетим с ним, еще полбеды, а того смотри, и Россия полетит…

— Вздор, — прервал Скобелев, — династии меняются или исчезают, а нации бессмертны.

— Бывали и нации, которые, как таковые, распадались, — сказал Дохтуров. — Но не об этом речь. Дело в том, что, если Россия и уцелеет, мне лично совсем полететь не хочется.

— И не летай, никто не велит.

— Как не велит? Во-первых, я враг всяких революций, верю только в эволюцию и, конечно, против революции буду бороться, и, кроме того, я солдат, и, как таковой, буду руководствоваться не моими симпатиями, а долгом, как и ты, полагаю?

— Я? — почти крикнул Скобелев, но одумался. — В революциях, дружище, стратегическую обстановку подготовляют политики, а нам, военным, в случае чего, предстоять будет одна тактическая задача. А вопросы тактики, как ты сам знаешь, не предрешаются, а решаются, во время самого боя и предрешать их нельзя.

Этот разговор, записанный Врангелем, происходил вскоре после возвращения Скобелева из заграничного отпуска, в который он отправился после аудиенции у императора.

В переломное время

В Париже Скобелев «бросился в веселый омут» развлечений, стараясь отвлечься и забыться от всего. Но это удавалось ненадолго. Здесь он виделся с графом Лорис-Меликовым, с премьер-министром Франции Л. Гамбеттой, с которым установились тесные отношения. В разговорах с ними его мысли вновь возвращались к России. В те дни Михаил Дмитриевич стоял на распутье:

> «Возвращаться ли ему в корпус и продолжать командовать, или ехать обратно за границу, испросив продолжение отпуска до 11 месяцев. Тогда, само собою разумеется, с отчислением от должности».

По обыкновению, он попросил своего дядю, графа Адлерберга, разузнать настроения при дворе в этом плане. В письме к нему он высказал мысли, характерные для многих вдумчивых россиян:

> «Жилось за границей неохотно, а возвратился против

воли. Эта двойственность чувств и стремлений присуща, думаю, не мне одному, и, полагаю, есть результат наших общественных недугов, еще более прежнего, ныне затемняющих все. Впрочем, очень может быть, что, не надевая вновь известных зимницких зеленых очков, я, тем не менее, невольно смотрю через их тусклые стекла. Дай-то Бог… я охотно бы в данном случае ошибся. Тем не менее я верую, что не отделяюсь ни мозгом, ни сердцем от всего мыслящего на Руси. Крайне разнородны виды нигилизма — только цель единая. Тем хуже для тех, которые того не сознают… Мы живем в такое время, что люди склонны к крайностям. Если не с нравственной, то с психической точки зрения это вполне объяснимо».

Эти строки говорят о том, что взгляды Скобелева по вопросам внутренней политики были далеки от крайностей славянофильской концепции.

«Время такое, — писал далее Михаил Дмитриевич, — ведь мы живем теперь недомолвками. Невольно слышатся слова Грановского по случаю смерти Белинского: „Какую эпоху мы переживаем. Сильные люди ныне надломлены. Они смотрят грустно кругом, подавленные тупым равнодушием. Что-то новое слышится… но где же правдивая сила“».

Скобелев искал исторических аналогов.

«За последнее время я увлекся изучением, частью по документам, истории реакции в двадцатых годах нашего столетия. Как страшно обидно, что человечество часто вращается лишь в белкином колесе. Что только не изобретал Меттерних, чтобы бесповоротно продвинуть Германию и Италию за грань неизгладимых впечатлений, порожденных французской революцией. Тридцать лет подобного управления привели в Италии к полному торжеству тайных революционных обществ, в Германии — к мятежу 1848 года, к финансовому банкротству и, что всего важнее, к умалению в обществе нравственных и умственных начал, создав бессильное, полусонное поколение… В наш век более чем прежде обстоятельства, а не принципы управляют политикой».

К рассуждениям Скобелева можно добавить наблюдения за

историей России, где уже почти пять столетий развитие шло по спирали: сначала политические реформы, перестройка, потом отступление, контрреформы. В основе такого развития, на наш взгляд, лежала борьба между либеральными и консервативными элементами. Существование и тех и других в общем-то оправдано. Если либералы движут прогресс, то консерваторы не дают ему отойти от реалий страны и тем самым сохраняют ее от разрушения. Но в России эта борьба протекает особенно остро, так как наши либералы слишком эгоистичны, оторваны от народа, часто не учитывают его интересов. В результате они провоцируют междоусобицу, приводящую к огромным потерям…

Судя по всему, летом 1881 года М. Д. Скобелев был резко настроен против нового императора. Так, П. А. Кропоткин в своих воспоминаниях пишет:

> «Из посмертных бумаг Лорис-Меликова, часть которых обнародована в Лондоне другом покойного, видно, что, когда Александр III вступил на престол и не решился созвать земских выборов, Скобелев предлагал даже Лорис-Меликову и графу Игнатьеву… арестовать Александра III и заставить его подписать манифест о конституции. Как говорят, Игнатьев донес об этом царю и, таким образом, добился назначения министром внутренних дел».

При этом Кропоткин ссылается на упомянутую книгу «Конституция гр. Лорис-Меликова». Однако в этом сочинении не приводятся никакие факты о предложении Скобелева Лорис-Меликову организовать государственный переворот. Почему же Кропоткин ссылается на вполне конкретное издание? Нет оснований обвинять его в умышленной фальсификации. Книга Лорис-Меликова издана русским эмигрантским революционным издательством, к деятельности которого был близок и Кропоткин. Возможно, он видел документы еще до их опубликования, о чем и записал в своем дневнике. При окончательном же редактировании книги эти материалы по неизвестным соображениям были изъяты.

Такое предположение наиболее правдоподобно, тем более что в рассказе самого графа М. Т. Лорис-Меликова о свидании с Скобелевым, переданным А. Ф. Кони, содержатся определенные намеки на решительное настроение генерала. Эта встреча произошла в Кельне летом 1881 года по желанию Скобелева. Генерал ожидал Лорис-Меликова в специально приготовленном вагон-салоне.

«Встретил на дебаркадере с напускной скромностью, окруженный все какими-то неизвестными, — вспоминал Лорис-Меликов. — Умел играть роль!.. Когда мы остались одни в вагоне вдвоем со Скобелевым я ему говорю: „Что, Миша? Что тебе?“ Он стал волноваться, плакать, негодовать. „Он (то есть Александр III, принимая Скобелева после завершения Ахалтекинской экспедиции) меня даже не посадил!“ — и затем пошел, пошел нести какую-то нервную ахинею, которую совершенно неожиданно закончил словами: „Михаил Тариэлович, вы знаете, когда поляки пришли просить Бакланова о большей мягкости, он им сказал: господа, я аптекарь и отпускаю лишь те лекарства, которые предпишет доктор (Муравьев), обращайтесь к нему. То же говорю и я! Дальше так идти нельзя, и я ваш аптекарь. Все, что прикажете, я буду делать беспрекословно и пойду на все. Я не сдам корпуса, а там все млеют, смотря на меня, и пойдут за мной всюду. Я ему устрою так, что если он приедет смотреть 4-й корпус, то на его "здорово, ребята" будет ответом гробовое молчание. Я готов на всякие жертвы, располагайте мною, приказывайте, Я ваш аптекарь…“

Я отвечаю ему, что он дурит, что все это вздор, что он служит России, а не лицу, что он должен честно и прямодушно работать и что его способности и влияние еще понадобятся на нормальный службе и т. д. Внушал ему, что он напрасно рассчитывает на меня, но он горячился, плакал и развивал свои планы крайне неопределенно очень долго. Таков он был в июле 1881 года. Ну, и я не поручусь, что под влиянием каких-нибудь других впечатлений он через месяц или два не предложил бы себя в аптекари против меня. Это мог быть роковой человек для России — умный, хитрый и отважный до безумия, но совершенно без убеждений». (С последним утверждением Лорис-Меликова нельзя согласиться. А. Ш.)

Нет оснований сомневаться в правдоподобности рассказа Лорис-Меликова. Он хорошо рисует душевное состояние обиженного императором генерала. В новой политической обстановке Скобелев еще не разобрался, неясность его выводила из равновесия, он часто давал волю своим эмоциям.

Возможно, М. Д. Скобелев действительно вынашивал какие-то планы насильственного принуждения Александра III пойти на

реформы и ограничение самодержавной власти. Лорис-Меликова, который никогда не был поклонником военного таланта Скобелева, он конечно же не захотел до конца посвятить в свои планы. Не случайно министр нашел их неопределенными. Но это было далеко не так. Скобелев великолепно знал, что хотел. Его же поведение во время описываемого разговора — скорее всего хорошо разыгранный спектакль, чтобы уточнить взгляды и настроения либерального министра.

По всей видимости Скобелев имел собственную программу перестройки всех сторон жизни в России. Над этой программой он много и давно работал, оттачивал ее в мельчайших деталях… В одном из своих писем И. С. Аксакову Скобелев отмечал: «Для вас, конечно, не осталось незамеченным, что я оставил все, более, чем когда-либо, проникнутый сознанием необходимости служить активно нашему общему святому делу, которое для меня, как и для вас, тесно связано с возрождением пришибленного ныне русского самосознания. Более, чем прежде, ознакомясь с нашею эмиграцией, я убедился, что основанием общественного недуга в значительной мере является отсутствие всякого доверия положению наших дел. Доверие это мыслимо будет лишь тогда, когда правительство даст серьезные гарантии, что оно бесповоротно ступило на путь народный, как внешней, так и внутренней политики, в чем пока и друзья и недруги имеют полное основание болезненно сомневаться».

В другом послании он жаловался: «Эта будничная жизнь тяготит. Сегодня, как вчера, завтра, как сегодня. Совсем нет ощущений. У нас все замерло. Опять мы начинаем переливать из пустого в порожнее. Угасло недавнее возбуждение. Да и как его требовать от людей, переживших позор Берлинского конгресса. Теперь пока нам лучше всего помолчать — осрамились вконец».

Скобелев считал, что только подъем национального сознания и православия может укрепить русское государство и дать ему новые силы. «История нас учит, — подчеркивал генерал, — что самосознанием, проявлением народной инициативы, поклонением народному прошлому, народной славе, в особенности же усиленным уважением, воскрешением в массе народа веры отцов во всей ее чистоте и неприкосновенности можно воспламенить угасшее народное чувство, вновь создать силу в распадающемся государстве».

Скобелев много размышлял и о любимой им армии, которая в результате недавних реформ стала комплектоваться на основе всеобщей воинской обязанности. Михаил Дмитриевич писал по этому поводу:

«Реформы в Бозе почившего императора Александра II в нашей армии сделали солдата гражданином. Всякий шаг по пути возвращения к старому будет поставлен против принципа всякого уважения к личности. Этот-то принцип составляет главную силу нашей современной армии, ибо он защищает солдатскую массу от произвола». Скобелев сам принадлежал к новому поколению, но, разумеется, он практически знал и старую армию, поэтому имеет право судить о ней. «Старые порядки в армии были ужасны, ибо сверху донизу царствовал произвол вместо закона, слишком тяжело ложившийся преимущественно на солдат. Эти порядки, по словам очевидцев, делали из нашей армии массу без инициативы, способную сражаться преимущественно в сомкнутом строю, между тем современные боевые условия требуют развития личной инициативы до крайней степени, осмысленной подготовка и самостоятельных порывов. Все эти качества могут быть присущи только солдату, который чувствует себя обеспеченным на почве закона. Я уже имел честь докладывать Комиссии о той важности, которую имеет неприкосновенность нынешней военной судебной системы для армии…

Командуя войсками в мирное и в военное время, к сожалению, приходится сознаться, что привычки произвола и, скажу, даже помещичьего отношения к солдату еще не искоренились и проявляются в среде многих (отсталых) офицеров еще слишком часто. Между тем лучшая и самая интеллигентная часть наших молодых офицеров, а также и солдат, совсем иначе смотрит на службу и на отношения к ним начальников, чем это было несколько лет тому назад. Я считаю эту перемену большим благом для Отечества и гарантиею успеха в будущих боевых столкновениях. Реформы минувшего царствования в нравственном отношении могут быть названы слишком бесповоротными. Поэтому-то так страшно слышать заявления о необходимости возвратиться к старому, былому, как учит нас отечественная история, далеко не привлекательному. Учреждения, как бы их ни видоизменять, не могут отрешиться от своих исторических корней, и я твердо верю, что всякое колебание в армии коренных нравственных оснований великих реформ императора Александра II, олицетворяемых окружною системою, и

может найти сочувствие лишь в тех слоях армии, которым тяжело отвыкать от прежних помещичьих привычек».

Приверженность к реформам Александра II и опасение за их судьбу в новое царствование выражены Скобелевым в записке очень отчетливо. Надо сказать, беспокоился он не совсем напрасно: контрреформы в дальнейшем в какой-то степени затронули и особенно близкую ему военную область.

Как и многие мыслящие люди своего времени, Скобелев искал пути выхода из кризиса, в котором оказалась Россия. Михаил Дмитриевич все более сближался с И. С. Аксаковым, который также резко осуждал итоги Берлинского конгресса, выступал за освобождение и объединение славян, самобытный путь развития России и с большой опаской относился к активности германских милитаристских кругов. Позор России Аксаков видел в добровольном отказе на Берлинском конгрессе от успехов, достигнутых кровью русских солдат. В замыслах и притязаниях Англии и Австрии, руководимых пресловутой маклерской честностью германского канцлера, он усматривал доказательства того, что «кривде и наглости Запада по отношению к России и вообще Европе Восточной нет ни предела, ни меры».

В своей газете «Русь» Аксаков пропагандировал «русский политический идеал», сводившийся к формуле: «Самоуправляющаяся местно земля с самодержавным царем во главе». Формулу эту Аксаков считал «несравненно шире всякой западной республиканской формулы, где есть политическая свобода, т. е. парламентский режим в столицах, а самоуправления нигде — и социальное почти рабство внизу».

Аксаков полагал, что главный враг — радикалы, борьбу которых он понимал как «преступление против народа, посягательство на изменение исторического народного строя». Радикальные идеи он связывал с «западным влиянием» и распространением образования, лишенного нравственного начала.

Объектом нападок Аксакова были по его терминологии и «лжелибералы». Он уверял своих корреспондентов, что «петербургская либеральная партия, начинающаяся с высот, нижним своим краем примкнула к действующим подпольным силам и старается навязать им свою программу вместо

анархической, т. е. воспользоваться их средствами терроризации для проведения своих конституционных планов».

Аксаков обвинял так называемых либералов в том, что они являются «отцами нигилизма», проводят антирусскую политику, старался убедить правительство в необходимости принять славянофильскую политическую программу. Сблизившись с Игнатьевым, Аксаков настойчиво внушал министру мысль о необходимости созыва Земского собора. В этом его поддерживала жена А. Ф. Аксакова, дочь известного русского поэта Ф. И. Тютчева.

Прислушивался Михаил Дмитриевич и к голосу М. Н. Каткова, активно призывавшего со страниц своей газеты «Московские ведомости»: «Будем прежде всего русскими, верными духу нашего отечества и откажемся от воздухоплавательных опытов в правительственном деле».

Отметим, что это писал человек, ранее близкий В. Г. Белинскому, А. И. Герцену, М. А. Бакунину, но затем, видимо, под впечатлением эксцессов русского «нигилизма» перешедший на правый фланг журналистики и призывавший к «твердой власти» и даже выступавший против славянофильского проекта Земского собора.

Разумеется, не все взгляды Аксакова и Каткова разделял Скобелев. Он отвергал крайности славянофильской концепции, в частности критику петровской реформы. Не принимал катковскую позицию по Польше. Воинственным и резким выступлениям Каткова суждения Скобелева о поляках были совершенно противоположны. Он несколько раз счел возможным подчеркнуть благородство польского народа и его культурное равноправие. Михаил Дмитриевич в противоположность многим своим современникам, решительно осуждал польские разделы. «Завоевание Польши я считаю братоубийством, историческим преступлением. Правда русский народ был чист в этом случае. Не он совершил преступление, не он и ответственен. Во всей нашей истории я не знаю более гнусного дела, как раздел Польши между немцами и нами. Это Вениамин, проданный братьями в рабство! Долго еще русские будут краснеть за эту печальную страницу из своей истории. Если мы не могли одни покончить с враждебной нам Польшей, то должны были приложить все силы, чтобы сохранить целостным родственное племя, а не отдавать его на съедение немцам.

Возвращаясь из Франции через Варшаву в Петербург, Скобелев дал интервью польским журналистам. „Я желаю, — сказал он, — чтобы поляки были вместе с нами, как и все славяне. Правда, здесь находится русский гарнизон. Но если бы его

убрали, то вы бы имели вместо него гарнизон германский“.

О генерале Скобелеве менее всего можно говорить, как о честолюбце и доктринере. Широкие европейские взгляды и здравый смысл спасали его от политической узости некоторых его сторонников.

Парадокс заключается в том, что Скобелев какое-то время связывал свои надежды с Александром II, несмотря на то, что, по словам А. Ф. Тютчевой-Аксаковой, тот не был популярным в истинном смысле слова, народ не чувствовал к нему притяжения потому, что в нем самом совершенно отсутствовала национальная струнка». А вот с Александром III, в котором такая струнка была, у Михаила Дмитриевича первоначально установились весьма прохладные отношения. Думается, что произошло это от того, что политика нового императора еще не определилась, а поводов для взаимных подозрений в те смутные времена было более, чем достаточно.

Вес же Скобелев надеялся, что «новое царствование откроет эру национальной политики и что правительство не будет больше продавать Германии интересов России», хотя при дворе держались германофильские настроения. Скобелев рассказывал А. Ф. Тютчевой-Аксаковой, что, несмотря на русские шаровары, кафтан и меховую шапку, в которые был одет великий князь Михаил, его жена грозила выйти из-за стола, услышав предложение генерала заменить немецкую кокарду русской эмблемой.

9 (21) января 1882 года перед банкетом в годовщину взятия туркменской крепости Геок-Тепе (Денгиль-Тепе) Михаил Дмитриевич в беседе с И. С. Аксаковым сказал, что «12-го в Петербурге состоится банкет, где намерен произнести речь и воззвать к патриотическому чувству России в пользу славян, против которых вооружаются в настоящее время мадьяры».

Действительно, 12 (24) января 1882 года на банкете в ресторане Бореля в Петербурге, устроенном в честь первой годовщины со дня штурма Геок-Тепе, М. Д. Скобелев взял слово. В частности, он сказал:

> «Великие патриотические обязанности нише железное время налагает на нынешнее поколение. Скажу кстати, господа: тем больнее видеть в среде нашей молодежи так много болезненных утопистов, забывающих, что с такое время, как наше, первенствующий долг каждого — жертвовать всем, в том числе и своих духовным я, на развитие сил отечества…
>
> Опыт последних лет убедил нас, что если русский человек случайно вспомнит, что он, благодаря своей

истории, все-таки принадлежит к народу великому и сильному, если, Боже сохрани, тот же русский человек случайно вспомнит, что русский народ составляет одну семью с племенем славянским, ныне терзаемым и попираемым, тогда в среде известных доморощенных и заграничных иноплеменников поднимаются вопли негодования, и этот русский человек, по мнению этих господ, находится лишь под влиянием причин ненормальных, под влиянием каких-нибудь вакханалий. Вот почему прошу позволения опустить бокал с вином и поднять стакан с водою.

И в самом деле, господа, престранное это дело, почему нашим обществом и отдельными людьми овладевает какая-то странная робость, когда мы коснемся вопроса, для русского сердца вполне законного, являющегося естественным результатом всей нашей 1000-летней истории. Причин к этому очень много, и здесь не время и не место их подробно касаться; но одна из главных — та прискорбная рознь, которая существует между известною частью общества, так называемой нашей интеллигенцией, и русским народом. Гг., всякий раз, когда Державный Хозяин русской земли обращался к своему народу, народ оказывался на высоте своего призвания и исторических потребностей минуты; с интеллигенцией же не всегда бывало то же — и если в трудные минуты кто-либо банкрутился перед царем, то, конечно, та же интеллигенция. Полагаю, что это явление вполне объяснимое: космополитический европеизм не есть источник силы и может быть лишь признаком слабости. Силы не может быть вне народа, и сама интеллигенция есть сила только в неразрывной связи с народом.

Господа, в то самое время, когда мы здесь радостно собрались, там, на берегах Адриатического моря, наших единоплеменников, отстаивающих свою веру и народность — именуют разбойниками и поступают с ними, как с таковыми!.. Там, в родной нам славянской земле, немецко-мадьярские винтовки направлены в единоверные нам груди…

Я не договариваю, господа… Сердце болезненно щемит. Но великим утешением для нас — вера и сила исторического призвания России.

Провозглашаю, господа, от полноты сердца тост за здоровье государя императора».

Речь вызвала широкую огласку, и правительство Австро-Венгрии высказало свое неудовольствие, расценивая слова Скобелева как вмешательство во внутренние дела империи. Александр III также неодобрительно отнесся к высказываниям «белого генерала». Управляющий министерством иностранных дел Н. К. Гире принес австрийскому правительству «изъявления своего сожаления по поводу этой застольной речи Скобелева». В «Правительственном вестнике» было опубликовано соответствующее разъяснение, а генералу предложили незамедлительно взять заграничный отпуск.

Выступление в ресторане Бореля было, вне сомнений, заранее обдуманным демаршем. Об этом свидетельствуют не только воспоминания А. Ф. Тютчевой, приведенные выше, но и другие данные. В руках Н. Н. Кнорринга был черновик речи, написанный рукой генерала. В нем набросаны тезисы и сформулированы наиболее острые места и даже сделаны указания на то, когда следует взять в руку вместо бокала с вином стакан с водой.

Вполне вероятно, что в написании этой речи, так же как и в последующей парижской, приняли участие Аксаков и граф Игнатьев. Во всяком случае, в дневнике военного министра Д. А. Милютина есть такая запись: «Наконец, третий рассказ — будто бы после смерти Скобелева при разборе бумаг, оставшихся в его кабинете в Минске (где корпусные квартиры 4-го корпуса), нашли черновики политических речей, произнесенных Скобелевым в Петербурге и Париже, с пометками рукою Игнатьева. Все это странно, но не лишено вероятия».

«Чужестранец проник всюду!»

В конце января 1882 года, взяв заграничный отпуск, М. Д. Скобелев, в который уже раз, отправился в Париж, где у него было много друзей.

По пути он встретился со своим старым приятелем В. В. Верещагиным, который вспоминал:

> «Последний раз виделся я с дорогим Михаилом Дмитриевичем в Берлине, куда он приехал после известных слов в защиту братьев-герцеговинцев, сказанных в Петербурге. Мы стояли в одной гостинице, хозяин которой сбился с ног, доставая ему различные газеты с отзывами. Кроме переборки газет, у Скобелева была еще другая забота: надобно было купить готовое пальто, так как заказывать не было времени: масса этого

добра была принесена из магазина, и приходилось выбирать по росту, виду и цвету.

— Да посмотрите же, Василий Васильевич! — говорил он, поворачиваясь перед зеркалом. — Ну как? Какая это все немецкая дрянь, черт знает!

С грехом пополам остановился он, с одобрения моего и еще старого приятеля его Жирарде, который с ним вместе приехал, на каком-то гороховом облачении: признаюсь, однако, после, на улице, я покаялся — до того несчастно выглядела в нем красивая и представительная фигура Скобелева.

Во время этого последнего свидания я крепко журил его за несвоевременный, по мнению моему, вызов австрийцам, он защищался так и сяк и, наконец, как теперь помню, это было в здании панорамы, что около Генерального штаба, осмотревшись и уверившись, что кругом нет „любопытных“, выговорил:

— Ну, так я тебе скажу, Василий Васильевич, правду, — они меня заставили, кто они, я, конечно, помолчу.

Во всяком случае, он дал мне честное слово, что более таких речей не будет говорить…»

Кого же опасался такой храбрый и волевой человек, каким был М. Д. Скобелев, и почему он очень скоро нарушил слово, данное В. В. Верещагину, выступив с еще более резким заявлением? На наш взгляд, в приведенном диалоге содержится намек на связь генерала с французскими масонами. Следует сказать, что масоны — это элитарная политическая надпартийная организация господствующих классов. Масоны называют себя «строителями всемирного храма царя Соломона», ссылаясь на строительство храма бога Яхве в древнем Иерусалиме. (По-английски «масон» означает «каменщик». — А. Ш.)

Отнюдь не случайно Скобелев неоднократно встречался с одним из руководителей масонской ложи «Великий Восток» премьер-министром Франции Леоном Гамбеттой и его помощницей госпожой Жульетой Адам. Имеются свидетельства, что масонами были близкие друзья Михаила Дмитриевича, например писатель В. И. Немирович-Данченко и генерал А. Н. Куропаткин.

Как представляется, эти люди искренне стремились к процветанию России, но вряд ли, идя к цели, всегда выбирали верные пути.

На этот раз в Париж Скобелев приехал в дни падения

министерства Гамбетты. Он сразу же понял политическую ситуацию и отметил в письме к Маслову, что «падение министерства произвело переполох, но значение Гамбетты, как передового деятеля в государстве, не поколеблено, и думаю, что было бы близоруко нам, русским, теперь в особенности от него отворачиваться».

При этом он все-таки, видимо, боялся, что возможности политического характера значительно уменьшались. Так в письме тому же Маслову от 2 февраля генерал писал, что «несметно скучает», и что, «не будь крайняя необходимость окончательно выяснить счета покойной матушки, думал бы о возвращении в 4-й корпус… Невмоготу бездействовать, а с последними правительственными переменами во Франции круг доступного для меня стал уже».

Последнее письмо определенно свидетельствует о том, что Скобелев приехал во Францию с конкретными политическими планами, невозможность немедленного осуществления которых нервировала его.

Несмотря на первоначальную неуверенность, генерал вскоре взял себя в руки и, видимо, принял решение действовать. Возможно, что этому способствовала близкий друг Гамбетты госпожа Жульета Адам, дом которой он постоянно посещал.

В начале февраля произошла восторженная встреча М. Д. Скобелева с жившими в Париже сербскими студентами, которые 5 (17) числа преподнесли ему благодарственный адрес. Обращаясь к ним с ответной речью, «белый генерал», в частности, заявил:

> «Мне незачем говорить вам, друзья мои, как я взволнован, как я глубоко тронут вашим горячим приветствием. Клянусь вам, я подлинно счастлив, находясь среди юных представителей сербского народа, который первый развернул на славянском востоке знамя славянской вольности. Я должен откровенно высказаться перед вами, — я это сделаю.
>
> Я вам скажу, я открою вам, почему Россия не всегда на высоте своих патриотических обязанностей вообще и своей славянской миссии в частности. Это происходит потому, что как во внутренних, так и во внешних своих делах она в зависимости от иностранного влияния. У себя мы не у себя. Да! Чужестранец проник всюду! Во всем его рука! Он одурачивает нас своей политикой, мы жертва его интриг, рабы его могущества. Мы настолько подчинены и парализованы его бесконечным, гибельным

влиянием, что, если когда-нибудь, рано или поздно, мы освободимся от него, — на что я надеюсь, — мы сможем это сделать, не иначе, как с оружием в руках!

Если вы хотите, чтобы я назвал вам этого чужака, этого самозванца, этого интригана, этого врага, столь опасного для России и для славян… я назову вам его.

Это автор „натиска на Восток“ — он всем вам знаком, — это Германия. Повторяю вам и прошу не забыть этого: враг — это Германия. Борьба между славянством и тевтонами неизбежна».

На другой день Скобелев принял в своей квартире корреспондента одной из французских газет Поля Фреснэ, в беседе с которым он вновь подтвердил свою политическую позицию, сказав:

«Я действительно произнес речь, вызвавшую некоторую сенсацию, и вот я только что получил от моего адъютанта следующую выдержку из газеты: „Государь император только что дал одному из строящихся на Каспийском море судов имя "Генерал Скобелев"“. Оказание мне этой чести, крайне редкой, доказывает, что я отнюдь не внемилости и что, следовательно, я нахожусь здесь по своей доброй воле. Но если бы моя откровенность и сопровождалась неприятными для меня последствиями, я все-таки продолжал бы высказывать то, что я думаю. Я занимаю независимое положение, — пусть меня только призовут, если возникнет война, остальное мне безразлично. Да, я сказал, что враг — это Германия, я это повторяю. Да, я думаю, что спасение в союзе славян — заметьте, я говорю: славян — с Францией».

Кстати, в одной из записок позднее М. Д. Скобелев отмечал:

«Сербская молодежь говорила, что у них в данную минуту народ — одно, а правительство и часть интеллигенции — совсем другое, антинациональное. Нам русским подобное положение особенно понятно. Я уверен, что Сербия пойдет в духе 1876 года, хотя бы ценой государственного переворота».

На Германию, как на врага номер один, Михаил Дмитриевич указывал и раньше в частных беседах и письмах.

В августе 1881 года Скобелев писал М. Н. Каткову:

«До сих пор наше отечественное несчастье главным образом, как мне кажется, происходило не от ширины замыслов, а от неопределенности и изменчивости

нашего политического идеального предмета действий. Эта неопределенность об руку с денежной недобросовестностью тяжелым бременем легла на всем строе государства…»

Ординарец Скобелева Петр Дукмасов вспоминал его слова:

«Меня больше всего бесит наша уступчивость этим колбасникам. Даже у нас в России мы позволяем им безнаказанно делать все что угодно. Даем им во всем привилегии, а отчего же и не брать, когда наши добровольно все им уступают, считая их более способными… А они своею аккуратностью и терпением, которых у нас мало, много выигрывают и постепенно подбирают все в свои руки… А все-таки нельзя не отдать им справедливости, нельзя не уважать и как умных и ловких патриотов. Они не останавливаются ни перед какими препятствиями, ни перед какими мерами, если только видят пользу своего фатерланда. Наша нация этим истинным и глубоким патриотизмом не может похвалиться! Нет у пас-таки патриотов, как, например, Бисмарк, который высоко держит знамя своего отечества и в то же время ведет на буксире государственных людей чуть не всей Европы… Самостоятельности у нас мало в политике!»

Речь к сербским студентам вызвала отклик во всей Европе, быстро докатившийся до берегов Невы.

После появления речи в печати русский посол в Париже граф Орлов тут же отправил донесение о ней управляющему министерством иностранных дел Гирсу.

«Посылаю вам почтой речь генерала Скобелева с кратким донесением. Генерал тот в своих выступлениях открыто изображает из себя Гарибальди. Необходимо строгое воздействие, доказать, что за пределами России генерал не может безнаказанно произносить подобные речи и что один лишь государь волен вести войну или сохранить мир. Двойная игра во всех отношениях была бы гибельна. Московская (тут явная ошибка, надо „Петербургская“. — А. Ш.) его речь не была столь определенна, как обращение к сербским студентам в Париже».

Находившийся в Крыму военный министр Д. А. Милютин

отмечал в эти дни в своем дневнике:

> «Газеты всей Европы наполнены толками по поводу неудачных и странных речей Скобелева — петербургской и парижской. Не могу себе объяснить, что побудило нашего героя к такой выходке. Трудно допустить, чтобы тут была простая невоздержанность на язык, необдуманная, безрассудная болтовня; с другой стороны, неужели он намеренно поднял такой переполох во всей Европе только ради ребяческого желания занять собою внимание на несколько дней? Конечно, подобная эксцентрическая выходка не может не встревожить и берлинское, и венское правительства при существующих отношениях между тремя империями. Тем не менее самое возбуждение общественного мнения такими речами, какие произнесены Скобелевым, выявляет больное место в настоящем политическом положении Европы и те черные точки, которых надобно опасаться в будущем. Любопытно знать, как отнесутся к выходкам Скобелева в Петербурге».

Официальный Петербург был чрезвычайно встревожен парижскими событиями или, вернее говоря, откликом на них в Германии и Австро-Венгрии. 8 (20) февраля 1882 года государственный секретарь Е. А. Перетц отмечал, что:

> «Речь Скобелева к парижским студентам, произнесенная против Германии, волнует петербургское общество».

Примерно в эти же дни граф Валуев отметил в дневнике:

> «Невозможное множится… После речи здесь ген. Скобелев сервировал новую поджигательную речь в Париже, выбрав слушателями сербских студентов».

Александр III выразил недовольство случившимся. В «Правительственном вестнике» было опубликовано специальное заявление правительства, в котором оно осуждало выступление Скобелева.

> «По поводу слов, сказанных генерал-адъютантом Скобелевым в Париже посетившим его студентам, — говорилось в заявлении, — распространяются тревожные слухи, лишенные всякого основания. Подобные частные

заявления от лица, не уполномоченного правительством, не могут, конечно, ни влиять на общий ход нашей политики, ни изменить наших добрых отношений с соседними государствами, основанных столь же на дружественных узах венценосцев, сколько и на ясном понимании народных интересов, а также и на взаимном строгом выполнении существующих трактатов».

В Париж ушло распоряжение, приказывающее Скобелеву немедленно вернуться в Россию. 10 (22) февраля граф Орлов докладывал:

«Я сообщил генералу Скобелеву высочайшее повеление возвратиться в Петербург. Несмотря на лихорадку, которой он болен, он выедет завтра и поедет, минуя Берлин, о чем я предупредил нашего посланника».

Через два дня последовало новое донесение:

«Генерал Скобелев выехал вчера вечером. Ему указана дорога через Голландию и Швецию, дабы избежать проезда через Германию».

Опасение русских дипломатов имели основание, поскольку общественное мнение Германии было настроено против Скобелева. Беспристрастный наблюдатель, англичанин Марвин, посетивший в эти дни Петербург и бывший проездом в Берлине, свидетельствовал:

«По всему пути в разговорах только и слышалось, что имя Скобелева. В Берлине имя его повторялось в речах и беседах всех классов общества».

Иначе, естественно, относилась к Скобелеву французская общественность, представители которой откровенно радовались смелым словам «белого генерала».

Вскоре после обращения к сербским студентам Скобелев посетил Ж. Адам. Нечего и говорить, что ее восторженное отношение к нему после всего происшедшего удвоилось.

По словам Ж. Адам, незадолго до свидания она получила из России письмо, в котором говорилось:

«Не доверяйте Скобелеву. Он желает сделать Европу казацкой и господствовать в ней».

Более того, в письме утверждалось, что Скобелев деятельно

подготавливает свою кандидатуру на болгарский престол.

Ж. Адам показала письмо генералу. Он прочитал его, смутился и заметно огорчился.

— Неужели подобные глупости могут вас печалить? — спросила Ж. Адам.

— Да! — серьезно и задумчиво ответил Скобелев. — Бывают подозрения, которых можно избежать одним путем — путем смерти. Бывают минуты, когда я готов на самоубийство.

— Какие ужасные слова!

— Мне отвратительны эти подозрения!

Разговор, безусловно, любопытный, но весьма сомнительный: не чувствуется откровения. Здесь Скобелев, видимо, предвидя опасность избранного пути, впервые заговорил о смерти: к этой мысли, как можно убедиться дальше, он возвращается неоднократно.

Скобелев несколько раз уверял: происшедшее не входило в его планы, что он стал жертвой газетной сенсации, что якобы когда утром он прочитал свою речь в газете, то немедленно пошел в редакцию «Нувель ревю», но там его встретили словами: «Простите, но умоляем вас: не отказывайтесь от ваших слов». (Потому что такая речь, такие слова о Германии сейчас крайне важны для Франции, потому что никто из французов не решился бы сейчас сказать их по адресу своего врага.)

Примерно так же смотрел на это и Гамбетта, признавшийся Скобелеву во время их встречи 20 февраля, что эта речь «уже оказала им, французам, великую пользу, воспламенив сердца патриотическим жаром и возбудив надежды на союз с Россией». При этом он отмстил, что в своей газете был вынужден ради политической осторожности «осуждать бестактность генерала».

Разговор касался большого круга политических проблем, интересовавших обе стороны. М. Д. Скобелев с обычной для него пунктуальностью записал вкратце эту беседу:

> «Моя речь сербским студентам со слов Г. возбудила большое патриотическое воодушевление. Необходимо как нам, так и французам работать над разрушением в воображении людей страха германской легенды… Гамбетта говорил о том, что государь окружен людьми неспособными, за исключением Игнатьева, который для него загадка. Игнатевист ли он или патриот? Говорил о необходимости к коронации стать на почву Земского собора…»

По словам И. С. Аксакова, Скобелев перед отъездом из Парижа еще раз виделся с Гамбеттой, обедал у него вместе с

генералом Галиффе. Речь вновь шла о сближении России и Франции. По возвращении на родину Скобелев сделал для Аксакова запись своих парижских впечатлений на шести страницах, но напечатаны они были только в отрывках.

Вероятно, что Гамбетта готов был использовать Скобелева в своей политической игре, стремясь втянуть Россию в войну с Германией, а затем потребовать от последней территориальных уступок для Франции (напомним, что в 1871 году Франция проиграла войну Германии и от нее были отторгнуты некоторые области. — А. Ш.). Об этом свидетельствует хотя бы скобелевская версия всей той истории. Мы уже говорили, что Скобелев неоднократно пытался отрицать преднамеренность своего выступления перед студентами. Он пытался внушить это даже своим единомышленникам и друзьям. Так, И. С. Аксакову он писал:

> «Ее я, собственно, никогда не произносил. Да и вообще никакой речи не говорил. Пришла ко мне сербская молодежь на квартиру, говорили по душе и, конечно, не для печати. Фар напечатал то, что ему показалось интересным для пробуждения французского общества и со слов студентов, меня не спросясь.
>
> Я бы мог формально отказаться от мне приписываемой речи, но переубедили меня и Гамбетта и мадам Адам. Первый особенно настаивал на ее полезном впечатлении в молодежи, армии и флоте: так как в конце концов все сказанное в газете „Франция“ сущая правда и, по-моему, могло повести не к войне, а к миру, доказав, что мы — сила, то я и решился не обращать внимания на последствия лично для меня и молчанием дать развиться полезному, т. е. пробуждению как у нас, так и во Франции законного и естественного недоверия к немцу».

Впрочем, спустя некоторое время, вспоминая парижскую речь, М. Д. Скобелев говорил уже совершенно противоположное:

> «Я сказал ее по своему убеждению и не каюсь… Слишком мы уж малодушничаем. И поверьте, что если бы мы заговорили таким языком, то Европа, несомненно, с большим вниманием отнеслась бы к нам».

Завершая рассказ о событиях в Париже, следует привести письмо графа Капниста управляющему министерством иностранных дел Гирсу, написанное примерно через месяц после отъезда Скобелева.

«Теперь, когда улеглось первоначальное волнение, вызванное выступлением генерала Скобелева, — пишет Капнист, — можно уже определенно утверждать, не боясь впасть в преувеличение, что его речь наделала много шуму во Франции и приняла размеры подлинного политического события. Необходимо также отметить, что инцидент этот был встречен во Франции с чувством полнейшего удовлетворения… Разговаривая однажды с моим другом военным, поэтом Полем Дерулендом, сказала мне г-жа Адам, мы должны были себе признаться в нашей интимной беседе с глазу на глаз, что в настоящее время во Франции только мы двое и составляем всю партию реванша. Несколько времени спустя та же дама говорила мне по поводу речи генерала Скобелева: „Вы понимаете, что я, с точки зрения французских интересов, могла лишь поддержать генерала в предпринятой им кампании. Франция от всего этого может лишь оказаться в выигрыше. Пусть Россия сама судит о том, насколько это в ее интересах“».

Политические друзья Скобелева в России, совершенно определенно замешанные в этой истории, Игнатьев и Аксаков, искренне или притворно, поспешили отказаться от своего участия в предпринятых генералом демаршах. Каждый из них счел за благо обратиться с письмом к всесильному обер-прокурору Святейшего синода Победоносцеву с заверениями о своем неучастии и отрицательном отношении к происшедшим во Франции событиям.

Граф Н. П. Игнатьев писал:

«Душевно уважаемый Константин Петрович, Скобелев меня глубоко огорчил, сказав непозволительную речь в Париже каким-то сербским студентам. Он ставит правительство в затруднение своим бестактным поведением».

Аксаков вторит ему:

«Спасибо тебе за письмо, которое дышит искреннею патриотическою тревогою, но ты напрасно тревожишься. Я вовсе не одобряю парижской речи или нескольких слов, сказанных Скобелевым в Париже студентам, и, как ты увидишь, перепечатав их вместе с телеграммой корреспондента „Кельнской газеты“ (что сделали и „Московские ведомости“), воздержался от всякой оценки.

Но я в то же время не понимаю и не разделяю того испуга, который овладел Петербургом, отчасти и тобою. Даже показывать вид, что мы боимся шумихи, поднятой иностранными газетами, — это плохая политика».

Между тем политическая деятельность М. Д. Скобелева в Париже не ограничивалась произнесением речи, интервью и переговорами с французскими республиканцами. Он предпринял вполне определенную попытку установить связь с руководителями русской революционной эмиграции. Вот что об этом рассказывал С. Иванов.

«Вскоре по приезде Скобелева в Париж к П. Л. Лаврову явился спутник Скобелева, состоявший при нем в звании официального или приватного адъютанта, и передал Лаврову следующее от имени своего патрона: генералу Скобелеву крайне нужно повидаться с Петром Лавровичем для переговоров о некоторых важных вопросах. Но ввиду служебного и общественного положения Скобелева ему очень неудобно прибыть самолично к Лаврову. Это слишком афишировало бы их свидание, укрыть которое при подобной обстановке было бы очень трудно от многочисленных глаз, наблюдающих за ними обоими. Поэтому он просит Лаврова назначить ему свидание в укромном нейтральном месте, где они могли бы обсудить на свободе все то, что имеет сказать ему Скобелев. Петр Лавров, этот крупный философский ум и теоретик революции, в делах практики и революционной политики оказывался очень часто настоящим ребенком. Он наотрез отказался от предполагавшегося ему свидания, и, так как в ту минуту в Париже не оказалось никого из достаточно компетентных и осведомленных революционеров (народовольцев), которым он мог бы сообщить о полученном им предложении, на этом и кончилось дело.

Впоследствии, в 1885 году, мне, — вспоминал далее С. Иванов, — пришлось говорить с Петром Лавровичем об этом инциденте и выразить сожаление, что Лавров отклонил подобное свидание и не использовал благоприятный случай.

— Да помилуйте! — воскликнул Лавров с искренним, неподдельным изумлением. — Ну об чем бы стал я говорить с генералом Скобелевым!»

Попытка Скобелева установить контакт с одним из вождей народовольцев, видимо, в какой-то степени связана с теми отношениями, которые в это время начали устанавливаться у некоторых генералов с членами военной организации партии «Народная воля». Известно, в частности, что в 1882 году:

«…майором Тихоцким велись в Петербурге беседы на политические темы с генералом Драгомировым, занимавшим тогда пост начальника Николаевской академии Генерального штаба. Разговоры эти, которые касались между прочим вопроса о задачах военной революционной организации, Драгомиров заключил, по словам Тихоцкого, следующею дословною фразою: „Что же, господа, если будете иметь успех — я ваш“».

Но Драгомиров, как хорошо известно, еще со времен русско-турецкой войны был одним из наиболее близких к Скобелеву людей из числа высших руководителей армии. Жена Драгомирова вспоминала: «Мне всегда казалось, что М. Д. Скобелев ощущал нравственную моральную силу Михаила Ивановича, уважал и любил его, насколько мог уважать и любить кого-либо». Поэтому вполне естественно сделать предположение, что предпринятые «белым генералом» шаги в отношении Лаврова в значительной степени связаны с теми переговорами, которые велись Драгомировым в Петербурге.

Скобелев, конечно, не был революционером и, безусловно, ни в коей мере не сочувствовал идеалам «Народной воли». Его попытки установить отношения с подпольем диктовались совершенно иными соображениями. В связи с этим целесообразно привести письмо «известного писателя» (видимо, речь идет о В. И. Немировиче-Данченко, бывшего в близких отношениях со Скобелевым), которое опубликовано в книге В. Я. Богучарского о политическом движении в России конца прошлого века.

В письме говорилось:

> «Я только из вашей статьи узнал, что в 1882 г. Скобелев искал в Париже свидания с Лавровым. В половине 80-х годов я, однако, слышал в Петербурге, что он через генерала… (похоже, что речь идет о М. И. Драгомирове. — А. Ш.) пробовал закинуть ниточку в революционные кружки. Это тогда меня не особенно удивило. Чтобы понять Скобелева, надо помнить, что это был не только человек огромного честолюбия, но, когда надо было, и политик — политик даже в тех случаях, когда могло казаться, что он совершает политические бестактности. В последние годы он, несомненно, создал себе такое кредо: правительство (в смысле старого

режима) отжило свой век, оно бессильно извне, оно также бессильно и внутри. Революционеры? Они тоже не имеют корней в широких массах. В России есть только одна организованная сила — это армия, и в ее руках судьбы России. Но армия может подняться лишь как масса, и на это может ее подвинуть лишь такая личность, которая известна всякому солдату, которая окружена славой сверхгероя. Но одной популярной личности мало, нужен лозунг, понятный не только армии, но и широким массам. Таким лозунгом может быть провозглашение войны немцам за освобождение и объединение славян. Этот лозунг сделает войну популярною в обществе. Но как ни слабы революционные элементы, и их, однако, игнорировать не следует, — по меньшей мере как отрицательная сила они могут создать известные затруднения, а это нежелательно. В известных случаях Скобелев мог говорить о борьбе с „нигилизмом“, но на самом деле вряд ли он об этом думал. Движущая и важнейшая цель у него была другая, и она всегда поглощала его». (Вероятно, имеются в виду масонские замыслы преобразования России, в которых «нигилизму» отводилась определенная роль. — А. Ш.)

Такова скорее всего истинная причина этих странных на первый взгляд событий. «Цель оправдывает средства!» — лозунг вполне приемлемый для «белого генерала», любившего повторять: «Всякая гадина может когда-нибудь пригодиться. Гадину держи в решпекте, не давай ей много артачиться, а придет момент — пусти ее в дело и воспользуйся ею в полной мере… Потом, коли она не упорядочилась, выбрось ее за борт!.. И пускай себе захлебывается в собственной мерзости… Лишь бы дело сделала!»

Ожесточенный шум на всю Европу и окрик разгневанного самодержца, судя по всему, не испугали М. Д. Скобелева. Возможно, что он и хотел именно такой реакции. Правда, в Петербург он ехал готовый ко всему, даже к отставке. Михаил Дмитриевич считал, этого давно добиваются пруссаки, особенно после того как перед геок-тепинским походом он отказался наотрез допустить к войскам племянника графа Мольтке. Скобелев тогда прямо сказал, что позорно на русской крови и деньгах учить будущего неприятельского офицера. «Моя патриотическая совесть мне и теперь подсказывает, что я был прав, но в Берлине к этому не привыкли, да и не любят».

Следует отметить, что в это время «немец» стал для Скобелева и его друзей своеобразным защитным цветом. Все

неприятности объясняются только одними немецкими происками. Подводя итоги парижскому инциденту, надо признать, что Скобелев выступил в нем скорее пассивным лицом, нежели активным политиком. Во всяком случае, его неопытность в роли политического деятеля дала французской прессе возможность использовать в данный момент имя знаменитого генерала скорее в интересах Франции, нежели России.

Аудиенция в Зимнем

Скобелев выехал из Парижа незамедлительно. Путь его лежал не через враждебный Берлин, но и не через Швецию, как советовал граф Орлов, а через Вену и Варшаву. Можно только догадываться, с каким чувством возвращался Скобелев в Россию. Судя по его словам, здесь была некоторая аналогия с подобным вызовом его из Ферганы в 1877 году, — о чем он упомянул в письме к И. С. Аксакову. Сохранился черновик этого послания, написанного в марте в Варшаве с «верною возможностью», т. е. с уверенностью в доставке, вероятно, с какой-либо оказией, так как их переписка, со слов Аксакова, была предметом особого внимания со стороны почтового ведомства. Скобелев писал:

> «Меня вызвали по Высочайшему повелению в Петербург, — о чем, конечно, поспешили опубликовать по всей Европе, предварительно сообщив, как ныне оказывается, маститому и единственному надежному защитнику нашего родного русского царского дома — кн. Бисмарку… впрочем, с участием прибалтийских баронов и вообще культуртрегеров» (людей, прикрывающих свои корыстные захватнические цели маской распространения культуры. — А. Ш.).

Далее, в который раз, Скобелев вспоминает свою обиду. «Я Петербург знаю — в 1877 г., по окончании ферганской войны, потратив на нее не более 500 000, захватив более ста орудий, с отрядом, никогда не превышавшим 3 тыс. человек, я был принят хуже последнего негодяя; теперь ожидаю гораздо худшего, ибо ныне „немец изволит быть недоволен“».

Как видно, мрачные мысли и готовность «надеть фрак» владели Скобелевым на пути в Россию. Однако, после границы, настроение у него несколько поднялось. Причина — горячие овации и заверения в поддержке многочисленных друзей (не без некоторого кликушества со стороны его усердных почитателей), не говоря уже о военной среде, близкой «белому генералу» по

своим воинственным настроениям.

Надо сказать, высшее руководство России было поставлено Скобелевым в довольно затруднительное положение. Даже несмотря на желание некоторых министров, об отставке генерала не могло быть и речи — на такой вызов русской общественности и русской армии нельзя было решиться. Кроме того, они понимали, что военный и административный авторитет Скобелева так высок, что его отставка в гораздо большей степени подорвала бы устои армии, чем политические выходки генерала.

У Скобелева, разумеется, имелось достаточно доброжелателей в высших кругах, чтобы смягчить предстоящий прием Александром III. Были нажаты многие пружины. В этом направлении, например, действовали и граф Игнатьев и Катков, который в передовых статьях «Московских ведомостей» старался сгладить неблагоприятное впечатление от парижского выступления Скобелева, пользуясь поправками в интервью генерала с английскими и немецкими корреспондентами.

Военный министр генерал Банковский встретил М. Д. Скобелева выговором, но последний, «как высокопревосходительный (Ванновский только превосходительный), принял наказание довольно фамильярно, сказал, что он сам сожалеет».

Генерал Ванновский в разговоре с Перетцом высказан мысль, что государь «любит Скобелева и сочувствует истинно национальному его направлению». Но военный министр считал Скобелева человеком несколько опасным. «Нельзя ему доверить корпуса на западной границе, — сейчас возникнут столкновения с Германией и Австрией — может быть, он даже сам постарается их вызвать». Конечно, трудно предположить, чтобы корпусной командир в каком-нибудь Минске мог вызвать столкновение с Германией. «Скобелева, — замечает далее Ванновский, — надо поставить самостоятельно. Главнокомандующий он был бы отличный, если же подчинить его кому-нибудь, то нельзя поздравить то лицо, которому он будет подчинен: жалобам и интригам не будет конца».

Таким образом, можно было ожидать, что Скобелев получит назначение вроде туркестанского генерал-губернатора. Сама по себе мысль назначить Скобелева начальником края, который он очень хорошо знал, имела свою логику и никого бы не удивила. Очень возможно, что на этом посту он чувствовал бы себя более самостоятельно, чем в роли корпусного командира в это трудное для себя бремя, но в тот период своей политической популярности, когда в Западной Европе загорелась его звезда, назначение его в далекий Туркестан, хотя бы и на высокий пост,

могло рассматриваться только как почетная ссылка.

Благополучно прошла и встреча с Александром III 7 (19) марта, во время которой Скобелеву каким-то образом удалось отвести от себя императорский гнев.

Вот что рассказывал генерал Витмер об этой встрече со слов дежурного свитского генерала. Император, «когда доложили о приезде Скобелева, очень сердито приказал позвать приехавшего в кабинет. Скобелев вошел туда крайне сконфуженным и — но прошествии двух часов вышел веселым и довольным». Витмер добавляет (передавая распространившееся тогда мнение): «Нетрудно сообразить, что если суровый император, не любивший шутить, принял Скобелева недружелюбно, то не может он распекать целых два часа! Очевидно, талантливый честолюбец успел заразить миролюбивого государя своими взглядами на нашу политику в отношении Германии и других соседей».

Немирович-Данченко писал об аудиенции у царя: «В высшей степени интересен рассказ его (Скобелева. — А. Ш.) о приеме в Петербурге. К сожалению, его нельзя еще передать в печати. Можно сказать только одно — что он выехал отсюда полный надежд и ожидания на лучшее для России будущее».

Видимо, за известное снисхождение и даже благорасположение со стороны императора Скобелев заплатил обетом благоразумного «молчания». Самоограничение в высказывании своих политических взглядов стесняло Скобелева, иногда раздражало, а порой приводило к угнетенному состоянию и меланхолии вообще.

Правительство тут же запретило военнослужащим произнесение публичных речей. Это решение произвело на Скобелева удручающее впечатление. Он даже собирался подать в отставку. Его отговорил начальник главного штаба генерал Н. Н. Обручев, убедивший Скобелева, что этим поставит императора в затруднительное положение.

Во время пребывания в Петербурге Скобелев стремился развеять подозрения к себе не только Александра III, но и влиятельных государственных деятелей. Генерал специально заводил с ними разговоры о своих нашумевших речах. Например, с графом П. А. Валуевым он дважды «случайно» беседовал на эту тему в английском клубе. Скобелев, не жалея красноречия, внушал министру, что его выступления, как и поездки в Париж, Женеву и Цюрих были продиктованы лучшими побуждениями — поднять воинственный патриотизм славян, чтобы с его помощью успешнее вести борьбу с нигилизмом и тем самым укрепить положение царствующей династии.

Недоверчивый и осторожный Валуев, которому нельзя

отказать в уме, поддался обаянию и заверениям Скобелева, поверил, что основным мотивом поступков генерала действительно была лишь ненависть к радикализму.

Внешние успехи в Петербурге не сняли у Скобелева внутреннего напряжения. Он понимал, что идет по ниточке, которая в любую минуту может порваться. Его не покидали дурные предчувствия.

Примечателен в этом плане разговор Скобелева с Дукмасовым — своим адъютантом времен Балканской кампании.

> «Это постоянное напоминание о смерти Михаилом Дмитриевичем, — вспоминал Дукмасов, — крайне дурно действовало на меня, и я даже несколько рассердился на генерала.
>
> — Что это вы все говорите о смерти! — сказал я недовольным голосом. Положим, это участь каждого из нас, но вам еще слишком рано думать о могиле… Только напрасно смущаете других. Ведь никто вам не угрожает смертью?!
>
> — А почем вы знаете? Впрочем, все это чепуха! — прибавил он быстро.
>
> — Конечно, чепуха, — согласился я».

Похожий разговор приводит в своих воспоминаниях В. И. Немирович-Данченко.

> «Я уже говорил о том, как он не раз выражал предчувствия близкой кончины друзьям и интимным знакомым. Весною прошлого года (то есть 1882-го. — А. Ш.), прощаясь с доктором Щербаковым, он опять повторил то же самое.
>
> — Мне кажется, я буду жить очень недолго и умру в этом же году!
>
> Приехав к себе в Спасское, он заказал панихиду по генералу Кауфману.
>
> В церкви он все время был задумчив, потом отошел в сторону, к тому месту, которое выбрал сам для своей могилы и где лежит он теперь, непонятный в самой смерти.
>
> Священник о. Андрей подошел к нему и взял его за руку.
>
> — Пойдемте, пойдемте… Рано еще думать об этом…
>
> Скобелев очнулся, заставил себя улыбнуться.
>
> — Рано?.. Да, конечно, рано… Повоюем, а потом и умирать будем…

Прощаясь с одним из своих друзей, он был полон тяжелых предчувствий.

— Прощайте!

— До свидания…

— Нет, прощайте, прощайте… Каждый день моей жизни — отсрочка, данная мне судьбой. Я знаю, что мне не позволят жить. Не мне докончить все, что я задумал. Ведь вы знаете, что я не боюсь смерти. Ну, так я вам скажу: судьба или люди скоро подстерегут меня. Меня кто-то назвал роковым человеком, а роковые люди и кончают всегда роковым образом… Бог пощадил меня в бою… А люди… Что же, может быть, в этом искупление. Почем знать, может быть, мы ошибаемся во всем и за наши ошибки расплачиваются другие!..

И часто, и многим повторял он, что смерть уже сторожит его, что судьба готовит ему неожиданный удар».

22 апреля (4 мая) 1882 года М. Д. Скобелев отправился в Минск к «вверенному ему корпусу». Народ встречал «белого генерала» хлебом-солью. В Могилев, где стояла 16-я дивизия, во главе которой он участвовал в Балканском походе, Скобелев въезжал поздно вечером при свете факелов. Выйдя из экипажа, генерал шел с непокрытой головой по улицам, запруженным людьми и войсками. В Бобруйске навстречу ему вышло все духовенство, возглавляемое каноником Сенчиковским.

В мае 1882 года Скобелев последний раз посетил Париж. Здесь он нарушил «обет молчания», продолжал фрондировать по отношению к Александру III, открыто выражая свое неодобрение внутренней и внешней политикой правительства, весьма пессимистически высказываясь о будущей судьбе России.

Вернувшись из Франции, Скобелев начал лихорадочно готовиться к чему-то. Посетившему его князю Д. Д. Оболенскому «белый генерал» заявил, что собирается ехать в Болгарию, где вскоре начнется настоящая война. «Но надо взять с собой много денег, — добавил он, — я все процентные бумаги свои реализую, все продам. У меня на всякий случай будет миллион денег с собою. Это очень важно — не быть связанным деньгами, а иметь их свободными. И это у меня будет: я все процентные бумаги обращу в деньги…»

Через несколько дней Д. Д. Оболенский вновь навестил Скобелева в Петербурге. Тот отдавал распоряжения о продаже бумаг, облигаций, золота, акций и т. п.

«Все взято из государственного банка, все продано, и

собирается около миллиона, — сказал Михаил Дмитриевич, — да из Спасского хлеб продается, — он в цене, будет и весь миллион».

Когда к нему обратились с просьбой занять 5000 рублей, обычно исключительно щедрый и добрый Скобелев отказал.

«Не могу дать никаким образом, — ответил он, — я реализовал ровно миллион и дал себе слово до войны самому не тратить ни копейки с этого миллиона. Кроме жалования, я ничего не проживаю, а миллион у меня наготове, на случай — будет надобность ехать в Болгарию».

Однако этот рассказ не внушает большого доверия, история с миллионом продолжает оставаться и по сей день одной из тайн, окружающих имя «белого генерала».

Разговоры о Болгарии, конечно, не могли восприниматься всерьез. Это была неубедительная маскировка «дельфийского оракула». Деньги нужны были не для войны, а для какой-то политической комбинации, о которой можно только гадать.

Эпоха «пропусиаменто», когда возможно было ставить на «Бонапарта», если вообще таковые мечты были в голове Скобелева, миновала. Реакция вступала в полосу консолидации.

А помнишь, Дукмасов?

Не случайно в последний год своей жизни М. Д. Скобелев неоднократно возвращался мыслями к Болгарии. Ведь эту страну вместе с другими русскими воинами он освободил от турецкого ига, с ней была связана его слава славянского защитника. Особенно часто вспоминал «белый генерал» ожесточенные бои под Плевной. Три штурма русских отбили засевшие в этом городке турки и лишь в результате осады наконец сдались на милость победителя. Многократно на белом коне, в белом кителе и белой фуражке водил Скобелев свои войска в атаки и контратаки, личным примером и задушевным словом внушал солдатам уверенность в победе. Его популярность среди русских воинов значительно выросла.

— А помнишь, Дукмасов, Зеленые горы? — как-то обратился он к своему ординарцу, неотступно сопровождавшему его в русско-турецкую войну 1877 1878 гг.

Конечно, Петр Архипович не мог забыть эти позиции на покрытых зеленой растительностью холмах, расположенных вокруг Плевны. Не раз переходили они из рук в руки.

В середине сентября 1877 года, вступив в командование 16-й пехотной дивизией, генерал-лейтенант М. Д. Скобелев стал полным хозяином зеленогорских позиций. Он немедленно

поставил во главе штаба дивизии произведенного в подполковники своего любимца и друга А. Н. Куропаткина, и эти двое людей стали душою Зеленых гор. Они сумели так устроить там свои полки, что они в Брестовце и его высотах расположились, как дома.

В одну темную, ненастную октябрьскую ночь Скобелев выслал охотников с саперами, и к утру турецкие позиции оказались опоясанными русскими траншеями. Турки пробовали было выбивать русских, но напрасно.

Скобелев вместе с Куропаткиным поселился в одной из траншей. Не проходило вылазки, чтобы он сам не отправлял охотников на турок, давая им наставления — как биться с врагом, заклепывать орудия, выбивать неприятеля штыками. Если же турки делали вылазку, сам генерал возглавлял контратаку.

Михаил Дмитриевич редко обращался к солдатам с речами, но часто попросту разговаривал с ними.

Вот выстроился взвод охотников. Они взялись подобраться чуть что не ползком к неприятельским траншеям и ворваться в них, давая этим время подоспеть как раз во время суматохи и товарищам.

Скобелев обходит ряды.

— Ну, молодцы, смотри, сделай дело! — слышится его голос.

— Постараемся, ваше превосходительство! — гремит в ответ.

— То-то постараемся! Надобно, чтобы все чисто было…

— Редуты брали, а тут чтобы осрамиться… Ни в жизнь…

— Редуты, ребята, другое дело. Их взять нужно, а тут только переполоху наделать… Подобрался, кричи «ура» и действуй штыком, пока турок не опомнится, а опомнился, уходи назад. Измором доймем, если в честном бою в руки не даются. А чтобы измором взять, покою давать нельзя. Поняли? Начальника, ребята, слушай: сказал он «стой» — ты ни с места. А вразброд будете действовать — самим хуже: перебьют не за понюх табаку.

Однажды Скобелев отправился осмотреть передовые позиции. В сопровождении нескольких офицеров, перейдя Брсстовецккй лог, он только стал подниматься на окрестные холмы, как увидел бегущих солдат Владимирского полка. Некоторые были с ружьями, некоторые без них.

— Это что такое? — закричал Скобелев. — Стой! — Что это за безобразие? Где офицер?

Подошел испуганный офицер и взял под козырек.

— Объясните, что это значит? — обратился к нему генерал.

— Ваше превосходительство! Турки открыли такой огонь, что нагнали панику на солдат. Мы ничего не могли с ними поделать! — смущенно оправдывался офицер.

— Как вам не стыдно, — загремел Скобелев, — у вас самолюбия нет! Вы своего долга не знаете. Стыдитесь, молодой человек!

Подошло еще несколько человек. Скобелев пристыдил и их и лишь после этого обратился спокойно и даже ласково к солдатам.

— Нехорошо, ребята! — заговорил он. — Вы забыли присягу, данную государю: живота не щадить. Смотрите, загладьте скорее свою страшную вину, иначе я не хочу вас знать, не буду вами командовать. Будьте молодцами. Господа офицеры! Соберите ваших людей, разберитесь по ротам и в порядке идите обратно в траншеи.

Сконфуженные солдаты возвратились и под страшным огнем турок докончили работу.

Суровый, величаво-холодный, грозный в бою, в дни отдыха Скобелев был товарищески нежен с подчиненными. Иногда казалось, будто он в лицо знает всех солдат, по крайней мере своей прославленной 16-й дивизии.

Сослуживцы вспоминали такие случаи. Идет по лагерю генерал, навстречу ему пробирается сторонкой солдатик, стараясь всеми силами не попасться на глаза.

Вдруг оклик:

— Эй, нижний чин, стой!

Солдатик ни жив ни мертв останавливается и вытягивается в струнку перед корпусным.

— Петров? — слышит он голос несколько картавящего генерала.

— Никак нет, ваше превосходительство, Степанов!

— Ах, да, Степанов, как я это позабыть мог, братец… Ведь мы с тобою плевненские.

— Так точно, ваше превосходительство!

— Да, да, помню, в траншеях вместе были… Что, Степанов, поди, по деревне скучаешь? Поди, родители там остались?..

— Так точно, ваше превосходительство! Отец с матерью…

— Не скучай, скоро и по домам теперь… Послужили мы с тобой, Степанов, Отчизне, поработали всласть, теперь и на печке поваляться не грех… Ну, ступай, Степанов. Будешь в деревне, что понадобится, мне пиши, не стесняйся. А я товарища не забуду… Прощай пока!

Генерал отходит, а солдат, как очарованный, стоит на месте и долго-долго смотрит ему вслед. В душе его растет горделивое сознание, что и он вовсе не какой-нибудь Степанов, из захолустной деревушки, а Степанов «товарищ» Скобелева, не простой солдат, а «скобечевец», и гордится Степанов сам собою и изо всех сип старается стать достойным такого «товарища», как

Михаил Дмитриевич…

Если, встречаясь с солдатиком, Михаил Дмитриевич замечал, что у того что-нибудь не в порядке, то не бранил, не кричал на него, не грозил всевозможными карами.

— Как же это ты так, братец? — журил он виноватого. — И не стыдно это тебе? Вот уж от тебя-то никак ничего подобного я не ожидал!

— Виноват, ваше превосходительство! — чуть не плачет солдат, удивляясь и в то же время гордясь, что генерал от него не ожидал неисправности…

— Только что разве виноват! Даешь слово, что в другой раз этого не будет?

— Так точно, ваше превосходительство, даю.

— Ну, смотри! Не давши слова крепись, давши — держись!

Чаще всего бывало, что после подобного генеральского выговора солдат исправлялся и становился образцовым…

Когда в Сан-Стефано среди солдат вдруг началась эпидемия тифа, Скобелев плакал, узнав, что и среди его корпуса есть заболевания. Слезы этого железного человека, проливаемые о подчиненных, все более и более увеличивали любовь к нему. Солдаты не только что 4-го корпуса, включавшего 16-ю и 30-ю дивизии, но и чужие начинали боготворить Михаила Дмитриевича…

В поездках в Константинополь, «после мира», Михаил Дмитриевич нередко завертывал к туркам. Когда приходилось попадать туда в обеденное время, «белый генерал» прямо отправлялся к котлам, брал у ближайшего повара ложку и пробовал варево. Если он находил в нем какой-нибудь недостаток, то немедленно присылал к туркам свой провиант, а иногда и своих кашеваров, угощавших с русским радушием недавних врагов кислыми щами с кашей. Благодаря этому и среди турок росла популярность М. Д. Скобелева.

Осень быстро переходила в зиму. Начинали трещать морозы, шел снег. Скобелев ухитрился раздобыть для солдат полушубки.

— И меня, господа, — обратился он однажды при обходе траншей к офицерам, — можете поздравить с обновкою! Отец мне прислал прекрасный полушубок и просил, чтобы я постоянно носил его. Только мне он не нравится: весь черный.

Скобелев был несколько суеверен, верил приметам, предчувствиям. Через несколько дней его легко контузило неприятельской пулей, и он, смеясь, говорил, что это произошло из-за черного полушубка.

Однако случай напугал окружавших его офицеров.

— Друзья, — сказал Куропаткин, когда Скобелев несколько

отошел, — если генерал будет становиться на банкет и выставлять себя таким образом на показ неприятелю, становитесь и вы тоже. Я уверен, он реже станет рисковать собой.

Так и сделали. Когда немного спустя Скобелев со дна рва взобрался на банкет и начал рассматривать неприятельские позиции, сопровождавшие его тоже влезли вслед за ним. Пули турок сейчас же засвистели над их головами. Скобелев несколько удивленно посмотрел на офицеров, но слез, не говоря ни слова, с банкета и пошел дальше. Через несколько шагов он повторил то же его спутники немедленно вслед за ним подставили и себя под расстрел турецким пулям.

— Да чего вы-то торчите здесь? Сойдите вниз! — недовольным тоном сказал генерал.

— Мы обязаны брать с начальства пример, — иронически заметил Куропаткин. — Если вы подвергаете себя опасности, то и нам, подчиненным вашим, жалеть себя нечего!

Михаил Дмитриевич только молча пожал плечами, соскочил в ров и пошел далее.

Но предназначенной ему пули генерал все-таки не миновал. Прошло несколько дней, и он снова был контужен в спину, как раз тогда, когда сходил с банкета в ров.

Контузия на этот раз оказалась сильной. Скобелев упал. С воплем отчаяния кинулись к нему ближайшие офицеры, но генерал уже очутился на ногах. Лицо его резко побледнело.

— Ничего, братцы, пустяки! — произнес он, видимо, перемогая страшную боль. — Я даже не ранен.

Но страдание оказалось сильнее этого железного человека. Скобелев чувствовал, что оставаться далее в траншеях не может и, поддерживаемый Куропаткиным и еще одним офицером-казаком Хомячевским, покинул позиции.

В ближайшем населенном пункте Брестовце Скобелев разместился в довольно просторной хате и лежал в постели, видимо, сильно страдая от контузии. Но он старался быть спокойным и даже шутил с приходившими навестить его офицерами.

— Это все, господа, черный полушубок, — говорил он, улыбаясь, — не надень я его, наверное, ничего не произошло бы… Но, во всяком случае, скоро снова я вернусь к вам в траншеи!

Однако, и лежа в постели, Скобелев не переставал распоряжаться делами. Он устроил еще батарею у Брестовца, позади нее расположил перевязочный пункт и через неделю, благодаря своей крепкой натуре, оправился настолько, что смог сесть на коня, и явился на позицию.

— Что же, братцы, — рассуждали, увидя его, солдаты, — если

сам генерал наш идет прямо под пули, так нашему брату, простому нижнему чину, и подавно жалеть себя нечего.

Ноябрь подходил уже к концу. Плохо приходилось Осман-паше в осажденном городе. Близкая развязка чувствовалась всеми. Особенно напряженно ожидали «конца Плевны» на Зеленых горах. Частенько теперь попадали в руки скобелевцев турецкие беглецы, не выдерживавшие тягостей блокады. Эти голодные, оборванные люди были так жалки, что их, прежде чем отправлять далее, русские солдаты досыта кормили из своих котлов, оделяли табаком, а иногда давали и одежду.

Около полуночи на 28 ноября (10 декабря) казачий разъезд привел в Брестовец к Скобелеву захваченного им в плен турка, и тотчас же в зеленогорском отряде разнеслось, что турки уходят, бросив все свои траншеи, окопы, редуты.

Осман-паша действительно решил уйти, прорвавшись через блокирующие войска. Авангард его армии уподобился могучему тарану. Таборы скатились с высот, перешли через реки и со страшной силой ударили по передовым русским полкам. Османовы бойцы шли, обрекши себя на смерть. Их удар был столь стремителен, что первые две линии русских траншей оказались прорванными. Издали, с тех высот, откуда глядел на бой Скобелев, казалось, будто кровавая река вдруг вырвалась из Плевны и бурными волнами ударила на русских. Казалось, ничто не могло сдержать ее. Осман-паша, уже вполне уверенный в своем успехе, спустился к реке Вид и подъезжал к мосту, когда случайная пуля свалила его с коня.

Подошедшие резервы русских обрушились на неприятеля с трех сторон. Турки, охваченные паникой, обратились в бегство. Противник потерял убитыми и ранеными около 6 тысяч человек. Русские потери составляли 1700 человек. Раненый Осман-паша, поняв, что ему не вырваться из окружения, в 13 часов 28 ноября (10 декабря) выслал к русскому командованию своего адъютанта с объявлением о капитуляции. В плен сдались 10 генералов, 2128 офицеров, 41 200 солдат, сдано 77 орудий.

Скобелев послал свои полки занять павшую Плевну. В городке валялись неубранные трупы людей, животных; всюду были видны груды развалин, разрушенные дома, обгорелые бревна.

На реке Вид русские войска окружили уже со всех сторон сорокатысячную турецкую армию; Осман-паша, раненный в ногу, отдал свою саблю победителям.

В сумерки в караулку, где находился турецкий командующий, примчался «белый генерал», назначенный военным губернатором Плевны. Скобелев порывисто вошел в караулку и устремил свой

взор на Османа; тог тоже поднял понуренную голову и взглянул на своего самого страшного противника.

Взгляды обоих генералов встретились.

Через мгновение Скобелев порывисто двинулся вперед, протянул турецкому командующему руку и, обращаясь к переводчику, сказал:

— Передайте паше, что каждый человек по натуре более или менее завистлив, и я, как военный, завидую Осману в том, что он имел случай оказать своему Отечеству важную услугу, задержав нас на четыре месяца под Плевной.

Паша слушал внимательно переводчика, потом он вскинул глаза на Скобелева, скромно улыбнулся и проговорил:

— Генерал еще так молод летами, а между тем он успел сделать столь много и так хорошо заявить о себе на военном поприще, что я не сомневаюсь, что если не я, так, может быть, дети мои отдадут ему почтение, как фельдмаршалу русской армии.

Наверное, предсказание турецкого командующего сбылось бы, если бы жизнь Скобелева трагически не оборвалась на взлете военной карьеры.

Тайна гостиницы «Англия»

Получив месячный отпуск 22 июня (4 июля) 1882 года, М. Д. Скобелев выехал из Минска, где стоял штаб 4-го корпуса, в Москву. Его сопровождали несколько штабных офицеров и командир одного из полков барон Розен. По обыкновению Михаил Дмитриевич остановился в гостинице «Дюссо», намереваясь 25 июня (7 июля) выехать в Спасское, чтобы пробыть там «до больших маневров».

По приезде в Москву Скобелев встретился с князем Д. Д. Оболенским, по словам которого генерал был не в духе, не отвечал на вопросы, а если и отвечал, то как-то отрывисто. По всему видно, что он чем-то встревожен.

— Да что с вами, наконец? — спросил Оболенский. — Сердитесь из-за пустяков. Вам, должно быть, нездоровится?

Скобелев ответил не сразу.

— Да что, — задумчиво протянул он, меряя шагами небольшой кабинет «Славянского базара», — мои деньги.

— Какие деньги? — дисплея князь. — Бумажник украли у вас?

— Какой бумажник! Мой миллион… Весь миллион пропал бесследно.

— Как? Где?

— Да и сам ничего не знаю, не могу ни до чего добраться… Вообразите себе, что Иван Ильич (Маслов — близкий к Скобелеву человек, ведший его хозяйственные дела. — А. Ш.) реализовал по моему приказанию все бумаги, продал золото, хлеб и… сошел с ума на этих днях. Я и не знаю, где теперь деньги. Сам он невменяем, ничего не понимает. Я несколько раз упорно допрашивал его, где деньги. Он в ответ чуть не лает на меня из под дивана. Впал в полное сумасшествие… Я не знаю, что делать.

24 июня Скобелев пришел к И. С. Аксакову, принес связку каких-то документов и попросил сохранить их, сказав: «Боюсь, что у меня их украдут. С некоторых пор я стал подозрительным».

На другой день состоялся обед, устроенный бароном Розеном в честь получения очередной награды. За столом находилось шесть-семь человек. В том числе, кроме Скобелева и Розена, адъютант генерала Эрдсли, военный доктор Вернадские, личный врач Михаила Дмитриевича, бывший адъютант полковник Баранок.

Скобелева во время обеда не покидало мрачное настроение.

«А помнишь, Алексей Никитич, — обратился он к Баранку, — как на похоронах в Геок-Тепе поп сказал — слава человеческая, аки дым преходящий… подгулял поп, а… хорошо сказал».

После обеда вечером М. Д. Скобелев отправился в гостиницу «Англия», которая находилась на углу Столешникова переулка и Петровки. Здесь жили девицы легкого поведения, в том числе и Шарлотта Альтенроз (по другим сведениям ее звали Элеонора, Ванда, Роза). Эта кокотка неизвестной национальности, приехавшая вроде бы из Австро-Венгрии и говорившая по-немецки (на основании чего многие считали ее немкой. — А. Ш.), занимала в нижнем этаже роскошный номер и была известна всей кутящей Москве.

Поздно ночью Шарлотта прибежала к дворнику и сказала, что у нее в номере скоропостижно умер офицер. Покойника узнали сразу. Прибывшая полиция ликвидировала панику среди жильцов, переправив тело Скобелева в гостиницу «Дюссо», в которой он остановился.

Интересно свидетельство В. И. Немировича-Данченко:

> «Я спал у себя на Большой Московской в гостинице. Всегда, приезжая в Москву, останавливался там. Думаю, был час седьмой утра. Кто-то говорит мне, дотрагивается до меня. Открываю глаза. Тусклый свет. У моей кровати солдат. Не разберу кто. Шторы опущены.
>
> — Василий Иванович, вставайте…

— Зачем… Что случилось?

Всматриваюсь, узнал скобелевского денщика, оставшегося у него после войны.

— В чем дело?

— Генерал умер.

— Какой генерал. Что за чепуха!

Солдат зарыдал.

— Михаил Дмитриевич умер?

— Так точно!

— Да ведь он в Минске.

— Третьего дня приехал в Москву. Не приказывали никому сказывать. Вчера пообедали у себя, а потом с штабс-ротмистром Марченко куда-то ушли. А сейчас их тело привезли, сказывают из гостиницы „Англия“. Совсем точно дерево. Одеть трудно.

Тучка окутала все, неожиданным громом расшибло.

Сижу на постели. Ничего не могу сообразить. Что-то ужасное, непоправимое. Рухнула громада, на которую потрачено столько работы, вдохновения, мыслей…

— Как он попал в „Англию“?

— Известно, люди молодые, повеселиться хотели. У себя в Минске невозможно. Сейчас во все колокола звонить начнут, а душу отвести надо. Так они со своих слово взяли до завтра: ни вам, ни Иван Сергеевичу (Аксакову) не говорить, что они здесь.

Кое-как набросил на себя что попало. Тороплюсь. Отель „Дюссо“ был недалеко. От Большой Московской оставалось перебежать театральную площадь. Там уже толпятся люди.

Большой номер с его золотистыми штофными обоями весь залит солнцем. На кровати — Михаил Дмитриевич. Сквозь полуопущенные веки сине-стальные глаза неподвижны. Муха ползет по реснице. Кто-то отгоняет ее. Хватаю его руки, плечи… Солдат прав, как дерево, так бывает от столбняка…

В голове точно огнем нижут мозги беспорядочные мысли. Все видишь, все замечаешь и ни в чем себе отдать отчета не можешь… Показался штабс-капитан М. и исчез куда-то. Больше я его ни в эти, ни в следующие дни не видел. Он провел со Скобелевым все это зловещее „вчера“ и роковую ночь на сегодня. Он должен рассказать в чем дело? Как это случилось. Но он растерянно молчит, отводит глаза от пристальных взглядов, из-под черной щетины густых волос каплет

пот, а руки трет, точно им холодно. И всех от него отбрасывает в сторону. Издали всматриваются, а близко не подходит никто».

Вскрытие производил прозектор Московского университета профессор Нейдинг. В протоколе было сказано: «Скончался от паралича сердца и легких, воспалением которых он страдал еще так недавно».

Никогда раньше Скобелев не жаловался на сердце, хотя его врач О. Ф. Гейфсльдер во время Туркестанского похода и находил у генерала признаки сердечной недостаточности. «Сравнительно с ростом и летами, — говорил он, пульс у Скобелева был слабоват и мелкий, и соответственно тому деятельность сердца слаба, и звуки сердца, хотя и частые, но глухие. Этот результат аускультации и пальпации, состояние всех вен и артерий, насколько они доступны наружному осмотру, вместе с патологическим состоянием вен, дали мне основание заключить о слабо развитой сосудистой системе вообще и в особенности о слабой мускулатуре сердца».

Однако при этом, в известной степени опровергая свое заключение, Гейфельдер отмечает совершенно необыкновенную выносливость и энергию Скобелева, который мог сутками без сна совершать длительные переходы верхом, сохраняя бодрость и работоспособность. Это позволяет предполагать, что в действительности сердечная система Скобелева не могла стать причиной преждевременной смерти.

Мало верили в официальную версию и большинство современников Скобелева. Характерно замечание В. И. Немировича-Данченко:

> «Не тогда ли у него стала развиваться болезнь сердца, сведшая его в раннюю могилу, если только эта болезнь у него была?»

Вокруг трагедии в московской гостинице, как снежный ком, нарастал клубок легенд и слухов. Высказывались самые различные, даже взаимоисключающие предположения, но все они были едины в одном: смерть М. Д. Скобелева связана с таинственными обстоятельствами.

Передавая широко муссируемый в России слух о самоубийстве, одна из европейских газет писала, что:

> «…генерал совершил этот акт отчаяния, чтобы избежать угрожавшего ему бесчестия вследствие разоблачений, удостоверяющих его в деятельности

нигилистов».

Большинство же склонялось к версии, что Скобелев был убит, что «белый генерал» пал жертвой германской ненависти. Присутствие при его смерти «немки» придавало этим слухам, казалось, большую достоверность.

> «Замечательно, — отмечал современник, — что и в интеллигентных кругах держалось такое же мнение. Здесь оно выражалось даже более определенно: назывались лица, которые могли участвовать в этом преступлении, направленном будто бы Бисмарком… Этим же сообщением Бисмарку приписывалась пропажа плана войны с немцами, разработанного Скобелевым и выкраденного тотчас после смерти М. Д. Скобелева из его имения».

Особенно отстаивала данную версию Ж. Адам. Она утверждала, что в ее распоряжении имеются бесспорные доказательства — документы, из которых следует, что М. Д. Скобелева отравили две кокотки, специально подосланные из Берлина. Однако все попытки Н. Н. Кнорринга ознакомиться с данными документами окончились безрезультатно. Наследники Ж. Адам сообщили, «что в ее архиве никаких следов о генерале Скобелеве вообще не обнаружено». Это весьма странно, поскольку Ж. Адам неоднократно заявляла о материалах, якобы хранящихся у нее. Вполне возможно, что француженка действовала с заведомым умыслом, чтобы скрыть истинную причину смерти Скобелева.

Эту версию поддерживали и некоторые представители официальных кругов. Один из вдохновителей реакции князь Н. Мещерский в 1887 году писал Победоносцеву:

> «Со дня на день Германия могла наброситься на Францию, раздавить ее. Но вдруг благодаря смелому шагу Скобелева сказалась впервые общность интересов Франции и России, неожиданно для всех и к ужасу Бисмарка. Ни Россия, ни Франция не были уже изолированы. Скобелев пал жертвою своих убеждений, и русские люди в этом не сомневаются. Пали еще многие, но дело было сделано».

Необходимо подчеркнуть, что при Александре III распался союз трех императоров (совокупность соглашений между Россией, Германией и Австро-Венгрией. — А. Ш.) и был заключен русско-

французский союз. Естественно, смена внешнеполитического курса России происходила в острой политической борьбе. Поэтому в сообщении Мещерского можно увидеть намек на насильственную смерть Михаила Дмитриевича, но не обязательно от рук германской разведки.

Думается, по-житейски обосновано мнение владельца ресторана «Эрмитаж», где в день смерти обедал Скобелев, заметившего, что «не будет она (кокотка. — А. Ш.) травить человека в своей квартире».

По другой версии, М. Д. Скобелев отравился бокалом вина, присланным ему из соседнего номера какой-то подгулявшей компанией, якобы пившей тогда за здоровье «белого генерала». В этом случае подозрение падает на самого императора Александра III, который, как считали, опасался, что Скобелев совершит дворцовый переворот и займет императорский трон под именем Михаила III.

Некий Ф. Дюбюк со слов председателя 1-й Государственной думы С. А. Муромцева передавал впоследствии, что будто бы в связи с антиправительственной деятельностью Скобелева был учрежден особый тайный суд под председательством великого князя Владимира Александровича, который большинством голосов (33 из 40) приговорил генерала к смерти, причем исполнение приговора поручили полицейскому чиновнику.

В. И. Немирович-Данченко в заграничных публикациях (он эмигрировал после Октябрьской революции. — А. Ш.), утверждал, что Скобелева убили агенты «священной дружины» по приговору, подписанному одним из великих князей и графом Б. Шуваловым, личным другом императора и влиятельным руководителем «дружины».

«Священная дружина» совмещала в себе черты Третьего отделения, масонских лож и подпольных организаций. Состав центрального комитета данной организации до сих пор полностью не известен. Вероятно, в него входили и сам император, и великий князь Владимир Александрович, бывший начальник Петербургского военного округа. Руководители вербовались из высшего дворянства, преимущественно из придворной аристократии, которые значились под цифрами. Для работы в Петербурге и Москве были образованы «попечительства», в которые привлекались представители финансовой и промышленной буржуазии. Дальше шли «пятерки», куда могли входить и люди более простого происхождения. В провинции действовали «инспектуры», ведавшие в свою очередь системой тайны «пятерок». Вступавшие в «священную дружину» приносили пространную торжественную присягу, в которой ради

спасения царя обязывались в случае необходимости даже отречься от семьи. Была организована и шпионская служба в виде бригад сыщиков и заграничной агентуры.

Конспирация в «дружине» была налажена настолько хорошо, что ее деятельность вплоть до сегодняшнего дня остается в значительной степени неизвестной, хотя одно время приобрела довольно значительный размах и привела к определенным результатам. Среди ее членов находились и «смертники», поклявшиеся «разыскать революционеров князя Кропоткина, Гартмана и убить их».

Со «священной дружиной» у М. Д. Скобелева сложились весьма натянутые отношения. В свое время он отказался вступить в ее ряды, не скрывал отрицательного, даже презрительного отношения к этой организации.

> «Рассказывают, — писал руководитель тайного сыска „дружины“ В. Н. Смельский, — что когда Скобелев, известный генерал, приехал в Петербург, и, желая получить в гостинице, где остановился, поболе комнат и услыхав, что более того, что ему дали, не могут отвести и других номеров нет, так как они заняты офицерами-кавалергардами, Скобелев проговорил иронически: „экс-дружинниками“, — то слова эти были доведены до сведения великого князя Владимира Александровича и государя, и вследствие того Скобелев был приглашен к военному министру Ванновскому. Ванновский спросил его: правда, что он это сказал? И Скобелев ответил: „Да, это правда, и скажу при этом, что если бы я имел хоть одного офицера в моем корпусе, который бы состоял членом тайного общества, то я тотчас удалил бы со службы. Мы все приняли присягу на верность государю, и потому нет надобности вступать в тайное общество, в охрану“».

Этого, конечно, недостаточно, чтобы стать жертвой тайной организации. Более существенными представляются доводы, связанные с той политической деятельностью, которую развивал Скобелев в последний год своей жизни. И все-таки многие люди, входившие в окружение «белого генерала», скептически относились к возможному участию деятелей «священной дружины» в его гибели. Так, известный дипломат прошлого века Ю. Карцев в своих воспоминаниях писал: «По другой версии, — Скобелев убит ординарцем своим М. и по наущению священной дружины. Тот офицер обычно занимался устройством кутежей и не пользовался уважением других приближенных. М. А. Хитрово

мне рассказывал, как, возвращаясь с похорон Скобелева, он был свидетелем следующей сцены. На одной из станций Баранок (впоследствии известный ревизор военного хозяйства) по какому-то поводу подошел к М. и сбил с него фуражку. М. обратился к Хитрово с вопросом, должен ли он поступок Баранка счесть за оскорбление или нет, на что Хитрово ответил: „Ничего не могу вам посоветовать. Это зависит от взгляда“. Оргию в „Anglettere“ устраивал М. и часа за два приехал предупредить Михаила Дмитриевича: все, дескать, готово. Что М. был негодяй, это более чем вероятно, но отсюда до обвинения его в убийстве еще далеко. Деятели священной дружины, насколько мне случалось их наблюдать, более помышляли о чинах и придворных отличиях: взять на себя деяние кровавое и ответственное они бы не решились…»

Конечно, определенные силы при дворе считали М. Д. Скобелева слишком русским, за глаза презрительно называли внуком мужика. Барон Гинцбург как-то проговорился: «Я боюсь за Скобелева. По-моему, он кончен». Но, обвиняя в смерти М. Д. Скобелева «священную дружину», даже В. И. Немирович-Данченко оговаривается, что ее руководители были только орудиями чьей-то могучей воли. «Не лица, не народа — а чего-то стихийного, мистического, угадываемого в истории человечества, но еще никем не угаданного…»

Выскажем и третью, как представляется, не лишенную оснований версию смерти «белого генерала». Как уже отмечалось, имеются факты, свидетельствующие о связях Скобелева с масонами французской ложи «Великий Восток». Возможно, именно под их влиянием он произнес свои нашумевшие антигерманские речи. Потом же заколебался, усомнился в целесообразности для России планов радикального французского масонства.

Думается, что во Франции Михаил Дмитриевич увидел «изнанку» деятельности масонского правительства Гамбетты: стремление всеми силами «подстегнуть» космополитически понятый прогресс, коварное использование противоречий между Россией и Германией для блага Франции, манипулирование сознанием масс в своих целях.

Скобелев же все яснее понимал, что в поисках путей развития России нельзя отрываться от народной почвы и увлекаться общеевропейскими ценностями в ущерб национальным. Возможно, ему не раз вспоминались слова И. С. Аксакова, который в 1881 году писал:

«На просвещенном Западе издавна создавалась

двойная правда: одна для себя, для племен германо-романских или к ним духовно тяготеющих, другая для нас, славян. Все западные европейские державы, коль скоро дело идет о нас и славянах, солидарны между собой. Гуманность, цивилизация, христианство — все это упраздняется в отношении Западной Европы к Восточному православному миру».

4 марта 1882 года М. Д. Скобелев сообщал И. С. Аксакову:

«…Наше общее святое дело для меня, как полагаю, и для вас тесно связано с возрождением пришибленного ныне русского самосознания… Я убедился, что основанием общественного недуга есть в значительной мере отсутствие всякого доверия к установленной власти, доверия, мыслимого лишь тогда, когда правительство дает серьезные гарантии, что оно бесповоротно ступило на путь народной как внешней, так и внутренней политики, в чем пока и друзья и недруги имеют основание сомневаться.

Боже меня сохрани относить последнее до государя; напротив того, он все больше и больше становится единственною путеводною звездою на темном небе петербургского бюрократического небосклона… Я имел основание убедиться, что даже крамольная партия в своем большинстве услышит голос отечества и правительства, когда Россия заговорит по-русски, чего так давно, давно уже не было».

Надо сказать, радикальные космополитические элементы во французском масонстве в то время набирали силу. Их перестал уже устраивать и Гамбетта, отстаивавший патриотические позиции и ставший поборником твердой власти, надеясь тем самым восстановить утраченное влияние Франции. В последнюю парижскую встречу он говорил Скобелеву: «Благодарите бога, что нет у вас парламента: если он у вас будет, вы сотни лет проболтаете, не сделав ничего путного».

Скобелев в принципе с ним согласился, полагая, что «парламентаризм убивает свободу, он для славян не понятен».

В 1882 году Гамбетту и его кабинет заставили уйти в отставку. Любопытно, что через несколько месяцев после смерти Скобелева бывший премьер-министр погиб, как было официально объявлено, от случайного выстрела при чистке охотничьего ружья. Но по Парижу упорно гуляли слухи, что он пал жертвой заговора, орудием которого стала его любовница.

Можно предположить, что М. Д. Скобелеву стало ясно, что французским масонам, их российским сторонникам глубоко чужды интересы славянского мира. А сам он, носитель идеи сильной России, не более чем игрушка в их руках.

В письме Аксакову 23 марта 1882 года Скобелев писал:

> «Я получил несколько вызовов, на которые не отвечал. Очевидно, недругам Русского народного возрождения очень желательно этим путем от меня избавиться. Оно и дешево и сердито. Меня вы настолько знаете, что, конечно, уверены в моем спокойном отношении ко всякой случайности. Важно только, если неизбежное случится, извлечь из факта наибольшую пользу для нашего святого народного дела…»

Вероятно, также, что двухчасовой разговор, состоявшийся у М. Д. Скобелева в 1882 году с новым императором Александром III, взявшим антилиберальный курс, вызвал серьезную озабоченность у руководителей радикальных масонских течений. Ведь Михаил Дмитриевич, по свидетельству генерала Витмера, вышел от царя «веселым и довольным». Поэтому отнюдь не исключено, что братья масоны и «убрали» Скобелева, способствовав распространению первых двух версий его смерти.

Разумеется, все эти доводы из области предположений. Тайна смерти «белого генерала» остается тайной. Едва ли она будет когда-либо окончательно разгадан?

Однако странные совпадения и обстоятельства дают полное право сомневаться в том, что трагедия в «Англии» не была связана с преступлением. Все это дает основание полагать, что здесь произошло политическое убийство, имевшее прямое отношение к той борьбе самодержавия с противостоящими ему силами, которая развернулась в России в конце прошлого века.

В пользу этого предположения свидетельствуют рассказы очевидцев, утверждавших, что лицо покойного Скобелева имело необычайно желтый цвет, на нем вскоре выступили странные синие пятна, характерные при отравлении сильнодействующими ядами.

Однако вернемся к гостинице «Дюссо», вокруг которой 26 июня (8 июля) 1882 г. собралась громадная толпа — целое народное море. А внутри гостиницы в помещения, где стоял гроб с телом Скобелева, собрались его родные и близкие. Присутствующий там писатель В. И. Немирович-Данченко вспоминал:

«Высокая, стройная, красивая дама, вся в черном… Подошла, стала на колени. Не отводит больших печальных глаз от неподвижного лица… Около — в ту минуту никого. Незаметно сняла кольцо и, прикладываясь ко лбу покойного, сунула ему за обшлаг рукава… И чуть слышно:

— Ты не хотел… не хотел…

Я вспомнил один вечер в Петербурге.

Я пошел к Скобелеву, приехавшему только что сюда. Он остановился у отца на Моховой, в доме Дивова.

Застал я его в мрачном кабинете. Лампа под зеленым абажуром тускло освещала ту большую комнату. Михаил Дмитриевич медленно ходил из угла в угол. Его лицо то пропадало в тени, то на минуту показывалось осунувшееся, нервное и грустное — в том рембрандтовском освещении.

И вдруг совсем на него не похоже:

— Мы не имеем права даже любить… Всякий сапожник может…

— Кто же у вас отнял такое право?

— Жизнь… замыслы. Кто хочет совершить великое — должен обречь себя на одиночество… А может быть настоящее счастье — семья, теплый угол… дети… жена. Уйти куда-нибудь, где никто тебя не знает… Маленький дом, сад и чтобы много было цветов. В какой-нибудь затерявшейся в горах долине. Горы кругом. Тишина…

— Не долго бы выдержали вы такую идиллию.

— Вот то и скверно. А то проходишь по свету, как грозовая туча.

Подошел к столу. Вынул из ящика большой портрет… На нем тонкий силуэт дамы. Долго смотрел.

Потом вдруг разорвал в клочки и бросил в пустой камин.

Я было заговорил о его исторической роли, о том, что он сделал уже и что еще сделает. О его поездках во Францию… О надеждах на него…

— Да… Историческая роль… И на всех таких исторических ролях проклятие… Вечно на сцене и никогда — сам такой, каков есть. Или маска, или ложь, точно мы выдуманные какие-то или только что сошли со страниц Плутарха.

Дама отошла от гроба, потом вернулась…

Положила руку — тонкую и изящную с длинными

пальцами ему на лоб. Задумалась… Видимо, не давая себе отчета, разгладила ему бороду… Кто-то вошел. Быстро отвернулась и направилась к дверям.

— Сейчас панихида. — Предупредил я ее.

— Да… благодарю вас… мне некогда.

Сухо проговорила, почему-то уже враждебно оглядываясь на покойного. Занавес над уголком какой-то драмы приподнялся и опустился перед нами…»

Похоронить М. Д. Скобелева было решено в родовом имении Спасское (ныне село Заборово), что на рязанской земле.

К месту последнего упокоения гроб с телом Михаила Дмитриевича сопровождала воинская команда, руководимая генералом Дохтуровым. Траурный поезд из 15 вагонов с сопровождавшими прибыл 29 июня (11 июля) на станцию Ранненбург, где его встретили крестьяне села Спасского. Они разобрали венки, и печальное шествие пошло степной дорогой среди зеленых полей. Проходили селами, крестьяне служили литургии даже под дождем. Помещики из соседних усадеб выезжали навстречу.

День выдался пасмурный, прошел ливень с порывистым ветром. Но после дождя разветрилось, выглянуло солнце.

У Спасского, у спуска на мост через реку, крестьяне пожелали нести гроб на руках. Шествие с гробом прошло через усадьбу покойного, мимо небольшого дома, где он жил и перед которым была разбита клумба со словами из золотистых цветов: «Честь и слава». В старой сельской церкви, рядом с могилами отца и матери, лег последний из Скобелевых, — знаменитый «белый генерал».

«Потеря необъятна, — писал современник. — Со времени Суворова никто не пользовался такою любовью солдат и народа. Имя его стало легендарным — оно одно стоило сотен тысяч штыков. „Белый генерал“ был не просто храбрый рубака, как отзывались завистники. Текинский поход показал, что он образцовый полководец, превосходный администратор, в чем ему отдали справедливость его соперники. Всего дороже было ему русское сердце патриотом был в широко и глубоко объемлющем смысле слова. Кто его знал, кто читал его письма, тот не мог не подивиться проницательности его исторических и политических воззрений! Русский народ долго не придет в себя после этой ужасной невосполнимой потери.

Теперешнее народное чувство сравнивают с

чувством, объявшим Россию при утрате Скопина-Шуйского, тоже Михаила, тоже похищенного в молодых летах (даже в более молодых) и тоже унесшего с собою в гроб лучшую надежду отечества в смутную годину. Тот же образ, то же воспоминание, воскресшее у разных лиц по поводу того же события — это удивительное повторение у лиц, не сговаривавшихся между собою, знаменательно: оно указывает, что в существе оценка верна. Сила в том, что мы действительно переживаем второе смутное время, в своем новом, особом характерном виде, со своими особыми самозванцами всех сортов, со своими миллионами „воров“ и „воришек“, со своим новым, но столь же полным шатанием всего, во всех сферах — и в сферах власти, и в сферах общества. Мы переживаем социальный тиф, со всеми его знакомыми патологу признаками. Ни одно нравственное начало не твердо всякий авторитет пошатнут; по-видимому (так казалось в первую смутную годину), общество уже разложилось, и государство должно рухнуть. Тяжело живется в такое тифозное время тому, кто сохранил и здравый смысл, и почтение к правде, любовь к своей родине и веру в нее. Этой любви, этой веры выражением, самым полным, самым свежим, самым несокрушимым, мало того выражением победоносящим был Скобелев».

Народного героя оплакивали не только в России, по нему скорбели и в других странах. В корреспонденции из Болгарии говорилось:

«Быть может, нигде весть о смерти Скобелева не произвела такого потрясающего впечатления, как здесь, в Пловдиве, и вообще во всей Болгарии. Это легко понять, потому что болгарский народ был свидетелем не только геройских подвигов Скобелева в последнюю войну, но и лично убедился в его горячем сочувствии славянскому делу».

Скобелев, по почти единодушному мнению газет, поместивших некролог, верил в величие, в лучшее будущее своего Отечества, и для русских патриотов эта невосполнимая потеря в критический период истории.

Многие современники справедливо видели в М. Д. Скобелеве народного героя, способного повлиять на судьбу России. После смерти «белого генерала» пошла по Руси красивая легенда: будто

Скобелев не умер, а стал странником, скитается по деревням, общается с народом.

Память о Михаиле Дмитриевиче была увековечена в литературных произведениях. На собранные по подписке деньги в 1912 году в Москве на Тверской площади, переименованной в Скобелевскую (ныне Советская), по проекту военного художника подполковника П. А. Самонова была воздвигнута великолепная конная статуя «белого генерала». К сожалению, после Октябрьской революции не в меру ретивые «слуги народа» в числе других памятников старой России снесли и этот. На его месте соорудили монумент Свободы, который в 30-е годы тоже подвергся уничтожению. В 1954 году на площади установили скульптуру Юрия Долгорукова, основателя Москвы.

Сегодня, когда много говорят о бережном отношении к своей истории, памятникам культуры, думается, пришло время найти место и средства для восстановления памятника народному герою Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, чтобы не краснеть ни перед потомками, ни перед болгарами, которые свято берегут на своей земле скобелевские мемориалы.

Виктор Меньшиков
Поэт-гражданин Гумилев

Имя поэта Николая Гумилева с давних пор овеяно легендой, воспринимаемой особенно остро в связи с многолетним (более 60-ти лет!) «вето», наложенным на его произведения и на саму память о нем. Лишь в 1986 году был наконец снят запрет. Так своеобразно Родина отметила столетие со дня рождения одного из лучших своих поэтов. И хотя уже выпущено несколько его сборников, но, ввиду ограниченности их тиражей, стихи и проза Николая Гумилева все еще остаются практически недоступными широкому читателю России. Да и сведения о нем все еще обрывочны и скудны, особенно об обстоятельствах гибели поэта. Поэтому для многих образ Николая Гумилева по-прежнему окутан дымкой загадочности.

Николай Степанович Гумилев родился 3 (15) апреля 1886 года в Кронштадте, в семье военного флотского врача — потомственного дворянина Рязанской губернии. Появление на свет будущего знаменитого поэта примечательно двумя обстоятельствами. Родился он в неспокойную весеннюю ночь, в связи с чем старая нянька предсказала: «У Колечки будет бурная жизнь». После рождения первенца, Дмитрия, Анна Ивановна Гумилева мечтала о девочке. Даже приданое для малютки приготовила в розовых тонах. Но ее мечте не суждено было сбыться — родился вновь мальчик, которого назвали Николаем.

Рос он тихим, задумчивым, скрытным ребенком, упорно избегавшим общества сверстников. Рано проникся религиозным чувством, до конца своих дней оставшись верующим человеком.

Детские годы поэта прошли главным образом в Царском Селе. Лишь некоторое время семья пробыла в Тифлисе, да летом выезжала в имение «Березки» Рязанской губернии, купленное Степаном Яковлевичем Гумилевым с тем, чтобы дети в каникулярное время могли вдоволь насладиться природой, набирая сил и здоровья.

Учился Николай неважно, имея пятерки лишь по русскому языку. В седьмом классе пробыл два года. Неоднократно менял гимназии. Последней была Царскосельская классическая гимназия, которой руководил известный поэт Иннокентий Федорович Анненский. Тот вскоре заметил литературное дарование Гумилева и очень помог ему на ранней стадии становления как поэта. Благодарный вниманию и поддержке маститого наставника, Гумилев позже напишет в своем

стихотворении «Памяти Анненского»:

Я помню дни: я, робкий, торопливый.
Входил в высокий кабинет,
Где ждал меня спокойный и учтивый,
Слегка седеющий поэт.

Десяток фраз пленительных и странных,
Как бы случайно уроня,
Он вбрасывал в пространство безымянных
Мечтаний — слабого меня.

Учась в последнем классе гимназии, Гумилев выпустил первый сборник своих стихов, называвшийся «Путь конквистадоров». Его герой — не столько завоевывает новые земли, сколько открывает необычный романтический мир:

Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду,
Я прохожу по пропастям и безднам
И отдыхаю в радостном саду.

В рецензии на эту книгу Валерий Брюсов, другой знаменитый наставник юного поэта, писал:

> «Предположим, что она только путь нового конквистадора и что его победы и завоевания впереди».

Да, победы и завоевания «нового конквистадора» были еще впереди, но выбранный образ позволил Гумилеву более уверенно заявить о себе и как поэту и как личности. В нем рано проявилось повышенное чувство собственного достоинства, презрение к своей и чужой слабости, внешне принимавшие форму надменности, казавшиеся многим позой, актерством. Одной из причин тому была невыигрышная внешность поэта, вызывавшая в нем болезненное ощущение своей ущербности, а отсюда постоянное стремление утверждать себя, убеждая окружающих в своем превосходстве. Правда, мнения мемуаристов о внешности Гумилева весьма противоречивы. Мужчины отзывались о нем довольно жестко, женщины — более снисходительно, порой даже с оттенком восхищения.

Так, известный поэт и критик того времени Сергей Маковский писал о первой встрече с Гумилевым в 1909 году в

книге «На Парнасе серебряного веха»:

> «Юноша был тонок, строен, в элегантном университетском сюртуке… Но лицо его благообразием не отличалось: бесформенно-мягкий нос, толстоватые бледные губы и немного косящий взгляд».

Еще более жесткий портрет дает Гумилеву другой ею близкий знакомый, тоже поэт и критик Николай Оцуп:

> «Да, он был некрасив. Череп суженный кверху, как будто вытянутый щипцами акушера. Гумилев косил, чуть-чуть шепелявил».

А вот мнения двух женщин, тоже постоянно и долго общавшихся с поэтом.

В том же 1909-м году, что и С. Маковский, впервые увидела Николая Степановича его будущая невестка — жена старшего брата Дмитрия — Анна Андреевна Гумилева, впоследствии написавшая подробные воспоминания о жизненном и творческом пути поэта, являющиеся большим вкладом в мемуарную литературу о Н. Гумилеве.

> «Вышел ко мне молодой человек 22-х лет, — вспоминает А. А. Гумилева, — высокий, худощавый, очень гибкий, приветливый, с крупными чертами лица, с большими светло-синими, немного косившими глазами, с продолговатым овалом лица, с красивыми шатеновыми гладко причесанными волосами, с чуть-чуть иронической улыбкой, необыкновенно тонкими красивыми белыми руками. Походка у него была мягкая, и корпус он держал чуть согнувши вперед. Одет он был элегантно».

Вспоминает Вера Неведомская, чья усадьба находилась в нескольких верстах от «Слепнево», родового поместья Гумилевых:

> «У него (Гумилева. — В. М.) было очень необычное лицо: не то Пьеро, не то монгол, а глаза и волосы светлые. Умные, пристальные глаза слегка косят. При этом подчеркнуто-церемонные манеры, а глаза и рот слегка усмехаются, чувствуется, что ему хочется созорничать к подшутить над его добрыми тетушками, над этим чаепитием с вареньем, с разговорами о погоде, об уборке хлебов и т. п.».

Но чаще все же о внешности Гумилева писали подобно

С. Маковскому и Н. Оцупу. При этом большинство отмечало одну удивительную примету и в облике его и в поведении: схожесть с ребенком.

> «В нем было что-то павлинье: напыщенность, важность, неповоротливость. Только рот у него был совсем мальчишеский, с нежной и ласковой улыбкой».
>
> *(А. Н. Толстой)*

> «Он был удивительно молод душой, а, может быть, и умом. Он всегда мне казался ребенком. Было что-то ребяческое в его под машинку стриженной голове, в его выправке, скорее гимназической, чем военной. То же ребячество прорывалось в его увлечении Африкой, войной, наконец — в напускной важности, которая так меня удивила при первой встрече и которая вдруг сползала, куда-то улетучивалась, пока он не спохватывался и не натягивал ее на себя сызнова. Изображать взрослого ему нравилось как всем детям».
>
> *(В. Ходасевич)*

> «Гумилев был „одержим“ впечатлениями от Сахары и подтропического леса; с ребяческой гордостью показывал он свои „трофеи“, вывезенные из „колдовской“ страны: слоновые клыки, пятнистые шкуры гепардов и картины-иконы на кустарных тканях. Только и говорил он об опасных охотах, о темнокожих колдунах, о крокодилах и бегемотах…».
>
> *(С. Маковский)*

На формировании Гумилева, как личности и как поэта, благотворно сказались годы детства и юности.

Уже сами места проживания поэта — Кронштадт, Царское Село — были овеяны романтикой и поэзией. Особенно последнее. Правда, это была уже завершающая пора поэтической славы Царского Села. Недаром своего гимназического наставника Иннокентия Анненского Гумилев назовет позднее «последним из царскосельских лебедей».

Рассказы отца, корабельного врача, о морских походах и связанных с этим всякого рода происшествиях и перипетиях не могли не сказаться на романтических устремлениях юного поэта, мечтавшего о дальних странах, о путешествиях в тропические

страны и позднее неоднократно осуществившего свои намерения.

Добрая, чуткая, начитанная мать, дав сыну хорошее воспитание, привив ему присущую ей самой уравновешенность, жизнелюбивость, умение сохранять достоинство в любых ситуациях, приобщила его к литературе и истории. Неслучайно Гумилев с восьмилетнего возраста стал писать рассказы и стихи.

Вольнолюбивые настроения рождались в нем при общении с природой во время летних выездов в имения «Березки» на Рязанщине, а затем «Поповка» под Петербургом.

Особенно памятными и волнующими были впечатления от общения с Кавказом в период пребывания семьи в Тифлисе. Николай мог часами гулять в горах, часто опаздывая к обеду, что вызывало недовольство отца, любившего порядок.

Пришлись по душе ему и «пылкие» и «дикие» его соученики по Тифлисской гимназии. Все это будоражило его поэтическое воображение. Неслучайно именно здесь, в «Тифлисском листке» было впервые напечатано его стихотворение, начинавшееся строкой: «Я в лес бежал из городов». Юному поэту было тогда шестнадцать лет.

Гимназическое обучение Гумилев закончил довольно поздно — в двадцатилетнем возрасте. И в том же 1906 году уехал в Париж продолжать образование.

Но и вузовская учеба не была удачной: недолгий курс лекций в Сорбонне, затем — в Петербургском университете: сначала — на юридическом факультете, затем — на историко-филологическом.

В это время его все активнее увлекает литературная деятельность. В Париже он издает журнал «Сириус», в котором активно сотрудничает его будущая жена Анна Горенко, позже прославившая русскую поэзию под именем Анны Ахматовой. Правда, удалось выпустить лишь три тоненьких номера журнала.

Парижский период отмечен еще несколькими обстоятельствами. Здесь в 1908 году была издана вторая книга стихов Гумилева — «Романтические цветы». И хотя это была уже более зрелая, но все же пока еще ученическая книга, и отношение к нему в литературных кругах было весьма прохладное, в Гумилеве окрепла уверенность в своем даровании. Он уже почувствовал себя пусть и начинающим, но метром.

Пробудившаяся еще в детстве жажда путешествовать, увидеть дальние страны, особенно восточные, наконец была удовлетворена. Мечта хоть недолго пожить «между берегом буйного Красного моря и Суданским таинственным лесом» осуществилась: тайком (отец отказал ему в просьбе, не дав ни денег, ни благословения) в 1907 году Гумилев выехал в Африку.

Чтобы скрыть от родителей свое путешествие, Николай заранее написал им письма, а его друзья аккуратно каждые десять дней отправляли их из Парижа. Позже поэт восторженно будет рассказывать об увиденном: как он ночевал и питался вместе с пилигримами, как был арестован в Трувилле за попытку проехать на пароходе без билета.

Еще одним несколько странным и внешне малообъяснимым событием отмечено пребывание Гумилева в Париже — он пытался покончить жизнь самоубийством.

В очерке, опубликованном в эмигрантской газете «Последние новости» в октябре 1921 года, — сразу после гибели поэта — Алексей Николаевич Толстой так передает эту историю, рассказанную ему самим Гумилевым в 1908 году вскоре после его попытки самоотравления:

> «…Сознание медленно возвращалось ко мне, была слабость и тошнота. С трудом наконец я приподнялся и оглянулся. Я увидел, что сижу в траве наверху крепостного рва в Булонском лесу. Опираясь о землю, чтобы подняться, я ощупал маленький, с широким горлышком пузырек — он был раскрыт и пуст. В нем, вот уже год, я носил большой кусок цианистого калия, величиной с половину сахарного куска. Я начал вспоминать, как пришел сюда, как высыпал из пузырька на ладонь яд. Я знал, что, как только брошу его с ладони в рот, — мгновенно настанет неизвестное. Я бросит его в рот и прижал ладонь изо всей силы ко рту. Я помню шершавый вкус яда… Вы спрашиваете — зачем я хотел умереть? Я жил один, в гостинице, — привязалась мысль о смерти. Страх смерти мне быт неприятен…»

Загадочной и неясной осталась для А. Н. Толстого причина случившегося. (Как ни странно, кроме него, об этом не упоминает ни один из мемуаристов.) Но, может быть, последняя фраза — «страх смерти мне был неприятен» помогает нам понять мотивы безумного поступка? Если соотнести ее с характеристикой поэта, данной, например, в воспоминаниях уже упоминавшейся нами Веры Неведомской.

Общаясь с Гумилевым в течение длительного периода, она отмечает необычайную способность поэта искать и создавать рискованные положения при «полном отсутствии страха». Так, практически не умея ездить верхом, он не только, не колеблясь, садился на малообъезженную лошадь, но и преодолевал на ней сложные препятствия. Причем его не останавливала ни высота барьера, ни то, что он не раз падал вместе с лошадью. А то и

вовсе, становясь на седло, Гумилев проделывал в движении головоломные упражнения.

Особенно показательно в этом отношении поведение Гумилева на дуэли с его бывшим другом, тоже известным поэтом, Максимилианом Волошиным — спустя всего год после попытки самоубийства.

Ссора произошла из-за ложного обвинения Николая Степановича, которое он из гордости не стал отрицать, и последовавшего за тем оскорбительного выпада М. Волошина, поддавшегося мистификации. В многолюдной художественной мастерской Мариинского театра, в присутствии ряда знаменитостей, среди которых были Ф. И. Шаляпин, А. А. Блок, А. Н. Толстой, И. Ф. Анненский, Волошин подошел к Гумилеву и дал ему пощечину, и тот вызвал его на дуэль.

Позже Гумилев напишет:

> «Я вызван был на поединок — под звоны бубнов и литавр».

Дуэль состоялась возле печально известной Черной Речки, и, как сообщает в своих воспоминаниях М. Волошин:

> «…если не той самой парой пистолетов, которой стрелялся Пушкин, то во всяком случае современной ему».

Уже первое желание Гумилева — стреляться в пяти шагах до смерти одного из противников — было невероятно рискованным. С большим трудом секундантам Волошина (одним из них был Алексей Николаевич Толстой) удалось уговорить секундантов Гумилева (среди них был М. Кузмин — тоже крупный поэт, но, к сожалению, малоизвестный современному читателю), а затем и самого Николая Степановича — стреляться на пятнадцати шагах. И когда после промаха Гумилева (не попал или не хотел попасть?), у Волошина случилась осечка, Гумилев настоял на втором выстреле противника. И после новой осечки Волошина потребовал третьего его выстрела. Лишь отказ секундантов, возможно, спас поэта от рокового исхода.

Проявился характер Гумилева и в период мировой войны. В первый же месяц начала боевых действий он добровольцем поступает в уланский полк (хотя прежде по состоянию здоровья был освобожден от службы даже в мирное время!), избрав одну из самых рискованных воинских профессий — конного разведчика. И, наверное, не было ни одного опасного поиска, в который он бы не вызвался пойти. Неслучайно за личное мужество и боевое

отличие его вскоре награждают сначала одним, а спустя некоторое время — вторым Георгиевским крестом.

> «Товарищи кавалеристы рассказывают о нем много, — писал вскоре после гибели Гумилева один из ближайших друзей поэта, известный писатель Василий Иванович Немирович-Данченко. — В самые ужасные минуты, когда все терялись кругом, он был сдержан и спокоен, точно меряя смерть из-под припухших серых век. Его эскадрон, случалось, сажали в окопы. И всадники служили за пехотинцев. Неприятельские траншеи близко сходились с нашими. Гумилев встанет, бывало, на банкет бруствера, из-за которого немцы и русские перебрасываются ручными гранатами, и, нисколько не думая, что он является живой целью, весь уходит жадными глазами в зеленеющие дали. По нем бьют. Стальные пчелы посвистывают у самой головы… Товарищи говорили: „пытает судьбу“. Другие думали: для чего-то, втайне задуманного, испытывает нервы. И не сходит со своего опасного поста, пока солдаты не схватят его и не стащат вниз. В кавалерийских атаках он был всегда впереди».

Возвращаясь к случившемуся в Булонском лесу, можно предположить, что страх смерти, испытываемый Гумилевым в одиночестве гостиничного номера, был настолько неприятен поэту, что он решил подавить его в себе, бросив вызов… самой смерти. И произошло чудо: он выжил, ни разу в дальнейшем, насколько можно судить по свидетельствам мемуаристов, не проявив страха перед какой бы то ни было опасностью.

Неуемная натура Гумилева сказывалась во всем: в творчестве, в личной жизни, во взаимоотношениях с друзьями и знакомыми. И во все он стремился привнести что-то новое, необычное, увлекаясь сам и увлекая окружающих. А в трудные, порой опасные минуты, когда требовалось проявить выдержку и мужество, Гумилев, сохраняя самообладание, помогал и другим не поддаться отчаянию и выстоять.

В стихотворении «Мои читатели» есть такие строки:

> Я не оскорбляю их неврастенией,
> Не унижаю душевной теплотой,
> Не надоедаю многозначительными намеками
> На содержимое выеденного яйца.
>
> Но когда вокруг свищут пули,

Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо.

Но при этом всегда и во всем, прежде всего — бескомпромиссная, жесткая требовательность к себе.

Так, едва начав писать стихи, Гумилев решил в совершенстве овладеть поэтическим ремеслом, считая, что поэту помимо таланта и вдохновения важно мастерски владеть законами стихосложения. «Над стихом надо изводиться, говорил Гумилев, — как пианисту над клавишами, чтобы усвоить технику. Легче ювелиру выучиться чеканить драгоценные металлы. А ведь наш русский язык именно драгоценнейший из них. Нет в мире другого, равного ему — по красоте звука и по гармонии концепции». Недаром основанное им поэтическое товарищество называлось «Цех поэтов».

И хотя от книги к книге нарастали мощь, эмоциональная напряженность и изобразительная чеканность его стихов, Гумилев продолжал оттачивать свое мастерство. С. Лурье в рецензии на однотомник Гумилева, изданный в Большой серии «Библиотеки поэта» (Л., Советский писатель, 1988) писал: «Перед нами не исповедь, а скорее дневник затянувшегося производственного обучения: ученик в поте лица копирует мастера; все силы уходят на соблюдение изученных правил».

Да, Гумилев овладевал формой стиха до последних своих дней. Но если бы его стихи были лишь копиями чужих шедевров, наверное, не тянулись бы десятилетиями к его книгам читатели, не повторяли бы как заклинания строки из «Капитанов»:

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

Или из «Памяти»:

Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.

По свидетельству современника поэта Леонида Страховского

Николай Степанович, читавший свои стихи, магически воздействовал на слушателей. Да и сами стихи, когда вы вчитываетесь в них, завораживают. Попробуем вслушаться в музыкальность и в ритмику следующих строк:

И снова властвует Багдад,
И снова странствует Синбад,
Вступая с демонами в ссору…
И от египетской земли
Опять уходят корабли
В великолепную Бассору…

Стремление к неведомому, сопряженному подчас с опасностями, сопровождало Гумилева всю жизнь. С ранних лет его манит Восток, Африка, путешествия в тропические страны, и даже желание достать парусный корабль и плавать на нем под черным флагом.

Василий Иванович Немирович-Данченко в очерке, посвященном памяти Гумилева, вспоминал, что поэт всегда тосковал по солнечному югу, вдохновлявшему его «заманчивыми далями». Гумилев рассказывал ему о приключениях в Абиссинии. «Если бы поверить в перевоплощение душ, — писал мемуарист, — можно было бы признать в нем такого отважного искателя новых островов и континентов в неведомых просторах великого океана времен: Америго Веспуччи, Васко де Гаму, завоевателей вроде Кортеса и Визарро… Он был бы на своем месте в средние века. Он опоздал родиться лег на четыреста! Настоящий паладин, живший миражами великих подвигов. Он пытал бы свои силы в схватках со сказочными гигантами, на утлых каравеллах в грозах и бурях одолевал неведомые моря».

Ту праздничность, приподнятость чувств, романтическую увлеченность, экзотичность, изящество, а порой и изощренность формы, которые присущи поэзии Гумилева, он старался передать и в повседневной жизни как собственной, так и своих близких и друзей.

В. Неведомская вспоминает:

> «Ему (Гумилеву. — В. М.) удалось внести элемент сказочности в нашу жизнь. Он постоянно выдумывал какую-нибудь затею, игру, в которой мы становились действующими лицами… Помню, раз мы заехали кавалькадой человек в десять в соседний уезд, где нас не знали. Крестьяне обступили нас и стали расспрашивать — кто мы такие? Гумилев не задумываясь

ответил, что мы бродячий цирк и едем на ярмарку в соседний уездный город давать представление. Крестьяне попросили нас показать наше искусство, и мы проделали перед ними всю нашу „программу“. Публика пришла в восторг, и кто-то начал собирать медяки в нашу пользу. Тут мы смутились и поспешно исчезли».

Немирович-Данченко писал:

«В Гумилеве жил редкий дар восторга и пафоса. Он не только читателя, но и слушателя в длинные и скучные сумерки петербургской зимы уносил в головокружительную высь чарующей сказки».

Многие отмечают необычайно уютную, радушную атмосферу, в которой жили Гумилевы в предвоенные годы. Душой большой семьи была мать поэта — Анна Ивановна. Вместе с ней жили Николай Степанович с женой Анной Андреевной (Ахматовой) и маленьким сыном Львом; старший брат Дмитрий с женой (тоже Анной Андреевной), падчерица (дочь от первого брака покойного мужа. Степан Яковлевич Гумилев — отец поэта — умер в 1910 году) с сыном.

Дом Гумилевых охотно посещали и известные литераторы (Блок, Городецкий, Анненский, Вяч. Иванов), и молодые поэты, и просто знакомые. Хозяева были рады гостям. Нередко по инициативе Николая Степановича устраивались литературные вечера.

Однако неугомонность Гумилева не дает ему покоя. Он едет сначала в Италию, затем, дважды, в Африку, где забирается в самые труднодоступные места, охотится вместе с туземцами на слонов, на леопардов. А в одну поездку берет с собой семнадцатилетнего племянника, Колю-маленького, чем доставляет много волнений близким. К счастью, все обошлось благополучно.

Разумеется, где бы ни был Гумилев, главное для него — поэзия. Книга следует за книгой. Все большее место занимают восточные мотивы. Растет мастерство, авторитет, известность. Наряду с оригинальными стихами все чаще появляются переводы.

Начавшаяся первая мировая война резко изменила судьбу Гумилева.

Мы уже говорили, что поэт в первый же месяц добровольно вступил в действующую армию. Знаем мы и о том, как отзывались о его службе товарищи. И два солдатских «Георгия» за короткий срок задаром не давали.

Тем не менее некоторым знакомым казалось вступление

Гумилева в армию и поведение его на фронте ребячеством, своего рода игрой, которая была присуща ему во всем. Отсюда, дескать, та легкость, с какой он переносит испытания, опасность быть раненым или убитым.

Думается, что это не совсем так. Точнее, совсем не так. Разумеется, в его храбрости, презрении к смерти была определенная заданность. Но заданность не в том, чтобы в тот или иной момент выказать смелость, пойти на риск, на отчаянный поступок, а в том, чтобы не дать себе расслабиться, уступить минутному малодушию. Иначе говоря, все это, казавшееся некоторым напускным и наигранным, поведение Гумилева было его естественным самочувствием, проявлением его натуры, итогом долгого самовоспитания. Так же, как оттачивал форму стиха, он постоянно совершенствовал самого себя.

А внешне выглядело все довольно непринужденно, даже иногда по-ребячески шаловливо.

Вот, например, отрывок из фронтового письма Гумилева: «Мы на новом фронте. Были в резерве, но дня четыре тому назад перед нами потеснили армейскую дивизию, и мы пошли поправлять дело. Вчера с этим покончили, кое-где выбили неприятеля и теперь опять отошли валяться на сене и есть вишни…»

И в самом деле как вроде бы все просто. Если не вдуматься в эти только с виду незатейливые выражения: «пошли поправлять дело», «вчера с этим покончили», «кое-где выбили неприятеля». И при этом еще вспоминать, что Гумилев в атаках непременно шел впереди.

А рядом другое письмо, по тону такое же будничное, но уже более наглядное:

> «Мы все воюем, хотя теперь и не так ожесточенно. За 6-е и 7-е наша дивизия потеряла до 300 человек при 8 офицерах, и нас перевели верст за пятнадцать в сторону. Здесь тоже беспрерывный бой… Вот уж 16 дней ни одной ночи не спали полностью, все урывками… Я все читаю Илиаду: удивительно подходящее чтенье…»

Или вот еще эпизод из другого письма Гумилева — совсем уж «забавный»:

> «Милая и дорогая мамочка, я уже вторую неделю в полку и чувствую себя хорошо. (Это после тяжелого ранения. — В. М.) У нас каждый день ученья, среди них есть и забавные, например, парфорсная охота. Представь себе человек сорок офицеров, несущихся карьером без

> дороги, под гору, на гору, через лес, через пашню, и вдобавок берущих препятствия: канавы, валы, барьеры и т. д. Особенно было эффектно одно — посередине очень крутого спуска забор и за ним канава. Последний раз на нем трое перевернулись с лошадьми. Я уже два раза участвовал в этой скачке и ни разу не упал, так что даже вызвал некоторое удивленье…»

Наверное, немногие из нас захотели бы стать участниками этой «забавной» скачки, требовавшей немалой сноровки и подлинного мужества. А если еще учесть, что Гумилев только неделю как вернулся в строй после ранения…

Самым убедительным свидетельством того, что участие Гумилева в военной кампании вовсе не походило на увлекательное занятие, являются его «Записки кавалериста» — серия фронтовых очерков с места боевых действий, публиковавшихся в петербургской газете «Биржевые ведомости» с февраля 1915 по январь 1916 года.

Это великолепный документ об участии русских воинов в первой мировой войне, о которой, к нашему стыду, нам мало что известно. Даже среди образованной части нашего общества немногие сегодня знают, что Германия объявила войну России 1 августа 1914 года. И что русские люди в солдатских и офицерских шинелях вели не грабительскую и захватническую (как долгие годы писалось в наших учебниках), а отечественную по сути своей войну.

А если и были у них, так сказать, далеко идущие цели, то разве что дойти до Сербии — чтобы защитить от нового агрессора братский народ, который совсем недавно ценой тысяч жизней все тех же русских солдат и офицеров освободился от турецкого ига.

Потому и сражались самоотверженно и вновь гибли — уже не тысячами, а миллионами — и вовсе не чувствовали себя захватчиками и грабителями. Так понимали свою роль и свой долг перед Родиной в те дни русские воины от Гумилева до Брусилова. И не их вина, что кому-то потом вздумалось назвать их шовинистами. Увы, но это мнение бытует и поныне.

В предисловии В. В. Карпова к однотомнику Н. Гумилева, вышедшему в Большой серии «Библиотеки поэта», сказано:

> «Несмотря на трудности и опасности, Гумилев все еще не прозрел и, размышляя о войне, находится в угаре шовинистических заблуждении».

А вот что автору предисловия отвечает из своего далека сам Николай Степанович. В письме к жене — Анне Андреевне

Ахматовой, датированном 25 июля 1915 года, поэт писал:

> «Дорогая Аничка, у нас уже несколько дней все тихо, никаких боев нет. Правда, мы отошли, но немец мнется на месте и боится идти за нами.
>
> Ты знаешь, я не шовинист. (Разрядка моя. — В. М.). И однако, я считаю, что сейчас, несмотря на все отходы, наше положенье не хуже, чем в любой из прежних моментов войны. Мне кажется, я начинаю понимать, в чем дело, и больше, чем когда-либо верю в победу».

«Записки кавалериста» проникнуты искренней, нежной любовью к Родине, уважением и гордостью за русского человека, честно выполняющего свой воинский и гражданский долг. И вместе с тем автор ни единым словом не унизил, не проявил высокомерного отношения ни к врагу, ни к местному населению, иначе говоря, никаких националистических настроений.

И точно так же воспринимают происходящее герои его очерков. Вот, например, характерный эпизод: «Мы вошли в крайнюю халупу, где собирались раненые. Их было человек десять. Они были заняты работой. Раненные в руку притаскивали жерди, доски и веревки, раненные в ногу быстро устраивали из всего этого носилки для своего товарища с насквозь простреленной грудью. Хмурый австриец, с горлом, проткнутым штыком, сидел в углу, кашлял и беспрерывно курил цигарки, которые ему вертели наши солдаты. Когда носилки были готовы, он встал, уцепился за одну из ручек и знаками — говорить он не мог — показал, что хочет помогать их нести. С ним не стали спорить и только скрутили ему сразу две цигарки».

В «Записках» рассказывается о необычных для нашего сегодняшнего представления взаимоотношениях русских солдат и местного польского населения. Мы знаем много негативных моментов из истории прошедшей войны, когда поляки проявляли часто неприятное, а то и агрессивное отношение к советским военнослужащим. Объяснялось это тем, что Россия была долгие годы захватчиком по отношению к Польше, введя в ней жандармские порядки.

Гумилев, разумеется, не зная, что будет происходить через четверть столетия и какое объяснение будут давать этому потомки, представляет нам в очерках несколько эпизодов, свидетельствующих, что поляки доброжелательно, а порой даже жертвенно, относились к русским воинам. Хотя, казалось бы, тогда все негативные моменты владычества России должны были ощущаться куда острее.

Вот пять русских солдат, оказавшись после боя в окружении,

прячутся в землянке, а по ночам ходят в польское село за продуктами. И хотя здесь полно немцев, местные жители не только не выдают их, но и с опасностью для жизни в течение месяца поддерживают их самым необходимым.

Вот разведчик Гумилев подкрадывается к немецким позициям и, рискуя быть обстрелянным, наблюдает за противником, запоминая необходимые сведения о нем. «Я все выглядывал из-за угла сарая… когда почувствовал сзади чье-то легкое прикосновение. Я быстро обернулся. Передо мной стояла неизвестно откуда появившаяся полька с изможденным, скорбным лицом. Она протягивала мне пригоршню яблок: „Возьми, пан солдат, то есть добже, цукерно“. Меня каждую минуту могли заметить, обстрелять; пули летели бы и в нее. Понятно, было невозможно отказаться от такого подарка».

А вот уж и вовсе жертвенный поступок польского жителя. Автор с товарищами-разведчиками подбирался к деревне, желая узнать — есть там немцы или нет. Когда до деревни оставалось шагов двести, оттуда без шапки выскочил житель и бросился к ним, крича: «Германи, германи, их много… бегите!» И сейчас же раздался залп — житель упал замертво. Когда русские части заняли эту деревню, на месте гибели поляка разведчики поставили большой деревянный крест.

Боевые эпизоды в «Записках» перемежаются поэтическими раздумьями Гумилева — участника описываемых событий. И эти переходы очень органичны и потому воспринимаются нами ненавязчиво, ненарочито, заставляя сопереживать и повествователю, и его товарищам по службе.

Чтобы вы ощутили дыхание этой мужественной и поэтичной книги, которую, к сожалению, читали немногие наши современники, приведем из нее еще некоторые выдержки:

> «…Несколько часов подряд мы скакали лесом. В тишине, разбиваемой только стуком копыт да храпом коней, явственно слышался отдаленный волчий вой. Иногда, чуя волка, лошади начинали дрожать всем телом и становились на дыбы. Эта ночь, этот лес, эта нескончаемая белая дорога казались мне сном, от которого невозможно проснуться. И все же чувство странного торжества переполняло мое сознание. Вот мы, такие голодные, измученные, замерзающие, только что, выйдя из боя, едем навстречу новому бою, потому что нас принуждает к этому дух, который так же реален, как наше тело, только бесконечно сильнее его. И в такт лошадиной рыси в моем уме плясали ритмические

строки:

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму.
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

Мне чудилось, что я чувствую душный аромат этой розы, вижу красные языки огня…»

«…Наконец прискакал левый дозорный. Он приложил руку к козырьку и молодцевато отрапортовал офицеру: „Ваше сиятельство, германец наступает слева… и я ранен“. На его бедре виднелась кровь. „Можешь сидеть в седле?“ — спросил офицер. „Так точно, пока могу!“ — „А где же другой дозорный?“ — „Не могу знать; кажется, он упал“. Офицер повернулся ко мне: „Гумилев, поезжайте посмотрите, что с ним?“ Я отдал честь и поехал на выстрелы…»

«…Я проснулся от страшного грохота и кучи посыпавшейся на меня известки. Халупа была полна дымом, который выходил в большую дыру в потолке прямо над моей головой. В дыру было видно бледное небо. „Ага, артиллерийский обстрел“, — подумал я, и вдруг страшная мысль пронизала мой мозг и в одно мгновенье сбросила меня с печи. Халупа была пуста, уланы ушли.

Я схватил винтовку, убедился, что она заряжена, и выбежал из дверей. Местечко пылало, снаряды рвались там и сям. Каждую минуту я ждал увидеть направленные на меня широкие штыки и услышать грозный окрик: „Хальт!“ Но вот я услышал топот и, прежде чем успел приготовиться, увидел рыжих лошадей уланский разъезд. Я подбежал к нему и попросил подвезти меня до полка… Какая радость была сознавать, что я уже не несчастный, заблудившийся, а снова часть уланского полка, а следовательно, и всей русской армии».

Проза Гумилева — Поэта и Солдата — написана в лучших традициях русской классики: она удивительно чиста, проста и гармонична. «Записки кавалериста» должны бы давно занять место рядом с такими памятниками отечественной литературы, как, например, «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого. А

между тем они до сих пор даже не имеют отдельного издания.

Несмотря на тяготы армейской службы, постоянное участие в боевых действиях, Гумилев наряду с очерками пишет стихи. В 1916 году выходит очередная его поэтическая книга «Колчан». Здесь в основном традиционные для Гумилева мотивы, но несколько стихотворений посвящены увиденному и пережитому на фронте. Вот строки из одного из них, названного «Война»:

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед.

А «ура» вдали, как будто пенье,
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это — мирное селенье
В самый благостный из вечеров.

Послевоенный период творчества Гумилева, вплоть до гибели, специалисты единодушно характеризуют как время наивысшего расцвета его литературного таланта.

Вслед за «Колчаном» выходят сборники «Костер», «Шатер», подготовлен сборник «Огненный столп», выпуск которого совпал с гибелью поэта. Гумилев в эти годы, поправив и дополнив, переиздает ранние свои книги стихов «Романтические цветы» и «Жемчуга», много публикуется в периодической печати, работает в издательстве «Всемирная литература», читает лекции, руководит воссозданным «Цехом поэтов», переводческой студией, занимается с молодыми поэтами из студии «Звучащая раковина». В феврале 1921 года его избирают руководителем Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов.

Надо сказать, что в послевоенное время произошли серьезные изменения в его личной жизни. В 1918 году Гумилев развелся с Анной Андреевной Ахматовой и через год женился на Анне Николаевне Энгельгардт, дочери литератора. От этого брака в 1920 году родилась дочь Елена.

Разрыв с Ахматовой наметился много раньше, практически в первые же годы их совместной жизни. Гумилев хотел, чтобы жена всецело посвятила себя его поэтическим задачам, была бы, как писал С. Маковский в воспоминаниях, «его помощницей, оруженосцем, спутником». Он не хотел признавать за ней самостоятельность, право на собственное творчество. Но ведь это была Анна Ахматова! Отказаться от того, что было предначертано ей судьбой, она, разумеется, не могла. Потому разрыв стал

неминуем. И он произошел. Хотя дружеские отношения между ними сохранились, и гибель Николая Степановича Анна Андреевна восприняла как большое личное горе.

3 августа 1921 года Гумилев был арестован сотрудниками ЧК, а 25 августа (по мнению некоторых мемуаристов — Г. Иванова, В. Ходасевича — 27 августа) расстрелян. Точная дата казни неизвестна, но постановление Петроградской Губчека о расстреле 61 человека за участие в так называемом «Таганцевском заговоре» датировано 24 августа 1921 года. По словам А. А. Ахматовой, записанным Л. К. Чуковской, казнь произошла близ Бернгардовки под Петроградом.

1 сентября 1921 года в газете «Петроградская правда» был опубликован поименный перечень расстрелянных с указанием вины каждого. Тридцатым в списке значился:

> «Гумилев Николай Степанович, 33 лет (на самом деле Н. С. было в это время 35 лет. — В. М.), бывший дворянин, филолог, поэт, член коллегии „Издательства Всемирной литературы“, беспартийный, бывший офицер. Участник Петроградской боевой организации, активно содействовал составлению прокламаций контрреволюционного содержания, обещал связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов, которая активно примет участие в восстании, получал от организации деньги на технические надобности».

С тех пор много сказано и написано о том, был ли Гумилев на самом деле заговорщиком. Да и был ли вообще какой-либо заговор? В конце концов установилось мнение, которое резюмировал в одном из высказываний Константин Симонов:

> «Гумилев участвовал в одном из контрреволюционных заговоров в Петрограде — этот факт установленный. Примем этот факт как данность».

И действительно, долгие годы этот факт так и воспринимался. Официальные инстанции запрещали публиковать произведения поэта и материалы о нем (вплоть до 1986 года), а прочие смертные — кто сочувствовал, кто осуждал, но опять же принимая «факт как данность».

Лишь в 1987 году в журнале «Новый мир», № 12 была опубликована заметка заслуженного юриста РСФСР, государственного советника юстиции второго класса Г. А. Терехова, в которой он, ссылаясь на изученные архивы, сообщал:

> «По делу установлено, что Гумилев Н. С. действительно совершил преступление, но вовсе не контрреволюционное, которое в настоящее время относится к роду особо опасных государственных преступлений, а так называемое сейчас иное государственное преступление, а именно — не донёс органам Советской власти, что ему предлагали вступить в заговорщицкую офицерскую организацию, от чего он категорически отказался. Никаких других обвинительных материалов, которые изобличали бы Гумилева в участии в антисоветском заговоре, в том уголовном деле, по материалам которого осужден Гумилев, нет».

Итак, вся «вина» Гумилева сводится к тому, что он не донес о существовании контрреволюционной организации, в которую не вступил. Таким образом, делает вывод бывший старший помощник Генерального прокурора СССР, член коллегии Прокуратуры СССР:

> «Гумилев не может признаваться виновным в преступлении, которое не было подтверждено материалами того уголовного дела, по которому он был осужден».

После этой публикации в ряде периодических изданий появились восторженные отклики о восстановлении «честного имени» Гумилева.

Правда, были и другие публикации. Например, А. Фельдман в статье «Дело Гумилева» (Новый мир, № А, 1989) вновь призвал заняться исследованием документов: «Необходим тщательный анализ документальных свидетельств, обязательны архивные изыскания». Словом, вопрос — виновен или не виновен? все еще висит над памятью поэта.

А давайте попробуем посмотреть на случившееся в далеком августе 1921 года несколько иначе. Попытаемся осмыслить это, опираясь на свидетельства близких и друзей поэта, а также исходя из здравого взгляда на историю нашей Родины и на то, как понимать «честное имя» Гумилева.

Поэт Георгий Иванов, постоянно общавшийся с Гумилевым, начиная с 1912 года, вспоминает:

> «Однажды Гумилев прочел мне прокламацию, лично им написанную. Это было в Кронштадтские дни. Прокламация призывала рабочих поддержать восставших

матросов, говорилось в ней что-то о „Гришке Распутине“ и „Гришке Зиновьеве“. Я спросил его: „Как же ты так рукопись отдашь? Хотя бы на машинке переписал. Ведь мало ли куда она может попасть“. — „Не беспокойся, — ответил он, размножат на ротаторе, а рукопись вернут мне. У нас это дело хорошо поставлено“.

Месяца через два, придя к Гумилеву, я застал его кабинет весь разрытым. Бумаги навалены на полу, книги вынуты из шкафов. Он в этих грудах рукописей и книг искал чего-то. „Помнишь ту прокламацию? Рукопись мне вернули. Сунул куда-то, куда не помню. И вот не могу найти. — Он порылся еще, потом махнул рукой, улыбнулся. — Черт с ней! Если придут с обыском, вряд ли найдут в этом хламе“.

Нашли, значит. Или, может быть, один из тех двух, о которых Гумилев говорил: „Верю, как самому себе“. И где теперь этот проклятый клочок бумаги, который в марте 1921 года держал я в руках…»

Значит, Гумилев писал прокламации? И их размножали? Впрочем, может быть, это еще одна мистификация? Как та, которая привела поэта в 1909 году к дуэли с Волошиным и едва не стоила жизни?

Но вот еще одно свидетельство. Уже упоминавшийся нами поэт Николай Оцуп рассказывает:

«Помню жестокие дни после Кронштадтского восстания. На грузовиках вооруженные курсанты везут сотни обезоруженных кронштадтских матросов. С одного грузовика кричат: „Братцы, помогите, расстреливать везут!“ Я схватил Гумилева за руку. Гумилев перекрестился. „Убить безоружного, — говорит он, величайшая подлость“».

Нетрудно предположить, что, вернувшись домой, он, в порыве сочувствия, взялся за перо.

Теперь мы знаем, с какой невиданной жестокостью было подавлено выступление матросов Кронштадта. Знаем мы и то, что толкнуло крестьян, одетых в матросские бушлаты, на это выступление. Это было еще одной, оказавшейся последней, вспышкой народного недовольства продразверсткой, которую и сам Ленин вскоре назовет ошибочной. И именно после событий в Кронштадте продразверстка была заменена продналогом — так было положено начало новой экономической политике.

Так, спрашивается, что было честнее в тот момент:

равнодушие или сочувствие людям, пожертвовавшим собой ради улучшения жизни миллионов разоренных и голодающих крестьян?

Есть подтверждения и тому, что возле Гумилева увивались соглядатаи, подобно тем двоим, о которых поэт говорил: «верю, как самому себе».

Вот что сообщает В. Ходасевич:

> «Новый знакомец был молод, приятен в обхождении. Называл он себя начинающим поэтом, со всеми спешил познакомиться. Гумилеву он очень понравился. Новый знакомец стал у него частым гостем. Не одному мне казался он подозрителен. Гумилева пытались предостеречь — из этого ничего не вышло. Словом, не могу утверждать, что этот человек был главным и единственным виновником гибели Гумилева, но после того, как Гумилев был арестован, он разом исчез, как в воду канул. Уже за границей я узнал от Максима Горького, что показания этого человека фигурировали в гумилевском деле и что он был подослан».

Если даже предположить, что рукописи прокламации не было и Георгий Иванов ее придумал, то легко допустить другое: Гумилев мог поделиться с этим «знакомцем» или с кем-то другим своими «несвоевременными мыслями», например, о «Гришке Зиновьеве», на совести которого, как теперь мы знаем, тысячи невинных жертв. А тот узнал об этом — все от того же «знакомца».

Существует же версия, что Г. Зиновьев сыграл особую роковую роль в судьбе Гумилева, даже вопреки защитительному воздействию Ленина, к которому с ходатайством о помиловании Гумилева обратился А. М. Горький.

А о том, что Гумилев был крайне неосторожен в своих высказываниях, имеется немало свидетельств.

Например, уже упоминавшийся нами С. Маковский рассказывает:

> «Николай Степанович, бывавший всюду, где мог найти слушателей, не скрывал своих убеждений. Он самоуверенно воображал, что прямота, даже безбоязненная дерзость (а вспомним, что это был человек, вообще не знавший страха. — В. М.) — лучшая защита от подозрительности. К тому же, он был доверчив, не видел в каждом встречном соглядатая…»

И далее идет вновь уже знакомая нам информация:

> «…Вероятно, к нему подослан был агент, притворившийся „другом“, и Гумилев говорил „другу“ то, что было говорить смертельно опасно. Веря в свою „звезду“, он был неосторожен».

И опять зададимся вопросом: это поведение честного человека или нет? А, следовательно, нуждается ли Гумилев в том, чтобы ему «возвращали честное имя»?

А теперь взглянем с той же меркой на тех, с кем вместе принял смерть поэт в тот трагический день августа 1921 года.

Список расстрелянных возглавлял молодой профессор-географ В. Н. Таганцев. Среди казненных 16 женщин в возрасте от двадцати до шестидесяти лет (две сестры милосердия, две студентки, четыре проходили как сообщницы в делах мужей), группа моряков, бывших офицеров, интеллигентов (как, например, профессор-юрист, проректор Петроградского университета Н. И. Лазаревский; крупный химик-технолог, сделавший значительное открытие, имевший заслуги перед русским революционным движением (входил в группу «Освобождение труда»), профессор М. М. Тихвинский — друг академика В. И. Вернадского, который пытался защитить ученого в высоких инстанциях, но тщетно).

Вот запись В. И. Вернадского, сделанная им для себя в сентябре 1942 года:

> «…В. Таганцев погубил массу людей, поверив честному (разрядка моя. В. М.) слову ГГТУ (Менжинский и еще два представителя). Идея В. Н. Таганцева заключалась в том, что надо прекратить междоусобную войну, и тогда В. Н. готов объявить все, что ему известно, а ГПУ дает обещание, что они никаких репрессий не будут делать. Договор был подписан. В результате все, которые читали этот договор с В. Н. Таганцевым, были казнены… Это одно из ничем не оправданных преступлений, морально разлагающее партию».

(Вернадский ошибся: преобразование ВЧК в ГПУ произошло позже — в начале 1922 года.)

Еще несколько слов о последних днях жизни Гумилева.

Когда Николая Степановича арестовали ночью 3-го августа, поэт взял с собой в камеру самое необходимое и дорогое: Одиссею и Библию. С Гомером в походном ранце он отстаивал

интересы Родины на германском фронте, с ним же принял смерть от соотечественников.

Последним из друзей, кто видел Гумилева на воле, был Владислав Ходасевич, засидевшийся у него до двух часов ночи. Той самой ночи…

> «Я не знал, — писал он в очерке, в связи с пятилетием со дня гибели Гумилева, — чему приписать необычайную живость, с которой он обрадовался моему приходу. Он выказал какую-то особую даже теплоту, ему как будто бы и вообще несвойственную. Каждый раз, как я подымался уйти, Гумилев начинал упрашивать: „Посидите еще…“ Он был на редкость весел. Говорил много, на разные темы… Стал меня уверять, что ему суждено прожить очень долго — по крайней мере до девяноста лет… В его преувеличенной радости моему приходу, должно быть, было предчувствие, что после меня он уже никого не увидит».

А вот текст последней записки из тюрьмы, адресованной жене:

> «Не беспокойся обо мне, я чувствую себя хорошо; читаю Гомера и пишу стихи».

Как всегда, спокойный, мужественный тон.

Все, знавшие поэта близко, не сомневались, что и в последние секунды жизни Гумилев остался верен себе.

> «Я не знаю подробностей его убийства, — писал в очерке-некрологе Алексей Николаевич Толстой, — но, зная Гумилева, — знаю, что, стоя у стены, он не подарил палачам даже взгляда смятения и страха».

> «Если на допросе следователь умел, — писал в те же дни известный писатель Александр Амфитеатров, тоже близкий друг Гумилева, — задеть его (Гумилева. — В. М.) самолюбие, оскорбить его тоном или грубым выражением, на что эти господа великие мастера, то можно быть уверенным, что Николай Степанович тотчас же ответил ему по заслуге… И как офицер, и как путешественник, он был человек большой храбрости и присутствия духа, закаленный и в ужасах великой войны, и в диких авантюрах сказочных африканских пустынь. Ну, а в чрезвычайках строптивцам подобного закала не

спускают».

Невольно вспоминаются строки из стихотворения Владимира Солоухина «Настала очередь моя»:

> «Стреляли гордых, добрых, честных, чтоб, захватив, упрочить власть…»

Существует стихотворение, якобы написанное Гумилевым в тюрьме перед расстрелом. По стилю, интонации оно напоминает поэтический язык Николая Степановича. Под сомнение ставится не столько само стихотворение, сколько возможность его передачи на волю. Разве что предположить, что кто-то из заключенных смог запомнить слова и ему посчастливилось оказаться на свободе?

Вот эти строки:

> В час вечерний,
> В час заката
> Каравеллою крылатой
> Проплывает Петроград.
> И горит на рдяном диске
> Ангел твой на обелиске,
> Словно солнца младший брат.
> Я не трушу, я спокоен,
> Я, поэт, моряк и воин,
> Не поддамся палачу.
>
> Пусть клеймят меня позором,
> Знаю, сгустком крови черной
> За свободу я плачу.
> За стихи и за отвагу,
> За сонеты и за шпагу,
> Знаю, гордый город мой
> В час вечерний,
> В час заката
> Каравеллою крылатой
> Приведет меня домой.

Гибель Гумилева потрясла многих людей — не только близких и почитателей поэта, но и самые различные слои общества, придав имени Гумилева ореол мученика, а его творчеству — куда большую известность, чем то внимание, каким оно пользовалось при жизни автора. Однако при всей мрачной

загадочности случившегося с Гумилевым, те, кому довелось общаться с поэтом, и в особенности его близким и друзьям, Николай Степанович запомнился, прежде всего, таким, как, например, Анне Андреевне Гумилевой, невестке поэта, в последний раз видевшей его за три дня до ареста:

> «…бодрым, полным жизненных сил, в зените своей славы и личного счастья, всецело отдавшимся творчеству».

Такое же яркое впечатление на современников произвела его последняя, наиболее значительная в художественном отношении книга «Огненный столп», вышедшая… в дни гибели поэта.

> «„Огненный столп“, — писал Георгий Иванов, — красноречивое доказательство того, как много уже было достигнуто поэтом и какие широкие возможности перед ним открывались».
>
> *Летопись Дома литераторов, № 1, 1921, с. 3,4*

И даже в камере Гумилев представлялся мысленному взору друзей все таким же жизнелюбивым, не теряющим самообладания, устремленным в будущее.

> «Я рисую себе застенок вшивой тюрьмы, — писал В. И. Немирович-Данченко, — где вместе с ним метались измученные пытками смертники. Думаю, что он оставался так же спокоен, как всегда, мечтая в последние минуты о счастливых солнечных далях».

В одном из предсмертных своих стихотворений поэт провозгласил себя «Рыцарем счастья»:

> Как в этом мире дышится легко!
> Скажите мне, кто жизнью недоволен,
> Скажите, кто вздыхает глубоко,
> Я каждого счастливым сделать волен.
> А если все-таки он не поймет,
> Мою прекрасную не примет веру
> И будет жаловаться в свой черед
> На мировую скорбь, на боль — к барьеру!

«Рыцарем счастья», открытым добру и красоте и умеющим постоять за них, Поэтом-Гражданином навсегда вошел в

отечественную и мировую литературу Николай Степанович Гумилев.

Олег Платонов
Царь Николай II

Царь Николай Александрович Романов родился 6 мая 1868 года в день, когда православная церковь отмечает память святого Иова Многострадального. Этому совпадению царь придавал большое значение, испытывая всю жизнь «глубокую уверенность», что «обречен на страшные испытания». Его отец император Александр III, по оценке многих историков, был глубоко верующим, цельным человеком, хорошим семьянином. Эти же качества он воспитывал у своих детей. Как политик и государственный деятель отец Николая Второго проявлял твердую волю в проведении в жизнь принятых решений (черта, которую, как мы увидим дальше, унаследовал и его сын). Суть политики императора Александра III (продолжением которой стала политика императора Николая Второго) может быть охарактеризована как сохранение и развитие российских основ, традиций и идеалов. Давая оценку царствованию императора Александра Третьего, русский историк В. О. Ключевский писал:

> «Наука отведет императору Александру III подобающее место не только в истории России и всей страны, но и в русской историографии, скажет, что Он одержал победу в области, где всего труднее достаются победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорил общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное самосознание».

Воспитание и образование Николая Второго проходило под личным руководством его отца, на традиционной религиозной основе. Учебные занятия будущего императора велись по тщательно разработанной программе в течение тринадцати лет. Первые восемь лет были посвящены предметам гимназического курса, с заменой классических языков элементарными основами минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии. Особое внимание уделялось изучению политической истории, русской литературы, французского, английского и немецкого языков (которыми Николай овладел в совершенстве). Следующие пять лет посвящались изучению военного дела, юридических и

экономических наук, необходимых для государственного деятеля. Преподавание этих наук велось выдающимися русскими учеными с мировым именем: Янышев И. Л. учил каноническому праву в связи с историей церкви, главнейшим отделам богословия и истории религии; Бунге Н. Х. — статистике, политической экономии и финансовому праву; Победоносцев К. П. — законоведению, государственному, гражданскому и уголовному праву; Капустин М. Н. — международному праву; Замысловский Е. Е. — политической истории; Бекетов Н. Н. — химии; Обручев Н. Н. — военной статистике; Леер Г. А. — стратегии и военной истории; Драгомиров М. И. — боевой подготовке войск; Кюи Ц. А. — фортификации.

Чтобы будущий император на практике познакомился с войсковым бытом и порядком строевой службы, отец направляет его на военные сборы. Сначала два года Николай служит в рядах Преображенского полка, исполняя обязанности субалтерн-офицера, а затем ротного командира. Два летних сезона Николай проходит службу в рядах кавалерийского гусарского полка взводным офицером, а затем эскадронным командиром. И наконец, будущий царь проводит один лагерный сбор в рядах артиллерии.

Параллельно отец вводит его в курс дела управления страной, приглашая участвовать в занятиях Государственного совета и комитета министров.

В программу образования будущего царя входили многочисленные путешествия по различным областям России, которые Николай совершал вместе с отцом. В качестве завершения своего образования Николай Второй совершил кругосветное путешествие. За девять месяцев он проехал Австрию, Триест, Грецию, Египет, Индию, Китай, Японию, а далее «сухим путем» через всю Сибирь.

К 23 годам своей жизни Николай — высокообразованный человек с широким кругозором, прекрасно знающий русскую историю и литературу, в совершенстве владеющий основными европейскими языками (хотя читать он предпочитал произведения русских авторов). Блестящее образование соединялось у него с глубокой религиозностью и знанием духовной литературы, что было не часто для государственных деятелей того времени. Отец сумел внушить ему беззаветную любовь к России, чувство ответственности за ее судьбу. С детства ему стала близка мысль, что его главное предназначение следовать российским основам, традициям и идеалам. Образцом правителя для Николая Второго был царь Алексей Михайлович, бережно хранивший традиции старины.

Однако время, в которое выпало царствовать Николаю Второму, сильно отличалось от эпохи первых Романовых. Если при первых Романовых народные основы и традиции служат объединяющим знаменем общества, которое почитают и простой народ, и правящий слой, то к началу двадцатого века российские основы и традиции становятся объектом отрицания со стороны образованного общества. Значительная часть правящего слоя и интеллигенции отвергает путь следования российским основам, традициям и идеалам, многие из которых они считают отжившими и невежественными. Не признается право России на собственный путь. Делается попытка навязать ей чуждую модель развития — либо западноевропейского либерализма, либо западноевропейского марксизма. И для тех, и для других главное — поломать самобытность России. Соответственно этому — их отношение к царю как хранителю идей традиционной России, как врагу и мракобесу.

Трагедия жизни Николая Второго состояла в неразрешимом противоречии между его глубочайшим убеждением — хранить основы и традиции России — и нигилистическими попытками значительной части образованных людей страны отвергать эти основы и традиции. И речь шла не только (и не прежде всего) о сохранении традиционных форм управления страной, а о спасении русской национальной культуры, которая, как он чувствовал, была в смертельной опасности. События последних семидесяти лет показали, насколько был прав российский царь — император. Всю свою жизнь Николай Второй чувствовал на себе психологическое давление этих объединившихся враждебных российской культуре сил. Как видно из его дневников и переписки, все это причиняло ему страшные моральные страдания. Твердая убежденность хранить основы и традиции России в сочетании с чувством глубокой ответственности за ее судьбу делали Николая II подвижником идеи, за которую он отдал свою жизнь.

> «Вера в Бога и в свой долг Царского служения, — отмечает историк С. С. Ольденбург, — были основой всех взглядов Императора Николая II. Он считал, что ответственность за судьбу России лежит на Нем, что Он отвечает за них перед престолом Всевышнего. Другие могут советовать, другие могут Ему мешать, но ответ за Россию перед Богом лежит на нем. Из этого вытекало и отношение к ограничению власти — которое Он считал переложением ответственности на других, не призванных, и к отдельным министрам,

претендовавшим, по Его мнению, на слишком большое влияние в государстве. „Они напортят, — а отвечать мне“».

Характеризуя личность Николая Второго, немецкий дипломат граф Рекс считал императора человеком духовно одаренным, благородного образа мыслей, осмотрительным и тактичным.

> «Его манеры, — писал этот дипломат, — настолько скромны, и он так мало проявляет внешней решимости, что легко прийти к выводу об отсутствии у него сильной воли, но люди, его окружающие, заверяют, что у него весьма определенная воля, которую он умеет проводить в жизнь самым спокойным образом». Упорную и неутомимую волю в осуществлении своих планов отмечает большинство знавших императора людей. До тех пор пока план не был осуществлен, император постоянно возвращался к нему, добиваясь своего. Уже упомянутый нами историк Ольденбург замечает, что у «Государя, поверх железной руки, была бархатная перчатка. Воля его была подобна не громовому удару. Она проявлялась не взрывами и не бурными столкновениями; она скорее напоминала неуклонный бег ручья с горной высоты к равнине океана. Он огибает препятствия, отклоняется в сторону, но в конце концов, с неизменным постоянством, близится к своей цели».

Кроме твердой воли и блестящего образования, Николай обладал всеми природными качествами, необходимыми для государственной деятельности. Прежде всего огромной трудоспособностью. В случае необходимости он мог работать с утра до поздней ночи, изучая многочисленные документы и материалы, поступавшие на его имя. (Кстати говоря, охотно он занимался и физическим трудом — пилил дрова, убирал снег и т. п.) Обладая живым умом и широким кругозором, царь быстро схватывал существо рассматриваемых вопросов. Имел исключительную память на лица и события. Он помнил в лицо большую часть людей, с которыми ему приходилось сталкиваться, а таких были тысячи.

> «Царь Николай Второй, — отмечал историк Ольденбург да и многие другие историки и государственные деятели России, — обладал совершенно исключительным личным обаянием. Он не любил торжеств, громких речей, этикет Ему был в тягость. Ему

было не по душе все показное, искусственное, всякая широковещательная реклама. В тесном кругу, в разговоре с глазу на глаз, он зато умел обворожить своих собеседников, будь то высшие сановники или рабочие посещаемой им мастерской. Его большие серые лучистые глаза дополняли речь, глядели прямо в душу. Эти природные данные еще более подчеркивались тщательным воспитанием».

«Я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий император Николай II», — писал граф Витте уже в ту пору, когда он по существу являлся личным врагом императора.

Более семидесяти лет правилом для казенных историков и литераторов было обязательно отрицательная оценка личности Николая Второго. Это не удивительно — многое в эти годы было перевернуто с ног на голову. И чем ближе российский государственный деятель стоял к нашему времени, чем крупнее он был как историческая личность, тем нетерпимей и оскорбительней была оценка его деятельности. Например, по мнению Троцкого, дореволюционная Россия была неспособна рождать крупных политических деятелей, а обречена создавать лишь жалкие копии западных. В русле этой «традиции» казенные историки приписывали Николаю Второму все унизительные характеристики от коварства, политического ничтожества и патологической жестокости до алкоголизма, разврата и морального разложения. История расставила все на свои места. Под лучами ее прожекторов вся жизнь Николая Второго и его политических оппонентов просвечена до малейших подробностей. При этом свете стало ясно кто есть кто.

Иллюстрируя «коварство» царя, обычно приводили пример, как Николай Второй снимал некоторых своих министров безо всякого предупреждения. Сегодня он мог милостиво разговаривать с министром, а завтра прислать ему отставку. Серьезный исторический анализ показывает, что царь ставил дело российского государства выше отдельных личностей (и даже своих родственников). И если по его мнению министр или сановник не справлялся с делом, он убирал его вне зависимости от прежних заслуг. В последние годы царствования император испытывал кризис окружения (недостаток надежных, способных людей, разделявших его идеи). Значительная часть самых способных государственных деятелей стояла на западнических позициях, а люди, на которых царь мог положиться, не всегда обладали нужными деловыми качествами. Отсюда постоянная

смена министров, которую с легкой руки недоброжелателей приписывали Распутину.

Роль и значение Распутина, степень его влияния на Николая Второго были искусственно раздуты левыми, которые таким образом хотели доказать политическое ничтожество царя. Не соответствовали действительности грязные намеки левой печати о каких-то особых отношениях Распутина и царицы. Привязанность царской четы к Распутину была связана с неизлечимой болезнью их сына Алексея гемофилией — несворачиваемость крови, при которой любая пустяковая ранка могла привести к смерти. Распутин, обладая гипнотическим даром, путем психологического воздействия умел быстро останавливать кровь у наследника, чего не могли сделать лучшие дипломированные доктора. Естественно, любящие родители были благодарны Распутину и старались держать его рядом. К тому же царь видел в Распутине мудрого старца из народа и в чем-то, наверное, идеализировал его. Сегодня уже ясно, что многие скандальные эпизоды, связанные с Распутиным, были сфабрикованы левой печатью с целью дискредитации царя.

Обвиняя царя в жестокости и бессердечии, историки обычно приводили в пример Ходынку, 9 января 1905 года, казни времен первой русской революции. Однако когда начинаешь поднимать подлинные документы тех лет, то убеждаешься, что видеть в Николае Втором виновника Ходынки или 9 января 1905 года столь же «правомерно», как сегодня виновником Чернобыля или тбилисских событий объявлять Горбачева. Документы свидетельствуют, что царь не имел никакого отношения ни к трагедии Ходынки, ни к расстрелу 9 января. Он пришел в ужас, когда узнал об этих бедах. Нерадивые администраторы, по вине которых произошли события, были смещены и наказаны.

Теперь о казнях. Смертные приговоры при Николае Втором производились, как правило, за вооруженное нападение на власть, имевшее трагический исход, то есть за вооруженный бандитизм. Всего по России за 1905–1908 годы по суду (включая военно-полевые) было менее 4 тыс. смертных приговоров преимущественно боевикам-террористам. Для сравнения, скажем, бессудные убийства представителей старого государственного аппарата, священнослужителей и прочих «черносотенцев» только за полгода (с конца 1917-го до середины 1918 года) унесли жизнь десятков тысяч человек. Со второй половины 1918 года счет казням с обеих сторон пошел на сотни тысяч, а впоследствии на миллионы невинных людей.

Алкоголизм и распутство Николая Второго такие же бесстыдные выдумки, как его коварство и жестокость. Все, кто

знал царя лично, отмечают, что он пил вино редко и мало. Его отношения с другими женщинами, кроме жены, ограничивались официальными встречами. Через всю свою жизнь император пронес любовь к одной женщине, которая стала матерью его пятерых детей. С ней он познакомился в юности. Это была Алиса Гессенская, немецкая принцесса, младшая сестра великой княгини Елизаветы Федоровны, жены его дяди Сергея Александровича. Увидев ее однажды, Николай Второй в течение десяти лет помнил о ней. И хотя родители прочили ему в жены французскую принцессу Елену Орлеанскую. Николай Второй сумел отстоять свою любовь и весной 1894 года добиться помолвки с любимой.

Алиса Гессенская, принявшая в России имя Александры Федоровны, стала для императора возлюбленной и другом до конца его дней. Сохранилась их переписка, которая лучше всего отражает чувства, которые владели ими, их семейный мир. Приведем только два письма и напомним, что они были написаны на двадцатом году супружества.

Письмо Александры Федоровны к Николаю Александровичу 30 декабря 1915 года.

> «Мой любимый,
>
> Снова ты уехал один, и я с тяжким сердцем рассталась с тобой! Долго, долго не будет больше ни поцелуев, ни нежных ласк, а мне хочется прижаться к тебе, крепко обнять и дать почувствовать всю силу моей любви. Ведь ты — моя жизнь, мой возлюбленный, и каждая разлука причиняет мне бесконечную душевную боль, потому что ведь это разлука с самым для меня дорогим и святым! Дай Бог, чтобы это было ненадолго. Другие, без сомнения, найдут меня глупой и сентиментальной, но я чувствую слишком глубоко и сильно, и моя любовь к тебе, мой единственный, безмерна. Я знаю все твои душевные заботы, тревоги и мучения, и чем они серьезнее, тем сильнее мне хочется разделить с тобой эту тяжелую ответственность и взять эту ношу на свои плечи. Молишься и вновь молишься с верой, надеждой и терпением — должны же, наконец, наступить хорошие времена, и ты и наша страна будете вознаграждены за все сердечные муки, за всю пролитую кровь! Все, кто были взяты из жизни, горят, как свечи перед троном Всевышнего. И там, где бьются за правое дело, там будет окончательная победа! Так хочется поскорее хороших вестей, чтобы утешить здесь

неспокойные сердца и пристыдить за маловерие!

Нам совсем не удалось спокойно повидаться в этот твой приезд, мы были вдвоем только 3/4 часа в сочельник и вчера 1/2 часа — в постели ведь не приходится говорить, слишком уж поздно всегда, а утром нет времени, — так это посещение и пролетело, тем более что рождественская елка ежедневно отвлекала тебя. Но я все-таки благодарна, что ты приехал, и, не считая нашей личной радости, знаю, что твое дорогое присутствие осчастливило тысячи людей, видевших тебя здесь. Новый год не такой большой праздник, но, однако, встретить его не вместе, впервые за 21 год, грустно. Боюсь, как бы это письмо не показалось ворчливым, но, право, я этого не хотела, — на сердце у меня тяжело, и твое одиночество для меня постоянный источник тревоги. Те, которые менее привыкли к семейной жизни, не так тяжело чувствуют разлуку.

Хотя сейчас сердце и расширено, я пойду проводить тебя, а потом отправлюсь в церковь. Там я почерпну силы и помолюсь за твое благополучное путешествие и победу. Прощай, мой ангел, сердечный друг мой! Завидую своим цветам, которые будут сопровождать тебя! Крепко, крепко прижимаю тебя к груди, целую каждое любимое местечко с нежной, нежной любовью — я вся твоя собственная маленькая Солнышко, для которой ты — все в этом мире. Да благословит тебя Господь Бог, да сохранит он тебя от всякого зла в новом году! Пусть этот год принесет тебе славу, прочный мир и воздаст за все то, чего стоила эта война! Крепко целую тебя в губы и стараюсь забыть все, все, глядя в твои любимые глаза. Положу свою усталую голову на твою дорогую грудь еще раз в это утро и постараюсь найти спокойствие и силу для разлуки.

Прощай, мой единственный, любимый, солнышко мое, муженек мой, мой собственный!

Навсегда, до смерти, твоя жена и друг Солнышко».

Ответ Николая Александровича Александре Федоровне 31 декабря 1915 года.

«Моя возлюбленная,

От всего сердца благодарю тебя за твое милое письмо… которое я нашел сюрпризом, когда ложился

спать! Самое горячее спасибо за всю твою любовь и ласки за эти шесть дней, что мы провели вместе. Если б только ты знала, как это поддерживает меня и как вознаграждает меня за мою работу, ответственность, тревоги и пр.!.. Право, не знаю, как бы я выдержал все это, если бы Богу не было угодно дать мне тебя в жены и друзья!

Я всерьез говорю это. Иногда трудно бывает выговорить такую правду, и мне легче изложить это на бумаге — по глупой застенчивости. <…>

Молитвы наши встретятся в эту ночь — молебен состоится в церкви в 11.45.

Благослови Бог тебя, моя душка, и дорогих детей!

Навеки, мое дорогое Солнышко, твой старый муженек Ники».

В этом коротком очерке мы не собираемся давать оценку царствования Николая Второго. Хотя без рассмотрения некоторых итогов его государственной деятельности обойтись нельзя. Личность любого государственного деятеля раскрывается в его замыслах и делах. Николаю Второму принадлежит идея всеобщего и полного разоружения. Только один этот исторический почин дает ему право на бессмертие.

Мысль об этом зародилась у Николая II, по-видимому, в марте 1898 г. Весной этого же года министр иностранных дел подготавливает записку, а к лету Обращение ко всем странам мира. В нем, в частности, говорилось:

«По мере того как растут вооружения каждого государства, они менее и менее отвечают предпоставленной правительствами цели. Нарушения экономического строя вызываемые в значительной степени чрезмерностью вооружений, и постоянная опасность, которая заключается в огромном накоплении боевых средств, обращают вооруженный мир наших дней в подавляющее бремя, которое народы выносят все с большим трудом. Очевидным поэтому представляется, что если бы такое положение продолжилось, оно роковым образом привело бы к тому именно бедствию, которого стремятся избегнуть и перед ужасами которого заранее содрогается мысль человека.

Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства, предупредить угрожающие всему миру несчастия — таков высший долг для всех

государств.

Преисполненный этим чувством Император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при высочайшем дворе, с предложением о созвании конференции в видах обсуждения этой важной задачи.

С Божьей помощью, конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века. Она сплотила бы в одно могучее целое усилия всех государств, искренне стремящихся к тому, чтобы великая идея всеобщего мира восторжествовала над областью смуты и раздора. В то же время она скрепила бы их согласие совместным признанием начал права и справедливости, на которых зиждется безопасность государств и преуспеяние народов».

До чего актуально звучат эти слова и сегодня, а ведь написаны они были почти сто лет назад. Для организации всеобщей мирной конференции Россией была проведена огромная работа. Однако политическое мышление большинства государственных деятелей стран, участвовавших в мирной конференции, было связано с доктриной неизбежности войн и военного противостояния. Главные предложения Николая Второго приняты не были, хотя по отдельным вопросам был достигнут определенный прогресс — запрещено использование наиболее варварских методов войны и учрежден постоянный суд для мирного разрешения споров путем посредничества и третейского разбирательства. Последнее учреждение стало прообразом Лиги Наций и Организации Объединенных Наций.

Для многих государственных деятелей идея создания подобной международной организации казалась глупостью. Коронованный собрат царя Николая Второго Вильгельм Второй писал по поводу создания этой организации:

«Чтобы он (Николай II. — О. П.) не оскандалился перед Европой, я соглашаюсь на эту глупость. Но в своей практике я и впредь буду полагаться и рассчитывать только на Бога и на свой острый меч».

Время царствования Николая II является периодом самых высоких в истории России и СССР темпов экономического роста. За 1880–1910-е годы темпы роста продукции российской промышленности превышали 9 процентов в год. По ним и по темпам роста производительности труда Россия вышла на первое место в мире, опередив стремительно развивающиеся

Соединенные Штаты. По производству главнейших сельскохозяйственных культур она тоже вышла на первое место, выращивая больше половины мирового производства ржи, больше четверти пшеницы и овса, около двух пятых ячменя, около четверти картофеля. Россия стала главным экспортером сельскохозяйственной продукции, первой «житницей Европы», на которую приходилось две пятых всего мирового экспорта крестьянской продукции. Быстрое развитие уровня промышленного и сельскохозяйственного производства вкупе с положительным торговым балансом позволило в течение царствования Николая Второго иметь устойчивую золотую конвертируемую валюту, о которой сегодня мы можем только мечтать, глядя на золотые николаевские десятирублевки. Экономическая политика правительства строилась на началах создания режима наибольшего благоприятствования всем здоровым хозяйственным силам путем льготного налогообложения и кредитования, содействия организации всероссийских промышленных ярмарок, всемерного развития средств сообщения и связи.

…Когда в 1914–1917 гг. царь организует оборону страны от смертельного врага, разрушительные элементы призывают к поражению России в этой войне. Интересна очень глубокая оценка событий, происходивших накануне его гибели, данная Уинстоном Черчиллем в его книге «Мировой кризис 1916–1918»:

> «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду. Она уже перетерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились; снарядный голод побежден; вооружение протекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией и Колчак — флотом. Кроме того, никаких трудных действий больше не требовалось: оставаться на посту; тяжелым грузом давить на широко растянувшиеся германские линии; удерживать, не проявляя особой активности, слабеющие силы противника на своем фронте; иными словами — держаться; вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы.
>
> …В марте царь был на престоле; Российская

империя и русская армия держались, фронт был обеспечен, и победа бесспорна.

…Согласно поверхностной моде нашего времени, царский строй принято трактовать, как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которые она оказалась способна.

…В управлении государствами, когда творятся великие события, вождь нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и прославляется за успехи. Дело не в том, кто проделывал работу, кто начертывал план борьбы; порицание или хвала за исход довлеют тому, на ком авторитет верховной ответственности. Почему отказывать Николаю II в этом суровом испытании?.. Бремя последних решений лежало на Нем. На вершине, где события превосходят разумение человека, где все неисповедимо, давать ответы приходилось Ему. Стрелкою компаса был Он. Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Идти вправо или влево? Согласиться на демократизацию или держаться твердо? Уйти или устоять? Вот — поля сражений Николая II. Почему не воздать Ему за это честь? Самоотверженный порыв русских армий, спасший Париж в 1914 году; преодоление мучительного бесснарядного отступления; медленное восстановление сил; брусиловские победы; вступление России в кампанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо; разве во всем этом не было Его доли? Несмотря на ошибки большие и страшные, — тот строй, который в нем воплощался, которым Он руководил, которому Своими личными свойствами Он придавал жизненную искру, — к этому моменту выиграл войну для России.

Вот его сейчас сразят. Вмешивается темная рука, сначала облеченная безумием. Царь сходит со сцены. Его и всех Его любящих предают на страдание и смерть. Его усилия преуменьшают; Его действия осуждают; Его память порочат… Остановитесь и скажите: а кто же другой оказался пригодным? В людях талантливых и смелых; людях честолюбивых и гордых духом; отважных

и властных — недостатка не было. Но никто не сумел ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России. Держа победу уже в руках, она пала на землю заживо, как древле Ирод, пожираемая червями».

…Николай Второй не был хорошим политиком в нынешнем смысле этого слова, то есть он не был политиканом и политическим честолюбцем, готовым идти на любые комбинации и сделки с совестью для удержания власти. Император был человек совести и души (в этом многократно убеждаешься, читая его переписку и дневники). Те моральные установки, которыми он руководствовался в своей деятельности, делали его беззащитным перед интригами, которые плелись в его окружении. Многие из его окружения преследовали собственные интересы, надеялись получить определенные выгоды, торговались с противниками царя о цене предательства. Вокруг царя все сильнее и сильнее сжимался круг предательства и измены, который превратился в своего рода капкан ко второму марту 1917 года. Давайте прочитаем некоторые записи в дневнике императора, чтобы понять те чувства, которые владели им накануне отречения.

«27 февраля. Понедельник.

В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко, и получать отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада. Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Царское Село поскорее и в час ночи перебрался в поезд.

28 февраля. Вторник.

Лег спать в 3 1/4, т. к. долго говорил с Н. И. Ивановым, которого посылаю в Петроград с войсками водворить порядок. Спал до 10 часов. Ушли из Могилева в 5 час. утра. Погода была морозная, солнечная. Днем проехали Вязьму, Ржев, а Лихославль в 9 час.

1 марта. Среда.

Ночью повернули с М. Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановился на ночь. Видел Рузского… Гатчина и Луга тоже оказались занятыми! Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли

и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам Господь!

2-го марта. Четверг.

Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т. к. с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 1/2 час. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыл Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого.

Кругом измена и трусость и обман!»

С подписанием отречения ставилась точка в трагедии жизни императора Николая Второго и начался отсчет времени в трагедии его смерти.

Откуда взялись цареубийцы

Для многих поколений русских людей, и прежде всего крестьян, вплоть до начала XX века понятие царь выражало идею родины, отечества, национального единства. В народном сознании царь именуется не иначе, как батюшка, отец. И не в административном смысле рабского подчинения, а в смысле высшего духовного авторитета. Многие века народное сознание рассматривает царя как связующее звено между Богом и Отечеством. Лозунг «За Бога, Царя и Отечество» выражал ядро русской национальной идеи.

Хотя я не решился бы сказать, что такое понимание царя было присуще только русским. Аналогичное отношение к монарху мы видим и в ряде других стран. Прежде всего в Великобритании… Для англичан король или королева символ незыблемости национальных устоев, порядка и стабильности. Сегодняшнего среднего англичанина монархистом вряд ли назовешь, но он с большой симпатией относится к самому

королю — хранителю общенациональных традиций и обычаев. Впрочем, мы отвлеклись.

Посягнуть на царя в понятии русского крестьянина — посягнуть на родного отца и даже хуже. Человек, осмелившийся поднять руку на царя, в сознании народа злодей. Как в свое время отмечал русский историк академик В. П. Безобразов после убийства 1 марта 1881 года царя Александра II, народ, даже неграмотный, стал обращать на «нигилистов» серьезное внимание, которого прежде их не удостаивал. После этого убийства крестьяне стали озираться по сторонам, подозревая каждого неизвестного приезжего, чтобы как-нибудь не пропустить «злодеев». «Народная воля» кончилась после этого убийства, потому что крестьяне поняли, что она посягает на их святыни. «Народовольцев», «шедших в народ», крестьяне пачками вязали, как снопы, и сдавали в полицию.

Идея убийства царя родилась не в народной среде, а в среде нигилистов, то есть интеллигенции, лишенной национального сознания. «Нигилизм» XIX века — это патологическое презрение к культуре и истории России, к ее святыням и символам, отсутствие чувства духовного родства с ней и исторических корней. Царь, как выразитель национальной идеи, был для таких людей врагом номер один.

Неудавшиеся аптекари, ювелиры, цирюльники, мелкие коммерсанты, неудавшиеся гимназисты и студенты окунулись в политическую жизнь России с единственным желанием перекроить ее на свой лад, разрушить до основания, а потом… Впрочем, что будет потом, они сами точно не знали, но твердо верили в необходимость создания организации, по крайней мере, мирового, а может быть, космического масштаба, руководить которой будут именно они. И вот сидел в бакалейной лавке мальчик «интеллигентного вида», в пенсне и возмущался всем в окружающей действительности — множеством церквей, стоящих на улицах, соборов, «давящим» его на многолюдных площадях, величественными дворцами вельмож, особнячками купцов и почетных граждан. Эх, думал он, отвешивая два фунта сахара, была бы моя власть, я бы это уничтожил, а на их месте построил стеклянные небоскребы. И много-много раз его кулачки сжимались от ненависти ко всему окружающему. А сколько таких мальчиков «развернулись» в годы революции, признавая за собой право убивать и громить. Считалось возможным применять к врагу любые самые жесткие уголовные методы, а врагом была вся национальная Россия. Для такой борьбы широко привлекались деклассированные и просто уголовные элементы или, как еще их называли, социально близкие.

Значительная часть российского образованного общества с явной симпатией относится к деклассированным уголовным элементам, выходящим с топором на дорогу. Как здесь не вспомнить романтизацию явно бандитских движений Степана Разина и Емельяна Пугачева.

Решить дело радикально, одним ударом топора, облагодетельствовать человечество, вопреки его желаниям, любой ценой — мечта леворадикальной части русской интеллигенции, по крайней мере, с Радищева.

> «…Я начинаю любить человечество по-маратовски, чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную», —

заявляет В. Белинский в 1841 году, а в другом месте декларирует:

> «Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью».

Или вот еще заявление Огарева:

> «Есть к массам у меня любовь и в сердце злоба Робеспьера. Я гильотину ввел бы вновь, вот исправительная мера!»

«Программа революционных действий» П. Н. Ткачева и С. Г. Нечаева прокламировала физическое уничтожение «гнезда власти», установление диктатуры и истребление всех несогласных с ней. Созданная С. Нечаевым подпольная организация «Народная расправа» начала свою деятельность с убийства одного своего члена, отказавшегося подчиняться диктату Нечаева. В первом номере печатного органа «Народной расправы» Нечаев перечисляет окружение царя, которое по завершению восстания подлежит физическому уничтожению.

Александр Федорович Керенский, будущий глава революционного правительства России, еще в 1905 году вынашивал мысль убийства царя, который, по его мнению, «узурпировал верховную власть и вел страну к гибели». И даже был готов принять в этом личное участие. Так думал не только леворадикал Керенский, но и многие в либеральной среде. В 1915 году, рассказывает в своих воспоминаниях тот же А. Ф. Керенский, выступая на тайном собрании представителей либерального и умеренного консервативного большинства в Думе и Государственном совете, обсуждавшем политику, проводимую

царем, в высшей степени консервативный либерал В. А. Маклаков сказал, что предотвратить катастрофу и спасти Россию можно, лишь повторив события 11 марта 1801 года (убийство Павла I). Керенский рассуждает о том, что различие во взглядах между ним и Маклаковым сводилось лишь ко времени, ибо сам Керенский пришел к выводу «необходимости» убийства царя на десять лет раньше.

> «И кроме того, — продолжает Керенский, — Маклаков и его единомышленники хотели бы, чтобы за них это сделали другие. Я же полагал, что, приняв идею, должно принять на себя и всю ответственность за нее, самолично пойдя на ее выполнение».

Революция в черных перчатках

В начале XX века в среде российских социал-демократов идет непрекращающийся спор о методах и средствах борьбы за социалистические идеалы. Часть социал-демократов считала, что общество всеобщей справедливости и счастья можно построить только чистыми руками, благородными средствами. Но эти люди оказались в меньшинстве. Победило мнение, что «по отношению к врагу (а врагами были все несогласные с социал-демократами. — О. П.) все средства хороши и его мнение о нас было для нас безразличным». Членов Екатеринбургской организации РСДРП, возражающих против кровавых методов ведения революционной борьбы, Я. Свердлов осенью 1905 г. учил, что «революцию в белых перчатках не делают», «революции не может быть без крови, без выстрелов», «кто думает иначе, тому с нами не по пути». Конечно, такие представления могли возникнуть только у людей духовно чужих народу древней страны, для которых кровь людская просто водица. Общество в понятии «революционеров» разделялось на «наших» и «не наших». К последним относились все, кто отказывался принимать как истину в последней инстанции лозунги и призывы «революционеров». В социал-демократической среде считалось, что каждый, вступивший на путь «революции», получал своего рода индульгенцию, отпущение грехов, как человек, «творивший великое дело на общее благо». Естественные человеческие чувства — милосердие, сострадание, жалость, доброта, — по мнению таких революционеров, удел обывателей, по отношению к врагам проявление этих чувств — преступная слабость. Такая идеология способствовала притоку в революционную среду людей

с жестокими наклонностями. Убить человека просто так — позорно и опасно, убить по политическим мотивам — почетно и даже выгодно. П. З. Ермаков по заданию партии еще в 1907 году убил полицейского агента, но не просто убил, а отрезал ему голову. Революционер Илюша Глухарь, также специализировавшийся на истреблении полицейских агентов, убивал их обязательно одним методом: пулей в лоб — между глаз. Другой революционер И. Смирнов, которого выдала жена, после революции собственноручно расстрелял ее.

Уральский социал-демократ Николай Алексеевич Чердынцев просидел несколько лет в екатеринбургской тюрьме. В своем дневнике описывает «революционную атмосферу», в частности встречи со Свердловым в 1908–1909 гг. Одна из неприятных сторон тюремной жизни — крысы… Социал-демократы в камере для борьбы с ними создали дружину, которую возглавлял Яков Михайлович Свердлов. Конечно, рассуждает Чердынцев, с крысами надо бороться, но зачем с «бессмысленной жестокостью мучить крыс и наслаждаться этим». Дружинники хватали крыс, кидали их в парашу, чтобы они там утонули, сапогами отталкивали крыс от краев, не давая им вылезти, и при этом от души смеялись. Другим развлечением дружинников было повешение крыс.

В тюрьме процветала групповщина. Верховодами были Свердлов и Теодорович, которые поддерживали только своих, пусть они даже совершали подлость. Чердынцев отмечает, что поведение этих людей определялось не социалистическими идеалами, а жаждой власти, жаждой доминировать в революционном движении.

> «На воле… (эти)… товарищи держат себя так же, как сейчас в тюрьме… Теодорович хулиган форменный, хотя и был членом ЦК РСДРП. По такому типу можно определенно судить, могла ли существовать эта партия в качестве политической силы. „Раз не по-моему, плюю на все и вся. А хорошо ли я делаю, это тоже никого не касается“ — вот правило, которым он руководствуется».

Свердлов не гнушается вступать в дружеские отношения с отпетыми уголовниками. Шепчется с ними. О чем-то договаривается. Чердынцева коробят товарищеские контакты Свердлова с одним уголовником-евреем, который не стеснялся рассказывать, как он надувал русских крестьян.

В тюрьме Свердлов ведет себя как власть имущий, через него другие заключенные могут получать деньги и передачи. Люди Свердлова на воле держат с ним постоянную связь. По отношению

к товарищам Свердлов держит себя диктаторски.

> «Вся эта манера, — заключает Чердынцев свои рассуждения о Свердлове и Теодоровиче, — изображать из себя что-то важное, имеющее силу и волю везде, могущее карать и миловать, я считаю за признак низости ума и сердца и потому так третирую всех этих людишек».

Мафия

Работая в уральских архивах, я просмотрел десятки дел лиц, так или иначе причастных к убийству царской семьи, и вскоре нащупал важную закономерность. Все организаторы и ключевые исполнители убийств были боевиками Боевой организации РСДРП, возникшей на Урале в конце 1905 — начала 1906 года, под руководством Я. М. Свердлова. Я стал просматривать материалы, относящиеся к этой организации, и убедился, что это была всеохватывающая тайная организация.

Да, у Свердлова были все основания изображать из себя персону, имеющую силу и волю везде, могущую карать и миловать, ибо он, говоря современным языком, руководил тайной организацией в буквальном смысле мафиозного типа, уральским кустом Боевой организации РСДРП.

Формально уральский куст подчинялся Боевому центру при ЦК партии, который возглавляли Лурье Моисей (кличка «Михаил Иванович»), Шкляев («Лазарь»), Э. С. Кадомцев («Петр-Павел»), Урисон («Виктор»), а позднее Миней Губельман («Ем. Ярославский»). Но в своей «епархии» Свердлов был царь и бог.

Как в классической мафии, были созданы несколько уровней, посвящение в тайную организацию. Полной информацией обладал только тот, кто находился на верху пирамиды. Он согласовывал свои действия с Боевым центром. На уровень ниже сидело тайное оперативное руководство и инструкторы боевой организации, на следующем, тоже тайном уровне — исполнители различных грязных дел, они получали задания с предыдущего уровня и следовали точным инструкциям; в самом низу «массовка», рядовые члены, которые могут быть привлечены к работе, но ничего не знали о характере деятельности высших уровней посвящения.

На практике это было организовано так. При каждом уральском комитете РСДРП создавались три дружины. Одна известная всем, куда привлекались рабочие, и две тайных. Они

так и разбивались на первую, вторую и третью.

Собственно, «боевая» работа велась второй дружиной, в состав которой входили так называемые «десятки» (отряды), укомплектованные молодыми людьми, не нашедшими себе другого дела в жизни и ставшие боевиками.

Каждый «десяток» имел свое специальное назначение: отряд разведчиков, отряд саперов (закладывать мины), отряд бомбистов (кидать бомбы), отряд стрелков; при второй дружине состоял отряд мальчиков-разведчиков (кстати, будущий представитель Уралсовета, небезызвестный Белобородов, начинал в этом отряде) и распространители партийной литературы, а также мастерские бомб и другие подобные предприятия. Боевики второй дружины работали в подпольных типографиях, подделывали печати. Во главе каждого отряда («десятки») стоял десятский. Отряды в свою очередь разбивались на «пятки».

Что же делали боевики? Во-первых, совершали политические убийства полицейских, представителей власти, «черносотенцев», то есть всех неугодных партии лиц. Кинуть бомбу в квартиру, где за семейным столом сидел неугодный человек, было в порядке вещей. Некоторые боевики специализировались на убийствах полицейских и их агентов. Полицейских убивали на постах, устраивали засады в их квартирах. Делали фиктивные доносы и убивали пришедших на обыск полицейских. Во время таких террористических актов гибло немало случайных людей, родственников и близких.

Особой стороной деятельности боевиков были грабежи или, как их называли «эксы», экспроприации. Грабили кассы, конторы, нападали на транспорты с деньгами. Бомб и патронов не жалели, случайные люди гибли десятками.

Боевики тщательно готовились к каждому убийству и грабежу — собирали сведения, чертили планы, готовили ключи, оружие, тщательно продумывали все организационные детали.

Занимались боевики и рэкетом, то есть обкладывали богачей данью под угрозой смерти. Кроме того, они осуществляли охрану партийных мероприятий и партийных лидеров.

Каждый боевик должен был руководить хотя бы одним «эксом», уметь управлять лошадью, паровозом, а позднее и автомашиной, владеть огнестрельным и холодным оружием, знать анатомию человека, чтобы без шума при помощи холодного оружия убить врага, обладать ловкостью и проворством, а также уметь гримироваться. Боевиков постоянно тренировали, учили владеть оружием. От каждого — требовали регулярных упражнений в стрельбе из револьвера во всех возможных положениях тела, фехтовании и др.

Над молодыми боевиками устраивали провокационные испытания. Так, например, переодетые в полицейскую форму «друзья» схватывали своего «воспитуемого» и производили допрос с применением физических методов. Если испытуемый не выдерживал, его удаляли.

Вот только несколько эпизодов из жизни одного из известных уральских боевиков — Константина Алексеевича Мячина (он же Яковлев, он же Стоянович): в 1905 году кидал бомбы в казаков; в 1906 году — подготовка к взрыву казарм, метание бомбы в квартиру руководителя черносотенцев; в 1907 году — бросание бомбы в помещение полиции, захват оружия, захват динамита, ограбление почтового поезда с деньгами (взято 25 тыс. рублей), ограбление самарских артельщиков (взято 200 тыс. рублей); в 1908 году — нападение на уфимское казначейство, первое миасское ограбление (взято 40 тыс. рублей), убийство палача Уварова, второе миасское ограбление (взято 95 тыс. рублей). «Убито и ранено со стороны противника, — самодовольно отмечает Мячин, — только при втором миасском ограблении — 18 человек». Свою жизнь боевик Мячин закономерно закончил как руководитель группы лагерей сталинского ГУЛ А Га.

А вот пример деятельности екатеринбургской организации. В августе 1907 года четверо екатеринбургских боевиков, среди которых был П. З. Ермаков, совершают вооруженное ограбление транспорта с деньгами, которые везли кассир и шесть стражников. Грабители были в черных масках. Рассказывает сам Ермаков: «Разделились на две группы. Прождали целую ночь, деньги повезли только утром… Начали беспорядочную пальбу по сопровождающим — ранили четырех человек, убили двух лошадей… денег взяли 12,4 тыс. рублей, спрятали их и на четвертый день передали в областной комитет партии».

Вторые большевистские дружины работают в прямой связи с «лесными братьями», возглавляемыми Лбовым. Эти беспартийные грабители также занимались политическими убийствами и грабежами, творили самосуд, а деньги («получаемые») частично тратили на себя, а частично посылали в комитеты разных партий, в том числе большевикам. Кстати, из числа «лесных братьев» вышли несколько участников убийства царской семьи. Одной из связных между боевиками и лбовскими «лесными братьями» была жена руководителя боевиков во всероссийском масштабе Минея Губельмана — К. И. Кирсанова. Прямую связь с Лбовым поддерживал Свердлов. Боевики РСДРП и «лесные братья» проводят ряд совместных операций.

Дороги «лесных братьев» обагрены кровью. Чтобы понять их методы, приведем несколько примеров.

Летом 1907 г. 12 вооруженных «лесных братьев» напали на пассажирский пароход «Анна Степановна Любимова», принудили поставить его на якорь, выстрелами убили матроса, полицейского, военнослужащего, смертельно ранили пассажира, тяжело ранили капитана парохода и легко двух пассажиров. Похитили — 30 тыс. с небольшим рублей и два револьвера.

В этом же году «лесные братья» убили на глазах у рабочих директора Надеждинского завода Прахова и главного инженера за то, что в результате проведенной ими реконструкции завода часть рабочих пришлось сократить. «Лесные братья» занимались рэкетом богачей, а тех, кто отказывался платить, убивали. Так был убит подрядчик Русских.

Уместно напомнить персональный состав некоторых боевых дружин в 1905 1907 гг. Екатеринбургскую дружину, состоявшую примерно из 50 человек, возглавлял Ф. Ф. Сыромолотов (один из главных организаторов екатеринбургского злодеяния). В нее входили, в частности, П. З. Ермаков, Я. Х. Юровский (исполнители убийства). Тесно с ней были связаны Сосновский Л. С. и Чуцкаев С. Е. (будущие руководители Урал и горсовета). Боевую дружину в Перми и на Мотовилихе возглавлял А. Л. Борчанинов (будущий руководитель Пермского губчека). В нее входили и будущие непосредственные участники убийства великого князя Михаила — Марков и Мясников. В шайке «лесных братьев» числились два других убийцы Михаила Романова — Иванченко и Жужгов. Белобородов А. Г. был связан с боевиками на Надеждинском заводе, а позднее работал с Иванченко на Лысьвенском заводе. В Алапаевской боевой дружине состояли, в частности, организаторы и непосредственные участники убийства великих князей Е. А. Соловьев и В. Д. Перовский. У Свердлова со многими боевиками были тесные контакты. Так, приезжая в Екатеринбург, он останавливался у Юровского, в Пермь и Мотовилиху — у Иванченко, в Алапаевск и Синячиху — у Соловьева и Перовского.

Над вторыми дружинами боевиков РСДРП стояли первые дружины (члены се обладали высшей степенью посвящения в тайны организации), состоявшие из выборной и кооптированной частей (куда руководитель — диктатор мог ввести кого угодно по своему усмотрению). Выборных входило по одному члену из каждого отряда второй дружины плюс командующий всей боевой организацией «тысяцкий», избиравшийся представителями 1-й и 2-й дружин совместно. В выборную часть 1-й дружины также входил постоянный представитель партийного комитета. Кооптированная часть первой дружины состояла из разных военных специалистов — инструктор, заведующий мастерскими

бомб, заведующий оружием, разведкой, казначей, секретарь. Выборная часть первой дружины образовывала совет боевой организации, кооптированная — ее штаб. Штаб разрабатывал устав, инструкции, стратегию и тактику «боевых» действий, руководил обучением и вооружением.

За второй шла третья дружина, в состав которой входили «партийцы-массовики», члены парткомитета («комитетчики»), а также примыкающие к партии рабочие. 3-я дружина была школой военного обучения. Обучением занимались боевики второй дружины, каждый из которых был обязан подготовить пяток из 3-й дружины.

Как отмечалось самими боевиками, «такой структурой достигалась конспиративность и гибкость массовой военной организации, тысяцкий знал только десятских, десятские — только своих пяточников. Благодаря этому в течение 4-х лет уральские боевые организации не знали ни одного случая провала».

Подготовка и прием боевиков в первую и вторую дружины был обставлен чрезвычайно строго. За поступающего в них боевика ручались 2 старых члена организации. Поручители отвечали за своего «крестника» головой. В случае каких-либо серьезных отступлений от устава приговор совета приводился в исполнение над «крестником» его поручителями. В случае крайней опасности устав рекомендовал живым не сдаваться. Конспирация охватывала все стороны жизни. С недоверием смотрели даже на того боевика, который проходил обучение в третьей дружине. На случай, если кто-то из руководителей будет убит или попадет в тюрьму, имели двух заместителей сотского, десятского, питомника.

Боевики были хорошо вооружены. Получали оружие из Финляндии и Бельгии. Так боевик П. З. Ермакова в 1907 году один имел маузер, 4 браунинга, военный наган с 6 сменными барабанами. У боевиков были свои мастерские по изготовлению бомб, взрывчатые вещества всегда были в запасе.

Куда же расходовали средства, добытые грабежом и убийством людей? Деньги, пишут бывшие боевики, передавались парторганам для издания газет, содержания боевых школ, для отсылки в центральные учреждения партии. В течение 1906–1907 гг. было отослано в областной комитет около 40 тыс. рублей, в ЦК партии (передано через А. И. Саммера) около 60 тыс. рублей.

На эти деньги областной комитет на Урале издавал целых три газеты: «Солдат», «Пролетарий» и газету на татарском языке. Деньги поступали также на поездку делегатов на лондонский

съезд, на содержание школы боевых инструкторов в Киеве, школы бомбистов во Львове, а также на держание границ (Финляндия и Западная Россия) для провоза литературы и провоза боевиков, членов партии за границу.

Но деньги не были главным результатом тайных операций боевиков РСДРП и «лесных братьев». Главное было в том, что в процессе их проведения выковывались кадры людей, готовых выполнить любые приказы, способные убить человека так же спокойно, «как съесть тарелку щей». Сплоченные твердой дисциплиной, связанные кровью жертв, через которые они переступили, подчиненные одной воле, строго законспирированные, умевшие делать свою работу молча, боевики представляли собой силу с огромным потенциалом зла и разрушения. Нужны были условия для реализации этого потенциала. Они наступили в феврале 1917 года. Но и в условиях массовых арестов и провалов боевые организации продолжали существовать, только уходили в глубокое подполье. Сам Свердлов неоднократно сидел в тюрьмах и ссылках, откуда бежал при помощи своих боевиков. Все факты говорят о том, что организация даже расширялась. В нарымской ссылке Свердлов близко сошелся с Шаем Исааковичем Голощекиным, который стал его личным другом, а позднее представителем на Урале — ключевой фигурой, через которую шла вся организационная работа по убийству царской фамилии. Приезжая в Москву, Голощекин останавливался у Свердлова.

Екатеринбургская трагедия

В начале XX века город Екатеринбург, несмотря на свой уездный статус, в составе Пермской губернии принадлежал к лучшим и красивейшим городам России и по справедливости назывался «столицей Урала» (да и населения здесь было раза в два больше, чем в губернском центре).

К марту — апрелю 1918 года в Екатеринбурге устанавливается абсолютная диктатура Урал совета и ЧК. Жесточайшим образом подавляется любое противодействие большевикам. Не прекращаются аресты, расстрелы и конфискации. В один из апрельских дней инженеру Ипатьеву, владельцу маленького особняка на Вознесенском проспекте, предлагают его освободить, оставив самую необходимую мебель, а прочие вещи перенести в кладовые. В короткий срок дом обносится двойным забором с будками для часовых. В таком виде он получает название Дом особого назначения.

Утром 30 апреля 1918 года сюда под строгим конвоем привозят трех человек. В этот же день из Екатеринбурга в Москву уходит телеграмма:

> «ВЦИК Свердлову пред Совнаркома Ленину Тридцатого апреля 11 часов я принял от комиссара Яковлева бывшего царя Николая Романова бывшую царицу Александру и дочь их Марию точка Все они помещены в особняк запятая охраняемый караулом точка Белобородов».

23 мая в особняк под конвоем привозят еще четверых — мальчика и трех девушек. Царская семья собирается вместе. Отсюда они уже не выйдут. Здесь им предстоит провести пятьдесят три дня полной изоляции от окружающего мира, в атмосфере грубых издевательств, с чувством безнадежности своего положения.

Нет, их не морили голодом, питание им приносили регулярно из столовой, постели у них тоже были. Но режим был установлен тюремный. Двери в комнаты не закрывались, в любой момент входила охрана. Прогулки во дворе были очень короткими. Охрана постоянно крала мелкие вещи. Когда княжны шли в уборную, охранники наблюдали за ними, на стенах писали разные нецензурные выражения, забирались на заборы перед царскими окнами и горланили неприличные песни. Запрещалось смотреть в окно. Однажды одна из дочерей царя, забыв об этом, стала выглядывать в окно, и сразу раздались выстрелы.

В мае 1918 года в Сысерти проводится подбор людей для охраны Дома особого назначения. Уже девятого мая их размещают напротив, в доме караульной команды. До этого охрану составляли рабочие Злоказовского завода. Теперь команду вооружили винтовками, ручными гранатами и четырьмя пулеметами. Пулеметы были установлены: один — на вышке дома Ипатьева, ствол направлен на Вознесенскую площадь; второй — на колокольне Вознесенской церкви, также стволом на площадь; третий — на верхней террасе дома, стволом к переулку; четвертый — в нижнем этаже дома, стволом в сад, где совершались прогулки семьи. Караульные будки были снабжены телефонами.

Состав президиума Уралсовета на середину 1918 года был таков: Белобородое, Голощекин, Сафаров, Войков, Хатимский, Чуцкаев, Краснов, Поляков, Юровский, Сыромолотов, Тунетул, Сакович, Анучин, Уфимцев, Дидковский.

Состав руководства ЧК на июль 1918 года: председатель Лукоянов-Маратов, зампред Юровский и Сахаров, члены

коллегии: Горин, Радзинский, Кайгородов, казначей Никулин, начальник отряда палачей Шиндер, секретарь Яворский.

На прогулку выводили в сад два раза: в 10 часов и днем, в 4 часа, — на полчаса каждый раз. Редко на прогулку выходили домочадцы Романовых — Боткин, Демидова, Харитонов и Трупп, иногда государыня, да и то ненадолго. Высокая, стройная, всегда серьезная, гордая и молчаливая, она шла, придерживая сбоку свое длинное темное платье.

Император носил полковничью форму, с кокардой на фуражке. Движения его были быстры и порывисты. Царевич был болен и не мог ходить — его черные глаза были всегда невеселы. Выносил его на прогулку отец. Караульный Стрекотин оставил описание этих прогулок:

> «(Он)… осторожно поднимал его, прижимал к своей широкой груди, а тот крепко обхватит руками короткую толстую шею отца… Так царь вынесет его из дома, усадит в специальную коляску, потом катает его по аллеям. Остановится, наберет камешков, сорвет для него цветов или веточек с деревьев — даст ему, а тот как ребенок кидается ими в кусты. В саду для них были гамаки, но ими пользовались только четыре царские дочери. Две из них блондинки с серыми глазами, среднего роста и очень похожие одна на другую. Они были всегда вместе, и обе, казалось, были всегда веселыми и разговорчивыми. Вторые две барышни не похожи одна на другую. Одна из них Татьяна, полная, на вид здоровая, красивая брюнетка. Вторая, то есть старшая из всех, Ольга, выше среднего роста, худощавая, бледнолицая на вид — болезненная, она также мало гуляла в саду и ни с одной из своих сестер не общалась, находилась больше около брата.
>
> Дочери очень скучали, говорили, что им в Тобольске было веселее. Пытались даже разговаривать с охраной. „Отгадайте, как зовут эту собаку?“ (Они всегда гуляли с собачками.) Но в ответ сталкивались с грубостью и прямым хамством.
>
> По праздникам в доме устраивались богослужения, тогда царская семья пела в хоре. И в обычное время княжны иногда пели духовные песнопения. „Херувимскую песнь“, а однажды по дошедшему свидетельству, — грустную светскую, на мотив песни „Умер бедняга в больнице военной“».

В начале июля 1918 года комиссар Шая Исаакович

Голощекин уезжает в Москву, где живет на квартире у Свердлова. В это время назначается конкретный срок убийства царской семьи, ибо уже 4 июля первый комендант дома Ипатьева Авдеев под предлогом злоупотреблений смещается и заменяется Янкелем Юровским (его заместителем назначается Никулин). Начинается организованная подготовка к убийству. Прежде всего Юровский сменяет значительную часть караула, во внутреннюю охрану вводятся иностранцы (из числа военнопленных их всех тогда называли «латышами»). Членам караула запрещается разговаривать с узниками под страхом расстрела. Из посторонних лиц дом посещают только Голощекин и Сафаров.

С караулом проводятся специальные занятия, целенаправленно внушается чувство ненависти к царю, подготавливают его к мысли завладеть имуществом царя. Занятия проводил сам Юровский.

Среди новых охранников внутреннего караула был и Нетребин Виктор Никифорович, восемнадцатилетний парень, написавший в середине 20-х годов воспоминания. Примерно за две недели до расстрела «я и еще несколько товарищей, — вспоминал он, — был взят с (военных) занятий тов. Юровским. Вскоре нам было объяснено, что мы взяты для охраны во внутреннем карауле б/царя и что, возможно, нам придется выполнить казнь б/царя и что мы должны держать строго в тайне все, могущее совершиться в доме заключения б/царя».

Внутренний караул состоял из нескольких смен по 5 человек. Та смена, в которой служил Нетребин, включала двух «латышей». Комната Юровского размещалась на одном этаже с узниками, в ней находилось множество бомб (гранат).

Юровский готовится к убийству тщательно. Одиннадцатого июля он вместе с Ермаковым бродит возле деревни Коптяки, в районе Ганиной Ямы, подыскивая место для тайного захоронения. 15 июля Юровского встречают в этих местах еще один раз. П. Л. Войков подготавливает серную кислоту, керосин, спирт, сукно для заворачивания трупов, привлекается «специалист» по сжиганию — некто Павлушин. На окнах устанавливаются решетки.

Еще 4 июля Юровский переписывает все царские драгоценности и оставляет их на столе в опечатанном ящике, предупреждая царскую семью, что будет приходить и проверять ежедневно.

Конечно, работа ведется не одним Юровским. Для подготовки убийства создается специальная комиссия. Об этом пишет в своей автобиографии председатель Уральской областной ЧК Федор Лукоянов. В комиссию входили, кроме Лукоянова-Шая

Голощекин, Сафаров, Войков, Сосновский, Белобородое, Быков и, возможно, другие лица. «На предварительном совещании в областном Совете, — писал П. Быков, — был намечен порядок расстрела и способ уничтожения трупов».

Судя по всему, с самого начала разрабатываются несколько вариантов убийства. Уже в 60-е годы было установлено, что Уральской ЧК тогда были сфабрикованы несколько писем по-французски с предложением Николаю бежать из заключения за подписью «офицер». Составил эти письма Пинхус Лазаревич Войков, так искусно, что царь им даже поверил. По-видимому, прорабатывался вариант «побега». Чекисты хотели спровоцировать царя на побег, добиться того, чтобы он ответил согласием этому фальшивому «офицеру», а затем организовать спектакль с бегством, во время которого ликвидировать царскую семью, предъявив всем письменные доказательства заговора. Царь на провокацию не поддался. И поэтому оставалось только прямое убийство.

Прямое убийство подготавливалось также в нескольких вариантах. Среди команды было проведено что-то вроде «конкурса» на «лучший» вариант.

> «Получив распоряжение от Юровского подумать о том, как лучше провести казнь, — пишет Нетребин, — мы стали обсуждать вопрос. Не помню, кто-то из нас предложил следующее. Запереть заключенных в комнату угловую, она была занята ими же, и бросить две бомбы. Так мы и решили. Чтобы решить, кому кидать бомбы, мы бросили жребий. Жребий выпал на двоих: старшему латышу и мне. День, когда придется выполнить казнь, нам был неизвестен, но все же мы чувствовали, что скоро он настанет. Прошло несколько дней. Мы снова обсудили о методе казни и решили его изменить. Мы решили расстрелять из наганов в находящейся внизу комнате».

16 июля из Москвы через Пермь «была получена телеграмма на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых» — сообщает в своих воспоминаниях Юровский. Хотя у него и говорится о телеграмме из Перми, но ясно, что пермские органы, подчинявшиеся Уралсовету, не могли ему приказывать, следовательно, приказ шел из Москвы через Пермь.

В 6 часов вечера Голощекин, как главный руководитель этого преступления, дает указание Юровскому привести приказ в исполнение.

Команда уже готова, в нее входят сам Юровский Я. Х.,

Ермаков П. З., Медведев П. С., Никулин Г. П., Ваганов С. и семь иностранных наемников.

За их спиной стоят охранники из караульной команды Стрекотин, Нетребин и др. Угловую комнату в подвальном этаже (что как раз под княжнами) освобождают от мебели. Эту комнату забирают не случайно, а потому, что в ней одна стена с деревянной оштукатуренной перегородкой. Это позволяет избежать пулевых рикошетов. Команда убийц прячется в смежной комнате и затихает. Но возникает задержка: Ермаков, которому, кроме участия в расстреле, поручено «спрятать трупы так, чтобы никто не нашел», опаздывает на полтора часа. Наконец Ермаков приехал: машина с работающим мотором поставлена во дворе, ее шум и хлопки должны заглушить выстрелы и крики.

Юровский нажимает электрический звонок, выходит царский врач Боткин: он спал недалеко от двери. Юровский просит его разбудить всех остальных. «Ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Романовых из верхнего этажа в нижний». Семья одевалась и умывалась около получаса. Затем Юровский свел их по лестнице в подготовленную комнату. В комнате — бывший император Николай Александрович (1868 г.р.), бывшая императрица Александра Федоровна (1872 г.р.), их сын, наследник престола, четырнадцатилетний царевич Алексей, их дочери: двадцатитрехлетняя Ольга, двадцатиоднолетняя Татьяна, девятнадцатилетняя Мария и семнадцатилетняя Анастасия, личный врач царской семьи Евгений Сергеевич Боткин, личный повар Харитонов, царский лакей Трупп и комнатная девушка царицы Анна Демидова. В комнате нет мебели, и Александра Федоровна просит принести стулья. Приносят два стула. На один усаживают ее саму, на другой — царевича Алексея. На некоторое время устанавливается напряженное молчание. По установленному сигналу входят двенадцать человек. Юровский зачитывает смертный приговор. И сразу гремят залпы, начинается бойня.

Охранник Стрекотин вспоминает, что в ту ночь к нему подошел начальник караула Медведев и подал ему револьвер.

> «Для чего он мне?» — спросил я Медведева. «Скоро будет расстрел», сказал он мне и быстро удалился. Вскоре вниз спустился с Медведевым Никулин и еще кто-то, не помню. Зашли в одну из комнат и вскоре ушли обратно. Но вот вниз спустилась неизвестная для меня группа людей, человек 6–7. Никулин ввел их в эту комнату, в которой он только что был перед этим. Теперь я окончательно убедился, что готовится расстрел. Но я

не мог представить когда, где и кто будет исполнителями. Вверху послышались электрозвонки, потом шорох ходьбы людей (звонками будили царскую семью), наконец слышу шаги людей: вниз спускалась вся семья Романовых и их приближенные. Тут же идут Юровский, Никулин, Медведев и Ермаков — последнего я знал по дутовскому фронту…

Все арестованные были одеты по обыкновению чисто и нарядно. Царь на руках несет своего сына… Царевна, дочь Анастасия, несет на руках маленькую курносую собачку, экс-императорша под ручку со своей старшей дочерью Ольгой…

Никулин вскоре вышел обратно, проходил мимо меня, он сказал — для наследника понадобилось кресло, видимо, умереть он хочет в кресле. Ну что ж, пожалуйста, принесем. Когда арестованные были введены в комнату, в это время группа людей, что раньше вошла в одну из комнат, направилась к комнате, в которую только что ввели арестованных. Я пошел за ними, оставив свой пост. Они и я остановились в дверях комнаты.

Юровский коротким движением рук показывает арестованным, как и куда нужно становиться и спокойно, тихим голосом — пожалуйста, вы встаньте сюда, а вы вот сюда, вот так в ряд.

Арестованные стояли в два ряда, в первом — вся царская семья, во втором — их лакеи, наследник сидел на стуле. Правофланговым в первом ряду стоял царь. В затылок ему стоял один из лакеев. Перед царем лицом к лицу стоял Юровский, держа правую руку в кармане брюк, а в левой держал небольшой листок, потом он читал приговор…

Не успел он докончить последние слова, как царь, громко переспросил как, я не понял?

— Прочитайте еще раз.

Юровский читал вторично, при последнем слове он моментально вытащил из кармана револьвер и выстрелил в упор в царя. Сойкало несколько голосов. Царица и дочь Ольга пытались «осенить себя крестным знаменем» (так в тексте. — О. П.), но не успели.

Одновременно с выстрелами Юровского раздались выстрелы группы людей, специально призванных для этого, — царь «не выдержал» единственной пули нагана, с силой упал навзничь. Свалились и остальные десять

человек. По лежащим было сделано еще несколько выстрелов. Дым заслонял электрический свет и затруднил дыхание. Стрельба была прекращена, были раскрыты двери комнаты с тем, чтоб дым разошелся.

Другие претенденты на убийство царя

Петр Захарович Ермаков вспоминает:

«…Когда позвали меня, то мне сказали: на твою долю выпало счастье — расстрелять и схоронить так, чтобы никто и никогда их трупы не нашел, под личную ответственность. Сказали, что мы доверяем как старому революционеру.

Поручение я принял и сказал, что будет выполнено точно, подготовил место, куда вести и как скрыть, учитывая все обстоятельства важности момента политического.

Когда я доложил Белобородову, что могу выполнить, то он сказал: „Сделай так, чтобы были все расстреляны, мы это решили“. Дальше я в рассуждения не вступал: стал выполнять так, как это нужно было.

Получил постановление 16 июля в 8 часов вечера, сам прибыл с двумя товарищами и др. латышом, теперь фамилии не знаю, но который служил у меня в отряде, в отделе карательном. Прибыл в 10 часов ровно в дом особого назначения, вскоре пришла моя машина малого типа, грузовая. В 11 часов было предложено заключенным Романовым и их близким, с ними сидящим, спуститься в нижний этаж. На предложение сойти вниз были вопросы для чего? Я сказал, что вас повезут в центр, здесь вас держать больше нельзя, угрожает опасность, как наши вещи? — спросили, я сказал: ваши вещи мы соберем и выдадим на руки, они согласились, сошли книзу, где для них были поставлены стулья вдоль стен. Хорошо сохранилось у меня в памяти — с фланга сел Николай, Алексей, Александра, ст. дочь Татьяна, далее доктор Боткин сел, потом фрейлина и дальше остальные.

Когда все успокоилось, тогда я вышел, сказал своему шоферу, действуй, он знал, что надо делать, машина загудела, появились хлопки, все это нужно было для того, чтобы заглушить выстрелы, чтобы не было звука

слышно на воле, все сидящие чего-то ждали, у всех было напряженное состояние, изредка перекидывались словами, но Александра несколько слов сказала не по-русски, когда все было в порядке, тогда я коменданту Юровскому дал в кабинете постановление областного исполнительного комитета, он усомнился, почему всех, но я ему сказал: надо всех и разговаривать нам с вами долго нечего, время мало — пора приступать.

Я спустился книзу совместно с комендантом, надо сказать, что уже заранее было распределено, кому и как стрелять. Я себе самого взял Николая, Александру, дочь, Алексея — потому, что у меня был маузер, им можно верно работать (выделено мною. — О. П.), остальные были наганы. После спуска в каждый этаж мы немного обождали, потом комендант предложил всем встать, все встали, но Алексей сидел на стуле, тогда стал читать приговор постановления, где говорилось по постановлению исполнительного комитета расстрелять.

Тогда у Николая вырвалась фраза: так нас никуда не поведут? Ждать дальше было нельзя, я дал выстрел в него в упор, он упал сразу, но и остальные также. В то время поднялся между ними плач, один другому бросался на шею, затем дали несколько выстрелов, и все упали.

Когда я стал осматривать их состояние, которые (так в подлиннике. — О. П.) были еще живы, то я сделал новый выстрел в них. Николай умер с одной пули, жене дано две и другим также по несколько пуль…»

Восемнадцатилетний участник убийства Нетребин Виктор Никифорович пишет в своих записках:

«Последней пала горничная царицы Демидова, которая защищалась подушечкой, находящейся у нес в руках. Но очень долго были признаки жизни у бывшего наследника, несмотря на то, что он получил много выстрелов. Младшая дочь б/царя упала на спину и притаилась убитой. Замеченная тов. Ермаковым, она была убита выстрелом в грудь. Он, встав на обе (ее. — О. П.) руки, выстрелил ей в грудь».

Уже упомянутый Стрекотин дополняет:

«Арестованные уже все лежали на полу, истекая кровью, а наследник все еще сидел на стуле. Он почему-

то долго не упадал со стула и оставался еще живым. Начали ему стрелять в голову и грудь, наконец и он свалился со стула. С ними вместе была расстреляна и та собачка, которую принесла с собой одна из дочерей…

Трупы выносили на грузовой автомобиль, находящийся во дворе. Второй на носилки стали ложить одну из дочерей царя; но она оказалась живой, закричала и закрыла лицо рукой. Кроме того, живыми оказались еще одна из дочерей и та особа, дама, которая находилась при царской семье. Стрелять в них было уже нельзя, так как двери все внутри здания были раскрыты, тогда тов. Ермаков, видя, что я держу в руках винтовку со штыком, предложил мне доколоть оставшихся в живых. Я отказался, тогда он взял у меня из рук винтовку и начал их докалывать. Это был самый ужасный момент их смерти. Они долго не умирали, кричали, стонали, передергивались. В особенности тяжело умерла та особа — дама. Ермаков ей всю грудь исколол. Удары штыком он делал так сильно, что штык каждый раз глубоко втыкался в пол. Один из расстрелянных мужчин, видимо, стоял до расстрела во втором ряду и около угла комнаты, и когда их стреляли, он упасть не мог, а просто присел в угол и в таком положении остался умершим».

Недавно журнал «Огонек» оповестил о существовании еще одного претендента на «честь» убийства царя. Всплывает некто Михаил Александрович Медведев, член Уральской коллегии ЧК. Ранее это имя нигде не фигурировало. Был известен Павел Спиридонович Медведев, соратник Юровского, начальник караула. О нем упоминает Стрекотин, они были земляки, родом из Сысерти. При бегстве красных Медведев попал в плен, был опознан, допрошен следователем Соколовым. Ему он рассказал многое о событиях убийства, кроме своего участия в нем (во время убийства его якобы посылали на улицу послушать, не слышно ли выстрелов). При обыске у Медведева были обнаружены вещи царской семьи. В общем, чтобы спасти свою шкуру, Павел Спиридонович «честно раскололся, заложив всех своих соратников». Умер он в тюремной больнице от тифа в 1919 году. И вот другой Медведев — участник расстрела, доживший аж до 60-х годов.

Еще одним претендентом на «честь» убийства царя был матрос Хохряков. Об этом он сам рассказывал, показывая револьвер системы «кольт», из которого им был убит император.

После смерти Хохрякова, убитого на фронте, этот револьвер попал к начальнику интернационального отряда в Перми Оржеховскому, который дорожил им как историческим.

Итак, четыре лица заявляют о своей личной причастности к убийству царя, именно их пуля уложила его — Юровский, Ермаков, Медведев и Хохряков.

Но вот что сразу же бросается в глаза. Сведения об убийстве царя Юровским даются не только в его записках, но и в воспоминаниях охранников караула. Сведения об убийстве царя Ермаковым, кроме его записок, не подтверждаются никем. Да и сами записки относятся к позднему времени. Об убийстве царя Медведевым известно со слов его сына и подтверждается Никулиным уже в 60-е годы. Об участии Хохрякова известно только со слов его товарищей.

В начале 30-х годов Юровский выступает с воспоминаниями перед старыми большевиками (сохранилась стенограмма). В зале сидят живые участники событий и люди, знавшие о них из первых рук. Юровский прямо заявляет, что именно он убил царя. Где-то рядом сидит Ермаков. Если это неправда, почему он молчит?..

А молчит он потому, что еще не настало время переписывать историю. Оно приходит тогда, когда большая часть организаторов екатеринбургского убийства оказывается в числе осужденных за участие в троцкистской оппозиции. Не умри Юровский раньше (тяжелая болезнь спасла его от смерти в лагере) и его бы закопали в одну яму с Голощекиным, Сафаровым, Белобородовым, Сосновским. Поэтому о нем «забывают» вплоть до конца 50-х годов, когда память о нем «реанимирует усердием его детей».

Мы еще расскажем, как перед самой войной с Ермаковым «будут работать» люди Берии. И версия Ермакова закрепится в его официальных воспоминаниях (в то же время записка Юровского исчезнет из хранилища Музея Революции). Новую трактовку событий поддержат и силы, заинтересованные в доказательстве того, что убийство русского царя совершил «простой русский рабочий, пролетарий».

Галерея убийц

Юровский Янкель Хаимович, сорок лет, мещанин Каинска Томской губернии, из семьи сосланного за кражу в Сибирь, дед был раввин. Образование — полтора года школы. В юности искал богатства и, по словам брата Лейбы, был богат. По характеру вкрадчивый, жестокий. В 1905 году участвовал в боевых отрядах,

познакомился со Свердловым. После разгрома восстания бежал в Берлин и там перешел в лютеранство. Родственники его не любили. Родной брат Лейба говорил: «Он любит угнетать людей», — а жена Лейбы, Эле Лея, добавляла: «Яков — деспот и эксплуататор». Историк Мельгунов характеризует его «самым отпетым преступником», Сидней Гибс — «хладнокровным палачом».

В 1912 году Юровский открывает собственную фотографию в Екатеринбурге. Делает фотоснимки многих богатых жителей города, представителей администрации, духовенства. Позднее эти фотографии, как и адреса клиентов, становятся основой картотеки ЧК. По ней ЧК совершает свои налеты. Свердлов доверяет Юровскому, останавливается у него на квартире, что подтверждается личным делом Юровского в Свердловском архиве. После убийства царя Юровский назначается заведующим Московской районной ЧК и членом коллегии МЧК, а с 1919 года работает председателем Екатеринбургской губернской ЧК, знаменуя свое назначение десятками новых расстрелов. В Екатеринбурге ему с семьей выделяется шикарный особняк в трехстах метрах от дома Ипатьева. С ним живут жена — руководитель партийной организации города и дочь — руководитель комсомольской организации, особенно прославившаяся акциями по разрушению православных храмов. Ее именем позднее назовут улицу. В дальнейшем партия кидает его на разные не очень высокие, но «хлебные» посты в Москве: Гохран (зав. управлением), Резинотрест (нач. отдела), завод «Красный богатырь» (зам. директора), секретарь партячейки Русаковского трамвайного парка, и, наконец, директор Политехнического музея (это с образованием в полтора года школы!). В 1938 году он умирает от рака. В 40-м году его бумаги и «исторические» пистолеты изымаются из Музея Революции, куда он их передал на хранение.

Шая Исаакович Голощекин, 42 лет, мещанин из Невеля Витебской губернии, закончил зубоврачебную школу, никогда не работал, в партии с 1903 года, близкий друг Свердлова, шесть лет провел в ссылке. Историк революционного движения В. Бурцев, знавший Голощекина, лично характеризовал его так: «Палач, жестокий, с некоторыми чертами дегенерации». С 1918 года — секретарь ЦК партии по Уралу и Сибири. Многие годы — член коллегии ЧК-ГПУ-НКВД, член ЦК. С 1924 года Голощекин работает первым секретарем компартии Казахстана. В результате его деятельности погибли тысячи людей, «а трупы штабелями складывали и снегом до весны присыпали, потому как не было у людей сил долбить мерзлую землю». С 1933 года — главный

арбитр СНК СССР. Уничтожен соратниками в 1941 году.

Войков Пинкус Лазаревич, 30 лет, мещанин города Керчи, член партии с 1903 года, участник боевой организации, учился в Женевском университете, по профессии химик, впервые применил свои знания при уничтожении трупов. В 1917 году прибывает в Россию, в июле 1918 года — комиссар продовольствия Урал совета. При подготовке убийства отвечал за «хозяйственные вопросы». После убийства снял с одного трупа перстень с большим рубином и носил его (даже похваляясь). Убит в 1927 году в Варшаве эмигрантом Ковердой.

Следующий — Г. И. Сафаров (27 лет). Он наряду с Голощекиным был партийным куратором этого убийства. Последние две недели только им разрешалось посещать этот дом, был близок Троцкому и во многом подражал ему. Поддержка Троцкого позволила ему стать одним из руководителей Коминтерна и позднее вожаком советского комсомола. Но как член объединенной троцкистской оппозиции в 1927 году был смещен со всех постов, посажен, уничтожен в 1941 году.

Его друг и соратник по екатеринбургскому злодеянию Сосновский Лев Семенович, тридцатидвухлетний партийный публицист, сторонник Троцкого, прославился книгами своих статей, проникнутых ненавистью к России, глумлением над русской историей (например, книга «Рассея»). В 1927 году разделил участь Сафарова. В 1937 году уничтожен.

Белобородов Александр Григорьевич, двадцати семи лет, образование начальное. В 1905–1907 годах — мальчик на посылках у боевиков. В 1908 году арестован и судим за помощь боевикам. После разгона Учредительного собрания становится председателем Урал совета. Пойман за руку на краже крупной суммы денег. Однако дело оставлено без последствия, и он даже сохраняет свой пост. Позднее становится членом ЦК партии. Организует трудовые армии. С 1923 года Народный комиссар НКВД, активно строит «новый правопорядок». В 1927 году вместе с коллегами по Екатеринбургу Сафаровым и Сосновским убран со всех постов. В 1938 году уничтожен соратниками.

Теперь о Сыромолотове Федоре Федоровиче. Этот боевик и руководитель боевой организации был одной из ключевых фигур, которые вершили темные дела в Екатеринбурге 1918 года. Родился он в 1877 году. Отец сильно пил. Сыромолотеву с детства пришлось заниматься мелкой торговлей, непродолжительное время работал рабочим, а затем на среднетехнических должностях (закончил горное училище).

Близкий соратник Свердлова, в 1905–1907 годы — начальник сводной боевой дружины, куда входили большевики, эсеры и

анархисты. Активно участвует в грабежах и убийствах. Часто живет на нелегальном положении, прерываемом кратковременными отсидками. Постоянно связан со Свердловым. В 1910 году подготавливает его бегство из тюрьмы. В 1912 году живет с женой, Троцкой Х. А., в Екатеринбурге. Однако вскоре ее выселяют вместе с ребенком по месту жительства родителей в Петербург, — Сыромолотов едет вслед за ней.

В 1917 году Сыромолотов возвращается в Екатеринбург, где становится одним из главных партийных вожаков Урала, а позднее, уже в 1918 году, комиссаром финансов. В советское время занимал крупные хозяйственные посты.

Наконец, самый молодой организатор убийства — Лукоянов Федор Николаевич, двадцатичетырехлетний председатель Урал ЧК, из семьи чиновников, с юридическим образованием, любивший выступать в печати под именем Маратов. Фигура очень любопытная. С фотографии 1917 года (из фондов Пермского музея) на нас глядит совсем мальчишечка с круглыми щечками, а через два года почти не похожее лицо с жесткими чертами. В 1917 году Лукоянов — редактор газеты «Пролетарское знамя», а в 1918 году, как он сам пишет в автобиографии, «создал на Урале ряд чрезвычайных комиссий и работал… сначала председателем Пермского ГУБ ЧК (до июля 1918 года), а затем председателем Уральской областной ЧК (Екатеринбург). Был членом комиссии, судившей и руководившей расстрелом семьи Романовых». Какие же «молодецкие» подвиги мог совершить Лукоянов, если в среде таких матерых пермских боевиков, как Иванченко, Жужгов, Марков, Колпашников, Малков и Дрокин, он сумел стать главарем?!

В 20-е годы он занимает множество разных постов по линии прессы, подобно Юровскому, постоянно перекидывается с одного места на другое. Сын своего времени, по зову сердца пишет он и доносы на своих партийных товарищей, о чем особо указывает в автобиографии. «…Имел ряд конфликтов с Бухариным и его ставленниками Ципиным и Лямом. Подал 2 заявления на Бухарина в ЦК ВКГТ(б) и ЦК Союза работников печати и на ставленников его в райком ВКП(б)… Вредительское руководство „Известий“ в лице Таля отказалось использовать меня на производстве…» После прихода в Отдел печати ЦК Мехлиса Лукоянов становится редактором журнала «Мукомолье». Умер в Москве в 1947 году.

В галерее убийц видное место занимают члены оперативного руководства акцией Чуцкаев Сергей Егорович (1876–1946) — боевик и соратник Свердлова, увезенный в ГУЛАГ с поста председателя Комитета по устройству трудящихся евреев.

Дидковский Борис Владимирович (1883–1938) — расстрелян. Толмачев Николай Гурьевич (1895–1919), Ефремов Михаил Иванович, Мячин (Яковлев) Константин Алексеевич (1886–1938) — расстрелян. Он — уполномоченный ВЦИК по перевозке царской семьи из Тобольска в Екатеринбург, готов был лично убить царя, в 30-е годы как чекист возглавлял группу сталинских лагерей, но и сам строил Беломорканал… Быков Павел Михайлович (1888–1953).

Теперь — непосредственно исполнители. Самой зловещей после Юровского фигурой здесь является тридцатичетырехлетний Ермаков Петр Захарович, своего рода прототип Федьки-каторжника из «Бесов». В 23 года (в 1907 году) у него три пистолета, он уже убил по крайней мере одного человека — отрезал ему голову. Его арестовывают по подозрению в убийстве, но вину берет на себя другой боевик, которого по суду присуждают к виселице. А Ермаков снова на свободе — участвует в нападениях на транспорт с деньгами, занимается вымогательством (рэкетом). Всюду за ним тянется кровавый след. В 1910 году его ссылают в Вельск. В 1917 году он сколачивает отряд для изъятия земель и имущества крупных землевладельцев, начинает первые безнаказанные расстрелы «контры». Ермакова с его отрядом направляют на подавление крестьянских восстаний: руководителей он убивает лично, о чем пишет в воспоминаниях. К моменту убийства царской семьи руки Ермакова были обагрены кровью десятков жертв. Неудивительно, что именно ему поручили уничтожение тел.

В 20-е годы Ермаков служит милицейским начальником в разных городах, а с 1927 года становится одним из руководителей мест заключения Уральской области — закономерная карьера легендарного боевика-террориста. Рассказывает, что в начале тридцатых годов он лично казнил наиболее важных лиц, приговоренных к расстрелу. Тогда было арестовано более двух тысяч руководителей области, из них примерно треть — расстреляны. Как не помочь в любимом деле!

К концу 30-х годов распоряжением свыше ему запретили выступать с рассказами о своих «подвигах». Родственники вспоминают, что где-то перед самой войной постучались люди Берии: взяли Ермакова под руки, посадили на самолет, привезли в столицу, разместили в гостинице «Москва». Не разрешили выходить, и три дня он писал воспоминания о расстреле царской семьи. Вернулся из Москвы радостным, так как не чаял остаться живым. Нравы своих соратников знал. Но язык с тех пор прикусил. Хотя, по свидетельству очевидцев, во время войны, бывало, выступал с рассказами в некоторых военных частях. Умер

Ермаков в 1952 году, похоронен с почестями возле памятника Героям гражданской войны, именем его названа улица Свердловска.

О Никулине (1894 г.р.) — подручном Юровского — узнать удалось мало. Известно, что посылала его ЧК на задание в качестве сексота в Академию Генерального штаба, которая в 1918 году находилась в эвакуации в Екатеринбурге. Никулин исправно сообщал в ЧК обо всех делах. Добросовестно участвовал в расстрелах. Этим, видимо, и заслужил благоволение Юровского, умирая, тот сделал его своим доверенным лицом. В архиве я видел фотографию оба с женами на берегу моря, на курорте (дружили семьями). В 20-е годы Никулин работал начальником Московского уголовного розыска, а позднее — в коммунальном хозяйстве столицы. После войны выбирался в депутаты местного Совета. В 60-е годы записал на магнитофонную пленку воспоминания.

Активными организаторами и участниками убийства были чекисты Сахаров, Горин, Радзинский, Павлушин, начальник милиции Екатеринбурга Петров Алексей Николаевич (1886–1962). Последний, по словам родственников, сам рассказывал о своем участии в убийстве царской семьи. Вообще «жестокий был. В Вятке попов в проруби топил ночью», состоял в ВКП(б) с 1905 по 1924 год. Выбыл по собственному желанию.

Теперь иностранные наемные убийцы. Их семеро: Андреас Вергази, Ласло Горват, Виктор Гринфельд, Имре Надь, Эмил Фекете, Анзелм Фишер, Изидор Эдельштейн…

Иностранные наемники старательно отрабатывают свой паек. А после убийства, вспоминают свидетели, первыми принимаются грабить трупы.

Кроме основных участников убийства существовало еще несколько десятков подручных из караульной команды, возглавляемой Павлом Спиридоновичем Медведевым:

Стрекотин Андрей Андреевич (1891–1918), Летамин Михаил Иванович (ум. 1918), Попов Николай Иванович (р. 1894), Талапов Иван Семенович (1900 1920), Старков Иван Андреевич (ум. 1918), Зайцев (ум. 1918 / 1919), Чуркин Алексей Иванович (1897–1919?), Садчиков Николай Степанович (р. 1897), Добрынин Константин Степанович (1896–1920), Орлов Александр (1899–1932), Проскуряков Филипп (р. 1900), Подкорытов Николай (р. 1899), Черепанов-Старков Андрей Семенович (инвалид), Сабуров Александр Федорович (р. 1901), Турыгин Семен Михайлович (р. 1899), Сафронов Вениамин Яковлевич, Котегов Иван Павлович, Емельянов Федор (р. 1898), Стрекотин Александр Андреевич (р. 1897), Якимов Анатолий, Нетребин Виктор Никифорович (р.

1900), Клещеев Иван Николаевич (р. 1897).

Расскажем немного о последнем. Иван Николаевич Клещеев родился в 1897 году, учился плохо, был исключен из училища, с детства воровал, перед Февральской революцией ушел из дома под предлогом поиска работы, жил среди босяков. В конце 1917 года он уже числится в красногвардейцах по отобранию и реквизиции имущества у частных владельцев. В феврале 1918 года со своими товарищами ночью врывается в дом к своему бывшему хозяину фабрики и, размахивая револьвером, требует денег и имущества. С апреля 1918 года Клещеев служит охранником Дома особого назначения, приезжая на побывку домой, привозит разные ценные мелкие вещи, украденные у царской семьи. Напившись ходил по заводу и бахвалился среди рабочих фабрики, что женится на одной из дочерей Николая II и что если она не пойдет за него добровольно, то он силою возьмет ее. После убийства царской семьи Клещеев служил в охране интендантских складов, украл сукно и при попытке его продать попался, судили, послали на принудработы.

Большая часть охранников были выходцами из города Сысерти. Я долго задавал себе вопрос: почему именно из Сысерти?

Приехал в этот город, бродил по нему, разговаривал с жителями, копался в фондах музея. Рабочие до 1917 года жили здесь зажиточно, лучше, чем сейчас. Зарабатывали хорошо, имели справные хозяйства. Каждый рабочий двор все равно что крепость. В Центральной России такого не было. Задаю вопрос: почему все-таки сысертцы были в подручных у царских убийц? Мнутся старики, молчат, некоторым вопрос не по душе, отвечать не хотят, некоторым, вижу, совестно. «Деньгу у нас здесь здорово рабочие любили, да и в церковь редко ходили. Когда революция началась, управляющего заводом Мокроносова в Екатеринбург увезли и там расстреляли. А главное даже не в этом, — сказал мне один старичок. — А так понимаю, что их кровью повязали. Когда добровольцев скликали казнить царя, всякие блага обещали. 400 рублей в месяц, паек хороший. Но вначале никто не шел. И тогда партейные другой разговор повели. Вспомнили нашим мужикам из отряда, особенно кто поактивнее был, как они ходили крестьян подавлять, которые были с советской властью не согласны, много человек поубивали. Вот, говорили они, если вернется старая власть, придется и нам, и вам всем отвечать за эти дела, спросят: кто убивал?»

Кровью повязали — не здесь ли ответ на многие вопросы? Откровенно в этом признается Троцкий в своих дневниках. Убийство царской семьи, по его мнению, было необходимо,

«чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что впереди полная победа или полная гибель».

Галерея убийц семьи, начавшаяся в Екатеринбурге, неизбежно выводила к Москве.

Ограбление

Сразу же после убийства царской семьи (трупы еще лежали теплые) начался грабеж.

Стрекотин отмечает:

> «При выносе трупов, некоторые из наших товарищей по команде стали снимать находящиеся при трупах разные вещи, как-то: часы, кольца, браслеты, портсигары и другие вещи… Юровский… предложил нам добровольно сдать… вещи. Кто сдал полностью, кто часть, а кто и совсем ничего не отдал».

С рассветом команда начинает рыться в вещах убитых. Кто-то глумится, зачитывая фразы из царского дневника, кто-то копается в женском белье, давая похабные комментарии, кто-то со смехом демонстрирует интимные принадлежности жертв. Приказ дан — искать ценности.

Нетребин В. Н. пишет:

> «Один из товарищей, просматривая нательное белье, предназначавшееся для стирки и принадлежавшее бывшим княжнам, со смехом тряс таковое. В белье он нашел пояс из черного бархата. Этот пояс был обшит пуговицами, тоже из черного бархата, но имеющий в середине что-то твердое, наподобие дерева. Пояс, очень похожий на кучерский. „Что это, Николай в кучера готовился, что ли, ребята“, — сказал товарищ, нашедший пояс, и решил его подвергнуть той же участи, что и иконы. (Иконы они сваливали в общую кучу, предварительно разбив об пол. — О. П.) „Кидай вон на Николу Святителя“, — предложил кто-то из ребят, указывая на вблизи валявшуюся икону Николая Святителя большого размера. Пусть, мол, он подпоясывается, продолжал смеяться тот же товарищ. Пояс полетел. Через некоторое время товарищ, кинувший пояс, снова поднял его и разорвал на одной из пуговиц бархат. Вместо мнимого дерева оттуда блистал бриллиант…»

Долго рылись в десятках сундуков царской семьи, лежащих в кладовой.

> «У каждого члена семьи была отдельная связка ключей и свой порядковый номер на таковых. Полный таз подходящей величины был наложен ключами. В сундуках мы не встретили ценностей…»

После такого погрома и перетряски вещей:

> «…комната была сплошь покрыта солидным слоем, самый большой процент которого составляли иконы, флаконы, пустые и заполненные многочисленными сортами духов и одеколона, карточками и портретами…»

Из имущества царской семьи команде выделены различные вещи, папиросы, сигареты и др.

Награбленное не поддавалось учету. Начальник караула Медведев украл, видимо, больше всех, но обнаружить удалось только небольшую часть — деньги, серебряные кольца, разные ценные безделушки. Его «боец» Летемин украл около ста вещей, дневник царевича Алексея и собаку…

Все столы в комнате Юровского были завалены грудами золотых и серебряных вещей. Постоянно в этой комнате вертелся Медведев.

Юровский и Медведев подавали пример во всем. На встрече со старыми большевиками в 1934 году (стенограмма хранится в Свердловском партархиве) Юровский рассказывал, как после убийства царской семьи они, чтобы развлечься, надевали военные мундиры царя и весело маршировали. «Свой» мундир Юровский отдал сторожу. Много вещей и одежды было роздано родственникам подручных убийства, что было обнаружено следственной комиссией Соколова.

Шая Голощекин по дороге в Москву раздавал вещи, принадлежащие царской семье. Так, некоей Голубевой, служившей казначейшей при исполкоме, Голощекин подарил пуховую подушку царицы и женские ботинки на пуговицах очень хорошей мягкой кожи. Член Уралсовета Дидковский подарил своей любовнице сапожки, принадлежавшие одной из великих княжен. Один из руководителей Уралчека Валентин Аркадьевич Сахаров получил золотое кольцо с бирюзой, снятое с руки великой княжны Анастасии Николаевны.

После ухода команды Юровского в Ипатьевском доме не осталось ничего ценного, ни одной вещи из носимого белья, одежды, платьев, обуви и верхней одежды. В Москву было

вывезено, кроме золота и бриллиантов, три вагона вещей царской семьи.

Царские ямы

В 1918 году место, куда убийцы везли тела царской семьи, представляло страшную глухомань. От переезда железнодорожной линии по густому, заросшему лесу шла узкая конная дорога. На расстоянии 3 верст от переезда дорога раздваивалась на две ветки возле урочища «Четыре брата». Название это оно получило от когда-то росших здесь из одного корня четырех могучих сосен. В 1918 году от сосен оставались только развалившиеся пни. Как раз за этими пнями главная ветка дороги шла к северу, проходя ряд луговин, носящих общее название «Большой покос».

Верстах в двух севернее Большого покоса обе ветки соединялись и, таким образом, ограничивали обширный район Ганиной Ямы. Общая его протяженность составляла до 5 верст. Следователь Соколов, обследовавший это место со своими многочисленными помощниками, нашел здесь больше 30 шахт, большое количество шурфов и котлованов. Обследование затруднялось тем, что это место сильно заросло травой, кустарником и деревьями.

…Наша машина еле идет по сырому, захламленному лесу, в двух километрах от деревни Коптяки. Недавно прошли дожди, лесные дороги, и так разбитые тракторами и тяжелыми машинами, превратились в непроходимое болото. Даже наш «вездеход» на двух ведущих мостах с пониженной передачей не справляется с ней. Приходится объезжать стороной, по разбитым отвороткам, цепляясь за деревья и кусты. Преобладают два вида деревьев — береза и сосна, причем березы больше. Мы ищем место, куда привезли для захоронения тела царской семьи. Долго блуждали. И наконец попадаем на это место, которое у старожилов сейчас называется Царской ямой (или Царскими ямами). От основной лесной дороги, если двигаться в сторону Коптяков, влево ведет незаметная отворотка, которая спускается как бы в лог. От основной дороги метров 150 200. Отворотка упирается в небольшую поляну, примерно 80 на 50 метров. По краям березы и сосны. В левом углу среди кустов шахта в виде двух смежных колодцев. Шахта давно уже осыпалась, только крепежные деревянные конструкции, довольно хорошо сохранившиеся, точно указывают ее месторасположение.

Сюда утром семнадцатого июля привезли трупы царской

семьи.

Юровский пишет:

> «Удаление трупов и перевозка лежала на обязанности т. Ермакова… Около трех часов выехали на место. <…> Но выяснилось, что никто не знает, где намеченная для этого шахта. Светало. Комендант послал верховых разыскивать место, но никто ничего не нашел. Выяснилось, что вообще ничего приготовлено не было: не было лопат и т. д. Так как машина не проходила, ехали на пролетках, закрыв трупы сукном, <…> в лесу отыскали заброшенную старательскую шахту (добывали когда-то золото) глубиной три с половиною аршина. В шахте было на аршин воды. Комендант (так называет себя Юровский. — О. П.) распорядился раздать трупы и разложить костер, чтоб все сжечь.
>
> …Сложив все ценное в сумки, остальное, найденное на трупах, сожгли, а сами трупы опустили в шахту. Но Романовых не предполагалось оставлять здесь — шахта заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения».

Итак, на поляне горит большой костер, раздевают догола женщин, копаются в их белье, кидая все ненужное в огонь. Я думаю, слукавил Юровский, заявив, что это место было выбрано как временное. Он его сам нашел вместе с Ермаковым (есть показания свидетелей). Скорее всего, от этого места пришлось отказаться, потому что оно стало известно слишком многим. Если место временное, зачем пытались засыпать шахту ручными гранатами? После доклада Сафарову и Белобородову они, видимо, получили нагоняй за недобросовестное выполнение задания. А почему так? Потому что большая часть подручных, не исключая Ермакова, были сильно пьяны да к тому же увлеклись мародерством. Зря ли Войков выписал в аптеке большое количество спирта? Лопаты забыли, место, куда должны ехать, потеряли (а ведь заранее готовили), прямо на глазах Юровского стали воровать.

О том, что преступники были сильно пьяны, говорят также и множество пулевых промахов на месте убийства. Преступники убивали своих жертв «впритруть», на близком расстоянии, но не могли попасть. Большая часть пулевых следов в комнате была от пуль, не проходивших через тело.

Некоторые старики, с которыми нам приходилось беседовать в Свердловске, рассказывали, что в первые годы революции ходили слухи об убийстве царской семьи пьяными до скотского

состояния бандитами. Но слухи эти пресекались как белогвардейская клевета.

Целую «повесть» о первом захоронении оставил Ермаков.

> «Около часу ночи, автомобиль с трупами направился через В. Исетск по направлению дороги Коптяки, где мною было выбрано место для зарытия трупов, но я заранее учел момент, что зарывать не следует, ибо я не один, а со мной есть еще товарищи. Я вообще мало мог кому доверить это дело и тем паче, что я отвечал за все, что я заранее решил их сжечь, для этого приготовил серную кислоту и керосин, все было устроено, но не давая никому намека сразу, то я сказал, мы их спустим в шахту… <…>
>
> Когда все это было закончено, то уже был полный рассвет, около 4-х часов утра. Это место находилось совсем в стороне от дороги, около 3-х верст. Когда все уезжали, то я остался в лесу, об этом никто не знал. С 17 на 18 июля я снова прибыл в лес, привез веревку, меня спустили в шахту, я стал каждого по отдельности привязывать, по двое ребят вытаскивали. Когда всех вытащили, тогда я велел класть на двуколку, отвезти от шахты в сторону, разложили на три группы дрова, облили керосином, а самих серной кислотой, трупы горели до пепла, и пепел был зарыт. Все это происходило в 12 часов ночи с 17 на 18 июля 1918 года. После всего 18-го я доложил».

Как относиться к этой части воспоминаний Ермакова, как к пьяному бреду или как кем-то специально продуманной легенде с целью замести настоящие следы?

После отступления красных 25 июля 1918 года по делу об убийстве царской семьи проводится расследование. Уже 27 июля к следователям является поручик Шереметьевский и докладывает, что 17 июля в районе Коптяков наблюдалась подозрительная активность большевиков. Лес был оцеплен, раздавались взрывы ручных гранат. След сразу же привел к Ганиной Яме. Еще хорошо сохранились следы двух кострищ — одно у шахты, другое — на лесной дороге под березой.

В пепелище были найдены пуговицы, крючки, обгоревший изумрудный крест и бриллиант. Откачали воду из шахты. Подняли землю со дна, просеяли ее и промыли. Обнаружили отрезанный палец, жемчужную серьгу, застежку для галстука и вставную челюсть доктора Боткина. Кроме того, около шахты были обнаружены порванные страницы анатомического трактата

на немецком языке и немецкая газета. При повторном обследовании уже летом 1919 года было обнаружено еще большее количество обгоревших предметов, принадлежащих царской семье. А главное — 12 кусков какого-то беловатого вещества, смешанного с глиной. Вещество издавало сильный запах сала и легко крошилось в руках. «По внешнему виду, — пишет М. Дитерихс, — очень похоже, что это растопленное, со сжигавшихся тел, сало, смешавшееся с глиной из-под костра». Следователь Соколов, проведший огромную работу по розыску жертв убийства, приходит к выводу, что они были уничтожены до пепла при помощи огня, керосина и серной кислоты. Предварительно тела были расчленены, головы отрезаны и увезены в Москву.

«Мы вашего Николку и всех там пожгли», — заявляли крестьянам пьяные боевики из отряда Ермакова, когда отступали на Тагил. Аналогичную версию высказал захваченный белыми большевик А. Валек. Сведения о полном уничтожении царской семьи путем сжигания наиболее распространены и среди старожилов деревни Коптяки и прилегающих к ней населенных пунктов. По-видимому, чекисты провели специальную операцию по дезинформации, ибо согласно записке Юровского трупы членов царской семьи зарыли в другом месте, прямо на проезжей дороге. Но возле шахты кого-то сожгли. Кого?..

Следственной комиссии белых удалось установить, что девятнадцатого июля 1918 года Шая Голощекин выехал в Москву в отдельном вагоне-салоне. С ним было три «тяжелых не по объему ящика». Для прислуги вагона было удивительно видеть эти грубо сколоченные из досок ящики, перевязанные веревкой. Любопытным из числа своего окружения Голощекин говорил, что везет в этих ящиках образцы артиллерийских снарядов для Путиловского завода. В Москве Голощекин отправился вместе с ящиками в Кремль на квартиру к Свердлову. Что было в этих ящиках? По одной версии — в таком виде перевозились золото и драгоценности царской семьи. Однако существует и другая — страшная, но пока не опровергнутая версия. В конце июля 1918 года эта версия обсуждалась среди мелких служащих Совнаркома: Шая Голощекин привез в спирту головы бывшего царя и членов его семьи…Вопрос об истинном месте захоронения царя остается пока открытым (хотя оно указано в записке Юровского). Требуется создание авторитетной государственной комиссии, включающей топографов, судебных медиков, химиков, историков и других специалистов.

Организованная ложь

Закопать царскую семью «на проезжей дороге» — это еще недостаточно, чтобы замести следы убийства женщин и детей. Требуется сфабриковать «липу», что они живы и здоровы и находятся в надежном месте. Официальное сообщение разносит на весь мир ложь о том, что расстрелян только «Николай Романов, а семья эвакуирована в надежное место». Более того, большевики продолжают вести официальные переговоры об отъезде семьи казненного Николая Второго за границу.

Эта же версия распространялась и в самом Екатеринбурге. Для симуляции увоза царской семьи 20 июля из Екатеринбурга в Пермь в отдельном вагоне с особыми мерами охраны и специально афишируемой «секретностью» были вывезены Шнейдер, Гендрихова, камер-лакей Волков и некоторые другие приближенные царя. Все они были расстреляны в лесу возле Перми (Волкову, к счастью, удалось бежать). В 20-х числах июля Голощекин в поезде на Петроград вел разговор о царской семье. И явно с намерением, чтобы его «подслушали», произнес такую фразу: «Теперь дело с царицей улажено». В том смысле, что она жива и находится в надежном месте.

В самом Екатеринбурге первое сообщение о казни царя делается 21 июля в городском театре во время «митинга по текущему моменту». Выступают Голощекин, Сафаров, Толмачев. При извещении о казни царя в театре раздаются крики ужаса и некоторые выбегают вон. Кстати говоря, дом Ипатьева охраняется, как будто там кто-то находится, вплоть до 21 июля.

В организованном порядке «липа» распространяется за границей. Сосновский, Войков и им подобные подготавливают целый пакет дезинформации о судьбе царской семьи.

В газете «Нью-Йорк таймс» появляется статья некоего К. Аккермана, который со слов якобы спасшегося слуги Николая Второго рассказывает о последних днях царя. За день до казни царя, пишет Аккерман, над городом летали множество аэропланов и кидали бомбы. 15 июля Николая пригласили на заседание Уралсовета, где вынесли ему смертный приговор и дали три часа на прощание с семьей.

> «Николай Александрович не возвращался долго, почти два с половиной часа. А когда вернулся, был очень бледен, подбородок его нервно дрожал.
>
> „Дай мне, старина, воды“, сказал он мне. Я принес, и он залпом выпил большой стакан. „Что случилось“, спросил я. „Они мне объявили, что через три часа я буду расстрелян“, ответил мне царь.
>
> Вскоре после возвращения Николая Второго с

заседания к нему пришла Александра Федоровна с цесаревичем, оба плакали, царица упала в обморок, и был призван доктор. Когда она оправилась, она упала на колени перед солдатами и молила о пощаде. Но солдаты ответили, что это не в их власти».

Дальше Аккерман пишет:

«…попрощавшись с близкими, царь сказал: „Теперь я в вашем распоряжении…“ Царя взяли и увели, никому не известно куда, и только ночью он был расстрелян двадцатью красноармейцами».

Внутри страны слухи об убийстве всей царской семьи расценивались как антисоветская пропаганда и преследовались вплоть до расстрела.

Факт убийства был признан лишь в середине 20-х годов.

Николай Костин
Супертеррорист Савинков

Август 1924 года выдался в Москве на редкость прохладным и пасмурным. Над потускневшими крышами домов ползли и ползли косматые тучи. Порою мгла зависала над внутренней тюрьмой ВЧК на Лубянке, и с неба сыпал мелкий дождь.

Борис Савинков тоскливо смотрел в «копеечное» окно камеры. Ему хотелось поднять руки, оттолкнуть от себя все то, что с ним случилось за последние пять фантастических дней… На столике, за которым он сидел, лежала развернутая газета. На ее первой полосе, набранное крупным шрифтом, выделялось правительственное сообщение: «В двадцатых числах августа с. г. на территории Советской России ОГПУ был задержан Савинков Борис Викторович, один из самых непримиримых и активных врагов Рабоче-Крестьянской России (Савинков задержан с фальшивым паспортом на имя В. И. Степанова)».

Перечитав (в который раз!) правительственное сообщение, Савинков криво усмехнулся. Снова уставился в «копеечное» окно. Сквозь седую сетку дождя увидел серый клочок неба. «Седой», «Серый»… Мелькнуло что-то далекое, полузабытое. Слова «серый», «серые», «седой», «седые» имели когда-то для него иной смысл. «Седыми» назывались социал-демократы, а «серыми» социалисты-революционеры.

Как это было давно! И было ли?! Тоска. Смертельная тоска. Не верилось самому себе. Не укладывалось в собственной голове. Еще раз перечитал правительственное сообщение. Да, все верно. «Последний из могикан» попался. Дела ни к черту не годны. Фортуна ему изменила. Почему-то вдруг вспомнился Абрам Гоц, всегда немного завидовавший его профессиональной и житейской удачливости. Вместе начинали работать в «Боевой организации». Из одного гнезда вылетали. Вылуплялись, можно сказать, из одного эсеровского яйца, согретого «бабушкой» террора Екатериной Брешко-Брешковской. Азы террора проходили в школе Гершуни и Азефа и, как впоследствии оказалось, под зорким оком Департамента полиции.

С 1902 по 1911 год более двухсот раз рвались в России эсеровские бомбы и раздавались револьверные выстрелы. Объектами террористических актов стали 2 министра, 33 губернатора, генерал-губернатора и вице-губернатора, 16 градоначальников, начальников охранных отделений, полицмейстеров, прокуроров, помощников прокуроров,

начальников сыскных отделений, 24 начальника тюрьмы и других тюремных чиновников, 26 приставов, исправников и их помощников, 7 генералов и адмиралов, 15 полковников, 8 присяжных поверенных, 26 шпионов и провокаторов.

Всякая другая работа, кроме террористической, объявлялась ЦК ПСР несущественной. Только на почве признания террора господствующей формой борьбы, расцвела провокаторская деятельность Евно Азефа, с 1893 года являвшегося платным агентом царской охранки. В 1905 году он выдал ей почти весь состав «Боевой организации», предотвратил покушения на министра внутренних дел Дурново и Николая II. И так деликатно и умело инсценировал «неудачи» этих террористических актов, что снискал глубокую благодарность эсеровского руководства в лице Михаила Гоца (старший брат Абрама Гоца), Виктора Чернова, Бориса Савинкова, Григория Гершуни, Владимира Зензинова, Андрея Аргунова и Хаима Житловского. Наговоры на Азефа были признаны результатами интриг полиции, которая хочет опозорить и тем самым обезвредить одного из самых ценных работников партии. И все же Евно Азефа разоблачили. Однако ему удалось скрыться и избежать возмездия. В чем не раз упрекал себя Савинков. Горькая эта пилюля по забывалась… Но террор, как таковой, как метод, оставался для Савинкова неприкосновенным.

> «Дело Азефа — тяжелый удар для партии, для революции, — писал Б. В. Савинков. — Но этот удар тяжел не тем, что подорвано моральное значение террора, — террор Каляева чист, — и не тем, что террор, как форма борьбы, невозможен: не будет Азефа — будет террор. Этот удар тяжел и страшен другим. В эти темные дни торжества палачей легко упасть духом, легко отречься от старых заветов, легко забыть свое прошлое. Дело Азефа поколеблет слабых, оно может смутить и сильных. Нужна большая любовь, чтобы поднять наше старое знамя, нужна горячая вера. Но ведь вера без дел мертва… и победа только за тем, в чьих руках меч».

Меч был в руках Савинкова. И он боролся. Менял обстановку. Создавал союзы, группировки. Улавливал бег времени. А у времени нет преград, нет границ. Есть только бесконечная спешка. Гонка. Переезды. Встречи. Разлуки. Потери. Браунинг — в рукаве. Бомба — в чемодане. Телеграммы и шифровки. Кровь убитых и убивавших. Рывок в светлое будущее за счастье России. По трупам сограждан и близких друзей. Террор…

Борис Викторович Савинков родился в семье

провинциального судьи 19(31) января 1879 года. Учился в Петербургском университете. В 1898 году, вслед за старшим братом, арестовывается и попадает в тюрьму. Но первый арест не отпугнул будущего «великого террориста» от революционной работы. Он становится человеком ДЕЛА: одним из руководителей «Боевой организации» партии социалистов-революционеров.

Во многих террористических акциях, предпринимаемых «Боевой организацией» ПСР, Савинков играл первую скрипку. Рисковал жизнью. Казалось, что она у него не одна, а десять. Великолепно владел собой. Не давал волю чувствам. Оставался неизменно спокойным, приветливым к подчиненным боевикам, в ДЕЛЕ — строгим. Принимал, как должное, удачи. Легко переносил промахи, считая их временными. За какую бы трудную операцию он ни брался — она ему удавалась. Гибли Созонов, Каляев, уходили в небытие Григорий Гершуни, Михаил Гоц, Евно Азеф, а Савинков оставался, как однажды назвал его Виктор Чернов, «кавалергардом революции». Следовал старому девизу эсеров: «В борьбе обретешь ты право свое».

Савинков обладал виртуозным умением перевоплощаться из лакея в министра, из офицера в купца, из чиновника в парикмахера, из крестьянина в рабочего и наоборот. Он быстро «вживался» в избранный для боевой акции образ. Готовясь убить министра внутренних дел Плеве, Савинков снял шикарную квартиру в Петрограде и поселился там под видом богатого англичанина с «женой» эсеркой Дорой Бриллиант, с «лакеем» Егором Созоновым и «кухаркой» старой революционеркой Прасковьей Ивановской-Волошенко. Все отлично играли свои роли, но лучше и талантливее всех — Борис Савинков. И это в значительной степени обеспечило успех террористического акта — Плеве был убит.

Шли годы. Савинков боролся с самодержавием, а на идейном фронте — с большевиками, возглавляемыми Владимиром Ульяновым-Лениным. Правда, в 1907 году из-за разногласий с эсеровским руководством Савинков вышел из партии эсеров. В 1911 году уехал за границу и объявил себя «независимым» социалистом. Во время первой мировой войны стал оборонцем и даже вступил во французскую армию, чтобы сражаться против Германии.

Савинков не случайно объявил себя «независимым» социалистом. Террор умирал, и он не хотел присутствовать на его похоронах и поминках. Гроза самодержавия — партия социалистов-революционеров мельчала. Члены ЦК ПСР колебались. Плелись в хвосте у кадетов. Жили конституционными иллюзиями. В ночь на 10 апреля 1907 года была арестована

группа боевиков, готовивших покушение на Николая II. ЦК партии эсеров заявил, что их партия не имеет к покушению никакого отношения…

Савинков потер лоб. Шаблонная фраза: «Партия не имеет к данному покушению никакого отношения», — становилась дежурной. Повторялась Центральным Комитетом не однажды. За нее цекисты прятались как за бетонную стену, уходя от ответственности за ими же санкционированные террористические акты.

Савинков покинул партию, которой уже не боялось самодержавие. Медленно, со скрипом, но она переходила на службу либеральной буржуазии. Над партией эсеров уже иронизировали в царских дворцах и хоромах, в канцеляриях министерств и Департаменте полиции. Дошло до того, что газеты, комментируя сложившиеся отношения между кадетами и эсерами, изображали либерала, почтительно склонившегося перед монархом, со словами: «Ваше величество! Дайте конституцию, а то эсеры стрелять будут!»

В Россию «независимый» социалист Савинков вернулся в начале Февральской революции. Активно включился в политическую борьбу на стороне Временного правительства. Это оценил Керенский и назначил его комиссаром Юго-Западного фронта, а затем Управляющим военным министерством. Фактически военным министром.

Октябрьскую революцию Савинков встретил враждебно. Совершил целый ряд тягчайших преступлений против Советской власти. Для спасения Временного правительства пытался поднять казачьи полки Петроградского гарнизона. В первом часу ночи пошел в Совет союза казачьих войск, членом которого состоял. Ему удалось убедить представителей казачьих полков и военных училищ собрать небольшую вооруженную силу, чтобы попытаться дать бой осаждавшим Зимний дворец большевикам. Однако в два часа ночи Зимний пал. Членов Временного правительства арестовали.

Савинков, оставшись на свободе, не растерялся. Переодевшись рабочим, пробрался к генералу Краснову, идущему с казаками на Петроград. Там он застал в панике Верховного главнокомандующего Керенского, вовремя сбежавшего из Зимнего до его штурма. Тщетно Савинков пытался побудить Керенского к активным и решительным действиям. Керенский же не верил уже никому. Воля была парализована. Все надежды он возлагал только на свое ораторское искусство. Савинков согласился с монархическим ядром казачьего офицерства на его арест. Но главковерха спасли Абрам Гоц и Григорий Семенов с

группой эсеровских боевиков. Красновские войска на подступах к Петрограду потерпели крах, а самого генерала арестовали и доставили в Смольный.

С первых шагов Октябрьской революции Савинков стал ее убежденным противником. Глубокая, ярая ненависть к «толпе», к «массам», к Советской власти заслонила в глазах Савинкова правду, и он лихорадочно искал силы, способные выступить против государства рабочих и крестьян. Такие силы он нашел у Корнилова.

«Почему же я тогда пошел к Каледину и Корнилову? — спрашивал сам себя Савинков. — Что мне было делать: один бороться не мог. В эсеров я не верил, потому что видел их полною растерянность, полное безволие, отсутствие мужества… А кто боролся? Да один Корнилов! И я пошел к нему».

Знаменитый террорист, почти цареубийца, «социалист-революционер», Б. В. Савинков и золотопогонные генералы Каледин и Корнилов заключили союз. Что их соединяло? Прежде всего, общая ненависть к рабоче-крестьянской власти. К ее социальному строю. К ее морали. К ее целям. История, к сожалению, знает немало примеров, когда самая отъявленная, самая черная реакция избирала своим орудием людей с богатым революционным прошлым, с гуманитарной и демократической репутацией. Все абсолютно понятно: ведь таким людям еще верили! Могли верить. Борис Викторович Савинков был таким человеком, который соединял в себе легенды конспиратора-заговорщика, беззастенчивого в средствах для достижения поставленных целей, с левой революционной фразой и демагогией и с именем рыцаря террора — врага царского самодержавия.

Сотрудничество с царскими генералами давалось Савинкову нелегко. Он жаловался на трудности «работы» среди «родного» ему народа.

> ИЗ СТЕНОГРАММЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА:
>
> САВИНКОВ: При Николае Втором революционеры должны были опасаться только полиции. При большевиках мы были окружены со всех сторон.

В конце 1918 года Савинков уже в Париже. Он — представитель Колчака за границей. Посетил Ллойд Джорджа и Черчилля. Получил для белой армии огромные партии обмундирования и снаряжения. Возглавил бюро печати «Упион» и стал распространять заведомо ложную информацию о Красной Армии. Агитировал за продолжение вооруженной борьбы капиталистических государств против Советской Республики.

После разгрома армии Колчака Савинков уехал в Варшаву и был принят Пилсудским. Возглавил «Русский политический комитет». Организовал так называемую «Русскую народную армию». Верховодить ею поставил генерала Перемыкина и братьев Булак-Балаховичей… Лично участвовал в разбойничьем бандитском походе на Мозырь. Не после этого ли похода Савинков написал: «Человек живет и дышит убийством, бродит в кровавой тьме и в кровавой тьме умирает. Хищный зверь убьет, когда голод измучит его, человек — от усталости, от лени, от скуки… Я стреляю на выбор, слева по очереди и в лоб. Я целюсь медленно, внимательно, долго…»

В походе на Мозырь Савинков и савинковцы дышали в полном, а не в переносном, смысле убийствами, грабежами, казнями, бродили по советской земле в кровавой тьме, убивали безвинных от усталости и лени, от безделья и тоски. Стреляли на выбор. И слева, и справа, и в лоб. По очереди. Куда было торопиться. Захваченные были безоружны. В большинстве — старики, старухи и дети. Те, кто не смог убежать и скрыться в лесах. Потому и целились внимательно и долго. Продлевали удовольствие. Жертвы падали безмолвно. Они же были крестьянами. Красными крестьянами.

Савинковские набеги и рейды… Руководил ими полковник С. Э. Павловский. В городе Холм было убито 250, ранено 130 человек. В районе Пинска — убито 14 человек. Ограблены банки и разгромлены учреждения в уездных центрах Духовщина, Белый, Поречье, Рудня. Повешена беременная жена начальника погранзаставы. В Опочке живым сожжен директор банка Г. И. Хаймович. Близ Полоцка пущен под откос пассажирский поезд, на железнодорожной станции расстреляно 15 коммунистов…

И все же поход на Мозырь и другие разбойничьи рейды в Белоруссию закончились полным разгромом воинства Савинкова, Перемыкина и братьев Булак-Балаховичей. Тогда Борис Викторович организовал на территории Советской России военно-разведывательную деятельность. Создал под эгидой польского генерального штаба и французской военной миссии специальное «Информационное бюро». Во главе его, для надежности, поставил своего брата Виктора Савинкова. Часть полученных сведений «бюро» передавало польскому генеральному штабу, часть — французской военной миссии в Варшаве. Деньги, получаемые за шпионаж, шли на организацию подрывной работы в Советской Республике.

Кроме работы разведывательного характера, «Информационное бюро» занималось также посылкой людей для

ведения агитации и пропаганды среди сельского населения. Цель — убедить крестьянство, что Октябрьская революция и волна социализма в России не оказали никакого влияния на извечное течение жизни мужика, ее специфического уклада. Как была, мол, лапотная мужицкая Русь-матушка темной, невежественной и отсталой, такой она и осталась. Страшно хотелось Савинкову и иже с ним заставить поверить крестьянские массы в то, что социальные революции ничего не меняют в жизни простых людей и на сущности их бытия не отражаются. А если и отражаются, то в худшую сторону, ведут не вперед, а отбрасывают назад. А раз так, зачем совершать такие революции, зачем проливать за них кровь?! Крестьянам лучше вернуться на прежнюю протоптанную дорожку. Незачем свергать своих заботливых хозяев помещиков, денно и нощно пекущихся о благополучии мужика. Естественно, для подобных идей кое-где почва оказывалась благодатной: зерна «савинковщины» прорастали мятежами, восстаниями, бандитизмом и терроризмом. Пылали украинские и белорусские села. Дети оставались без отцов. Отцы — без матерей. Внуки — без дедушек и бабушек. Рекой лилась кровь. Закипала вражда. На погостах по ночам кричали совы, выли бездомные собаки и надрывно мычали чудом уцелевшие, бродячие коровы. Надвигались анархия и хаос.

Савинков же тешил свое политическое честолюбие. Уроков из ошибок не извлекал. Упорствовал в заблуждениях. Угрожал и устно, и печатно большевикам историей. Так угрожал и устрашал, будто история была ему послушна. Будто он был на земле ее чрезвычайным уполномоченным. Он позировал перед лицом истории и продолжал совершать тяжкие преступления, считая их героическим вкладом в русскую революцию.

…Борис Савинков слыл среди эмигрантов тем, что изысканно одевался. Держался особняком. Во всей его натуре ощутимо и ярко проступал индивидуализм, желание всегда быть на виду, впереди, но не со всеми, а в отдалении, на расстоянии, чтобы нельзя было спутать Савинкова с кем-то другим. Это, естественно, многих задевало. Вызывало неприязнь и зависть. И вот этот человек оказался у большевиков на Лубянке. Раздумывал над тем, как следовало вести себя на предстоящем процессе. В том, что процесс состоится, — Савинков не сомневался. Возможно, то, чего не удалось ему достичь в «Коне вороном» и в «Коне белом», он добьется на процессе. Самолюбив. К тому же — удачлив. Опытный политик. Талантливый писатель. Изощренный полемист. И на скамье подсудимых не ударит в грязь лицом перед Западом.

А вдруг большевики побоятся открытого процесса?

Предпочтут избежать огласки? Савинков есть Савинков. Один из самых, самых… Проведут закрытый суд. Без лишнего шума. Без посторонних глаз. И, что бы ни говорил Савинков, навсегда будет похоронено в архивах. Со временем от них ничего не останется. Трухлявой станет бумага. Выцветут буквы и прощай-прости зажигательные речи «кавалергарда революции» — идеолога белой эмиграции.

Вопреки прогнозам Савинкова, процесс по его делу был открытым. О суде над знаменитым террористом подробно писалось в газетах всего мира, который недоумевал: Савинкова ли допрашивали? Он ли на суде произносил такие речи? В своем ли он уме? Неужели поднял перед Советами белый флаг?

Весьма примечательно. Савинков пояснил на процессе, что прибыл в СССР не для организации подрывной работы и шпионажа, а «чтобы узнать правду о России». Умел Борис Викторович, при случае, ввернуть нужные слова. Они останутся на его совести. Впрочем, была ли у этого человека совесть?

Отправляясь в Советскую страну, Савинков, видимо, меньше всего думал о совести, и уж подавно не помышлял об аресте. Иначе разве бы прихватил он с собой самых близких сподвижников, верных людей? Тюрьма? Суд? Скамья подсудимых? Такое и во сне не могло присниться, тем более самому Борису Савинкову. Столько лет он держал в напряжении чекистов, слыл знатоком «русского вопроса» и вдруг — Лубянка. Как же это случилось?..

…Летом 1922 года ОГПУ разработало план секретной операции. Цель «выманить» Савинкова из-за границы на советскую территорию. Ф. Э. Дзержинский и В. Р. Менжинский, используя информацию задержанного адъютанта Савинкова, бывшего царского офицера Л. Д. Шешени, и бывшего эсера Григория Семенова, ставшего к этому времени уже членом РКП(б), поручили осуществить операцию контрразведывательному отделу ОГПУ, возглавляемому А. Х. Артузовым.

Под видом активного деятеля «Московской антисоветской организации» А. П. Мухина к Савинкову выехал старший оперативный уполномоченный контрразведывательного отдела ОГПУ А. П. Федоров. Роль свою он выполнил блестяще. Встречался с главарями варшавской и виленской групп «Народного союза» И. Т. Фомичевым, Д. В. Философовым, Е. С. Шевченко, М. П. Арцыбашевым. Вошел в доверие, стал своим человеком в заговорщических верхах. Убедил всех в существовании «Московской организации» и через них заинтересовал столичными «делами» Савинкова.

В Москву «нелегально», под негласным наблюдением чекистов, наведался Фомичев — влиятельный член виленского отделения «Народного союза». Он познакомился с «руководителями московской организации» — сотрудниками ОГПУ: их представлял Фомичеву его хороший знакомый, адъютант Савинкова — Шешеня.

Вернувшись за кордон, Фомичев встретился в Варшаве с Философовым и убедил его в реальности и солидности «московской фирмы». Философов стал рьяным сторонником установления тесных контактов «Народного союза» с «Московской организацией». Уговаривал Савинкова поехать в Россию. Возглавить «москвичей». Попытаться еще раз атаковать Советскую власть. После долгих колебаний, проверок, раздумий, после встречи в Париже с видным деятелем «Московской организации» Мухиным, Борис Савинков решился: послал в Советский Союз своего ближайшего помощника, полковника С. Э. Павловского. На территории СССР этот бандит повел себя агрессивно, был крайне враждебно настроен, представлял большую опасность для всей операции. Его арестовали. Попав в чекистскую «ловушку», Павловский решил заслужить снисхождение. Согласился помочь ОГПУ поймать Савинкова. В письмах своему шефу подтвердил наличие «Московской организации», ее жизнеспособность, действенность. Просил Савинкова приехать в Москву, где ему будет оказана «царская» встреча…

Границу Борис Савинков прошел нелегально, с фальшивым паспортом, ночью. Спешил на встречу с руководителями «Московской организации» и других контрреволюционных групп. Вместе с Борисом Викторовичем государственную границу СССР перешли: А. А. Дикгоф-Деренталь — «мой министр иностранных дел», как называл его Савинков, и жена Дикгоф-Деренталя — Любовь Ефимовна личный секретарь Савинкова.

Сложную и смелую операцию провели чекисты. Они позволили Савинкову и его сподвижникам добраться до Минска, здесь 16 августа 1924 года всех арестовали. Савинков не смог скрыть замешательства.

— Чисто сделано, — сказал он подчеркнуто небрежным тоном чекистам. Разрешите продолжать завтрак?

Преступления Савинкова были широко известны. О них много писалось в советской и зарубежной печати, причем сам Савинков в статьях, дневниках, повестях и романах, не стесняясь, поведал миру о своей подрывной и террористической деятельности против Советского государства. Крупные судебные процессы над савинковцами, прошедшие в СССР в 1921–1924 годах, разоблачили Савинкова как платного агента нескольких

империалистических разведок.

К удивлению Запада, Савинков не отрицал обвинений. Не пытался прятаться в эсеровские «кусты», рядиться в пресловутые ризы «народовластия». Мучительно рассказывал суду о том, что белое движение направлено против трудящихся, а иностранные империалисты, поддерживая и финансируя русскую контрреволюцию, преследуют свои собственные цели, идущие вразрез с интересами России, а на него и ему подобных «вождей» смотрят как на своих покорных слуг. «Кто платит — тот заказывает музыку».

Савинков рассказал суду, как военный министр Англии Уинстон Черчилль, ткнув пальцем в обозначенное на карте расположение войск Деникина, сказал:

— Вот это моя армия!

ИЗ СТЕНОГРАММЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА НАД САВИНКОВЫМ:

— Вы что-нибудь ответили на эту фразу?

САВИНКОВ: Я ничего не ответил… Я хотел выйти, но тогда представил себе, что вот я сижу в Париже, а там, на далеком фронте, русские добровольцы (белогвардейцы. — Н. К.) ходят разутые, и, если я хлопну дверью, выйду со скандалом из этого кабинета, они будут ходить без сапог.

Далее материал будет даваться под заголовком: «Из стенограммы судебного процесса».

— Что вы еще можете сказать о целях «союзников»?

САВИНКОВ: Англичане очень упорно, очень много говорили со МНОЙ о том, что желательно образовать «независимый» юго-восточный союз из Северного Кавказа и Закавказья. Союз этот должен быть только началом. К нему должны присоединиться Азербайджан и Грузия. Я в этом чувствовал запах нефти… Они хотели видеть Россию истощенной, разоренной, своей колонией.

Савинков признал (в который раз!), что его борьба с Советской властью субсидировалась иностранцами. Он прямо заявил:

— Без опоры на иностранцев мы воевать не могли.

Кто снабжал Бориса Савинкова в 1918 году деньгами? Кто помогал ему вербовать разбойничье воинство? Французский посол Нуланс первым проявил «милосердие» к террористу и выдал ему 2,5 млн. рублей за организацию кровавой авантюры в Ярославле. Будущий президент Чехословакии, «гуманный» Массарик выделил для Савинкова 200 тысяч рублей. Выделил с

оговоркой: «Непременно для террористической борьбы…»

ИЗ СТЕНОГРАММЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА:

САВИНКОВ: Я думаю, что все иностранцы, каковы бы они ни были в этом отношении, равны, — что Пуанкаре и Мильеран равны Эррио, что Черчилль и Ллойд Джордж равны Макдональду, а Муссолини — Пилсудскому. Все они очень приветствовали ослабление России, этим, собственно, и объясняется их политика по отношению тех, кто борется с большевиками.

Я это утверждаю и очень буду счастлив, если когда-нибудь Советской власти удастся предъявить им счет. Пускай за все заплатят.

…Не оспаривая своей враждебной деятельности против Советской страны (с фактами спорить трудно), Савинков вместе с тем попытался найти себе оправдание с точки зрения нравственности и морали. «Я, Борис Савинков, патетически восклицал он, — бывший член боевой организации ПСР, друг и товарищ Егора Созонова и Ивана Каляева, участник убийства Плеве и великого князя Сергея Александровича, участник многих других террористических актов, человек, всю жизнь работавший только для народа и во имя его, обвиняюсь ныне рабоче-крестьянской властью в том, что шел против русских рабочих и крестьян с оружием в руках. Как могло это случиться?» Ни больше ни меньше — «слуга народа», всю жизнь работавший только для народа! А на кого списать разоренные села, города, сотни убитых партийных и советских работников, повешенных на телеграфных столбах рабочих и крестьян, взорванные мосты, эшелоны с продовольствием, разрушенные заводы и фабрики? Все эти действия террорист-литератор, квалифицировал не как тяжкие преступления, а как свои личные «прегрешения», «ошибки», да еще несознательные!

САВИНКОВ: Моя невольная вина перед русским народом, вольной вины за мной нет.

В показаниях Савинков пытался объяснить, почему стал бороться против новой власти. Во-первых, по своим убеждениям он пусть плохой, но эсер. Следовательно, обязан защищать Учредительное собрание. Во-вторых, думал, что преждевременно заключенный Брестский мирный договор гибелен для России. В-третьих, ему казалось, что если не бороться с коммунистами демократам, то власть захватят монархисты. И, в-

четвертых, кто мог бы в 1917 году сказать, что русские рабочие и крестьяне пойдут за РКП(б)? Он-де разделял распространенное заблуждение, что Октябрьский переворот не более как захват власти горстью смелых людей, захват, возможно, только благодаря слабости и неразумению Керенского.

САВИНКОВ: Будущее мне показало, что я был неправ во всем. Учредительное собрание выявило свою ничтожность. Мир с Германией заключила бы любая дальновидная власть. Коммунисты совершенно разбили монархистов и сделали невозможным реставрацию в каком бы то ни было виде. Наконец, — это самое главное, — РКП(б) была поддержана рабочими и крестьянами России, т. е. русским народом.

Кличка «театральный» была дана Борису Савинкову еще полицейскими филерами в 1906 году. Луначарский, зная или не зная об этом, метко назвал знаменитого террориста «артистом авантюры». В статье под таким названием он писал: «Я не знаю, всегда ли он играет роль перед самим собою, но перед другими он всегда играет роль… Савинков влюбился в роль „слуги народа“, служение которому, однако, сводилось к утолению более или менее картинными подвигами ненасытного честолюбия и стремлению постоянно привлекать к себе внимание…»

В показаниях Савинков не жалел красок, чтобы предстать в образе эдакого разочарованного, не понятого ни белыми, ни красными, ни эсерами, ни коммунистами, всегда и во всем сомневающегося романтика, стоявшего выше грязных и кровавых дел, творимых его приспешниками, — близкими и дальними. Если верить Савинкову, то монархисты, все правые партии ненавидели его, не доверяли ему, всеми способами, вплоть до покушения, старались от него избавиться.

Вполне возможно, что некоторым из соучастников Савинкова по общей борьбе против Советской власти бывший эсер казался даже слишком «левым». Важно другое. Может ли представитель мелкобуржуазной партии, мелкобуржуазной контрреволюции, какова бы ни была его личная смелость и честность, дерзнуть сознаться в подлинной, а не мнимой правде? Может ли эсер, да еще такой закваски, как Савинков, отказать себе в удовольствии покуражиться, поломаться, вести дьявольскую игру в прятки с самим собой? И вот начинается игра. Основной мотив известен: все виноваты в преступлениях Савинкова, кроме него самого. Правда и то, что он не отрицает, что делал пакости, совершал кровавые оргии, толкал на злодеяние десятки тысяч людей. Но

все это, видите ли, внешние факты. Они лежат на поверхности — грубая действительность. Утонченная мысль интеллигента-эстета Савинкова не придает им значения. С его утонченной точки зрения эстета совсем не эти объективные поступки, решающие судьбу конкретных людей, важны, а чувства и настроения самого Савинкова, его переживания, его «-вера» и «доверие», его «шатания», его трагедия «белая» и трагедия «зеленая», его разочарование «белое» и разочарование «зеленое».

Заветным словесным коньком Савинкова являлась его «любовь» к крестьянству. Это она, видите ли, заставила его заблуждаться, жертвовать всем и всеми. Во имя мужика он, Савинков, готов был шествовать по колено в мужицкой крови.

Как человек наблюдательный, Савинков не мог не видеть подлинное отношение крестьянских масс к вождям контрреволюции.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА:

САВИНКОВ: Я помню, как зашел в белорусскую деревню, где-то в лесу, ко мне подошли крестьяне… Я задал такой вопрос: «Врангеля вы знаете?» Имейте в виду, что я-то во Врангеля верил, во Врангеля эмиграция верила, во Врангеля иностранцы верили. Я помню, стоял там седой старик, посмотрел и говорит: «Как же, Врангеля знаю». «Что же вы думаете о нем?» Он махнул рукой и говорит: «Пан…»

И тогда для меня совершенно и безусловно стало ясно, что Врангеля нет.

Тогда Савинков задал старику другой вопрос: «А Керенского помните?»

— Да, — ответил старик. — Помню.

— К Керенскому как вы относитесь?

Старик тоже махнул рукой и сказал:

— Пустозвон.

— И не то меня ранило, — говорил Савинков, — что я шел походом, что я посылал русскую пулю и надо мной свистели тоже русские пули, — меня глубочайше, до конца ранили вот эти беседы с крестьянами.

И что же? Савинков после этого сложил оружие? Прекратил борьбу против Советской России? Примирился с русским мужиком? В легкой, поистине космической фантазии Савинкова это примирение достигается очень простыми, немудреными средствами. Классическим в этом отношении является диалог, происшедший между председателем суда и подсудимым:

— В программе «Союза защиты родины и свободы» говорится не об Учредительном собрании, а о создании твердой власти?

САВИНКОВ: Да!

— Вы стояли за диктатуру?

САВИНКОВ: Да!

— За диктатуру кого?

САВИНКОВ: Это оставалось невыясненным…

В программе «Союза» все было расписано как по нотам. С дьявольской последовательностью был разработан план восстания в Ярославле, Рыбинске, Муроме, Костроме. Чрезвычайно тщательно велась подготовка к покушению на В. И. Ленина и других лидеров большевистской партии и Советского правительства. Добросовестно поддерживалась связь с французской военной миссией, с эсеровской боевой организацией, с «персонально входившими» в «Национальный центр» меньшевиками. И всю эту огромную организаторскую работу проделывал Савинков. Даже для писания статей в «Русских ведомостях» находил время. А вот на суде, чтобы ответить на простой вопрос, чья готовилась диктатура мужика или помещика, — у Савинкова не нашлось времени — всего одной секунды.

УЛЬРИХ просит Савинкова подробнее рассказать относительно восстания в Ярославле. Рыбинске и Муроме.

САВИНКОВ: Вы задаете мне вопрос, на который очень печально отвечать…

Долго молчит. У писателя-террориста, еще недавно бряцавшего отточенной фразой, не находится слов. Факты преступных действий давили его, они незримо присутствовали в зале суда, занимая место за столом обвинения. Признание фактов освободило его от фарисейства, беспардонности, лжи и клеветы.

План вооруженного захвата Ярославля, Рыбинска и Мурома принимался Савинковым под прямым нажимом французского посла Нуланса, который стремился облегчить высадку англо-французского десанта в Архангельске и последующего продвижения к Москве. Непосредственное руководство мятежами должны были осуществлять ставленники Савинкова: в Ярославле — полковник Перхуров, в Рыбинске — полковник Бреде, в Муроме — меньшевик доктор Григорьев.

В ночь на 6 июля 1918 года Савинков дал сигнал полковнику

Перхурову начать выступление в Ярославле, а 7 и 8 июля, по его же распоряжению, произошли контрреволюционные мятежи в Рыбинске и Муроме. Ключом к успеху мятежа являлся Рыбинск. Здесь находилось много артиллерии. Без ее захвата нельзя было рассчитывать на серьезный успех победы в Ярославле и Муроме. Захват Рыбинска являлся главной боевой задачей «Союза защиты родины и свободы». Именно в Рыбинск для общего руководства мятежом и направился Борис Савинков.

Честолюбивые и далеко идущие планы Савинкова провалились. В Рыбинске он первым потерпел сокрушительное поражение. Муром мятежники оставили через сутки. В Ярославле продержались больше, но в конечном итоге через 16 дней и этот город вновь стал советским.

Савинков и его клика позорно побежали. С документами на имя члена большевистской партии Борис Викторович отправился в Казань — условленное место сбора участников «Союза защиты родины и свободы» на случай поражения мятежников. В пути Савинкова арестовали. Но вскоре его освободил председатель Ядринского городского Совета, оказавшийся в данном конкретном случае самым настоящим ротозеем и простофилей.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА:

САВИНКОВ: Я написал очень невинный документ. Я написал, что работал в Наркомпросе, что послан в Вятскую и Уфимскую губернии для организации колоний пролетарских детей (смех в зале). Арестовали меня случайно. Я явился сам на следующий день и просил указать, где Совет. Явился в Совет, спросил председателя Совета (фамилию его я узнал у красноармейца) и сказал, что очень рад, что у него в городе такой порядок, потому что, как только появилось неизвестное лицо, его сейчас же арестовали, что я его поздравляю с этим порядком и, когда вернусь в Петроград и Москву, доложу об этом. Он был очень доволен этим и стал читать мой документ. А в этом документе я написал, что Наркомпрос просит оказать мне всяческое содействие. Когда он дошел до этого места, он спросил меня, что именно мне надо. Я, подумав, сказал: «Видите ли, вы меня арестовали, вышло недоразумение. Я с петроградским документом. Если вы выдадите мне ваш документ, то в ближайшее время я не рискую». Он приказал выдать хороший документ. Потом по его приказанию мне помогли купить лошадь, и я уехал.

Из Казани Савинков подался в отряд генерала Каппеля, чтобы непосредственно участвовать в боевых действиях против Красной Армии.

КУШНИРЮК: Когда вы были в отряде Каппеля, расстреливали там пленных красноармейцев?

САВИНКОВ: Только тех, которые были добровольцами.

КУШНИРЮК: А как вы определяли, доброволец или нет?

САВИНКОВ: По их сознанию.

Ответ Савинкова не требует глубоких комментариев: каждый, кто не хотел стать в ряды белой армии, — подлежал расстрелу.

На суде Ульрих спросил Савинкова: почему ни один из террористических актов, замышлявшихся им против Ленина, не был осуществлен?

САВИНКОВ: Прежде всего, мы имели в виду вооруженное восстание, но не отказывались от террористических актов. Готовилось покушение на Ленина. Знал, где и как живет Ленин, но дальше этого не пошло. Не потому, что мы не хотели, а потому, что не смогли. Был случай, когда я послал Свежевского убить Ленина. Снабдил террориста оружием, деньгами, подложными документами. И все же я не верил Свежевскому. Он сказал: «Я еду». Я ответил: «Поезжай». Понятно, из этого ничего не вышло. Разве можно сделать террор при таком разложении?.. Видите ли, граждане судьи, я, старый террорист, знаю, что такое террор. На террор люди идут только тогда и только потому, когда они знают точно, что народ с ними, и именно потому, когда стоишь лицом к лицу с виселицей и когда знаешь, что своему народу послужил, то идешь. Это совершенно необходимо. Только при этих условиях может быть террор, потому что террор требует огромного напряжения душевных сил. А вот этого у нас уже не было.

На суде Борис Савинков ни словом не обмолвился о своем личном участии в деле освобождения из варшавской тюрьмы бывшего начальника Центрального Боевого отряда ЦК ПСР Г. И. Семенова и его жены Натальи Богдановой. Оба они были арестованы при загадочных обстоятельствах польской разведкой во фронтовой полосе с поддельными документами. Им грозил неминуемый расстрел. Савинков, получив от Семенова сигнал

бедствия, не побоялся взять на себя тяжкую ответственность и вступиться за «агентов ВЧК». Тем более что они на самом деле и были таковыми. Взял на поруки. И не пожалел. От Семенова впервые услышал не выдуманную, обросшую домыслами, а подлинную историю покушения эсерки Фанни Каплан на В. И. Ленина 30 августа 1918 года на заводе Михельсона в Москве. И не преминул «заслуги» Семенова присвоить себе. В книге «Борьба с большевиками» Савинков рассказал, что заслуги в тяжелом ранении вождя революции В. И. Ленина эсеркой Каплан принадлежат не кому-либо, а именно ему — Борису Викторовичу Савинкову и его законспирированной в Москве боевой организации.

На суде Борис Савинков не сказал и о том, что вслед за Свежевским задание убить В. И. Ленина получили Григорий Семенов и Наталья Богданова. Он не стал их долго задерживать в Варшаве. Торопился подстраховать Свежевского более опытным и напористым, как ему казалось, Семеновым.

— Если не удастся убить Ленина, — напутствовал Савинков террориста, вы должны во что бы то ни стало добыть секретные сведения о Красной Армии, о ВЧК. Найти надежного курьера, через которого сообщить в Варшаву свой новый адрес и результаты разведывательной работы.

Савинков охотно признал, что в 1918–1921 годах руководимая им организация несколько раз пыталась готовить террористические акты против В. И. Ленина, вместе с тем отрицал какую-либо связь с Фанни Каплан.

«Покушение на Ленина, — писал Савинков, — удалось лишь наполовину, так как Каплан, ныне расстрелянная, только ранила Ленина, но не убила».

Савинков пояснил суду, с большим смущением и сдержанностью, что фраза эта не точна, брошюра писалась им наспех, фактически же он ничего не знал о готовящемся покушении на Ленина в августе 1918 года и даже не был знаком с Каплан.

Недосуг было Савинкову вникать в дела Московского бюро ЦК ПСР. Он об этом не беспокоился: знал, что действуют они по заданию одних и тех же «хозяев» и теми же средствами. Ну, а кому выпадут «лавры» — случай удачи. Фатальная неизбежность. К тому же на плечи Савинкова давил тяжелый груз подготовка вооруженного восстания в Ярославле и других соседних с ним городах.

Почему же Савинков решил пожать эсеровские «лавры» в деле покушения Каплан на Ленина? Вполне объяснимо. И с точки зрения террориста логично. ЦК ПСР от покушения отрекся.

Публично. Через газету. Но ведь кто-то же руководил покушением? Кто-то же стоял за спиною Каплан? Почему бы не Савинков — всем известный и всеми признанный мастер провокаций и террора? Почему такому историческому акту быть безымянным? Разве не украсит его имя Бориса Савинкова? И разве кто-нибудь усомнится в этом? А польза? Выгода? Громадные! Откроются кредиты российских и европейских толстосумов. Возрастет популярность. Все остальное — спишет история. Спишет и никогда не вспомнит. История делается и пишется людьми, а люди склонны к забывчивости.

> ИЗ СТЕНОГРАММЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА:
>
> — Убийство Мирбаха и восстание левых эсеров было с вами согласовано?
>
> САВИНКОВ: Нет. Это явилось для нас полной неожиданностью.
>
> — Но ведь время совпадает.
>
> САВИНКОВ: Да. В данном случае я выскажу только свои соображения. Я предполагаю, что французы знали о том, что левые эсеры будут выступать. Поэтому французы, зная, что левые эсеры будут выступать в Москве, наши силы перебросили сознательно на Верхнюю Волгу, стараясь приурочить время нашего выступления к восстанию левых эсеров… Французы обманули нас, и мы до известной степени явились игрушкой в их руках.

Игрушкой в руках российского и международного капитала Савинков являлся не только в период Ярославского мятежа летом 1918 года, но оставался до конца, до самого ареста в Минске. Неудачи и поражения не убеждали Савинкова в бесперспективности борьбы. Каждый раз его изворотливый ум «выстраивал» очередной план, а воля и азарт крупного игрока мобилизовывали энергию на новые авантюры. И в центр этих авантюр, покушений, интриг, провокаций он увлекал за собой сотни, тысячи других. Соображения морали не смущали его: игра стоила свеч! Цель оправдывала средства!

В июле 1921 года Б. В. Савинков созвал в Варшаве самых контрреволюционных представителей русской эмиграции и нацелил все контрреволюционные организации на партизанские рейды на территорию Советской Республики с целью уничтожения ревкомов, ЧК, ссыпных пунктов, порчи железных дорог, взрывов мостов, убийства активистов, коммунистов, руководителей советских органов.

Все русские контрреволюционные силы в Польше объединял

вокруг себя «Союз защиты родины и свободы». Руководил им единолично Савинков. Цель объединения — поднять вооруженное восстание в Западной области. Когда этого достичь не удалось, Савинков усилил бандитские налеты на приграничные села и города и ведение разведывательно-шпионской работы. За эту «грязную работу» Савинков получал 1,5 млн. польских марок от французской военной миссии в Варшаве; 500–600 тыс. польских марок от Второго отдела польского генерального штаба; 1,5 тыс. долларов — от Пилсудского; 13 тыс. долларов от бывшего русского посла в США Бахметьева; 10 тыс. долларов — от бывшего русского посла во Франции Маклакова; 35 тыс. долларов — от Нобеля.

Широкий «демократизм» Савинкова позволял ему получать деньги и от русских монархистов, и от министров враждебных Советской Республике стран.

Менялась в мире обстановка. Мятежи в России были подавлены, армии Колчака, Деникина, Юденича, Краснова, Шкуро, Семенова, Врангеля разгромлены. Пилсудский запросил мира. Напуганные революционным подъемом, буржуазные политики уже не рисковали отправляться в новый поход, поговаривали о переговорах, о признании, об установлении торговых и дипломатических отношений со Страной Советов.

Что же Борис Савинков? Он — в Париже. Занимает скромную квартиру. Ведет мирную жизнь обывателя. Встает в 8 утра, отправляется бриться в парикмахерскую. Возвращается домой, завтракает. Присутствует полковник Павловский, иногда — Любовь Ефимовна Дерентальь. После завтрака, часов до двух работает в кабинете, затем перед обедом совершает прогулку. После обеда пишет корреспонденцию и роман из современной жизни… И все это изо дня в день, без изменений, после бурной, полной приключений жизни недавнего прошлого! Он, Савинков, — на обочине. Умный человек, не мог не сознавать. Жизнь шла мимо него. Его неохотно принимали вчерашние друзья и правители. Слишком одиозная фигура; это может стоить популярности, карьеры, а самое главное — доходов, прибылей от нового послевоенного бизнеса. С Россией начинали серьезно торговать.

Можно предполагать, что именно в этот период, после стольких шишек, плевков и подзатыльников, Савинков, возможно, начал осознавать обреченность дальнейшей борьбы против Советской власти. В статье: «Почему я признал Советскую власть?», опубликованной в начале сентября 1924 года в «Правде», он писал:

«Когда при царе я ждал казни, я был спокоен. Я знал, я

послужил, как умел, народу: народ со мной и против царя. Когда теперь я ожидал неминуемого расстрела, меня тревожили те же сомнения, что и год назад, за границей: „а что, если я для них — враг, враг России? А что, если, борясь против красных, я, в невольном грехе, боролся с кем? — С моим, родным мне народом?“

С этой мыслью тяжело умирать. С этой мыслью тяжело жить.

И именно потому, что народ не с нами, а с Советской властью, и именно потому, что я русский, знаю только один закон — волю русских крестьян и рабочих, я говорю так, чтобы слышали все: довольно слез, крови; довольно ошибок и заблуждений; кто любит русский народ, тот должен подчиниться ему и безоговорочно признать Советскую власть!»

Борис Савинков открыто заявил, что вся его жизнь была ошибкой и заблуждением. Он отказался от дальнейшей борьбы с новой властью. Безоговорочно признал ее законы. И не только признал сам, но призывал своих бывших союзников последовать его примеру.

Был ли и на этот раз Борис Савинков искренен?

На Лубянке, во внутренней тюрьме, Савинков прилежно и усидчиво занимался литературным трудом. Времени свободного — хоть отбавляй. Никто не мешал сосредоточиться. Многие его письма к эмигрантам, в том числе к родственникам и бывшим сподвижникам, ставшим потом его ожесточенными критиками, интересны как свидетельство дальнейшей эволюции взглядов Савинкова, как осуждение и разоблачение белой эмиграции и ее верхов.

> «Дорогой друг Илюша (эсер Фоидаминский — ближайший друг Савинкова. — Н. К.). Пишу Вам „друг“, хотя, черт знает, может быть, я в Ваших глазах и „Иуда“ и „Азеф“, предатель и проч… Я прибыл в Россию и (по заслугам) был судим советским Верховным Судом. Теперь я сижу в тюрьме и знаю о России, конечно, мало, но все-таки неизмеримо больше, чем знал, чем знаете Вы. В России выросло новое поколение, в сущности, именно оно и сделало революцию… Оно не допустит возврата к старому строю в каком бы то ни было виде… Вот это надо запомнить и перестать мечтать о „спасении“ России, да еще при помощи иностранцев… т. е. при помощи штыков и денег…»

Письмо длинное и нравоучительное. Важно в нем то, как Савинков пишет о действительности:

«…Страна поднимается: поля засеиваются, фабрики работают, кооперативы (огромная есть) и лавки торгуют, и с каждым месяцем жизнь становится не труднее, а легче. Настал период созидания, и в этом созидании огромную роль играет РКП… Дорогой Илюша, ведь мы об этом мечтали в ПСР. Для этого боролись при царе…

В тюрьме мне стало окончательно ясно, что я был прав на суде и что не изображать Виктора Гюго надо, а склониться перед народной волей, а если возможно, как-нибудь замолить свои грехи перед народом. Поверьте, песнь эмиграции спета и о ней уже речи не может быть…»

В записках, речах Савинкова на суде находим такие весьма выразительные высказывания:

«Если ты русский, если ты любишь свой народ, то преклонись перед рабоче-крестьянской властью и признай ее безоговорочно».

«Что делать, судьба дала мне неукротимую энергию и сердце революционера. Вот я и шел до тех пор, пока не убедился в своей ошибке».

Рисуется Савинков? Рисуется, безусловно. И все же признает свои ошибки. Незаурядные организаторские способности, личная неустрашимость и то качество, которое Луначарский охарактеризовал, как умение вжиться в свою роль и заставить поверить в нее других, позволяли Савинкову все время находиться на гребне политической волны, на самой ее вершине. И можно только посочувствовать ему: спускаться с вершины такой волны — не легкий, а затяжной и болезненный процесс. Трудно признавать ошибочными авантюрные планы, трудно расписываться в собственной несостоятельности.

«Моя борьба научила меня многому, — размышлял Савинков, — каждый день приносил разочарования, каждый день разрушал во мне веру в правильность моего пути, и каждый день укреплял меня в мысли, что если за коммунистами большинство русских рабочих и крестьян, то я, русский, должен подчиниться его воле, какая бы она ни была».

Кроме тех показаний, которые Савинков давал на предварительном следствии и на открытом судебном процессе, он оставил еще и письменные показания. Так, 21 августа 1924 года он записал: «Все причины, побудившие меня поднять оружие, отпали. Остались только идейные разногласия… Но из-за

разногласий не поднимают меч и не становятся врагами… Я не преступник, я военнопленный. Я вел войну, и я побежден. Я имею мужество открыто это сказать, что моя упорная, длительная не на живот, а на смерть, всеми доступными мне средствами борьба не дала результатов. Раз это так, значит, русский народ не с нами… Надо подчиниться народу…»

Свое письмо к Д. С. Пасманику, одному из друзей по эмиграции, Савинков заканчивает такими словами:

> «…Я убежден, что не сегодня, так завтра все бескорыстные, честные эмигранты, и вы в том числе, поймут, что жизнь повелевает признать Советскую власть и работать совместно с нею. А не поймете, так останетесь доживать свои дни в изгнании, питаясь „Последними новостями“ и ненавидя коммунистов прежде всего за свои, а не их ошибки».

Эта же мысль красной нитью проходит через письмо Савинкова к его сестре Вере Мягковой:

> «…А правда… в том, что не большевики, а русский народ выбросил нас за границу, что мы боролись не против большевиков, а против народа… Когда-нибудь ты это поймешь, поймут даже Виктор и Соня (брат и сестра Савинкова. — Н. К.), поймут даже эмигрантские „вожди“».

Жизнь, полная авантюрных приключений, падений и взлетов, не пощадила Савинкова. Она основательно его потрепала не только внутренне, но и внешне. Не было уже в его кармане шелкового носового платка, мягкой шляпы, кожаных краг, о которых писал А. Толстой в романе «Хождение по мукам». Вместо смуглого ухоженного лица — маска, беспрестанно меняющая оттенки и грани. И глаза не стальные и грозные, а выцветшие, бегающие, беспокойные. Ни отрывистых, уверенных фраз, ни повелительного голоса. Он уже мало походил на иностранца и не говорил «с петербургским акцентом, неопределенным, глуховатым голосом…» Это был невысокий, средних лет, полысевший мужчина, с осевшим голосом, мучительно переосмысливающий свою жизнь, свою борьбу, свои идеалы, свою роль в русской революции. Судебными органами ему был предоставлен в тюрьме максимум возможного. Весь мир видел — процесс не инсценирован, Савинков — настоящий, а его разоблачительные показания — не выдумка «Кремля», не продукция красной пропаганды. И, несмотря на всю очевидность

состава преступлений, смысл которых раскрывался в свидетельствах самого подсудимого и массе документов, Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР пришлось в течение всего процесса, строго соблюдая советское уголовное законодательство, вновь и вновь выяснять дополнительные подробности и подтверждать материалы следствия.

Подсудимый Б. В. Савинков полностью признал свою вину. Подводя итог своей борьбы против Советской власти, он вынужден был сказать:

— Для меня теперь ясно, что не только Деникин, Колчак, Юденич, Врангель, но и Петлюра, и Антонов, и эсеры, и «савинковцы», и грузинские меньшевики, и Махно, и Григорьев, и даже кронштадтцы не были поддержаны русским народом и именно поэтому и были разбиты; что, выбирая между всеми разновидностями бело-зеленого движения, с одной стороны, и Советской властью — с другой, русский народ выбирает Советскую власть. Всякая борьба против Советской власти не только бесплодна, но вредна…

29 августа 1924 года в 1 час 15 минут ночи председатель огласил приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Суд признал Б. В. Савинкова виновным:

— в организации контрреволюционных восстаний в 1919–1922 годах;

— в сношении с представителями Польши, Франции и Англии в целях организации вооруженных выступлений на территории РСФСР в 1918–1920 годах;

— в организации террористических актов против членов рабоче-крестьянского правительства в 1918–1921 годах;

— в руководстве военным шпионажем в пользу Польши и Франции с 1921 по 1923 год;

— в ведении письменной и устной антисоветской агитации и пропаганды в 1918–1923 годах;

— в организации банд для нападений на советские учреждения, кооперативы, поезда и т. д. в 1921–1922 годах, т. е. в преступлениях, предусмотренных статьями 58, ч. 1, 59, 14–64, 66; ч. 1, 70 и 76 УК РСФСР (ред. 1922 г.) и по совокупности преступлений приговорил к высшей мере наказания — расстрелу.

Одновременно суд постановил возбудить ходатайство перед Президиумом ЦИК СССР о смягчении приговора. Было принято во внимание чистосердечное раскаяние Савинкова, его полное отречение от целей и методов контрреволюционного движения, разоблачение им интервенционистов и его готовность искренней и честной работой загладить свои преступления перед трудящимися. Поскольку Савинков публично, печатно и устно

признал полную бесполезность и бесперспективность дальнейшей борьбы, он, естественно, признал и новую власть, как законную власть в России.

Ходатайство Военной коллегии Верховного Суда СССР было удовлетворено. Президиум ЦИК СССР постановил:

> «…Удовлетворить ходатайство Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР и заменить осужденному Б. В. Савинкову высшую меру лишением свободы сроком на десять (10) лет».

Савинков заслушал приговор внешне — бесстрастно. В зале суда находились супруги Дикгоф-Дерентали. Савинков, обычно обменивавшийся с ними приветствиями, на этот раз не глядел в их сторону. Дикгоф-Дерентали напрасно пытались ободрить его всем своим видом, взглядом, жестами. Он на это никак не реагировал. Лицо казалось неподвижным, глаза как-то отрешенно смотрели в пол.

Процесс проходил в накаленной атмосфере. Буржуазная пресса неистовствовала. Не считалась ни с какими реальными фактами. Надрывно кричала на страницах газет и журналов о том, что суд над Савинковым не более как спектакль, инсценировка, а сам обвиняемый — слепое орудие коммунистической пропаганды. Другие газеты выставляли Савинкова жертвой большевистского режима, страдальцем за демократические идеалы Запада, уверяли, что вместо Савинкова на скамье подсудимых — двойник, а если не двойник, то Савинков предварительно «обрабатывается» врачами-чекистами. На период пребывания в зале суда ему делаются какие-то специальные уколы, и он говорит то, что от него требует обвинение. Савинков — «кавалергард революции» — верен идеалам народовластия, он — герой и знамя всей белой эмиграции за рубежом.

На Западе раздавались такие голоса, которые неистово обвиняли и клеймили советские органы правосудия «в чрезмерной жестокости», «в отсутствии гуманности и снисхождения» к «независимому социалисту», «борцу» за крестьянские права. Десять лет, по мнению «доброжелателей» Савинкова, срок слишком большой и несправедливый. Советская власть отказала «сильной личности» в возможности загладить свою вину перед трудящимися массами, ради которых Савинков столько перенес лишений, ради которых он полностью раскаялся и разоружился, поднял белый флаг.

Так ли это было на самом деле? Удалось ли судебному процессу полностью раскрыть все факты многочисленных

преступлений Б. Савинкова против народа? Нет, к сожалению, не удалось. На суде, оказывается, он ни словом ни обмолвился о своих преступных сношениях с английской разведкой, о контактировании своих планов с агентом «Интеллидженс сервис» Сиднеем Рейли (Розенблюмом) и «дипломатом» Локкартом.

Впоследствии, в материалах английского Форин-офиса, обнаружили доклады Локкарта и других «союзных дипломатов» о работе в Советской России. В них неопровержимо подтверждены тесные связи Локкарта и его соучастников с Борисом Савинковым. Разведывательные органы империалистической Антанты непосредственно участвовали в организации и финансировании антисоветских заговоров и мятежей против России. Подтверждение тому — телеграмма Локкарта от 26 мая 1918 года в Форин-офис: «Сегодня я имел продолжительный разговор с одним из агентов Савинкова. Этот человек — я знаю его в течение многих лет, и ему можно абсолютно доверить — заявил, что контрреволюционные планы Савинкова всецело рассчитаны на осуществление союзной интервенции. Французская миссия полностью поддерживает эти планы и заверяет (Савинкова) в том, что решение об интервенции полностью принято. Савинков предлагает убить всех большевистских лидеров в тот момент, когда высадятся союзники, и сформировать правительство, которое в действительности будет военной диктатурой». Локкарт далее сообщал, что Савинков предлагал ввести в это «правительство» генерала Алексеева, адмирала Колчака, бывшего царского министра Сазонова, лидера кадетов Кишкина, эсера Авксентьева и себя.

На суде Савинков путано рассказал о своем пребывании на Дону в конце 1917-го и начале 1918 года. Документы же свидетельствуют, что он активно сотрудничал с генералами Алексеевым, Корниловым, Калединым. Убеждал их в необходимости расширить и ужесточить вооруженную борьбу, помогал формировать белую добровольческую армию. Предпринял даже попытку привлечь на сторону контрреволюционного казачества… Г. В. Плеханова, посадить его за один стол с Корниловым, Калединым и Красновым.

— Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и не я его буду расстреливать, если даже он идет по ложному пути, — заявил Плеханов. — И вам не советую этого делать.

Р. М. Плеханова писала:

> «Для серьезного, вдумчивого деятеля, действительно „ценящего“ мнение Плеханова, эти слова были бы предупреждением и заветом. На Б. В. Савинкова они не

подействовали, — он остался при своем глубоком непонимании Плеханова. Он не понимал его истинного отношения к себе…»

Из письма Р. М. Плехановой в редакцию «Известия ВЦИК» от 4 сентября 1924 года.

В показаниях Б. В. Савинкова, опубликованных в № 196 «Правды», сказано: «Я получил задание от Донского гражданского Совета переговорить с некоторыми лицами, ну… (маленькая заминка) с Плехановым о том, что, может быть, они войдут в Донской гражданский Совет…»

Я крайне удивляюсь забывчивости и легкомыслию этого раскаивающегося вождя белогвардейского движения.

…Плеханов всегда и неизменно отстранял всякое практическое предложение, с которым к нему обращался Савинков. Так было в апреле месяце 1917 года, когда он явился к Плеханову с предложением войти в редакцию затеваемой им ежедневной газеты. Георгий Валентинович сказал мне после ухода огорченного Савинкова: «Не желаю быть редактором органа перепугавшейся мелкой буржуазии». Такой же отказ от участия в проектированном Б. В. Савинковым и Е. А. Ляцким органе продиктовал мне Георгий Валентинович Плеханов в сентябре 1917 года, в эпоху демократического совещания.

Каким образом после этих фактов Б. В. Савинков зимой 1918 года мог оставаться в заблуждении относительно Плеханова и его отношении к Б. В. Савинкову и его затеям, что зимой 1918 года, когда последний по приезде в Петроград через одного из своих близких добивался свидания с тяжкобольным Плехановым, считали себя вправе ответить решительным отказом.

2 сентября 1924 года.

Москва.

Прошу газеты, поместившие у себя судебные отчеты по делу Савинкова, перепечатать настоящее письмо.

Р. П.

По поводу исповедальных и нелицеприятных показаний Савинкова больше других неистовствовали его прежние друзья и

сподвижники, с которыми он шел рука об руку много лет.

В тот период мнение Савинкова было для них всегда свято и непререкаемо, считалось законом. Перед авторитетом Савинкова все они преклонялись, а в личном, близком окружении — раболепствовали. За глаза свирепо завидовали удачливости и везению террориста. Теперь же дружно и неистово обливали его грязью, сравнивали бывшего кумира с Иудой, грозили расправой на судебном процессе. И это не были пустые слова. Потребовались энергичные меры ВЧК по охране и Савинкова, и самого хода процесса.

И все же смерти Савинков не избежал: 7 мая 1925 года он покончил жизнь самоубийством…

Савинков обратился к Дзержинскому с письмом относительно своего досрочного освобождения. Утром был весел. Энергичен. Шутил с чекистами, выводившими его на прогулку. Ничто, казалось, не предвещало беды. На какое-то время охрана оставила Савинкова в комнате без оконных решеток, и он выбросился из окна пятого этажа прямо во внутренний двор тюрьмы. Врачи констатировали моментальную смерть…

Что толкнуло Бориса Савинкова на этот крайний шаг? Прошлое ли довлело над ним тяжким грузом? Не давало покоя? Подтачивало больную психику и расшатывало нервы? Возможно и другое. Мог ли он примириться с лишением свободы на столь длительный срок? Рассчитывал, что люди сразу простят все его кровавые преступления и он получит свободу. Или осознал, что после освобождения не может «вписаться» в панораму новой России? Или, быть может, в нем все-таки победил прежний Савинков — «артист авантюры», «независимый социалист», лидер «белой» и «зеленой» эмиграции? Или восторжествовало сиюминутное желание эффектно уйти с «поля боя» непобежденным и загадочным? А может, ему «помогли»?

В жизни Савинкова самый частый знак не восклицательный, а вопросительный. Грех ли свершенное убийство? Костры? Пытки? Казни? Но ведь в ответ! Ради России! Какой России? Этого не знал ни сам Савинков, ни его разношерстное террористическое воинство. Савинков не задумывался, что люди могут жить, не убивая, не расстреливая, не вешая, не проливая безоглядно крови безвинных… А когда задумался — перед ним разверзлась бездна…

Вячеслав Забродин
Демон революции Троцкий

Беседа с Д. А. Волкогоновым и малоизвестные документы и приказы Председателя РВСР Л. Д. Троцкого

— Дмитрий Антонович, хотелось бы начать нашу беседу с такого вопроса. Выяснение подлинной исторической роли Л. Д. Троцкого в нашей революции, гражданской войне, борьбе за власть в ЦК РКП(б) в 20-х годах для Вас связано с установлением истины об этом человеке или прежде всего с желанием ярко показать одного из наиболее серьезных политических противников И. В. Сталина? То есть Троцкий Вам нужен для Троцкого или Троцкий нужен для Сталина?

— Наше время возвращает нам много имен, которые мы открываем как бы заново. Это относится и к имени человека, которое существовало в нашем сознании как символ олицетворения самых отрицательных качеств: это и Иудушка, и шпион, и предатель, и контрреволюционер. Но история развивается по своим законам, рано или поздно обнажая истину. Так вот: личность Льва Троцкого (Лейбы Давидовича Бронштейна) — это личность очень крупного революционера и политика, причем не только российского, но и международного масштаба. На его жизненном пути было много ошибок, промахов, спадов, но у него было и немало подъемов, заслуг перед революцией. Я думаю, мы вообще не вправе так ставить вопрос: Троцкий… нужен для «показа» Сталина. Да, судьбы этих людей тесно переплелись, борьба между ними стала одной из драматических страниц в нашей истории, но сам по себе Лев Троцкий был настолько заметной личностью, что сейчас, на мой взгляд, речь не идет о том, реабилитировать его, как некоторые понимают, или не реабилитировать. Троцкий никогда не «исчезал» из нашей истории, чего, собственно, так добивался Сталин. Этого попросту не могло произойти. Диалектика того времени такова, что, по существу, я не побоюсь этого сказать, в Великой Октябрьской социалистической революции, в гражданской войне Троцкий был вторым человеком после Ленина. Именно поэтому он был, остается и всегда будет в истории нашей революции. Будет не в связи с кем-то, а самостоятельно и вопреки чьей-либо воле, различного рода конъюнктурным соображениям или веяниям. Это ведь только в Древнем Риме существовал закон об «Осуждении памяти»: кто не нужен был или не угоден — выбрасывался из истории. Мы ведь такой закон… не принимали. Более того, сейчас стремимся

правдиво воссоздать свою недавнюю историю, извлечь из нее уроки на будущее.

— И все-таки Лев Троцкий был в высшей степени сложной, противоречивой личностью, человеком, который как бы метался в стихии революции, которому был присущ «вождизм» в откровенной форме?

— Бесспорно. Это был сложный человек, далеко неоднозначно воспринимали его даже друзья, а не то что враги. Но вот тут я сразу замечу: Троцкого нельзя рисовать ни черным фломастером, ни розовым. А ведь сейчас есть немало философов, историков, публицистов, которые, впадая в крайности, пытаются показать его «голубем» революции, беспорочным, кристально честным человеком, другие же упорно продолжают считать его авантюристом, контрреволюционером, антисоветчиком, средоточием зла и чуть ли не исчадием ада. Думаю, все это лишь уводит нас от истины.

Прежде всего — Л. Д. Троцкий был революционером. Он примкнул к социал-демократическому движению еще в 1898 году. Его ссылали в Сибирь. Бежал за границу. О том, что уже тогда он принимал активное участие в политической борьбе против царизма, говорит хотя бы тот факт, что Троцкий был участником знаменитого II съезда РСДРП. Правда, он тогда примкнул к меньшевикам, но вскоре оставил их ряды. От большевиков тоже держался в стороне. Считал себя «независимым социал-демократом».

Когда разразилась первая русская революция, Троцкий возвращается в бурлящий Петербург. Здесь ему удалось выдвинуться даже в руководящее ядро Петербургского Совета, более того, на некоторое время стать его председателем. Потом снова арест. Ссылка на север, опять дерзкий побег. Эмиграция. Знакомство практически со всеми наиболее заметными лидерами европейского социал-демократического движения. Нападки на политику Ленина, да и на политику меньшевиков. «Независимый Троцкий», каким он себя упорно считал, после свержения Николая II возвращается в Россию уже из США. В Петрограде он становится лидером группы так называемых «межрайонцев», пытающихся вести самостоятельный курс (А. В. Луначарский, Д. З. Мануильский, М. С. Урицкий и другие), но вскоре они вливаются в партию большевиков.

За плечами Троцкого к этому времени был уже огромный опыт политической борьбы. Революционеры знали его как блестящего оратора и публициста, это личность мощного интеллекта. На VI съезде РСДРП(б), полулегально работавшем с

26 июля по 3 августа 1917 года, он был избран членом Центрального Комитета большевистской партии. В сложнейший момент революции его избирают председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Долгое время мы не хотели и не могли вспоминать, что вместе с В. И. Лениным, другими видными деятелями партии Л. Д. Троцкий (этот «контрреволюционер», «двурушник», «ниспровергатель ленинизма», «непримиримый враг рабочего класса и трудового крестьянства») в октябре 1917 года проделал большую работу для безусловной победы социалистической революции в России.

Историческая справка.

«После того как Петербургский Совет перешел в руки большевиков, Троцкий был избран его председателем, в качестве которого организовал и руководил восстанием 25 октября».

Ленин (В. Ульянов). Собр. соч., т. XIV, ч. II, М., Политиздат, 1923, с. 482.

«Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом т. Троцкому».

«Правда» (№ 241) за ноябрь 1918 г., из статьи И. Сталина «Роль наиболее выдающихся деятелей партии».

*

— Хорошо. Троцкий внес серьезный вклад в победу вооруженного восстания в октябре 1917 года. Но почему после того, как Троцкий вопреки прямому указанию В. И. Ленина отказался в январе 1918 года подписать в Брест-Литовске мирный договор с немцами, когда он поставил страну в опаснейшее положение, Владимир Ильич все-таки именно его опять же в критический момент революции выдвигает на пост председателя Реввоенсовета республики, а с осени 1918 года — еще и наркома по

военным и морским делам?

— Брестский мир — один из сложнейших моментов в истории нашей революции. Да, Л. Д. Троцкий тогда не выполнил директивы Ленина, заявив: «Состояние войны прекращается, мир не подписываем, армия демобилизуется, уходим домой строить социалистическую Россию». Действительно, после его решения и по существу демагогического, авантюристического заявления австро-германские войска перешли в наступление по всему фронту. Но давайте перенесемся мысленно в то время. Мир с немцами на таких условиях, а потом еще и худших не хотели заключать и Бухарин, и Дзержинский, и другие видные партийцы. Ленин в какой-то момент в ЦК РСДРП(б) даже оставался в меньшинстве по этому архисложному вопросу. Нужны были железная логика, гениальность Владимира Ильича, чтобы опровергнуть доводы сторонников Троцкого—Бухарина, убедить сомневающихся, что в сложившихся условиях спасение революции — в немедленном заключении Брестского мира. Экстренно созванный 6–8 марта 1918 года VII съезд РКП(б) одобрил ленинскую политику в вопросе о мире. Дальнейшие события очень быстро убедили и Л. Д. Троцкого, и Н. И. Бухарина, да и других все еще колеблющихся членов ЦК РКП(б), что иного, альтернативного решения в тех условиях просто не было. Только так можно было спасти тогда факел революции.

Да, Троцкий занимал особую позицию в Брест-Литовске, по сути не выполнил директивы, но Ленин видел и знал другое. Еще в дни Октября он почувствовал, что по силе энергии, революционного напора это один из выдающихся людей своего времени. Что ж, бывший лидер «межрайонцев» не был военным с профессиональной точки зрения, более того — ни одного дня не служил в армии или на флоте. Но время октябрьского вихря было особым. Сразу после Октября каноны тактики, оперативного искусства, стратегии строго никто не исповедовал.

Революционная страсть, напор, воля, способность поднять и повести за собой людей — вот что прежде всего решало тогда исход дела. Только гораздо позднее, уже ближе к концу гражданской войны, с помощью военспецов в Красной Армии в какой-то степени осваивались и применялись непростые методы профессионального руководства организацией и ведением боевых действий. Но это тогда, когда уже сложилась кадровая армия рабочих и крестьян, когда с партизанщиной на местах практически было покончено.

Кроме данного обстоятельства, Ленин выделял Троцкого за жесткость и неуклонность в проведении принятых решений партии и хорошие администраторские качества. Конечно,

административно-командный стиль руководства, которым Троцкий подчас чрезмерно увлекался, не везде мог подойти, а кое-где мог и сильно повредить. Но вот в организации боеспособной армии без такого качества тогда трудно было обойтись.

И наконец, важное обстоятельство — Троцкий, обладая вулканической энергией, решительностью, все больше становился и пламенным трибуном революции. Его знали и в партии, и в массах. Митинговый период в то время не кончился, а кто мог блестяще выступить перед людьми, зажечь их. Разве Сталин или Ворошилов?

Ленин, будучи гением, не ошибся в своем выборе. Троцкий смог возглавить этот сложнейший участок — защиту революции — и справился с партийным заданием. Вот недавно я просматривал архивные материалы о поездке председателя РВСР Л. Д. Троцкого в районы боевых действий под Саратов и Самару. Описание, причем очень подробное, этой поездки сделал на 10 страницах адъютант командующего армией некий Ларин. Я больше нигде в исторических документах не встречал фамилии этого человека. Даже одна только эта поездка дает основания судить о некоторых характерных чертах, особенностях Троцкого (ЦПА НМЛ при ЦК КПСС, ф. 325, оп. 1, д. 12, лл. 1 10).

Куда бы ни приезжал председатель РВСР, его встречали с оркестром, «Марсельезой», криками «Ура!». И везде, подчеркивает Ларин, стояли шпалерами войска. Причем в строю были люди и в сапогах, и в лаптях, и босиком. Один, пишет он, стоял даже в черном цилиндре. То есть его встречала пестрая масса, вооруженная толпа. Читая это, я невольно подумал: почему же Троцкий, будучи умнейшим человеком, позволял встречать себя как какое-то лицо с «голубой кровью», прямо-таки как члена императорской фамилии? Только ли из-за амбиций, гипертрофированного честолюбия? Думаю, не только из-за этого. Троцкий хотел и использовал любую возможность, чтобы подчеркнуть значимость новой центральной власти, значимость верховного военного командования, уверенность в триумфе революции. В то время это было немаловажно.

Где бы он ни появлялся, писал Ларин, везде проводил митинги по 20–30 минут. Были они и под Самарой. Выступления Троцкого отличались неординарностью, взрывом эмоциональности и — главное — доходчивостью. Например, в дивизии под Самарой выводит он рядового солдата из шеренги и громко говорит ему и красноармейцам:

— Брат! Я такой же, как ты. Нам с тобой нужна свобода — тебе и мне. Ее дали нам большевики (показывает рукой в сторону,

где установлена Советская власть). А вот оттуда (выбрасывает руку в противоположную сторону) сегодня могут прийти белые офицеры и помещики, чтобы нас с тобой вновь превратить в рабов!

В конце концов он свое страстное обращение к солдату превращает как бы в диалог с ним, а через него и со всеми присутствующими на митинге. Быстро установив психологический контакт с людьми, переломив их настроения, он требует коллективного ответа или коллективной клятвы от солдат и командиров. Над ним прокатывается тысячеустное «Ура!», «Только вперед!», «Умрем за революцию!» и т. д. и т. п. И когда в конце митинга, о котором шла речь, Троцкий выкрикивает: «На Самару!», то эти уставшие, полураздетые и все еще плохо вооруженные толпы вслед за ним в неистовстве кричат: «На Самару! На Самару!» Он зажег их для боя, предопределил победу. Троцкий умел выжигать революционную искру из людей.

Троцкий, чтобы подчеркнуть свою особую значимость, возил с собой мешки с ничего не стоящими деньгами. Старался прилюдно как-то выделять, награждать красноармейцев, отличившихся в бою. Вот и после взятия Самары он в одном из полков приказал всему личному составу выдать из мешков по 250 рублей. Конечно, на эти деньги тогда можно было купить, скажем, пачку махорки. Но важна не сумма денег, а сам факт раздачи их от его имени! Уж это-то председатель РВСР, как тонкий психолог, понимал лучше многих. Деньги розданы. Троцкий тут же спрашивает опять принародно командира полка:

— Кто особо отличился? Назовите фамилии двадцати человек…

Когда фамилии названы, приказывает:

— Вывести этих людей из строя.

В волнении замерли ряды красноармейцев. Председатель РВСР идет к тем, кто вышел из строя. Каждому лично вручает серебряный портсигар. В свое время их изъяли с царских складов несколько тысяч. Часть из них Троцкий возит с собой в бронепоезде. Вручает одному, второму, десятому… восемнадцатому… Больше с собой нет. А вышли из строя двадцать человек. Троцкий, не раздумывая, снимает свои часы — девятнадцатому, вынимает из кобуры свой браунинг — двадцатому. Это вызывает восторг бойцов, преклонение массы перед ним. Авторитет его как политического вождя и военного лидера еще более вырастает на глазах у собравшихся на митинг.

Архивный документ. (Орфография сохранена)

«КРАСНОМУ ВОЖДЮ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ!..

На военном совещании я писал записку Вам, она попала тов. Склянскому, что все равно нам идти далеко вперед, к своим сотоварищам и водрузить Красный факел на горизонте Европы, а Тов. Троцкого посадим управлять Красной Армией не одной РЕСПУБЛИКИ, а может быть Миром, но для этого нужен Красный боец. Вас прошу обратить Ваше Величайшее внимание на письмо и примите меры на мои вопросы…

С Коммунистическим Приветом. Сын пролетариата. Начдив Конницы Апанасенко».

*

— Дмитрий Антонович, Троцкий не только раздавал деньги, портсигары и браунинги, но и, вероятно, сурово карал тех, кто не выполнял приказ или… не хотел умирать за революцию? Даже одни из его главных биографов, троцкист Дойчер, в общем-то восхищаясь своим кумиром, признавал: «Лев Троцкий был жестокий человек».

— Этого не скрывал не только И. Дойчер, но и сам Л. Д. Троцкий в своей автобиографии «Моя жизнь», изданной еще при его жизни. Я не раз перечитывал ее. Так вот: он был убежден и считал, что «каждый солдат, который находится на фронте, должен знать, что впереди его может ждать смерть с почетом, а сзади — неизбежна смерть с позором».

Давайте я приведу выдержки из приказов Председателя Реввоенсовета Республики. Ну хотя бы вот эти (они у меня есть все).

ПРИКАЗ № 18

«Солдаты Рабочей и Крестьянской Красной Армии не трусы и негодяи… Если они отступают или худо сражаются, то виноваты командиры и комиссары.

Предупреждаю: если какая-либо часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар части, вторым командир. Мужественные, храбрые солдаты будут награждены по заслугам и поставлены на командные посты. Трусы, шкурники и предатели не уйдут от пули.

Л. Троцкий». (ЦПА НМЛ, ф. 325, оп. 1, д. 410, л. 24).

Это не было простой угрозой. По приказу Троцкого расстреливали комиссаров, командиров, красноармейцев, оставивших позиции без приказа, проявивших малодушие и отсутствие стойкости. К слову, во время поездки в Саратов и под Самару, о которой я упоминал, ему доложили, что в соседней части дезертировало 25 красноармейцев. Призвали их из соседних сел. Красноармейцами-то побыли всего несколько дней. Арестовали, вернули. Троцкий приказал: «Созвать ревтрибунал и всех расстрелять!» Получалось: в одном полку раздает награды, а в другом по его же приказу расстреливают полуграмотных мужиков, которые еще толком-то и не сообразили: почему их призвали в Красную Армию, да и вообще что происходит в стране? Таким противоречивым было поведение трибуна революции.

И в то же время подлинные документы подтверждают: Троцкий искренне сожалел о гибели революционеров-товарищей по фронту, стремился увековечить их память, не забыть семьи. Посмотрите: на моем столе лежат вот такие телеграммы. Ознакомимся. Они связаны с гибелью в октябре 1918 года комиссара Волжской военной флотилии большевика Н. Г. Маркина.

Архивные документы. (Орфография сохранена)

ТЕЛЕГРАММА-ОБРАЩЕНИЕ. ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ГЕОРГИЕВИЧА МАРКИНА.

«Погиб Маркин. Это большая потеря. Маркин был превосходный революционер и неустрашимый солдат, настоящий солдат революции. От Балтийского флота он входил в Ц. И. К. второго созыва. Преданный и твердый большевик, он с угрюмой решительностью, — некоторая угрюмость была вообще в его характере, боролся против режима Керенского…

С начала чехо-словацкого мятежа Маркин переходит в военное ведомство и сосредоточивает свои усилия, главным образом на Волжской речной флотилии. Можно сказать без всякого преувеличения, что наша крепкая флотилия на Волге есть создание Маркина. Он проявил ни с чем несравнимую энергию в деле вооружения судов, подборе команд, их воспитания. Вел переговоры с профессиональными союзами, добывал для рабочих хлеб, устанавливал премии за скорейшее вооружение пароходов, производил чистку среди матросов,

действовал на них словом, примером, где нужно — репрессиями, понукал по телеграфу всех медлителей, не успокаивался ни на одну минуту. Это был один из драгоценнейших характеров… Если бы среди советских работников было побольше таких Маркиных, мы не сдавали бы бесславно городов, на железных дорогах, на заводах, в продовольственном деле не было бы разрухи… Душа не верит, что его больше нет с нами.

Прощай, верный хороший друг. Прощай Маркин.

Л. Троцкий.

„В пути“ № 6 от 6 октября 1918 г.»

(ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3.д.76).

«К КОНЧИНЕ ТОВ. МАРКИНА. (Орфография сохранена).

Казань и вслед Командующему Волжской Военной флотилией Раскольникову, Копия Реввоенсовет Пятой Армии, копия Арзамас Реввоенсовет.

Выражаю Волжской Военной флотилии глубокое сочувствие по поводу гибели мужественного борца Николая Георгиевича Маркина. Предлагаю именем его назвать первый боевой корабль, который войдет в состав Волжской Военной флотилии. Прошу всех, кто знает, сообщить о семейном положении Маркина. Лица, близкие Маркину, не могут быть не близки советской республике.

Председатель Революционного Военного Совета Республики Л. Троцкий.

„В пути“ № 7 от 7 октября 1918 г.»

(ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3,д.76).

*

Подобные факты, искренние переживания Троцкого подкупают. Но тут же поражает другое: Троцкий оказался тем, кто первым в гражданскую войну создал заградотряды. Мы утверждаем сейчас, что это идея Сталина. Но это не так. Первый опыт создания и использования в ходе боевых действий

заградотрядов принадлежит Троцкому. По его приказу «наиболее стойкие бойцы и командиры, объединенные в революционные отряды заграждений», расстреливали отступающих рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели еще в 18-м и 19-м годах. Таким был Троцкий, Председатель Реввоенсовета…

— И все-таки был ли Троцкий, пусть даже к концу гражданской войны, хорошим стратегом или талантливым военачальником-самородком?

— Вопрос этот требует изучения, анализа многих и многих чисто военных документов. Выражу свое мнение: по-видимому, он, как военный стратег, не состоялся. Это был военный дилетант. Но компенсировал этот недостаток организаторской стороной дела, волей, умением вдохновлять бойцов. Троцкий буквально метался по фронтам на своем штабном бронепоезде. Иногда его бронепоезд шел в сопровождении одного, а то и двух таких же составов. Его охраняла команда молодых людей в кожаных куртках. В поезде выпускалась газета, печатались его приказы, поддерживалась связь с Москвой и фронтами. Это был штаб на колесах.

Радиостанция поезда поддерживала связь с 13 станциями мира — среди них: Лион, Эйфель, Науэн и др. Эта связь давала возможность быть в курсе событий в мире. Эта информация использовалась Троцким в его статьях, в выступлениях перед красноармейцами и населением.

Для поддержания постоянной связи со штабами фронтов и армий имелись и автомобили, на которых Троцкий совершал свои многочисленные поездки в части.

Сейчас трудно установить количество выпущенных номеров газеты «В пути». Но по далеко не полным данным за 1918–1921 гг. было издано не менее 500 номеров, тиражом приблизительно 4,5 тыс. экземпляров.

Начальник поезда пользовался правами командира дивизии, получал 2450 рублей в месяц, столько же — секретарь Троцкого; коменданты поездов № 1 и № 2 пользовались правами командира полка, — 1950 рублей, начальник команды связи Петерсон — 2150 рублей в месяц. Командир 4-го Латышского стрелкового полка, следовавшего с бронепоездом Троцкого, — 700 рублей, рядовой полка 250 рублей. Эффективным использованием военспецов, личным присутствием, как я уже подчеркивал, специфическим обращением к классовому чувству рабочих и крестьян, революционной совести, суровыми карательными мерами Троцкий обеспечивал победы на решающих участках вооруженной борьбы. Он был один из основных организаторов

РККА, проводником политики Ленина и ЦК ВКП(б) в ее рядах. По ряду вопросов у него были расхождения, и часто серьезные, со Сталиным, Каменевым, Гусевым, Смилгой, Ворошиловым. Но в основном у председателя РВСР не было принципиального расхождения с общей линией ЦК по военным вопросам, строительству и укреплению Красной Армии. Когда в июле 1919 года (из-за разногласий стратегического характера) Троцкий вспылил и подал в отставку, ее не приняли.

Архивный документ. (Орфография сохранена). Июль 1919 г.

«Оргбюро и Политбюро ЦК… рассмотрев заявление т. Троцкого и всесторонне обсудив это заявление, пришли к единогласному выводу, что принять отставки тов. Троцкого и удовлетворить его ходатайство они абсолютно не в состоянии… Твердо убежденные, что отставка т. Троцкого в настоящий момент абсолютно невозможна, была бы величайшим вредом для Республики, Орг. и Политбюро настоятельно предлагают тов. Троцкому не возбуждать более этого вопроса и исполнять далее свои функции максимально…

Подлинный подписали:

Ленин, Каменев, Крестинский, Калинин, Серебряков, Сталин, Стасова»

(ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 2, д. 32).

*

Я говорил уже, что до Октябрьской революции Л. Д. Троцкий к армии не имел никакого отношения. Но есть интересный факт в его биографии, который мало кто знает: одно время, где-то в течение полугода, Троцкий с паспортом на имя прапорщика Арбузова скрывался в Киеве от царской охранки, пытающейся его арестовать.

— Дмитрий Антонович, В. И. Ленин в своем политическом завещании «Письме к съезду» — назвал Троцкого и Сталина двумя «выдающимися вождями» современного ЦК. Причем подчеркнул, что Троцкий, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК. Он предложил также переместить Сталина с поста Генсека по известным причинам. Значило ли это то, что Владимир Ильич

своим преемником более видел Троцкого или кого-либо из других лиц, названных и характеризуемых в письме?

— Я считаю, что очень долго мы неправильно «читали» политическое завещание Ленина. Очень многие считали, да и сейчас думают, что Владимир Ильич назвал в своем «Письме к съезду» наиболее вероятных своих преемников. Убежден, что нет: Ленин назвал как раз всех тех, кто наиболее заметен в партии, но кто не должен в силу тех или иных качеств стать лидером ВКП(б). Ну и главное: ведь Ленин был настолько гениальным, что для него, думаю, просто кощунственной была сама мысль — определить лицо, которое сменит его у руля партии и государства. Владимир Ильич не для того боролся за свержение царской династии, чтобы затем как коронованная особа назначать, оставлять после себя… принца, наследника в политическом смысле слова. Он не мог этого сделать. Перебирая в завещании имена Троцкого, Сталина, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Пятакова, Ленин как бы подводил партийный съезд к необходимости иметь коллективного лидера в ВКП(б) на том сложнейшем, переломном для судеб революции этапе. Так что Ленин не мог видеть Троцкого своим преемником, как и Сталина. А вот что между ними — в силу названных в письме причин — может произойти конфликт, раскол, предвидел. Открыто предупреждал партию, что она должна принять меры к тому, чтобы этому помешать.

— Но все-таки Троцкий надеялся, что именно он, а не кто иной, станет после смерти Ленина во главе партии, будет первым человеком в стране? Помните, в знаменитой картине Ильи Глазунова «Сто веков» Лев Давидович изображен стоящим в возке с короной в руке. И мчит его в пургу лихая русская тройка!

— Сразу замечу, на этой же картине рядом с Троцким изображен и Сталин. У него нет короны на голове, но бросается в глаза, что именно он правит тройкой, да еще в маршальском мундире. Существенная деталь, не правда ли? В масштабном полотне «Сто веков» Глазунов высветил тщеславие и честолюбие обоих, огромное стремление к личной неограниченной власти. Я уже однажды писал, что Троцкий любил себя в революции не меньше, чем саму революцию. Ленин не случайно в «Письме к съезду» называл их рядом. Указывая на недостатки и Сталина, и Троцкого, Владимир Ильич прекрасно понимал: к тому времени оба имели заслуги перед партией, страной, революцией.

Но Троцкий считал, что у него заслуг больше. Знал, безусловно, что Коба тоже честолюбив. Но председатель РВСР был абсолютно уверен, что по большому счету Сталин ему не

конкурент. Его интеллектуальное превосходство над всегда немногословным, даже замкнутым Иосифом Джугашвили-Сталиным было очевидно для всех. Троцкий так был уверен в своей политической победе, что даже не поехал на похороны В. И. Ленина. Правда, в присущей ему манере он прямо на тифлисском вокзале написал яркую, отдающую болью и скорбью в сердце статью по поводу безвременной кончины Владимира Ильича. Кстати, он высказал в ней пророческие слова: как без Ленина пойдем вперед, найдем ли дорогу?! Эту статью, отправленную молнией по телеграфу, 24 января напечатали центральные газеты.

Историческая справка. «НЕТ ЛЕНИНА…»

(Статья написана Л. Троцким на вокзале в Тифлисе 22 января и передана по телеграфу)

«Мы все ждали выздоровления, а пришла катастрофа. Дыхательный центр мозга — отказался служить — потушил центр гениальной мысли. И вот нет Ильича. Партия осиротела. Осиротел рабочий класс. Именно это чувство порождается прежде всего вестью о смерти учителя, вождя.

Как пойдем вперед, найдем ли дорогу, не собьемся ли? Ибо Ленина, товарищи, с нами больше нет…»

«Правда», 24 января 1924 г.

*

Троцкий уже тогда как бы ставил вопрос о выборе пути. Потом его ставили Бухарин, другие товарищи. Для Сталина же сомнений не было. А если и были, то он стремился никогда не показывать их. Наоборот, постоянно убеждал ЦК, партию, в целом массы, что он твердо идет только по ленинской дороге, стойко защищает ленинизм от нападок и искажений. К слову, «сила» Сталина оказалась в том, что он сразу после смерти вождя монополизировал «право» на Ленина, его «защиту». Этим он первым занял очень выгодную политическую позицию продолжателя и толкователя Ленина.

Троцкий летел к неограниченной власти на крыльях славы героя гражданской войны, блистательного трибуна революции. Сталин шел к ней маленькими выверенными шажками,

тщательно взвешивая и просчитывая их. Он был очень осторожным человеком. Не случайно «великим дозировщиком» называл его Николай Иванович Бухарин. Как бы крадучись к власти, Сталин постепенно подминал под себя Секретариат ЦК, лично занимался решением кадровых вопросов: назначением секретарей губкомов ВКП(б), подбором составов всевозможных комиссий и комитетов, терпеливо перемещал и выдвигал на более ответственные участки работы преданных ему людей. Вместе с тем, когда после смерти В. И. Ленина на XIII съезде партии не была выполнена воля Ильича об устранении, подчеркиваю, перемещении Сталина с поста Генсека, он, может быть, впервые реально осознал, почувствовал, что у него появился головокружительный исторический шанс — стать во главе величайшего государства. А всего несколько лет назад он с грязными, свалявшимися волосами, небритый валялся на нарах в далеком, стылом Туруханском крае. Когда позднее, в годы гражданской, имя Троцкого произносилось почти всегда вслед за именем Ленина, Сталин довольствовался упоминанием в конце списка… В те времена, я уверен, Сталин даже не мог предположить, что у него появится такой невероятный шанс.

В 1925 году Политбюро ЦК ВКП(б) состояло из семи членов — Троцкого, Зиновьева, Каменева, Сталина, Рыкова, Томского и Бухарина. Большинство боялось амбиций именно Троцкого — «демона революции», а не Генсека. В политической борьбе за власть терпеливый Сталин, натравливая их друг на друга, создавая временные коалиции из этих людей, постепенно уничтожит их всех. Уничтожит не только политически, но и физически. Причем Троцкий невольно больше всех способствовал упрочению позиций Сталина в борьбе за власть. Ведь, навязывая партии дискуссию за дискуссией, он, помимо своего желания, все больше укреплял авторитет Сталина как лидера партии. Масса уставала от интриг, дискуссий, разбирательств, которые исходили от Троцкого. А его противник тем временем вещал со всех трибун о необходимости единства партийных рядов, незыблемости ленинского курса, осуждения фракционеров. Одновременно Генсек все больше утверждал директивный тон решений Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), стал настойчиво использовать авторитет Центрального Комитета для форсированного проведения в жизнь нужных ему решений. У коммунистов, особенно молодых, складывалось впечатление, что Сталин знает, как строить социализм.

От Троцкого устала и ленинская старая гвардия, успела устать от него и быстрорастущая молодая партийная прослойка. Он раздражал людей, даже уже злил. Вместе с другими членами

Политбюро, играя первую скрипку не там, где надо, добился лишь того, что, как он выразился позднее, «в определенный момент фигура Сталина во всеоружии власти внезапно сошла с кремлевской стены».

— Да, допустим, в борьбе за власть Троцкий скомпрометировал себя в глазах партийной массы. Но все-таки непонятно: как же при такой огромной популярности в стране, столь блистательных ораторских, административных, интеллектуальных качествах он был обойден Сталиным сразу после смерти В. И. Ленина? Ведь, как мы убедились, отправляя телеграмму-статью из Тифлиса, он не сомневался в январе 1924 года в своем скором триумфе.

— В этом как раз заключается еще один исторический парадокс Троцкого-политика. Он был одним из популярнейших людей того времени, но имел весьма мало сторонников. Троцкистов в стране насчитывалось немного. При голосовании в партии, в ходе общепартийных дискуссий, прений на съездах это всегда было заметно. В чем причина? Троцкого ценили за ум, ораторское искусство, публицистику, организаторские способности, но очень многие в партии не могли ему простить, что ко всем он относился как бы свысока, постоянно подчеркивая свое интеллектуальное превосходство, был убежден в своей гениальности и даже навязывал другим эту мысль. Кстати, много работая с исторической литературой, я только один раз встретился с фактом, когда человек открыто заявлял о своей гениальности. Этим человеком был итальянский диктатор Бенитто Муссолини. Когда отмечали очередной день рождения, то на банкете в его честь Муссолини заявил:

— Удивительное дело, но я еще никогда не встречал человека умнее себя…

Люди многое могут простить, но они обычно не прощают, когда их унижают подчеркиванием своего интеллектуального превосходства, вызывая у других комплексы неполноценности. Троцкий же, например, не раз называл Церетели, Вандсрвельда, Сталина, Зиновьева, других партийных, советских работников «посредственностями».

Сталин, этот коварный политический актер, в отличие от него, наоборот, после прочтения на съезде ленинского письма делал все, чтобы показать: он такой же, как все, прост в обращении, лоялен, заботится о товарищах по партии. Своей подчеркнутой «простотой», «доступностью» имел произвести хорошее впечатление на простых людей, не предполагавших, что это — маска, лишь одно из средств для достижения цели. В итоге

в борьбе интеллекта и коварства победил более приземленный прагматик Сталин, бывший в смысле образования, культуры значительно ниже своего вечного оппонента.

Но вот еще одна интересная деталь. Называя всех посредственностями, Троцкий, замечу, после 1917 года и до своей смерти преклонялся перед гением Ленина. Конечно, до революции у них были разногласия, порой очень серьезные. Владимир Ильич писал о нем, как об «авантюристе», «интригане» и даже «подлейшем карьеристе», «Иудушке Троцком». Последний, наскакивая на Ленина, употреблял такие недостойные, а главное — ничем не подкрепленные выражения, как «диктатор», «узурпатор», «эксплуататор отсталости рабочего класса России» и т. д. Изучив массу документов, связанных с Троцким, написанное им, продиктованное или сказанное, ни разу не встретил после 1917 года хотя бы одного выражения, которое было бы неуважительным по отношению к Владимиру Ильичу. Вот недавно просматривая в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС большой рукописный том Троцкого — воспоминания о Ленине, я познакомился с исключительно интересным материалом: много писем из их переписки, телеграммы, уникальные документы, большинство из которых пока не были изданы. Троцкий том подготовил, но ветер удачи дул уже не в его паруса. Он подходил к той черте, за которой Сталин предаст его имя анафеме. Теперь, думаю, можно было бы подготовить и издать рукопись Троцкого, потому что в целом она еще выше поднимает гении Ленина в революции, раскрывает его многие лучшие человеческие качества.

Троцкий, замечу, никогда не пытался сравнивать себя с Лениным. Будучи умным человеком, он считал, что Ленин стоит в истории революции, да и вообще России — на недосягаемой высоте. А Сталин (вспомните, каким он был сначала скромным) дошел до того, что уже через несколько лет после смерти Ильича способствовал утверждению формулы: «Сталин — это Ленин сегодня!»

— Дмитрий Антонович, а что значит социализм по Троцкому? Какую концепцию строительства нового общества он исповедовал, к чему призывал идти?

— Это одно из самых уязвимых мест в политической жизни Льва Троцкого. Прежде чем сказать о его концепции, замечу: колоссальная энергия этого человека была больше направлена на ниспровержение, разрушение старого, отжившего, чем созидание чего-либо нового. Он был певцом перманентной революции. Постоянно ждал мирового пожара и как бы жил им. В

гражданскую войну он даже серьезно предлагал создать два-три конных корпуса на Южном Урале и направить их в Индию, Китай, чтобы инициировать, подтолкнуть там революционный процесс. Это ведь Троцкий говорил, что нам нужно пойти на Варшаву, дальше, чтобы раздуть затухающее пламя революции в Европе. Он романтизировал революцию. Даже перед своей смертью в 1940 году Троцкий все еще ждал мирового революционного пожара, считая, что мировая революция неизбежна в будущем. Но вот каким должен быть социализм, трибун и певец революции все-таки представлял себе смутно. Кроме намеков, общих рассуждений или пожеланий в его трудах мало есть конструктивного о строительстве нового общества. Много неясностей, философского тумана. У него не было, конечно, сильной концепции, как, например, у Бухарина. Даже «социализм» по Сталину, хоть у него была явно извращенная и ошибочная концепция, был подкреплен большей аргументацией и какой-то по-своему изложенной программой.

Троцкий, не выстроив научно обоснованную концепцию социализма, проповедовал милитаризацию труда, требовал создания рабочих армий, полного самоограничения, сведения материальных потребностей до минимума, введения на производстве военной дисциплины. На крестьян часто смотрел как на «материал революции», безликую массу, которая должна помочь пролетариату построить социализм.

Историческая справка. Во время одного из заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) Л. Д. Троцкий, вступив в полемику по вопросу перехода к нэпу, убеждал собравшихся:

> «Рабочий класс может приблизиться к социализму лишь через великие жертвы, напрягая все свои силы, отдавая кровь и нервы».

Он все время подталкивал к жестким мерам по отношению к кулаку, поддерживал жесткую централизацию власти, оправдывал террор. В этом смысле самым последовательным троцкистом был Сталин. Это парадоксально, но это так.

Добавлю: и само название книг и брошюр Троцкого свидетельствует о его особом внимании к революционному процессу. «Перманентная революция», «Мировая революция», «Война и революция», «Армия и революция», «Культура и революция» и т. д. То есть, повторяю, для него было важно низвергнуть, сломать, растоптать старый мир, пока только… закладывая основу для далекого будущего.

— В одном из Ваших выступлений в центральной печати, да и

в Вашей книге «Триумф и трагедия», я обратил внимание на то обстоятельство, что Сталин терзался мыслью: «Нужно было оставить Троцкого до поры в Алма-Ате… Но за границу ни в коем случае нельзя было выпускать…» Сожалел, что судить его пришлось заочно. Так что же побудило Сталина все же выпустить за рубеж своего ненавистного врага?

— Троцкого насильственно выслали из Москвы в Алма-Ату в январе 1928 года. Его несли на руках работники ГПУ, так как тот не подчинился им. Но даже когда опальный трибун революции уже находился в Казахстане, в Политбюро шли долгие дебаты: что же с ним делать дальше? Тем временем Троцкий вел огромную легальную и нелегальную переписку со своими сторонниками. Получал сотни писем ежемесячно. К нему приезжали, его навещали, не забывали. В Алма-Ате вокруг него сформировался целый троцкистский штаб. Троцкий полагал, как он писал, что «марксисты-ленинцы в партии не должны допустить термидора», т. е. переворота в пользу Сталина. Сталин в 1928 году не мог не только расстрелять Троцкого, но даже судить. Он не был готов предъявить ему серьезные обвинения, боялся его. Условия для 1937–1938 годов еще не созрели. Пока старая партийная гвардия хорошо помнила, что сделал этот необычный ссыльный для революции. Сталин ждал своего часа. Но он не хотел оставлять в стране столь опасного оппонента, соперника. Именно он настаивал на немедленной депортации Троцкого за рубеж. Кстати, идею эту сначала не поддержали. Разгорался спор. Сталин не мог добиться единства в Политбюро. В конце концов по предложению Микояна, Куйбышева, других товарищей (документами это пока подтверждено лишь частично) решили сделать попытку примириться с бывшим соратником по партии. Послали к нему человека из Москвы. К сожалению, мне пока не удалось выяснить фамилии этого «парламентера». Скорее всего был он чекистом. Так вот, этот посланец пришел в Алма-Ате к ссыльному под видом простого инженера. Троцкий позже в своих дневниках вспоминал: «„Инженер“ стал говорить, как он сочувствует ему, возмущался вопиющей несправедливостью по отношению к выдающемуся деятелю партии, говорил, что постоянно читает и перечитывает его книги и статьи, восхищается его мужеством. И вдруг неожиданный посетитель свернул разговор несколько в иную плоскость. Дескать, а нет ли у вас желания примириться с руководством партии? Может, компромисс был бы выгоден для революции, ЦК?» И Троцкий пишет далее в своем дневнике, что в тот момент он сразу почувствовал, что перед ним никакой не инженер и что задают ему данный вопрос не случайно. Просто из Москвы прислали

человека прозондировать его настроения. Троцкий утверждает, что ответил так:

— Дело не в том, соглашусь я или не соглашусь на примирение. А дело в том, что Сталин никогда не сможет примириться, чтобы я был там, в руководстве. Вопрос давно решен. Все кончится мокрым делом…

Когда об этом разговоре доложили на Политбюро, Сталин с торжествующим видом посмотрел на всех присутствующих на заседании, сказал:

— Что я говорил! Нет иного выхода, как выслать, нет.

И вот в 1929 году, на исходе холодной февральской ночи, из Одессы в Константинополь вышел с потушенными огнями небольшой пароход «Ильич». Кроме команды, на нем было только три пассажира — Троцкий, его жена Наталья Седова и старший сын Лев, накануне тайно доставленные из Алма-Аты. Троцкому предстояло поселиться в Турции на небольшом острове на Принцевых островах в Мраморном море. Раньше из Византии ссылали туда опальных феодалов.

— Говорят, Троцкому удалось увезти с собой в Турцию огромное количество архивных документов, что позволило ему быстро адаптироваться на новом месте и активизировать борьбу против Сталина уже из-за границы?

— Это в некоторой мере верно. До сих пор непонятно, как ГПУ допустило такой промах, но Троцкий действительно смог вывезти в Турцию 28 ящиков, в которых хранился его личный архив. Но не нужно думать, что он захватил с собой архивные документы РВСР, Политбюро и т. д. Изгнанник увозил только копии. Конечно, кроме личных дневников, некоторых писем, часть переписки с Лениным, документы гражданской войны. Подлинники остались в СССР, до недавнего времени их никому не давали.

Откуда же у Троцкого появились копии? С 1917 года все официальные документы, телеграммы, письма, воззвания, статьи, которые он разрабатывал, писал или подписывал, подлежали по его распоряжению копированию для его личного архива. Троцкий, пожалуй, был первым государственным деятелем молодого Советского государства, который все собирал, записывал и бережно хранил. Он был тем человеком, который давно уже смотрелся в зеркало истории. Подчеркиваю: смотрелся в зеркало истории… Он хотел оставить потомкам документы, мемуары, дневники не просто с точки зрения литературной, познавательной, научной. Троцкий твердо верил, убедил и себя и других, что придет время и все это будет тщательно изучаться,

анализироваться, связываться с его именем. Изгнанник был очень тщеславным, честолюбивым человеком. Он жил для истории, для будущего.

Трудно поверить в то, что только в России с 1917 по 1927 год Л. Д. Троцкий опубликовал 21 том своих сочинений! Но ведь это факт. У меня эти тома есть, как, собственно, и почти все, что опубликовал он за границей. Там, кстати, ему удалось опубликовать еще больше. Я подсчитал: если все написанное Троцким собрать и издать, получится томов 50, не меньше. После 1927 года, кроме нашей страны, его издавали почти везде. В ФРГ, к примеру, сейчас выходит в свет 10-томник документального наследия Троцкого.

Часто меня спрашивают: как при такой загруженности, являясь председателем РВСР, наркомвоенмором, членом Политбюро ЦК ВКП(б), занимая другие ответственные посты, Троцкий смог, успел выпустить этот 21 том в Советской России? Объясню. У него был всегда большой штат помощников; даже в поезде возил с собой не меньше десятка секретарей, стенографисток, машинисток, переводчиков, библиотекарей и т. д. И где бы он ни выступал, все стенографировалось, уточнялось, отпечатывалось и показывалось ему. Троцкий только быстро «подчищал» свои выступления — готово для набора. Если же надо снабдить, дополнить кое-что официальными документами из его архива, он всегда под рукой. Доверенные лица — здесь уже речь пойдет только о близких помощниках и секретарях — были его восторженными поклонниками, единомышленниками. Работали они много — Глазман, Бутов, Блюмкин, Сермукс, Познанский, Клемент, Вульф и другие. Почти все умерли насильственной смертью.

— Дмитрий Антонович, ненавидя Троцкого, обвиняя его в отходе от ленинизма, в контрреволюции, Сталин в то же время многому у него учился. Он ведь как бы переводил теоретические идеи, методы казарменного руководства экономикой, да и всей страной в практическую плоскость. Не правда ли?

— Конечно, это не совсем так. Но все же Сталин не все отвергал у своего непримиримого врага. Еще в гражданскую войну ему импонировала решительность Троцкого, когда тот топил баржи с пленными, расправлялся с саботажниками, приказывал расстреливать отступающих красноармейцев. То есть его привлекала жесткость в действиях Троцкого. Да и идею о трудовых армиях, прохождении пролетариата через «кровь и муки» он не забыл. Все это Сталин как бы перенял… Поэтому повторю парадоксальную и внешне спорную мысль: Сталин был

самый крупный «троцкист» в нашей истории. Разделяя многие взгляды Троцкого, а он даже себе не признавался в этом, на деле создавал мощную бюрократическую машину для подавления личности в социалистическом обществе. Но конечно, диапазон политических действий Сталина в конце концов оказался несравнимо более широким, чем у изгнанника.

— Бюрократия тоже насаждалась с подачи Троцкого?

— Здесь дело гораздо сложнее. Административный стиль руководства был присущ и Троцкому. Гражданская война добавила в этот стиль жесткости, пусть даже жестокости и нетерпимости. Но вот сама энергичная натура Троцкого, его ум, живое общение с людьми, которое он так любил, не позволяли ему превратиться в бюрократа.

К слову сказать, Троцкий, может быть, был одним из тех людей и тех советских руководителей, которые намного раньше других поняли, раскусили опасность бюрократии в нашем обществе. Изучая архивы, я натолкнулся на один очень любопытный документ, где Троцкий уже в 1927 году делает следующий вывод: сейчас Сталин закручивает гайки, насаждает везде партийный аппарат, дает ему привилегии и государственные функции. Он думает, что это нужно для укрепления государства. Нет! Но то, что он делает сейчас, будет иметь колоссальные тяжелые последствия в будущем. И дальше Троцкий пишет: «Бюрократический панцирь пожрет и подавит все!» Нельзя не удивиться его проницательности.

А прочитайте его письма, телеграммы, директивы в военные, государственные, партийные органы. Что-то не похоже, чтобы их писал бюрократ. Ознакомлю вас, к примеру, с такой телеграммой.

Архивный документ. (Орфография сохранена)

ТЕЛЕФОНОГРАММА № 1032. Начальнику военной цензуры. Копия начальнику полевого штаба. Копия начальнику политуправления.

«Все усилия добиться осмысленного применения мероприятий военной цензуры до сих пор не дали надлежащих результатов. Те ограничения, какие продолжает налагать военная цензура, ничего не скрывают от противника, но лишь вводят в заблуждение наших читателей. Так во вчерашних — „Вечерних известиях“ из Саратова сообщается: „В Н-ской армии состоялись переговоры с партизанским отрядом Шубы“ и

т. д. Так как телеграмма почему-то послана Роста из Саратова, то всякий читатель должен заключать, что партизаны Шубы оперируют где-то в Ростовском районе, во всяком случае на юго-восточном фронте, между тем дело идет о 12-й армии, т. е. в другом конце России. Деникинский штаб прекрасно знает, где оперирует Шуба, но Московский читатель рабочий не имеет о том никакого понятия. Мы продолжаем вводить в заблуждение не деникинцев, а Московских и иных рабочих.

Предреввоенсовета Троцкий».

*

А вот давайте прочитаем, как Троцкий докладывал В. И. Ленину о сложившемся к началу августа 1919 года положении на Южном фронте. Здесь нет и намека на преукрашивание обстановки, бюрократическую осторожность, боязнь обидеть кого-либо.

Архивный документ. (Орфография сохранена)

Записка по прямому проводу от т. Троцкого из Конотопа, прин. 9.8.1919 г. Москва. Кремль, т. Ленину.

«…3. Я сообщил, что РВС 12 совершенно обессилен. На юг послан Затонский, который для этой миссии не годится. У Семенова и Аралова настроение подавленное. Нужен хотя один свежий человек. Получаю извещения, что Лашевич едет в Козлов, где он совершенно не нужен. Никто не едет в РВС 12, который фактически не существует. После суток и большого лихорадочного ожидания получаю либо канцелярские запросы о том какие команды направлять, либо поучительные разъяснения о том, что Командармы 12 и 14 должны подчиняться Главкому о чем мы здесь конечно понятия не имели. Убедительно прошу Москву отказаться от политики фантастических опасений и панических решений. Считаться с тем, что требуется отсюда, добиться посылки необходимой помощи в нужный момент. 9 августа 1919 г. № 2537.

Предреввоенсовета Троцкий».

*

— Дмитрий Антонович, в 1937–1938 годах армию захлестнула волна репрессий. А не подтолкнул ли Сталина к уничтожению лучшей части командно-политического состава сам Троцкий? Ведь среди репрессированных было очень много его выдвиженцев еще по гражданской войне, занимавших к тридцать седьмому уже ключевые должности в армии и на флоте…

— Я не считаю, что Троцкий специально и целенаправленно провоцировал репрессии в армии. Дескать, вот тогда-то военные «возмутятся» и что-то будет. Нет. Конечно, он не хотел гибели Тухачевского, Якира, Блюхера, Штерна, Дыбенко, многих других военачальников и политработников, которых хорошо знал в бытность председателем РВСР.

Не хотел и уничтожения бывших военспецов, многих из которых также привлек в Красную Армию и продвигал по служебной лестнице. В общем-то к 37-му никто из этих людей с Троцким связан не был. Если и симпатизировали ему, то единицы.

Но постоянно наскакивая на Сталина, критикуя его, шельмуя в глазах мировой общественности, давая бесконечные интервью за границей, он все время держал «кремлевского горца» в напряжении. Из Турции, к примеру, он в своем «Бюллетене оппозиции» вещал:

> «Левая оппозиция вопреки лживым сообщениям официальной печати идейно крепнет и численно растет…»

Не раз намекал, что у него много сторонников в армии. А в 1936 году, будучи в Норвегии, перед тем как уехать на танкере «Рут» в январе следующего года в Мексику, написал небольшую книжицу. Называется она «Преданная революция». В ней Л. Д. Троцкий прямо подчеркивал: что, мол, я знаю, что около Сталина есть люди, которые не разделяют его убеждений. Такие есть и среди военных. Эти люди могут совершить политическую революцию. Заметьте, опасный изгнанник ведет речь не о социальной революции (он был уверен, что классовая структура общества в СССР правильная, исключает эксплуатацию человека человеком), а именно о политической. Все это Сталину переводили. Я представляю, как он был потрясен, читая такие откровения. Маниакальная подозрительность Кобы, конечно, усиливалась. А непримиримый изгнанник между тем писал: «Я выдвигаю лозунг: „Долой Сталина!“» Потому хотел того Троцкий

или не хотел, но во всяком случае это могло быть одной из капель на весы решения Сталина перейти к широкой кровавой чистке.

Кстати, интересная деталь. Мы много читали о процессах тридцатых годов. Обратите внимание: на скамье подсудимых главными были не Бухарин, Пятаков, Радек, Сокольников, Розенгольц, Крестинский, Серебряков или другие видные деятели партии. Главным был Троцкий. Говорится вроде бы о них, а имя Троцкого упоминается значительно чаще. Я даже на одном документальном материале подсчитал: судят конкретное лицо. Его за время процесса упоминают 5–7 раз, а Троцкий в ходе этой пародии на правосудие упоминается более 50 раз!

Историческая справка

Из приговора военной коллегии Верховного Суда Союза ССР по делу антисоветского «правотроцкистского блока». Оглашен 13 марта 1938 года в 4 часа утра армвоенюристом В. Ульрихом.

«…По заданию врага народа Л. Троцкого и руководящих участников „правотроцкистского блока“ — Бухарина, Рыкова и Ягоды — члены „правотроцкистского блока“ Розенгольц, Крестинский, Раковский, Гринько и Бессонов в явно изменнических целях вступили в непосредственные сношения с представителями враждебных СССР иностранных государств и вели с ними переговоры о формах помощи иностранным агрессорам в случае их нападения на Советский Союз (организация террористических и диверсионно-вредительских актов, шпионаж).

…Крестинский по прямому заданию врага народа — агента германской и английской разведок Л. Троцкого вступил в изменническую связь с германским рейхсвером в 1921 году и был германским шпионом до дня своего ареста в 1937 году, получая за свою шпионскую работу и на преступную деятельность троцкистской организации по 250 000 германских марок золотом ежегодно.

…По директиве врага народа Л. Троцкого и на основе сговора с представителями иностранных государств Розенгольц проводил в системе Наркомвнешторга вредительскую работу, направленную на оказание помощи Германии и Японии и сопровождавшуюся нанесением экономического ущерба

СССР. Кроме того, Розенгольц путем различных валютных комбинаций систематически финансировал Троцкого.

…По указанию врага народа Л. Троцкого руководители „правотроцкистского блока“ в 1934 году приняли решение убить великого пролетарского писателя Максима Горького. Этот чудовищный террористический акт было поручено организовать Ягоде…» и т. д. и т. п.

*

Кстати, главный удар по Троцкому был нанесен еще раньше — на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года. Троцкий снова «очутился» на скамье подсудимых. Но Сталин все равно не переставал его бояться. Оказалось, что в некоторых исторических случаях перо, идея, «стекающая» с пера, бывают опаснее гигантской мощи, которой обладает диктатор.

— Сколько было покушений на «демона революции»?

— За Троцким постоянно следили сотрудники ГПУ—НКВД, завербованные ими люди или «патриоты-сталинисты» во всех странах, где бы он ни скрывался. Фактически Сталин заставлял его скитаться по миру. Принцевы острова в Мраморном море, Франция, Норвегия и, наконец, Мексика стали на разные годы пристанищем депортированного лидера оппозиционеров. Против него были выпады в печати просталинской ориентации в тех странах, где он жил. Против него организовывали колоссальные демонстрации, но явных покушений на него было только два, и оба в Мексике. После того, как Троцкий написал статью «Сталин — интендант Гитлера» (2 сентября 1939 г.), а позднее и послание к советскому народу «Вас обманывают» (апрель 1940 г.), фактически призывающие в канун войны с фашистской Германией сместить Сталина, подготовка к убийству затворника Койоакана (последнее прибежище Троцкого в Мексике) форсированно перешла в практическую плоскость.

В мае 1940 года поздно ночью на Троцкого было совершено первое покушение. Дом хорошо охраняли мексиканские полицейские и личные охранники. Он был укреплен. Однако от безделия, томительного ожидания охранники подчас теряли бдительность. Их меняли, но повторялось то же самое.

Более двадцати человек в военной и полицейской форме 23 мая 1940 года напали на охрану, сразу обезоружив ее. Как это

было, подробно описывается в воспоминаниях известного художника Сикейроса, который сам участвовал в нападении. По команде по спальне, где находился Троцкий с женой, а рядом их внук Сева, был открыт сильный огонь. Сделали до 200 выстрелов. Троцкого спасла жена Наталья, буквально свалившая его на пол между кроватью и стеной. Она также прикрыла его своим телом. Стреляли массированно. Несколько минут спальню Троцкого поливали градом свинца. Никто из нападающих не ожидал, что после этого можно выжить. И, уверовав в смерть Троцкого, они ушли.

Когда на место чрезвычайного происшествия прибыл шеф мексиканской тайной полиции, Троцкий, отведя его в сторону, заговорщицки, не без шутовства сказал:

— Организатор нападения — Иосиф Сталин при посредстве ГПУ…

Словно чувствуя, что его ждет впереди, Л. Д. Троцкий еще в феврале 1940 года написал завещание. Правда, в нем он твердо подчеркнул: «Я оставляю за собой право самому определить день своей смерти…» По-видимому, он не исключал возможность самоубийства. В завещании Троцкий ничего не сказал о своем «детище» — IV Интернационале. Вкратце заметил, что не видит нужды опровергать «глупую и злую клевету» Сталина. Вместе с тем подчеркивает: «На протяжении сорока трех лет моей сознательной жизни я был революционером, сорок два года из них я сражался под знаменем марксизма… Моя вера в коммунистическое будущее человечества — не менее пылкая, чем в годы моей юности, но более твердая». Завещание носило весьма личностный характер, некоторая его часть была посвящена жене. Своим сторонникам и последователям Троцкий никакого политического завещания не оставлял.

Охрану Койоакана усилили. Полицейские стали бдительнее наблюдать за всеми со смотровых вышек. Сменили систему сигнализации. Устанавливали бронированные двери и стальные ставни на окнах. Охранники старались не оставлять хозяина дома-крепости наедине с посетителями. Друзья подарили Троцкому пуленепробиваемый жилет. В своем дневнике он писал: каждый прожитый день мы с Натальей считаем как подарок судьбы. Мы живем, как смертники, приговоренные к казни, и не знаем, когда она будет совершена.

А убийца уже стучался в дом Троцкого. Вхож в него он стал еще в 1939 году, так как считался близким другом Сильвии Агелоф, работавшей одной из секретарш Троцкого. Он представлялся бизнесменом Жаком Морнаром (или Джексоном), восхищался стойкостью и гением патрона Сильвии. То был 27-

летний лейтенант республиканской Испании Рамон Меркадер.

20 августа 1940 года Троцкий собирался снова садиться за продолжение написания книги «Сталин», когда ему сообщили, что пришел «Джексон» и просит посмотреть его статью. Прошли в кабинет. Вот как биограф Троцкого Исаак Дойчер описывает в книге «Пророк в изгнании» то, что произошло дальше: «Он едва успел пробежать первую страницу, как страшный удар обрушился на него».

— Я положил пальто, — давал потом показания «Джексон», — вынул ледоруб, закрыл глаза и со всей силы ударил его по голове.

Троцкий прожил еще один день и 21 августа скончался.

— А как сложилась судьба остальных членов семьи Троцкого?

— Первая жена Троцкого Александра Соколовская, как близкий к нему человек, погибла в лагере. Замечу, именно Соколовская приобщила молодого юношу Льва Троцкого к марксизму, ввела его в круг революционеров. Она была старше своего мужа на шесть лет. Разошлись они еще в 1902 году, но всегда сохраняли друг к другу уважение. От этого брака родились две девочки — Нина и Зинаида. Нина умерла в 1928 году, а Зина позже покончила жизнь самоубийством.

Троцкий женился на Наталье Седовой, которой довелось пережить вместе с ним все взлеты и падения. Их младший сын Сергей не воспринимал политику. Ушел из семьи, когда Троцкий жил еще в Кремле. Он хотел жить, как все, и заниматься любимым делом — химией. В 1935 году его сослали, затем арестовали. В 1937 году расстреляли. Недавно я встречался с его женой Ольгой Гребнер. Конечно, она в преклонном возрасте, но помнит многие детали. Страшно было слушать ее рассказ: через какие муки довелось пройти этой женщине!

Старший сын Лев полностью разделял взгляды отца. Стал его секретарем, надежным помощником. Умер при загадочных обстоятельствах во Франции, когда в одной из больниц Парижа в феврале 1938 года ему была сделана операция. Причем прошла она успешно. Дело шло к поправке. И вдруг внезапная смерть.

За пределами СССР к моменту смерти Троцкого оставались его жена Наталья (еще некоторое время жила в Койоакане, где и похоронили «изгнанного пророка»), внук умершего в больнице Льва — Сева, сын Зины — дочери Соколовской. Однако, собирая обширный материал о Троцком, я установил, что в настоящее время у нас живы около десяти его более дальних родственников. Со многими из них я встречался, узнал много интересного.

— Дмитрий Антонович, по ходу беседы у меня возник и такой

вопрос. Ваша книга «Триумф и трагедия» вызвала большой читательский интерес. Но и споров вокруг нее немало. Кое-кто даже говорит: «Трагедия есть, триумфа нету!» А не получится ли так, что в Вашей новой работе останется только «триумф, но не будет трагедии»?

— Я думаю, что подавляющее большинство моих читателей понимает меня правильно: я ведь говорю о триумфе… в кавычках. Вообще же, всегда считал и считаю, что триумф только одного человека, а тем более политического лидера, — это всегда трагедия для народа. Сталинский триумф — трагедия миллионов советских людей. С точки же зрения самого Сталина и его миропонимания, это его взлет, победа, все то, что, как он надеялся, прославит его в веках. Я так не хочу и не буду писать о Троцком. Использую всю гамму красок: от черной до белой. Его портрет нельзя писать только черным или голубым фломастером. За рубежом Троцкий сделал немало заявлений, шагов, которые были направлены против СССР. Это была сложная, противоречивая личность, крупный революционер, соратник Ленина. Троцкий был человеком, согласным лишь на первые роли. Но история выбирает сама лидеров.

— И последнее. Представьте, случается невозможное: идете Вы и на улице встречаете Льва Троцкого. Он готов искренне ответить только на один Ваш вопрос. О чем спросили бы «демона революции»?

— В своем завещании Троцкий написал: «Начни я сначала, я постарался бы избежать тех или иных ошибок…» Я спросил бы: «Какая из них, Лев Давидович, была самой крупной и можно было ли ее избежать или исправить?»

Вместо эпилога, или некоторые документальные добавления к беседе с Д. А. Волкогоновым

Приказ

Секретно

Председателя Революционного Военного Совета Республики по 8-й армии

№ 62

20 ноября 1918 г.

Части 8-й армии отличаются в большинстве своем крайним недостатком устойчивости. Целые полки разваливаются нередко при столкновениях с незначительными и тоже не весьма стойкими частями противника. Развал частей толкает командование 8-й армии на путь затыкания дыр свежими, едва сколоченными частями. Эти последние подвергаются той же участи, то есть разваливаются нередко при первом же боевом испытании. Положить этому конец и повысить устойчивость армии можно только системой организованных, воспитательных и репрессивных мероприятий, проводимых сверху твердой рукой.

Необходимо прежде всего подтянуть командный состав. Командиры частей привыкли безнаказанно нарушать боевые приказы и ссылаться в свое оправдание на желание или нежелание своих частей… Командир, у которого нет уверенности в себе и нет готовности заставить повиноваться боевому приказу, не способен вести за собой солдат и должен быть переведен в рядовые своего собственного полка… Малейшее отступление от потребностей и правил боевого порядка должно караться по законам военного времени. Попустительство лица командного состава в этих вопросах должно само подлежать суду Революционного трибунала, как одно из тягчайших преступлений… Комиссары должны помнить, что они отвечают за дух частей и за добросовестность работы командного состава. Комиссар, скрепляющий своей подписью недобросовестное донесение командира, совершает тягчайшее преступление.

…Паника, смятение, дезертирство, развал ложатся главной своей ответственностью на командный состав, а

стало быть и на комиссаров. Каждый комиссар должен после всякого несчастья с его частью отдать себе ясный отчет в том, на ком лежит главная вина, донести о негодных командирах, а в случае необходимости арестовать на месте явных шкурников, которые не прочь носить в мирной обстановке звание командира, а в бою прячутся за спину своей части и толкают ее к отступлению в безопасное место. Долг комиссара добиваться через Революционный трибунал расстрела таких негодяев. Нужно железной рукой заставить командиров, а через них и всех солдат понять, что армия существует не для забавы и не для мирного препровождения времени, а для сурового дела войны, для обеспечения с оружием в руках свободы и независимости трудовой страны. Опасности, ранения, гибель представляют собой неразрывную сторону жизни воина. Бояться их, значит уничтожать всякий смысл существования армии. Нашей Красной Армии поставлена столь высокая цель, что никакие жертвы не могут оказаться слишком высокими для ее достижения.

В тех случаях, когда особые обстоятельства, в первую очередь виновность командного состава, побуждают трибунал условно вернуть дезертировавших или заподозренных в дезертирстве в действующие части, необходимо таких условно осужденных облачить в отличительные, черного цвета воротники, дабы они и их окружающие знали, что при первом новом преступлении со стороны этих условно помилованных солдат им не может быть ни милости, ни второго снисхождения…

Наряду с мерами карательными нужны меры поощрения. Комиссары и командиры должны представлять отличившихся воинов Красной Армии к подаркам, денежным наградам, знаку Красного Знамени, а более доблестные полки — к почетному знамени…

Председатель Революционного Военного Совета Республики

Народный Комиссар по Военным и Морским делам

Л. Троцкий.

(ЦГАСА, ф. 33 988, оп. 2, д. 8, л. 30).

Приказ

Председателя Революционного Военного Совета Республики

войскам и советским учреждениям Южного фронта № 65

24 ноября 1918 г.

1. Всякий негодяй, который будет подговаривать к отступлению, дезертирству, невыполнению боевого приказа, будет расстрелян.

2. Всякий солдат Красной Армии, который самовольно покинет боевой пост, будет расстрелян.

3. Всякий солдат, который бросит винтовку или продаст часть обмундирования, будет расстрелян.

4. Во всякой прифронтовой полосе распределены заградительные отряды для ловли дезертиров. Всякий солдат, который попытается оказать этим отрядам сопротивление, должен быть расстрелян на месте.

5. Все местные советы и комитеты бедноты обязуются со своей стороны принимать все меры к ловле дезертиров, дважды в сутки устраивая облавы: в 8 часов утра и в 8 часов вечера. Пойманных доставлять в штаб ближайшей части и в ближайший военный комиссариат.

6. За укрывательство дезертиров виновные подлежат расстрелу.

7. Дома, в которых будут открыты дезертиры, будут подвергнуты сожжению.

Смерть шкурникам и предателям! Смерть дезертирам и красновским агентам!

Председатель Революционного Военного Совета Республики

Народный Комиссар по Военным и Морским Делам

Л. Троцкий.

(Там же, л. 33).

На практике

Демон революции был убежден:

> «Нельзя строить армию без репрессий, нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни».
>
> *Л. Троцкий.*
>
> *Моя жизнь. — Берлин, 1930. — ч. 2. — с. 141.*

Да, приказы, подписанные Троцким, были полны угроз. Часто усилиями чрезвычайных военных трибуналов эти угрозы превращались в конкретные расстрелы. Троцкий реагировал на репрессии спокойно. Иначе и быть, по его мнению, не могло. В адрес председателя РВСР постоянно поступали докладные о массовых расстрелах в Красной Армии. Вот одна из них:

> «Председателю РВСР тов. Троцкому. При сем представляю копии списков красноармейцев, расстрелянных за неисполнение боевых приказов… 2-й Люблинский полк — 5 чел.; 11-я стрелковая дивизия — 4 чел.; 92-й стрелковый пехотный полк — 67 чел. Итого — 76 чел. Управляющий делами РВС Южного фронта — Рабинович. 10 декабря 1918 г.»
>
> *ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 17, л. 231*

В ряде случаев Троцкий сам с присущим ему пафосом призывал «надежные части» к жестоким и беспощадным действиям:

> «Солдаты и командиры карательных войск! — обращался он к экспедиционным войскам в мае 1919 г., направляемым против донского казачества. — Ваши ряды построены. Теперь по сигналу вперед! Гнезда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены. Против помощников Колчака и Деникина — свинец, сталь и огонь!»
>
> *ЦГАСА, ф. 33 988, оп. 2, д. 8, л. 75*

Чуть позже был издан и приказ председателя РВСР, в котором были такие слова:

> «Каждый честный гражданин, которому попадется на пути Миронов, обязан пристрелить его как бешеную собаку. Смерть предателю!»
>
> *Там же, л. 128*

Популярный еженедельник «Аргументы и факты» в статье о Несторе Махно «Предводитель неизвестной войны» (№ 37 (518) 15–21 сентября 1990 г.) констатировал:

> «В 1920 г. Махно не допустил сбора продналога на Украине. „С анархо-кулацким развратом пора кончать“, — заявил Л. Д. Троцкий. При взятии Перекопа войска Махно (сражавшиеся тогда на стороне Красной Армии) были брошены на самый тяжелый участок и выбиты почти полностью (они брали „в лоб“ Турецкий вал). Около 5 тысяч бойцов, оставшихся в живых, были тут же расстреляны по приказу Л. Троцкого».

Виталий Оппоков, Борис Попов
Нарком НКВД Берия

О Л. П. Берии написано и много и почти ничего. Много — это чьи-то личные воспоминания и пересказы чужих впечатлений, всевозможные преувеличения и домыслы, откровенные сплетни. Почти ничего — это правдивые документальные публикации…

А нужны ли они вообще? — быть может, спросит кто-то. Стоит ли ворошить мрачное прошлое? Так ли уж необходимо напоминать людям, особенно тем, кто горестно или трагично соприкоснулся с этим человеком, о событиях, связанных с его преступной деятельностью?

По-нашему убеждению ответы здесь однозначны: нужны, стоит, необходимо. Ведь речь идет не только об одном властолюбивом лице, пытавшемся подчинить себе закон, а также человеческие жизни и судьбы, не только о сплотившейся вокруг одного облеченного властью негодяя кучки карьеристов, мошенников, уголовников, но и о значительном явлении. Бериевщина — социальное зло. Как всякое явление, оно живуче и многолико, а поэтому требует тщательного анализа, изучения, осмысления. Конечно, возникло это явление не на пустом месте и проросло, образно говоря, от давних исторических преступных корней. Разве не напоминает оно своей жестокой сутью печально известную опричнину? Да и в советское время нашлись у Берии, под стать ему, предшественники и «учителя», например Ягода, Ежов. Ну и сам Берия, превратившийся из эгоистичного карьериста уездного масштаба в одну из влиятельнейших фигур сталинского окружения, явился для многих его последователей прямо-таки наставником. Видимо, следует сказать и о том, что бериевщина это отпочковавшийся росток от сталинщины. Природа их одна и та же — стремление к неограниченной власти, культ должности, диктата и беззакония.

Не все, что известно о Л. П. Берии, достоверно и доказательно. Мы не станем останавливаться на сенсационных сообщениях очевидцев и участников задержания бывшего главы МВД, касаться занимательных, а точнее, детективных сюжетов об аресте зарвавшегося в своем порочном всемогуществе деятеля. Но ведь и следственные и судебные материалы, которые мы изучали, тоже не лишены всевозможных накладок. Порой складывалось впечатление, что к Берии и его сообщникам подходили с их же «принципиальной» меркой: коль уж попал кто под подозрение, а тем более на скамью подсудимых, то на него можно вешать все

грехи. Вот почему мы отнеслись избирательно и к обвинениям, и к документам, используя только те факты, которые получили наибольшую убедительность и доказательность. Если же и прозвучит какой-то предположительный мотив, то лишь только в том случае, когда потребуется соблюсти логическую последовательность в изложении материала.

Судили Берию и его приспешников 18–23 декабря 1953 года в городе Москве, о чем свидетельствуют протоколы закрытого судебного заседания Специального судебного присутствия Верховного суда Союза ССР. Председателем Специального судебного присутствия являлся Маршал Советского Союза И. С. Конев, членами — председатель Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов Н. М. Шверник, первый заместитель председателя Верховного суда СССР Е. Л. Зейдин, генерал армии К. С. Москаленко, секретарь Московского областного комитета КПСС Н. А. Михайлов, председатель Совета профессиональных союзов Грузии М. И. Кучава, председатель Московского городского суда Л. А. Громов, первый заместитель министра внутренних дел СССР К. Ф. Лунев.

В обвинительном заключении сообщалось, что в преступную группу входили: бывший министр государственной безопасности, а в последнее время министр государственного контроля СССР В. Н. Меркулов; бывший начальник одного из управлений НКВД СССР, а в последнее время министр внутренних дел Грузинской ССР В. Г. Деканозов; бывший заместитель народного комиссара внутренних дел Грузинской ССР, затем заместитель министра государственной безопасности СССР, а в последнее время заместитель министра внутренних дел СССР Б. З. Кобулов; бывший комиссар внутренних дел Грузинской ССР, а в последнее время начальник одного из управлений МВД СССР С. А. Гоглидзе; бывший начальник одного из управлений НКВД СССР, а в последнее время министр внутренних дел УССР П. Я. Мешик и бывший начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР Л. Е. Влодзимирский. Все они в течение многих лет были тесно связаны с Берией противоправными действиями в органах НКВД-МВД.

Мы не ставили целью дать психологический и социальный портрет всех названных обвиняемых, хотя некоторые черты характеров, тем или иным образом объясняющие их преступную деятельность, и будут обрисованы. Главный акцент сделаем на новоявленном Малюте Скуратове — Лаврентии Берии.

На допросе 13 октября 1953 года один из самых верных бериевских «опричников» Богдан Кобулов показал, что в тридцатые годы «Берия был полновластным хозяином Грузии и

все организации и учреждения, в том числе и НКВД, беспрекословно выполняли его требования…». Другие подручные Лаврентия Павловича, подтверждая такой вывод, добавляли, что к 1938 году в республике, да и, пожалуй, во всем Закавказье, утвердился культ личности Берии, культ «его непогрешимости как политического деятеля и крупного организатора строительства социализма в Грузии». Хотя сказать «культ личности» по отношению к Берии и подобным ему властолюбцам и «народным слугам-диктаторам», на наш взгляд, — не совсем правомерно и точно.

Культ — это бездумное или расчетливое преклонение. Это — раболепство, угодничество, лицемерие, покровительство, насилие. Что ж, в карьере Берии такие составляющие нашли свое подобающее место и применение. Но есть и другая сторона вопроса — личность, предполагающая широкий ум, светлую мудрость, глубокие знания, бескорыстие и жертвенность во имя общего дела. Материалы, которые мы изучили, описания всех трудно описуемых злодеяний напрочь отвергают наличие у Берии всех этих качеств. Кроме того, думается, сочетание слов «культ» и «личность» при оценке политического и государственного деятеля социалистической страны вообще не сочетаемо, поскольку несет в себе определенные элементы безнравственности и моральной ущербности. Где процветает культ, там трудно говорить с полной уверенностью о социализме. Точно так, как обожествление и идеализация одного лица порождают застой мысли и дела. При культе происходит мельчание, перерождение, затем духовная и политическая гибель, как самой властвующей фигуры, так и других лиц, втянутых в водоворот преступных планов диктатора. Но там, где живет авторитет настоящей личности, культ невозможен. Одним словом — или только культ, или только личность.

Берия в советском строительстве, смеем утверждать, не являлся личностью, а был скорее всего политическим игроком и авантюристом. Поначалу, когда в его игре цели были мелкими, «уездными», то есть стремление к сравнительно малым должностям в партии и государстве, то и «ставки» делались им соответствующие — клевета и доносы на неугодных лиц, компрометация соперников. С постепенным ростом карьеры на карту ставились не только чужая репутация и добрые имена, но и свобода, жизни честных людей.

Но с чего же он начинал? Какие корни и какими соками вспоили и вскормили его преступный «демонизм»?.. Некоторые сведения о том содержатся в многочисленных следственных материалах. В первую очередь в автобиографии Л. П. Берии от 17

апреля 1923 года, обнаруженной в одном из личных дел Лаврентия Павловича.

В этих бериевских «откровениях», написанных двадцатичетырехлетним чекистским работником, есть места-фактики, которые, словно лубочные перышки в распущенном павлиньем хвосте, трудно не заметить. Показушность, самовосхваление, возвеличение мелочей до крупных масштабов — это, видимо, черта характера, получившая, благодаря обстоятельствам, угрожающее для других развитие. «Педагогическая» деятельность и содержание семьи в подростковый период, «нелегальное» избрание старостой класса во время учебы в Бакинском техническом училище, казначейство в «благотворительном нелегальном марксистском кружке», высокие самооценки, а также выпячивание личной роли в дальнейшей деятельности — все это бросается в глаза своей не очень-то умной нарочитостью.

Но есть в жизнеописании молодого Берии и другие факты и события, которые можно опровергнуть или принять на веру только после сравнения автобиографии с другими документами. Взять к примеру, такой важный момент, как начало партийного стажа. Если верить Лаврентию Павловичу, то его партийная деятельность началась в марте 1917 года и довольно активно. Более того, сам он являлся одним из «учредителей» большевистской ячейки в Бакинском техническом училище, а также членом партбюро в ячейке из нескольких человек… Следствию удалось убедительными доказательствами отвергнуть этот обман. И на допросах, чтобы хоть как-то оправдаться, Берии приходилось все время придумывать новые версии и так и этак выкручиваться. В итоге «организатор» большевистской ячейки превратился в одного из многих, кого «записали в партию», не выдав документа, не поставив на учет, не определив поручения.

Еще больше сомнительно и запутано начало «военной карьеры» будущего Маршала Советского Союза.

В автобиографии оно тоже выглядит довольно значительно. Тут и создание сети резидентов, и связь с краевым комитетом, штабами грузинской армии и гвардии, и посылка курьеров, и находчивость в подпольной работе, и мужество при аресте, и стойкость в тюрьме. Правда свою должность Берия назвал, как подтвердили впоследствии многие свидетели, правильно-уполномоченный разведотдела (регистрода). Но вот в анкете для сотрудников ЧК и особого отдела, заполненного им лично 17 апреля 1923 года, чувство меры снова изменило Лаврентию Павловичу. На вопрос: «Служил ли в Красной Армии, когда, где и в какой должности?» — он ответил: «В 1920 г. в регистроде

Кавказского фронта при реввоенсовете XI армии окружным резидентом для зарубежной работы в Грузии, а потом Чрезвычайным уполномоченным в регистроде». Между тем в следственных и судебных материалах есть показания свидетелей, которые опровергают подобные сведения. Так, Нечаев, действительно занимавший должность, приписываемую себе Берией, показал:

> «В 1920 году я работал окружным резидентом разведывательного управления (регистрода) Кавказского фронта в Закавказье. В зону моей деятельности, наряду с другими районами, входила и меньшевистская Грузия. Во второй половине 1920 года в мои руки попала грузинская меньшевистская газета, издававшаяся в Тифлисе, в которой в качестве большой сенсации сообщалось об аресте органами министерства внутренних дел меньшевистского правительства Грузии „большевистского агента“ Л. П. Берии с рядом изобличающих его данных. Я хорошо помню, что в этом сообщении приведен был полный текст найденного при Берии секретного удостоверения на шелку о том, что предъявитель его является сотрудником регистрода XI армии. Хорошо также помню, что на этом удостоверении стояла известная мне подпись начальника регистрода XI армии Пунке…»

Впрочем, на допросе 16 июля 1953 года Берия «запамятовал» фамилии Пунке и Нечаева, а также то, что в руки меньшевиков попало его секретное удостоверение. По словам же Нечаева, «в упомянутых выше опубликованных меньшевиками агентурных документах фигурировала фамилия именно Берии Л. П., в то время как в таких случаях применялась вымышленная фамилия (кличка)».

Объяснения этому факту имеются в следственных материалах. Но, прежде чем сослаться на них, приведем выдержку из упоминавшейся нами автобиографии. «Однако мне удаётся остаться, — вспоминает Берия о своем первом аресте и высылке меньшевиками из Тифлиса, — поступив под псевдонимом Лакербая на службу в представительство РСФСР…» Итак, по утверждению Берии, псевдоним он выбрал себе сам, но уже после ареста. В действительности, как утверждают другие свидетели, под фамилией Лакербая он переходил границу с заданием регистрода. Но при аресте, испугавшись за свою жизнь, все выболтал: и настоящую фамилию, и суть задания, и явки. Допрошенный по этому поводу Ш. Беришвили, ссылаясь на

свидетельства очевидцев, например Меки Кедия, рассказал о том, что арестованный в 1920 году Берия на допросах «плакал и все разболтал о своих связях, заданиях, после чего он был освобожден».

Веские обвинения против Лаврентия Берии прозвучали в показаниях его двоюродного брата Герасима, содержавшего якобы явочную квартиру в двадцатые годы. Именно у него и останавливался уполномоченный регистрода XI армии Лаврентий Берия по прибытию в Тбилиси (Тифлис). Герасим Берия сообщал, что, забеспокоившись судьбой внезапно исчезнувшего брата, он отыскал его в тюрьме, но не под вымышленной фамилией Лакербая, присвоенной регистродом на время командировки, а под настоящей. Тем самым Лаврентий поставил под удар и самого Герасима, и явочную квартиру, поскольку на квартире агентами «особого отряда» был произведен обыск. Меньшевикам удалось захватить тщательно скрываемый план арсенала и некоторую сумму денег.

Рассыпалась, словно карточный домик, и другая героическая легенда, тщательно и долго создаваемая и пропагандируемая самим Берией и его приближенными биографами. Так, в личных документах и биографической справке, опубликованной в свое время в Большой Советской Энциклопедии, Л. П. Берия выставлялся как организатор голодовки политических заключенных в Кутаисской тюрьме, где он содержался после второго ареста. Дескать, воля, организаторские способности, личные мужество и выдержка Берии спасли не только его самого, но и многих других товарищей по борьбе. Меньшевистскому правительству ничего не оставалось делать, как отступить перед этой стойкостью и волей и выпустить всех заключенных. Совершенно иначе представляется этот «героический поступок» при знакомстве с анкетированной характеристикой, составленной в начале двадцатых годов и подписанной членами комиссии Л. Думбадзе, М. Кваранцхелия, С. Мегрелишвили. Хранится она тоже в личном деле Берии и, кроме объяснения по интересующему вопросу, содержит другие любопытные сведения.

В 7-м пункте этой анкеты указано, что Берия не только не принимал участия в организации голодовки политзаключенных, но из-за трусости даже отказался поддержать ее. Какие же объяснения давал он впоследствии по поводу своего второго ареста в 1920 году и поведения в тюрьме? Об этом можно узнать из протоколов допроса от 16 июля и 21 декабря 1953 года.

«Спустя некоторое время, — показывал Л. П. Берия, имея в виду освобождение после первого ареста, — из

Тифлиса я выехал в Азербайджан как дипкурьер посольства РСФСР и при возвращении обратно в Грузию по заданию регистрода был задержан на границе пограничными особыми отрядами меньшевистского правительства. Был доставлен в Тифлис, и, несмотря на мои протесты о незаконности ареста, так как являлся дипкурьером, меня все же через несколько дней отправили в Кутаисскую тюрьму. В результате моих протестов явились представители посольства РСФСР Андреев и Белоусов, которым я вручил все документы и деньги, которые при мне находились. Они мне заявили, что посольство РСФСР опротестовало мое задержание перед министром иностранных дел грузинского меньшевистского правительства…» Что же касается голодовки, то Берия отрицал свое неподчинение партийной дисциплине и проявление трусости. «Правда, — вынужден был сознаться он под неопровержимостью других показаний, — организатором голодовки я не был, так как она была организована по указанию из Тбилиси… В голодовке я участвовал, но до окончания голодовки меня перевели в тюремную больницу…»

В 1920 году Берия арестовывался еще один раз, но уже сотрудниками ЧК Азербайджана. Этот акт он тщательно скрывал, не упоминая о нем ни в анкетах личного дела, ни в партийных документах, ни в автобиографиях. Более того, при пособничестве Багирова и с помощью Меркулова он изъял некоторые компрометирующие его материалы из партийных и чекистских архивов Азербайджана. Но все же оставались свидетели. Один из них — Н. Ф. Сафронов, начальник отдела по надзору за местами заключений прокуратуры Азербайджанской ССР (в пятидесятых годах). 17 августа 1953 года он дал следующие свидетельские показания.

В двадцатые годы в течение более восьми лет Сафронов являлся сотрудником Грузинской ЧК, поэтому с Берией хорошо знаком. Именно Берия направил его в июне 1929 года в командировку для временной работы в должности начальника учетно-статистического отдела Азербайджанского ГПУ. Прибыв к новому месту, Сафронов столкнулся с хаотичным состоянием дел в архиве. Возникла нужда произвести переучет всех дел и сверку их наличия с учетными карточками. Однажды, спустившись в архив, где велась проверочная и сличительная работа, Сафронов услышал хохот своих помощников. Когда он поинтересовался,

чем вызван смех, то ему показали дело, вернее, остатки дела, на обложке которого было написано «По обвинению Берии Лаврентия Павловича». Сафронова это озадачило, поскольку Берия уже в то время занимал крупный пост — являлся председателем ГПУ Грузии и заместителем председателя Закавказского ГПУ. Забрав дело и «предупредив, чтобы не болтали», он принес тощую папку вместе с алфавитной карточкой, которую изъял из общесправочной картотеки учетно-статистического отдела, к себе в кабинет и начал знакомиться с ее содержимым. Здесь находилось два документа: анкета об аресте, заполненная рукой Берии (Сафронов, по его словам, почерк Берии хорошо изучил) и письмо на бланке ЦК КП Азербайджана, подписанное одним из видных большевиков Закавказья Вано Стуруа (Иван Федорович). Все содержание письма из памяти Сафронова сгладилось, но запомнилось, что адресовалось оно председателю Азербайджанской ЧК и в нем шла речь о якобы незаконном аресте Л. П. Берии, который в свое время оказывал содействие партийным организациям или отдельным членам партии.

> «Никаких других документов в деле не было, — вспоминал Сафронов. — Как Берия освобожден, из дела ничего не было видно, так же как неизвестно, сколько он сидел как арестованный, когда и кем освобожден…»

Лишь только Сафронов просмотрел эти документы, как его вызвал к себе Фриновский. Азербайджанское ГПУ он возглавлял всего несколько месяцев, а до этого был командиром дивизии особого назначения имени Сталина, принимавшей участие в подавлении вооруженных мятежей в некоторых районах Азербайджана. Ознакомившись с делом, Фриновский саркастически усмехнулся и с иронией сказал, что передаст эту папку Берии для отправки в Музей революции. Больше дела Сафронов не видел и не спрашивал о нем у Фриновского. А того вскоре перевели в Москву на должность начальника Главного управления пограничных и внутренних войск ОГПУ СССР и заместителя председателя ОГПУ. Когда в 1938 году Берия был назначен наркомом внутренних дел страны, Фриновский стал наркомом Военно-Морского Флота. Спустя некоторое время его арестовали.

В январе 1950 года Сафронов имел встречу с Берией.

> «…Я его спросил, — вспоминал он в своих показаниях через три с половиной года, — передал ли ему Фриновский в 1931 г. обнаруженное в архиве дело

об аресте Берии в 1920 г. Берия смутился, покраснел, скулы его задергались и ответил, что не передавал и что это был не арест, а задержание и что он через несколько часов был освобожден. Далее он меня спросил — есть ли там, в Азербайджане, еще что-нибудь. Я ответил ему, что его фамилия может фигурировать в журнале регистрации дел и в списках. Берия сказал, что об этом знает узкий круг руководящих партийных работников…»

Сам же Берия объяснял случившееся так:

«Я был задержан в середине 1920 года у себя дома сотрудником ЧК Азербайджана. При задержании у меня был произведен обыск, и я был из дома доставлен ночью в ЧК. Просидев в ЧК примерно до 11–12 часов дня, был вызван в кабинет председателя ЧК Азербайджана Баба Алиева, где также присутствовал и его заместитель Кавтарадзе. Мне Баба Алиев сказал, что произошло недоразумение, вы свободны, можете сесть в машину и ехать домой. От машины я отказался и ушел домой. Мне были возвращены мои бумаги, которые были изъяты во время обыска…»

Можно предположить, что после арестов в двадцатом году, которые закончились короткой отсидкой, Берия пришел к выводу, что намного безопаснее и перспективнее… арестовывать и допрашивать самому. Точно так, как в более молодые годы, подрабатывая на жизнь почтальоном, он мог сделать заключение, что более продуктивнее и почетнее составлять и рассылать директивные телеграммы, чем их разносить. Факт этот в его автобиографии, которую мы приводили, не отражен, но в воспоминаниях свидетелей, знавших Берию близко, сохранился.

В следственных материалах имеется протокол допроса свидетеля по делу Л. П. Берии и его приспешников Ш. Г. Тевзадзе, многие годы служившего в органах НКВД и МВД на оперативно-следственной работе.

«В 1933 году, — сообщал он, — будучи оперативным уполномоченным дорожно-транспортного отдела ОПТУ по Закавказью, мне пришлось вести следствие по делу бывшего начальника ОБХС ОДТО (отделение дорожно-транспортного отдела. — Авт.) по станции Баку Зильбермана Александра Владимировича и других сотрудников ОБХС, которые обвинялись в должностных преступлениях и расхищении социалистической

собственности… Хорошо помню, что Зильберман неоднократно говорил мне тогда, что он хорошо знаком лично с Берией Л. П., вместе с ним проживал на одной улице в г. Баку, как мне помнится, по бывшей Биржевой улице, и что они дружили. Мать Берии Марта занималась шитьем одежды… Однажды Зильберман сказал, что вот Берия Л. П. теперь секретарь ЦК, большой человек, а раньше был очень бедный и даже был тогда почтальоном в городе Баку. Когда Берия стал работать почтальоном, он стал жить лучше, и даже его мать перестала заниматься шитьем…»

Не исключено, что как эти, так и многие другие подобные им сообщения исходили главным образом от зависти или мести. Но вполне возможно, что они были продиктованы и справедливым негодованием. К примеру, в 1937 году помощник начальника УНКВД Ростовской, а затем Ярославской областей Ершов-Лурье, если верить показаниям свидетеля Доценко, возмущенно говорил в присутствии начальника отдела кадров НКВД СССР Балаяна и помощника начальника особого отдела этого же ведомства Агаса: «Смотрите, как везет Берии. Лезет человек в гору не по дням, а по часам. Я его еще знаю по Закавказью. Он — крупный интриган и карьерист…»

Так юный почтальон с Биржевой улицы стал значительным политическим игроком. И все же настоящая крупная игра, жестокая, кровавая, ждала его впереди.

Древние утверждали, что эгоист — это человек, лишившийся зрения, сам себя ослепивший предвзятым мнением о своей особенности и исключительности, неистовым стремлением возвыситься над другими. Мы не станем строить предположений в отношении Берии на этот счет, не склонны высказывать догадки о том, что он думал, на что рассчитывал. К нему, как ни к кому другому, подходит народное изречение, что чужая душа — потемки. В свои сокровенные замыслы и в тайники своей души он мало кого допускал. Впрочем, не только душа Лаврентия Павловича, не только его преступные деяния были сокрыты густыми сумерками общественного неведения, но и сам он как бы находился постоянно в непроглядном мраке. И все же смысл преступлений, а также признания бериевских «соратников» позволяют сказать, что основным движителем, толкавшим его на путь беззакония, — был эгоизм, возведенный в высшую степень. А для того, чтобы удовлетворить полностью свое болезненное самолюбие, непомерные амбиции и прихоть, Берия с первых дней своей «политической и общественной» карьеры поставил

«высокую» цель — добиться большой должности, огромной власти. Эта цель его ослепила, лишила чувства реальности.

Но предоставим слово тем, кто знал Л. П. Берию близко, сделав некоторую поправку на то, что «развязало языки» и прибавило смелости бериевским «опричникам» в ходе следствия и на суде отнюдь не стремление выяснить истину, а в большей мере — снять по возможности больше вины с себя.

Из показаний Б. З. Кобулова на суде:

> «…Берия — карьерист, авантюрист и бонапартист. Все это после смерти И. В. Сталина выявилось гораздо резче, чем раньше. Я объяснял эти черты, характеризующие Берия, тем, что после смерти Сталина честолюбие Берия получило более сильное развитие. В это время он уже перестал говорить „мы“ и все чаще употреблял „я“… Я назвал его „бонапартом“. Я излагаю своё мнение — это действительно заговорщик. Он присвоил себе партийный стаж, он не состоял в партии с 1917 года. Еще не зная всех документов дела, я сказал, что он далек от Коммунистической партии и что он фактически не был коммунистом. Если даже взять только тома дела о разврате Берия, то становится стыдно за себя. Это грязно, подло. Морально-политическое разложение Берия привело его к логическому концу.

Ясно, что Берия пришел к этому еще с молодого возраста. Гоглидзе и Меркулов старше меня и по возрасту и по работе с Берия, они лучше его знают, но я, будучи еще мальчишкой, видел, что Берия не имел коммунистической скромности».

А вот что рассказывал о Берии В. Г. Деканозов:

> «…Я знаком с Берия с 1921 года, т. е. на протяжении 32 лет. Будучи студентом, я был направлен на временную работу в Аз. ЧК, где председателем являлся Багиров, а его заместителем Берия. Временно я работал помощником уполномоченного по экономическим делам. Как-то раз я докладывал дело. Берия заметил меня и назначил на должность секретаря секретно-политического отдела, начальником которого был. В период моей работы в Баку Берия относился ко мне очень хорошо. В 1922 году Берия был переведен в Тбилиси, забрал меня с собой и назначил на ту же должность в Груз. ЧК.
>
> Во время работы в Баку Берия дружил с лицами, впоследствии разоблаченными как враги народа. В

частности, он приблизил к себе некоего Голикова, бывшего деникинского разведчика. Я думаю, что Голиков не без помощи Берия проник в органы ЧК. Берия дружил с Морозовым, начальником секретного отдела Аз. ЧК. Впоследствии Морозов был изобличен и осужден за фальсификацию следственных материалов, по которым один рабочий был необоснованно обвинен в теракте и расстрелян.

Сейчас я об этом говорю остро, а раньше подобные действия Берия подозрительными мне не казались. Берия относился ко мне хорошо, что притупляло мою бдительность.

Берия проявил себя во всем как карьерист, властный и злобный человек. Он устранил всех председателей ЧК. Возводил интриги против них. По всему его поведению видно было, что он любыми способами добивался власти.

Расскажу один эпизод. Однажды председатель Груз. ЧК Павлуновский собрал нас на совещание и предложил покончить с интригами Берия. Берия присутствовал на этом совещании и молчал. Однако через некоторое время Берия добился увольнения Павлуновского с работы и занял его место.

В 1931 году Берия был утвержден секретарем ЦК Грузии. Вместе с ним в ЦК перешла целая группа работников из чекистских органов. Я стал секретарем по транспорту, а в дальнейшем занимал другие должности, был членом бюро ЦК КП(б) Грузии. Берия продолжал относиться ко мне хорошо, но не делился со мной своими мыслями и планами. Наиболее близкими к нему были Арутюнов и Багиров.

Когда Берия стал первым секретарем ЦК КП Грузии, то все, кто хорошо его знал, были буквально ошеломлены его назначением на эту должность. Он не заслужил этой должности, так как работал не по-партийному, что подтверждено террором, проводившимся им в Грузии в период 1937–1938 гг. В то время я не работал в чекистских органах, а был наркомом пищевой промышленности Грузии, одновременно являлся членом бюро ЦК КП(б) Грузии. Аресты производились единоличными указаниями Берия. На бюро обсуждались аресты лишь членов бюро, да и то после того, как они уже были арестованы. Берия не признавал коллектива и все вопросы, связанные с

арестами, решал только сам, а не под воздействием Кобулова, Меркулова и Гоглидзе, как он пытался утверждать на следствии.

Он рвался к деспотической диктаторской власти, используя для этого все средства. Берия использовал в своих карьеристских целях хорошее отношение к нему Серго Орджоникидзе. Сначала он похвалялся дружбой с Орджоникидзе, а затем начал мстить и репрессировать родственников Орджоникидзе»

«Особого внимания, — откровенничал на допросе, подтверждая этот вывод, уже упомянутый Кобулов, — заслуживает вероломство и мстительность, проявленные Берия в отношении некоторых неугодных ему лиц…»

«…Берия был всегда властолюбивым и стремившимся к диктаторству, вторил Кобулову другой их соучастник Мичурин-Равер. — Это ярко проявлялось во время пребывания его в Азербайджане и в Грузии. Берия убирал неугодных ему людей, делая это под видом их разоблачения, как врагов народа. Как мне теперь стало понятным, делая свою карьеру сначала по линии органов ВЧК ОГПУ — НКВД, а затем по линии партийного руководства в Грузии и в Закавказье, Берия сумел весьма быстро реализовать свои цели и стать на положение „вождя“ грузинского народа».

Еще один арестованный по делу Берии Цанава показал:

«Берия был жестоким, деспотичным, властным человеком… Он ради достижения своих целей мог жестоко расправляться с теми, кто стоял на его пути. Работая в Грузии, Берия в 1937–1938 гг. расстрелял всех, кто работал его заместителем в Груз. ЧК и Зак. ЧК, и многих, кто были его начальниками».

Обвиняемый Меркулов, знавший Берию на протяжении многих лег и, выражаясь языком известного литературного героя, «особа, приближенная к императору», заявил:

«Характеризуя Берия в прошлом, можно сказать, что это был человек с крутым и властным характером, добивавшийся власти, расчищая себе дорогу от соперников».

Ослепленный собственной значимостью и жаждой персонального возвеличения, Берия, по признанию одного из

своих подручных Савицкого, «с целью раздутия своего авторитета и преувеличения своих мнимых заслуг перед партией и государством в строительстве Грузии» распространял слухи об опасности, которой он подвергается ежедневно и ежечасно со стороны врагов Советской власти. С этой целью он через Гоглидзе и Кобулова, а также лично давал указания добывать у арестованных по подозрению в принадлежности их к «правотроцкистскому и националистическому подполью» показания о покушениях на него. «Добытые следователями показания о террористической деятельности против Берия, — уточнял Савицкий, — всячески поощрялись». В конце концов все следователи, ориентируясь на ложную установку и настоятельные указания «хозяина», принялись рьяно «выколачивать» подобные сведения, увязывая любой случай террористического акта с угрозой для жизни Берии.

И наконец, определенный интерес представляет оценка собственных преступных действий самого Берии, словно прозревшего в ходе следствия и суда.

> «…Самым тяжким позором для меня, как гражданина, члена партии и одного из руководителей, — клеймил покаянно он себя, — является мое бытовое разложение, безобразная и неразборчивая связь с женщинами. Трудно представить все это. Пал я мерзко и низко… Я настолько падший человек, что вам трудно теперь мне верить, а мне что-либо опровергать…»

Делая акцент на эротической стороне собственных деяний, Л. П. Берия, возможно, обнаруживает истинную причину своего «самоослепления»: сексуальный маньяк и «половой гангстер» (он имел близкую связь примерно с двумястами женщинами), закрыв глаза на такие понятия, как долг, совесть и честь, Берия добивался огромной власти только для получения широких возможностей удовлетворять непомерную похоть. Впрочем, не исключено, что это своеобразный маневр, чтобы отвлечь следствие и суд хотя бы частично от своей главной вины — преступном преследовании и уничтожении многочисленных жертв. Кстати, по этому поводу у Берии тоже имеются личные признания. Так, на допросе 19 октября 1953 года он показал:

> «…Я признаю, что это были грубейшие извращения закона, что при таких многочисленных указаниях об арестах могли подвергаться репрессиям лица невиновные, оклеветанные в результате незаконных методов следствия».

В следственных материалах по обвинению Л. П. Берии содержится немало противоречивых сведений об отношениях Лаврентия Павловича и Григория Константиновича (Серго) Орджоникидзе. Это один из могущественных «филантропов» и «козырная карта» в бериевской политической игре. Это одна из жертв бериевских интриг, козней, произвола и мафиозной мстительной натуры. Если проанализировать многие факты из рассматриваемого уголовного дела, то можно сделать вывод: на протяжении ряда лет Берия, используя сполна в корыстных целях авторитет Орджоникидзе в партии и народе, а также его влияние на лиц сталинского окружения, вместе с тем вел интриганскую борьбу против этого авторитета и этого влияния.

Почему так? Данные, которыми мы располагаем, позволяют выдвинуть на этот счет две версии.

Версия первая. Орджоникидзе, зная о подозрительном прошлом Берии, нередко публично критиковал последнего, чем вызывал у того злобу и ненависть. Так, к материалам дела приобщен подлинный рапорт Кобулова на имя Гоглидзе, датированный 16 декабря 1936 года, т. е. составленный еще до смерти Орджоникидзе. В нем доносилось:

> «Излагая беседу с Леваном Гогоберидзе в Сухуми в 1936 году, Агниашвили показал, что Леван Гогоберидзе контрреволюционные клеветнические измышления о прошлом тов. Берии передавал со слов т. Серго Орджоникидзе…»

Но есть все основания предполагать, что подобные слухи направлялись отнюдь не на дискредитацию Берии, а на сбор всевозможных обвинительных улик против Орджоникидзе. Причем измышлялись и множились они бериевскими же приспешниками. О том свидетельствуют многие показания членов преступной группы, которые утверждали, что Орджоникидзе хорошо относился к Берии и оказывал ему всяческую поддержку в его карьере, а тот до поры до времени выгодно пользовался этим. Более того, сам Берия в узком кругу с трудом сдерживал антипатию к своему покровителю.

> «Мне известно, — показывал на следствии один из бериевских подручных Шария, — что Берия внешне относился к Серго Орджоникидзе как бы хорошо, а в действительности говорил о нем в кругу приближенных всякие гадости».

> «Берия в присутствии меня и других лиц, — вторил

ему Гоглидзе, — допускал в отношении Серго Орджоникидзе резкие высказывания пренебрежительного характера… У меня складывалось впечатление, что Берия говорил это в результате какой-то личной злобы на Орджоникидзе и настраивал против него других».

Вот почему нам показалось более убедительным второе предположение. Но, прежде чем его изложить, приведем еще одно свидетельское показание — М. Багирова, которое во многом разъясняет истоки вражды Берии к Орджоникидзе:

«Берия держался по отношению к Серго Орджоникидзе подло. Сначала Берия использовал хорошее отношение к нему Серго Орджоникидзе в карьеристских целях, а затем, когда Орджоникидзе помог Берии достигнуть определенного положения, то именно Берия стал интриговать против Орджоникидзе. Вспоминаю следующий случай. За несколько месяцев до своей смерти Серго Орджоникидзе посетил в последний раз Кисловодск. В этот раз он позвонил ко мне по телефону и просил приехать к нему. Я выполнил эту просьбу Орджоникидзе и приехал в Кисловодск, где в это время гостил Георгий Димитров. Орджоникидзе подробно расспрашивал меня о Берии и отзывался при этом о нем резко отрицательно. В частности, Орджоникидзе говорил, что не может поверить в виновность своего брата Папулии, арестованного в то время Берией. Очевидно, что Орджоникидзе тогда понял уже всю неискренность и вероломство Берии, сначала использовавшего поддержку для того, чтобы пробиться к власти, а затем решившего любыми средствами очернить Орджоникидзе.

Берии стало известно через своих людей о том, что Орджоникидзе вызывал меня в Кисловодск, и он говорил по этому поводу со мной по телефону, но я ответил, что Орджоникидзе интересовался вопросами, связанными с добычей нефти.

Отношение Берии к Серго Орджоникидзе является одним из наиболее убедительных примеров подлости Берии, его карьеризма и вероломства».

Итак, версия вторая. Берия не мог простить Орджоникидзе ни определенной зависимости от него, ни вынужденного расчета на его поддержку и помощь в своей карьере. Именно этот мотив,

судя по всему, а также противоположные черты характера и жизненные принципы временного и в общем-то случайного покровителя породили в Берии непреодолимую злобу и даже враждебность по отношению к Орджоникидзе. Так пришло решение отомстить за… поддержку. Оно крепло с каждым годом, с каждым новым продвижением по служебной и партийной лестнице. Когда же Орджоникидзе превратился из воображаемого, призрачного объекта для мести в реального и потенциального соперника, когда он мог стать неодолимым препятствием для дальнейшего карьеристского роста и достижения вожделенной власти, предательские и преступные замыслы переросли в конкретный план.

Авторитет Серго Орджоникидзе не только в Закавказье, но и в стране, его популярность в партии и народе, его заслуги на определенном этапе, а именно в середине тридцатых годов, перестали служить Берии только эмоциональным раздражителем, т. е. вызывать его зависть и гнев. Чувства, если можно так сказать, материализовались в стратегические расчеты и тактические приемы, а давно вынашиваемая идея мести уступила место напряженной борьбе — кто кого. Вообще, если быть до конца точным, то настоящая борьба не велась, поскольку активные и разнообразные меры предпринимались только одной стороной бериевской.

Берия ни уступать, ни отступать не собирался. Даже перед таким авторитетом. Слишком много сил и энергии затратил он для того, чтобы стать «вождем» в Закавказье, слишком много жертв отправил на алтарь своей властолюбивой цели. И разве не для того, чтобы идти к этой цели без остановки, он в течение многих лет сколачивал надежную группу, а точнее банду, из верных ему приспешников, готовых выполнить любой его приказ, совершить любую подлость, любое преступление? Один из таких «верных людей», Цатуров, говорил о том, что Берия, добиваясь власти, стремился оторвать чекистский аппарат от какого бы то ни было контроля и влияния, изолировать его, превратить в особый орган, подчиняющийся только одному «хозяину» Берии. С помощью этого аппарата превозносились «заслуги» «вождя» и подавлялись всякие предосудительные разговоры.

> «Став первым секретарем крайкома, — рассказывал Цатуров, — Берия продолжает руководить и направлять работу Закавказского ГПУ, он производит, если образно выразиться, „чекизацию“ партийного аппарата. Ряд приближенных, доверенных лиц был им направлен на партийную работу. Деканозов был назначен третьим

> секретарем ЦК КП(б) Грузии; Меркулов — заведующим особым сектором; я был назначен заведующим орготделом Ленинского райкома. Вместе с нами на руководящую партийную работу был послан целый ряд чекистов. Используя аппарат ГПУ, Берия установил контроль за каждым ответственным работником. Достаточно кому-нибудь из секретарей райкома, работников аппарата ЦК, Закрайкома высказать какое-либо неодобрение, замечание о Берии, как оно становилось ему известно. Такая система контроля, вернее шпионажа, за каждым работником создавала неуверенность у работников, глушила всякую критику и способствовала росту популярности Берии. Все, что ни делалось в Закавказье, в аппарате ГПУ, все приписывалось личности Берии, объяснялось его заслугой».

Объясняя, какой ценой обходилась народу бериевская популярность, один из подручных Лаврентия Павловича, Савицкий, сообщил, что созданная в 1937 году (год смерти Серго Орджоникидзе) обстановка позволяла самому «вождю», а также Гоглидзе и Кобулову арестовывать любое неугодное им лицо. И не только арестовывать, но и расправляться с ним, добывая от других различные компрометирующие показания угрозами и избиениями. В то же время подобная обстановка обеспечивала сохранность людей, преданных Берии. Аналогичные показания дали Кобулов, Гоглидзе, Хазан, Парамонов. Они подтвердили, что в период пребывания Берии на посту секретаря ЦК КП(б) Грузии он не только всесторонне знакомился с работой следственных органов Народного комиссариата внутренних дел республики, знал в деталях почти каждое «преступление», в первую очередь особо интересующее его, но и лично отдавал распоряжения об аресте неугодных ему же лиц, участвовал в допросах. Нередко допрашиваемых избивали в его присутствии, в некоторых случаях он и себе позволял «показать мужскую силу и сноровку».

Как руководители преступной группы во главе с Берией, так и большинство следователей до того свыклись с беззаконием и безнаказанностью, что жестокое обращение с арестованными, не говоря уже о незаконном задержании и аресте, стало нормой. Безнравственность и произвол превращались в обычное явление. По словам бериевского подручного Хазана, в то время считалось, что ведение следствия с соблюдением норм уголовно-процессуального кодекса (УПК) являлось вредительской практикой, а потому по указанию Берии перешли к так

называемым острым методам ведения следствия.

При просмотре 300 архивных дел в архиве МВД Грузинской ССР прокуратурой СССР обнаружено более 120 резолюций Берии на отдельных протоколах допросов и на бланках служебных записок. Они подтверждают, что в 1937–1938 гг. именно Берия выступил инициатором применения массовых незаконных арестов и незаконных методов следствия. Вот некоторые образчики его резолюций: «крепко излупить Жужанава Л. Б.», «всех проходящих арестовать», «основательно допросить», «допросить крепко», «взять крепко в работу», «взять в работу… и выжать все», «арестовать… и взять в работу», «взять его еще в работу, крутит, знает многое, а скрывает», «т. Гоглидзе надо взять крепко в работу. Он знает очень многое, но почти ничего не говорит», «надо его крепко размотать», «арестовать всех и крепко ими заняться», «надо нажать», «крепко прощупать», «надо разложить» и много других циничных указаний. Из многочисленных показаний арестованных по делу Берии видно, что резолюции типа «крепко допросить» или «основательно взять в работу» означали приказ о применении избиений и пыток. Так, Кобулов откровенно объяснил, что следователи, читая упомянутые выше бериевские распоряжения, а также зная о возможном приезде в НКВД «самого», боялись отклониться от строгого соблюдения этих распоряжений. Они рьяно проявляли исполнительность, потом сочувственно говорил о своих приспешниках и подручных Кобулов, совершенно «забыв» о тех, кто действительно нуждался в сочувствии и сострадании, чтобы не получить клейма «примиренца», «двурушника» и не быть самим привлеченным к ответственности. Настоящего советского суда, видимо, поверив во всемогущество своего главаря, они уже не боялись и творили неправое дело во имя раздувания популярности и авторитета Берии.

Особенно старался в создании культа нового «вождя народов» Меркулов, можно сказать, личный биограф Лаврентия Павловича. Он не только составлял публичные выступления и доклады как для «вождя», так и о нем, но и писал брошюры, восхвалявшие «героическую жизнь» и «революционные подвиги» Берии. К материалам следствия приобщена одна из них, подготовленная в том же злополучном и драматическом для Серго Орджоникидзе году, тридцать седьмом, озаглавленная бесхитростно и вполне ясно: «Верный сын партии Ленина Сталина». По признанию самого же Меркулова, эта брошюра написана в духе «неумеренного восхваления» заслуг Берии в достижениях грузинского народа и в социалистическом переустройстве Грузии. Берия представлялся как выдающийся деятель подпольного

коммунистического движения в годы интервенции и гражданской войны, один из организаторов вооруженного восстания в Грузии против меньшевиков.

Так что негласную борьбу с Серго Орджоникидзе Лаврентий Берия начал, можно сказать, во всеоружии, создав широко разветвленный и надежный силовой и идеологический аппарат. Дело оставалось, конечно, не за малым, а за самым решительным, ответственным и опасным шагом — дискредитировать и убрать Серго с дороги. И он сделал этот шаг, поставив на карту все то, чего уже смог достичь. Началась страшная месть Берии.

В 1937 году Берия дает своим «опричникам» задание — получить компрометирующие показания на Орджоникидзе. В ход пошел уже испытанный метод: арестовывались ни в чем не повинные люди, когда-то встречавшиеся или просто знавшие Серго, а также те, кто не знал и не встречался, но имел контакты с теми, кто мог что-то наговорить, из кого можно было что-то выбить. Причем месть зашла настолько далеко, что и после смерти своей «высокой» и, быть может, главной жертвы, клеветнические показания продолжались добываться с той же изуверской и последовательной настойчивостью.

К следственным материалам приобщен протокол осмотра уголовного дела по обвинению бывшего секретаря ЦК КП(б) Грузии Мамулии, подтверждающего, какие именно показания выбивались из арестованных, попавших в круг бериевских интересов по отношению к Орджоникидзе. И Мамулию, и тех, кого он назвал, допрашивали с применением пыток.

На основании показаний Мамулии арестовали бывшего секретаря Закрайкома ВКП(б) Орахелашвили, работавшего на момент ареста заведующим отделом Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). Применив к последнему методы «устрашения», т. е. избиение и пытки, Кобулов и Кримян получили от него клеветнические сведения об Орджоникидзе и других. О том свидетельствует выписка из показаний И. Д. Орахелашвили от 9 сентября 1937 года. А о том, что «авторство» этих показаний принадлежат Кобулову и Кримяну, свидетельствуют их личные «автографы».

Вот что говорил под пытками Орахелашвили, а если сказать точнее, то согласился с тем, что хотелось услышать его мучителям:

> «Лично я очень много обязан Серго Орджоникидзе, но даже чувство благодарности и преданности к нему не мешает мне осветить его действительную роль в событиях, при которых зарождались враждебные ВКП(б)

и сов[етской] власти группировки и контрреволюционные организации…

Надо со всей откровенностью признать, что Серго Орджоникидзе фактически вдохновлял нашу контрреволюционную борьбу против партийного руководства Грузии и лично секретаря ЦК КП(б) Грузии — Лаврентия Берии, хотя организационно с нами по контрреволюционной работе связан не был…

Из прямых антипартийных высказываний Серго Орджоникидзе я припоминаю следующее. Как-то он мне рассказал, что в Грузии якобы ходят слухи, что в 1924 году во время подавления августовской меньшевистской авантюры Орджоникидзе хотел обезглавить грузинский народ и что только Берия спас обострившееся в Грузии положение. „Эти белогвардейские разговоры, — сказал Орджоникидзе, — ведутся, вероятно, не без ведома Берии, которому Сталин дал много воли…“

Мне стало известно, что Серго Орджоникидзе вкупе с Леваном Гогоберидзе, Петре Аниашвили и Нестором Лакоба ведут самую активную борьбу против секретаря ЦК КП(б) Грузии Лаврентия Берии, распространяя по его адресу заведомо клеветнические и возмутительные домыслы.

…Серго Орджоникидзе дал мне задание смазать роль Лаврентия Берии по работе парторганизации Закавказья и Грузии, прямо заявив мне: „О нем не распространяться“».

А вот еще показания, приписываемые в свое время Орахелашвили:

«С самого же начала я клеветнически отзывался о Сталине, как о диктаторе партии, а его политику считал чрезмерно жестокой. В этом отношении большое влияние на меня оказал Серго Орджоникидзе, который еще в 1936 г., говоря со мной об отношении Сталина к тогдашним лидерам Ленинградской оппозиции (Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Залуцкий), доказывал, что Сталин своей чрезмерной жестокостью доводит партию до раскола и, в конце концов, заведет страну в тупик… Прежде всего, будучи очень тесно связан с Серго Орджоникидзе, я был свидетелем его покровительственного и примиренческого отношения к носителям антипартийных и контрреволюционных настроений. Это, главным образом, относится к Бесо

Ломинадзе. Однажды на квартире у Серго Орджоникидзе Бесо Ломинадзе в моем присутствии после ряда контрреволюционных выпадов по адресу партийного руководства допустил в отношении Сталина исключительно оскорбительный и хулиганский выпад. К моему удивлению, в ответ на эту контрреволюционную наглость Ломинадзе Орджоникидзе с улыбкой, обращаясь ко мне, сказал: „Посмотри ты на него!“ — продолжая после этого в мирных тонах беседу с Ломинадзе. Примерно в таком же духе Серго Орджоникидзе относился и к Левану Гогоберидзе. Вообще я должен сказать, что приемная в квартире Серго Орджоникидзе, а по выходным дням его дача (в Волынском, а затем в Сосновке) являлись зачастую местом сборищ участников нашей контрреволюционной организации, которые в ожидании Серго Орджоникидзе вели самые откровенные контрреволюционные разговоры, которые ни в какой мере не прекращались даже при появлении самого Орджоникидзе. В частности, я был свидетелем того, как Буду Мдивани в беседе с Серго Орджоникидзе высказывал недовольство партийным руководством, допускал контрреволюционные провокационные выводы по адресу секретаря ЦК КП(б) Грузии Лаврентия Берии. Кроме того, я не однократно был также свидетелем и участником подобных же контрреволюционных разговоров Орджоникидзе с Л. Гогоберидзе и Г. Куруповым…»

После дачи таких показаний Орахелашвили расстреляли — убирались не только «достойные» соперники, но и опасные свидетели.

Как уже отмечалось, подобные клеветнические сведения о Серго Орджоникидзе собирались и после его смерти. По признанию Гоглидзе, они были необходимы для того, чтобы «послать протокол И. В. Сталину и скомпрометировать Орджоникидзе хотя бы посмертно», ну, и, естественно, оправдать в глазах Сталина преследование Орджоникидзе, придать этому видимость оправдательной и законной меры.

Еще не успев отпраздновать победу над одним из главных конкурентов в дальнейшем усилении своего влияния, Берия принялся сводить счеты с его родственниками. В показаниях Багирова сообщалось, что Серго Папулия подвергся аресту еще при жизни своего влиятельного брата. Но такой жест Берии в то

время являлся скорее всего робкой попыткой узнать «реакцию» не только Орджоникидзе, но и Сталина, а также проверить на прочность свое «могущество». Папулия явился лишь приманкой для более крупной дичи. Но вскоре за него принялись всерьез.

Арестовал Папулию, проживавшего, как сообщил на суде Гоглидзе, в одном доме с Берией и работавшего на железной дороге, Рапава в 1937 году. Дело по обвинению находилось под личным контролем Берии. Особый интерес «самого» объяснялся мотивами мести, а также тем, что от Папулии добивались показаний в подготовке террористического акта против «вождя закавказских народов». И он дал такие показания.

Обвинительное заключение по делу Папулии Орджоникидзе утвердил Гоглидзе 9 ноября 1937 года и в тот же день по решению «особой тройки» под председательством Гоглидзе приговор о расстреле привели в исполнение.

Пытаясь смыть хотя бы частично с себя это позорное пятно, Гоглидзе в последующем всю вину свалил на Берию. «Я считаю, — утверждал он в ходе следствия, — что Берия к делам Папулии Орджоникидзе, Бедии, Дарахвелидзе проявлял личную заинтересованность и мстительность». Кобулов в объяснениях по этому поводу оказался не менее усерден: «В Грузии широко было известно, что Папулия Орджоникидзе был человеком болтливым и на организацию какой-либо серьезной вражеской работы не был способен. Это не могло не быть известно и Берии. Тем не менее по его указанию Папулия Орджоникидзе был арестован и расстрелян. Этот факт сам по себе наглядно свидетельствует об отношениях Берии к Серго Орджоникидзе и далеко идущих замыслах Берии».

Но месть за поддержку, помощь и благородство на этом не прекратилась. Берия считал себя человеком масштабным и проявлял соответствующую мстительность. Вслед за Папулией Орджоникидзе в числе врагов народа и… Берии оказалась жена Папулии — Нина. Формальным поводом для ареста послужила наскоро состряпанная справка, в соответствии с которой Н. Д. Орджоникидзе, как жена государственного преступника, осужденного Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере, подвергалась на полном законном основании репрессиям. Фальшивость справки обнаружилась, конечно же, спустя годы. Ложь заключалась в том, что П. К. Орджоникидзе расстреляли не по решению Военной коллегии Верховного суда, а по преступному уговору «особой тройки».

Так или иначе, но Н. Д. Орджоникидзе предъявили ордер на арест, подписанный Б. З. Кобуловым, и она оказалась в застенках НКВД. Нина проявила настоящее мужество и стойкость. Как ни

старались «опричники», сломить ее волю не смогли. Она не давала показаний ни в принадлежности к контрреволюционной организации, ни в антисоветской деятельности, ни в участии подготовки покушения на Л. П. Берию. Более того, она всеми силами отстаивала невиновность и честь своего покойного мужа. Кстати, последнее и послужило «главной уликой» ее «контрреволюционности». Главной и единственной. 29 марта 1938 года цело Нины Орджоникидзе рассмотрела «тройка» и вынесла решение заключить «контрреволюционерку» в исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет. Но этой мести Берии хватило только на два месяца. 14 июня того же года «особая тройка» под председательством Гоглидзе вторично рассмотрела дело Н. Д. Орджоникидзе и вынесла окончательное решение — расстрел. На следующий день приговор привели в исполнение.

Став наркомом внутренних дел СССР, Берия получил возможность удовлетворить свой мстительный замысел до конца и расправиться со вторым братом Серго — К. К. Орджоникидзе, работавшим в Москве. Арестовали его 5 мая 1941 года. На всем протяжении следствия, длившегося более трех лет, его допрашивали три раза, не добившись от него никаких признаний. Тем не менее 24 августа 1944 года К. К. Орджоникидзе осудило Особое совещание при НКГБ СССР к пяти годам лишения свободы. Формулировка — «социально вредный элемент». Правда, повод нашелся: арестованный хранил два пистолета, один из них — подарок брата. За такое преступление его поместили в одиночную камеру особой тюрьмы. В ноябре 1946 года К. К. Орджоникидзе, уже отбывший срок наказания, вновь предстает перед Особым совещанием за те же «грехи» и снова водворяется в тюрьму. В марте 1953 года — то же самое. Таким образом он содержался по прихоти Берии 12 лет в тюремных застенках. Но, как видно, Берия к нему оказался более благосклонен, а скорее всего просто не успел довести свое черное дело до логического конца.

В материалах, которые мы исследовали, содержится немало доказательств того, что задачу «втирания в доверие» к Сталину Берия считал одной из основных. Начал ее выполнение он, можно сказать, на дальних подступах. Перебравшись в 1923 году из Баку в Тбилиси (сначала на должность начальника секретно-оперативного отдела ЧК Грузии, затем заместителя председателя и председателя ГПУ республики), он стал проявлять особую заботу о матери Сталина. Сперва это были просто знаки повышенного внимания, позже учреждение привилегий и почти что царских почестей. Мать Иосифа Виссарионовича определили на жительство в апартаменты по проспекту Руставели, где

помещался совнарком; каждый ее выход в город превращался в шумное триумфальное шествие. Одновременно с этим Берия сконцентрировал свои недюжинные энергию и изворотливость на организации дома-музея И. В. Сталина в Гори, всячески пропагандируя это «общенациональное дело» и раздувая костер славословия так, чтоб искры от него заметили в Москве. Но наибольшего успеха он достиг, издав под своим именем чужой труд «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», непомерно преувеличивая заслуги Сталина в революционной борьбе. «Как известно, — откровенничал его подручный Шария, — Берия стал политической фигурой большого масштаба благодаря известной книге „К вопросу о развитии большевистских организаций в Закавказье“, хотя не принимал участия в составлении этой работы… между тем люди, непосредственно составлявшие работу, должны были оставаться неизвестными. Более того, часть из них была репрессирована в 1937 году…»

О том, что книга сыграла значительную роль в дальнейшей карьере Берии и обратила на себя внимание того, кому в основном адресовалась, свидетельствуют не только показания очевидцев, но и общественный резонанс в стране, конечно же, организованный сталинским пропагандистским аппаратом. Ее массово изучали и обсуждали, по ней проходили читательские конференции в трудовых коллективах и воинских частях. И с годами ажиотаж вокруг нее не утих. Так, издательство «Московский рабочий» в декабре 1947 года выпустило листовку, приуроченную к выборам в местные Советы. В ней отмечалось: «…товарищ Берия — один из виднейших руководителей большевистской партии, ближайших учеников и соратников товарища Сталина… Книга Л. П. Берии „К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье“ является большим вкладом в научную историю партии большевиков».

О том, что Берия, торя дорогу к сердцу Сталина, возлагал большие надежды и делал ставку на указанную книгу, убедительно доказывает его расправа над действительным автором труда Ермолаем (Эриком) Алексеевичем Бедней. Чтобы эту расправу выдать за законную казнь, в срочном порядке была «организована» контрреволюционная группа, в которую «водворили» Бедию. В материалах подшит протокол осмотра архивно-следственного дела № 25 899 (НКВД Грузии № 12 545) по обвинению Владимира Владимировича Мирцхулавы, в котором имеется копия протокола допроса Е. А. Бедии. Последний показал, конечно под нажимом, что в контрреволюционную организацию правых его завербовал Амберкий Кекелия еще в

1931 году. Члены организации якобы занимались диверсионно-вредительской деятельностью в республике и готовили «теракт», т. е. убийство Берии. Сам Бедия будто бы осуществлял вербовку новых членов и «обрабатывал в контрреволюционном правом духе» менее податливых лиц, например Владимира Мирцхулаву — секретаря Орджоникидзевского районного комитета. «С Мирцхулавой Владимиром я имел к[онтр]р[еволюционного] содержания беседы в тот период времени, когда он работал инструктором культпродотдела закрайкома ВКП(б), — сообщал Бедия. — В разговорах с ним я подвергал правой критике политику руководства ВКП(б) и откровенно выражал свое озлобление в отношении секретаря ЦК КП(б) Грузии — Берии. С моими высказываниями он обычно солидаризировался… Я сказал Мирцхулаве о существовании группы лиц во главе с Кекелией, ведущих борьбу против руководства КП(б) Грузии, в основном против Берии…»

Мирцхулава в свою очередь на первом допросе (4 ноября 1937 г.; его допрашивали Хазан и его помощник Тверачрелидзе) «сознался», что в контрреволюционную организацию правых завербован в сентябре или октябре 1936 года Эриком Бедней. Последний в числе членов организации назвал Германа Мгалоблишвили, Шалву Матикашвили, Амберикия Кекелию, Акакия Татаришвили, Василия Дарахвелидзе, Ермолая Горделадзе, Владимира Гогешвили, Константина Деметрадзе, Карло Орагвелидзе.

Хотя Мирцхулава «чистосердечно» и «искренне» покаялся, заявив, что «решил прекратить к[онтр]р[еволюционное] сопротивление, разоружиться окончательно и правдиво изложить следствию о совершенном преступлении», его, как и Бедию, расстреляли. Последнего за то, что имел неосторожность заявить публично о своем авторстве и сказать, что, дескать, он, Бедия, работает, а награды и ордена получают другие, т. е. Берия. Мирцхулава же поплатился жизнью по воле случая, оказавшись в одной компании с врагом Берии.

Преследовались и те, кто распространял слухи о подлоге с книгой.

29 июля 1953 года свидетель Г. С. Доценко передал следствию свой разговор с бывшим начальником СПО ЧК Азербайджана Львом Абрамовичем Цыльманом.

> «В 1951 г. в 5-м лаготделении горного лагеря в Норильске, вспоминал Доценко, — где мы с ним отбывали наказание и работали (я прорабом, а он у меня бригадиром), Цыльман спросил меня: „А ты знаешь, кто

> такой Берия в прошлом?“ Я ответил: „Знаю“. Цыльман продолжил: „Так вот, знай, что Берия… не писал брошюры "О некоторых вопросах к истории большевистской организации Закавказья", а писал ее другой человек…“ Я думаю, что Цыльман об этом рассказывал и другим лицам, в частности, он мог рассказать заключенному 5-го лаготделения горного лагеря Кричману Семену Александровичу, бывшему капитану государственной безопасности, работавшему последнее время (1938 г.) в Свердловске начальником 3-го отдела. Цыльман с Кричманом был тесно связан и был долгое время с ним в Дудинке, где они отбывали наказание до приезда в Норильск в 1949 г. В 1952 г., в марте, Цыльман погиб при несчастном случае на производстве на площадке горстроя, попав под вагон…»

Для сближения со Сталиным Берия искал и другие пути. Так, двоюродная сестра жены Берии — Александра Накашидзе длительное время работала хозяйкой в доме Сталина. Об этом сообщила следствию Нина Теймуразовна (жена Берии; протокол допроса от 24 июля 1953 г.). «Она после войны, — рассказывала Нина Теймуразовна об Александре Накашидзе, — вышла замуж и уехала в Тбилиси. Ее мужа я знала, фамилия его Циклаури Илья…» Располагая многочисленными фактами о том, с какой настойчивостью Берия стремился иметь везде своих людей, трудно предположить, что присутствие близкого ему «агента» в сталинских апартаментах — простая случайность. Внедрив родственницу в штат «дворцовой челяди» вождя, Берия таким образом установил постоянный, почти что прямой контакт со Сталиным. Если раньше встречи с Иосифом Виссарионовичем происходили эпизодически да и то чаще всего в официальной обстановке, то теперь Лаврентий Павлович во время своих приездов в Москву по вызову мог, точно узнав, что Сталин дома, навестить родственницу, передать ей многочисленные приветы и подарки от родни и, естественно, рассчитывая на известное кавказское гостеприимство, остаться отобедать или отужинать. А там — разговор совершенно иной, чем в кабинете: там можно более выгодно показать себя и попутно, как бы невзначай, подпортить репутацию соперника, скажем, Нестора Лакобы или Орджоникидзе. Кроме того, благодаря должности свояченицы появилась возможность воздействовать на Сталина в свою пользу непосредственно через нее: день изо дня утверждать собственную репутацию как незаурядного работника, надежного и преданного помощника, а также получать свежую информацию о реакции на

подобное восхваление, чтобы в следующий раз сделать более умный и эффективный ход. Пристроить же Александру Накашидзе в дом Сталина Берия мог через его мать, которую он окружил повышенным вниманием и заботой и перед которой угодничал. А благо просто так он никогда не делал. Как бы там ни было, но вот такие размышления полностью соответствуют наблюдению одного из его самых близких приспешников Гоглидзе, заявившему: «…мне было известно, что Берия довольно прочно вторгся в доверие Сталина и таким образом ему… прощались серьезные проступки…»

Нет, не мог Берия покушаться при жизни Сталина ни на его должность, ни на его авторитет. Это произошло уже после смерти главного его покровителя и филантропа. Хотя… хотя, если быть до конца точными и объективными, одно покушение все-таки произошло значительно раньше марта 1953 года. Правда, в чекистских кругах бытовало прочное мнение, что это был всего лишь умело организованный спектакль, режиссером-постановщиком которого являлся Лаврентий Берия, сумевший извлечь из этого случая максимум выгоды: заслужить еще большее доверие Сталина, «раскрыв преступную группу», покушавшуюся на него; скомпрометировать в глазах вождя Ягоду, а быть может, и ускорить его арест и уничтожение; рассчитаться с одним из самых опасных конкурентов в борьбе за сталинскую благосклонность — Лакобой, вернее отомстить за участие в этой борьбе, скомпрометировав того после смерти (не исключено, что Берия, как причастный к этой смерти, заметал тем самым свои следы).

А произошло вот что.

В сентябре 1933 года начальник пограничных войск НКВД Закавказья Гоглидзе был срочно вызван в Гагру, на правительственную дачу. О причине столь экстренного вызова он догадывался. Ему уже доложили, что катер, на котором был Сталин, обстреляли пограничники. Догадка подтвердилась. На даче, где находились председатель Совнаркома Абхазии Нестор Лакоба, первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) Лаврентий Берия, а также Иосиф Сталин, Сергей Гоглидзе получил задачу незамедлительно, сохраняя полную секретность, расследовать чрезвычайное происшествие. Вскоре Гоглидзе представил Берии отчет о расследованном им лично деле. Вероятнее всего, что с самого начала эта акция планировалась как покушение. Согласно сценарию готовился и отчет. Но тут вмешался Ягода, который убедил Берию представить все происшествие как недоразумение, оплошность или разгильдяйство отдельных лиц. Ягода, как нарком внутренних

дел страны, конечно же, боялся за свою репутацию. Ведь если не он непосредственно, то его люди не сумели обеспечить безопасный отдых вождя. В определенной степени вина ложилась и на Берию, но он, находясь на партийной работе, а также сопровождая Сталина, все-таки мог быть привлеченным к ответственности меньше других. Да и в случае крайней нужды сумел бы найти подставных лиц, на которых удалось бы свалить обвинение. Если не на своего ставленника Гоглидзе, то на других начальников, рангом поменьше: председателя ГПУ Абхазии, начальника пограничной заставы… Не говоря уже о непосредственных участниках инцидента. Ведь они-то, не ведая о хитроумно задуманном плане и о том, что катер со Сталиным отсутствует в представленной им заявке на прохождение судов в охраняемой зоне, действовали, надо полагать, по инструкции. Но Гоглидзе, лично допросивший командира отделения пограничников Лаврова, сделал иное заключение. Лавров дал такое объяснение: увидев движущийся катер, пересекавший подведомственную ему зону, т. е. погранзаставы «Пицунда», он сигналами повелел катеру пристать к берегу; поскольку тот продолжал двигаться прежним курсом, произвел несколько выстрелов вверх. Гоглидзе же нашел свидетелей, которые показали, что стрельба велась в сторону моря, т. е. по катеру.

Покушение было очевидным, если судить по докладу Гоглидзе. Он нашел, что «действия Лаврова при всех случаях были грубым нарушением уставных правил пограничной службы» и отдал его под суд. Но тут вмешался Ягода, и Берии, скрепя сердце, пришлось подчиниться (портить отношения с Ягодой он пока не хотел) и временно отложить осуществление до логического конца блистательно разработанного плана. Видимо, потому в показаниях Лаврова появились детали, существенно менявшие все дело: стрельба велась не преднамеренно, а по недомыслию и недисциплинированности командира отделения пограничников, пытавшегося заполучить катер, чтобы погрузить на него грязное белье. Лавров мог охотно согласиться именно на такую оценку его действий, поскольку первоначальный вариант грозил ему смертной казнью. В итоге он был осужден на 5 лет. Понес наказание и начальник погранзаставы «Пицунда» за отсутствие дисциплины и порядка на заставе, нарушение уставных правил подчиненными. Следствие также признало виновным начальника оперативного сектора — председателя ГПУ Абхазии Микеладзе, в подчинении которого в то время находилась погранзастава. Его не только сняли с должности, но и уволили из органов НКВД. Можно представить огорчение Микеладзе, который и думать не думал, что его ждет куда более

серьезное наказание. Знал об этом только Берия.

Как бы ни ограждали от огласки тайну об инциденте, она получила распространение. По крайней мере в среде чекистов и пограничников. Первые обвиняли последних в том, что разгул националистических страстей в некоторых пограничных частях привел к невиданному «ЧП» — покушению на вождя; последние, оправдываясь, доказывали, что действовали верно, поскольку незаявленный катер приняли за вражеский, а кроме того, его обстрел производился… по приказу свыше. Среди распространявших подобные слухи производились аресты.

Да, имело хождение и такое мнение: обстрел катера, на котором находился Сталин, — не простая случайность, а обдуманный террористический акт, нити которого ведут к Берии, Гоглидзе и Широкову. По словам свидетеля Доценко, Широков — «то ли начальник, то ли заместитель начальника внутренних и пограничных войск», «хозяин на границе Грузии» — жил с Берией «на короткую ногу», часто бывал у него и пьянствовал с ним. «Этот Широков, — рассказывал Доценко, — судя по характеристике… был проходимец, тесно связан с начальником АХУ (административно-хозяйственное управление НКВД СССР. — Авт.) Островским и Ягодой (надо объяснить, что у Островского работали еще два брата Широкова, но имели разные фамилии). Думаю, что расследование по этому акту Ягодой было покрыто».

Люди с замутненными биографиями — таковы, как правило, безотказные исполнители преступных планов Берии. Вот и Широков, являясь к тому же заместителем другого бериевского приспешника Гоглидзе, уж очень подходил на роль организатора инсценировки покушения на Сталина, а также распространителя слухов о «покушении» среди чекистов и пограничников. Конечно, слухов, выгодных для Берии, чтобы тот в нужный момент смог подкрепить их «реальными» фактами, использовать как острое оружие для поражения соперников, как очередную ступеньку в карьеристском восхождении.

Но, прежде чем наступил час выставить главные козыри в ставке на покушение, политический интриган-игрок Берия использовал выгодную ситуацию установил постоянное наблюдение за Лакобой, в «вотчине» которого произошел инцидент. Для этого он вскоре после окончания расследования происшествия продвинул на пост наркома внутренних дел Грузинской ССР Гоглидзе, который, по его собственному признанию, «по роду службы стал иметь больше отношений к работе органов НКВД Абхазии», иными словами вести слежку за Лакобой. А она была нужна для сбора компрометирующих материалов и «убедительных» доказательств того, что катер

обстрелян не случайно, что Сталин зря так хорошо относится к Лакобе, так доверяет ему. Верить можно только Берии.

Чтобы бросить тень на репутацию Лакобы, Берия, заигрывая с ним, представляясь отзывчивым уважительным гостем и хлебосольным хозяином, не упускал любого мало-мальски подходящего случая. Об одном из них, не исключено, что организованном, рассказал следствию Гоглидзе на допросе 17 августа 1953 года.

> «Не помню точно, в 1935 или 1936 году, — вспоминал изощренный бериевский интриган, — на даче у Лакобы в Гагре застрелилась дочь Розенгольца, которая отдыхала у него на даче в день самоубийства. Помню, что когда я об этом случае доносил Берии, который тогда тоже отдыхал в Гагре на своей даче, он этому факту придал большой интерес и поручил мне тщательно расследовать, не является ли виновником в смерти этой женщины Лакоба.
>
> Вначале у нас возникло подозрение, что Лакоба изнасиловал Розенгольц, и она на этой почве покончила самоубийством, но эта версия не была подкреплена доказательствами. Было установлено вскрытием трупа, что Розенгольц в день самоубийства имела половые сношения, но с кем — установить не удалось, так как она до прибытия на дачу к Лакобе была где-то в городе Гагре, где жила в гостинице. Раньше она у Лакобы бывала и жила по нескольку дней, но он категорически отрицал сожительство с Розенгольц.
>
> Следствием было установлено, что Розенгольц прибыла к Лакобе в день самоубийства, вместе с ним и его приближенными поужинала, немного выпила вина, а потом ушла в спальню, где взяла пистолет у Лакобы и там застрелилась. Ничего другого установить не удалось.
>
> Докладывая тогда о ходе следствия и результаты, у меня сложилось впечатление, что Берия хочет как-то использовать материалы следствия против Лакобы. Он на непродолжительное время оставлял у себя материалы расследования, а затем возвратил их мне без замечаний».

Нет сомнений, что Гоглидзе многого не договаривает, чтобы не выдать истинную роль в этой темной истории, а также скрыть от следствия тайную цель Берии, которая могла бы послужить серьезным обвинением и против него, Гоглидзе. Но и того, что он рассказал, вполне достаточно, чтобы сделать следующее

заключение: Берия в той ситуации мог не только инсценировать самоубийство из пистолета Лакобы, но сумел бы доказать, что Лакоба сам застрелил «любовницу»; но это ему было невыгодно. Второй вариант требовал более длительного и тщательного расследования, а также выпячивал в какой-то мере личную заинтересованность Берии в компрометации Лакобы. Результат же оказался бы один и тот же — Лакоба, пользуясь высокой поддержкой, отделывался соответствующим внушением, легким наказанием. Поэтому Берия довольствовался тем, что мнение Сталина о непогрешимости своего любимца поколеблено. В очередной раз, когда у Лакобы «обнаружатся» еще какие-то грехи, быть может, более тяжкие, его невиновность не станут доказывать с былой настойчивостью, а может, и вовсе не будут защищать. Берия же окажется в стороне.

…А потом наступила загадочная смерть Лакобы. По этому поводу имеются показания Гоглидзе. Точно он не помнил, когда умер Лакоба, но, как ему казалось, в ноябре 1936 года в тбилисской гостинице «Ориент». Сообщил ему о том в одну из ночей ответственный дежурный НКВД Грузии. Гоглидзе тут же позвонил Берии, который повелел, не мешкая, заехать за ним. По пути в гостиницу они захватили с собой председателя совнаркома Грузии Мгалоблишвили (Берии нужны были свидетели и потенциальные ответчики). На месте их уже поджидали другие «опричники» Берии Мичурин-Равер и Кобулов, а также врач лечебно-санитарного управления. Мертвый Лакоба лежал в постели. Врач доложил, что в результате предварительного осмотра он склонен считать причиной смерти сердечную недостаточность. Судебно-медицинское вскрытие трупа Лакобы Берия (через Гоглидзе) поручил организовать Мичурину-Раверу и Кобулову. Насколько помнит Гоглидзе, оно подтвердило первичное заключение врача, хотя никакого расследования специально не проводилось. Тело Лакобы с почестями отправили в Сухуми. Когда Берия с Гоглидзе возвращались в машине в ЦК партии республики, Лаврентий Павлович, очень взволнованный, сказал: «Жаль, что умер Лакоба, и не успели заслушать его доклад». А затем объяснил, что вызывал Лакобу для доклада о работе совнаркома Абхазии. Заслушивание должно было состояться на следующий день по приезде, а накануне Лакоба ходил в театр. Именно там он почувствовал себя плохо и, не досмотрев спектакля, возвратился в гостиницу. Где Лакоба находился до театра, Гоглидзе не известно, как не может с достоверностью сообщить, с кем он появился на спектакле — возможно, что это был Мгалоблишвили.

Что именно Мгалоблишвили сопровождал Лакобу в театр,

подтвердило другое доверенное лицо Берии — Шария. Вот что он рассказал следователю 15 августа 1953 года:

> «Не помню сейчас, какого числа, утром мне позвонил на квартиру секретарь обкома партии Абхазии Гобечия и передал, что мне нужно срочно прибыть в ЦК КП Грузии… Гобечия… мне рассказал, что умер Лакоба. Тогда я узнал, что Лакоба накануне обедал или ужинал у Берии, затем был с тогдашним председателем Совнаркома Грузии Мгалоблишвили в театре, чувствовал себя хорошо, шутил, рассказывал анекдоты и в ту же ночь скончался… В связи со смертью Лакобы Берия проявил большое внимание организации похорон и сопровождению гроба с телом Лакобы в Абхазию… Помню, что гроб с телом Лакобы сопровождала специальная делегация во главе с тогдашним председателем Совнаркома Грузии Мгалоблишвили…»

Возможно, в планы Берии входило рассчитаться и с Мгалоблишвили, подведя его к ответственности то ли за смерть Лакобы, то ли за тесную связь с ним. Последнее обвинение и было использовано, когда было объявлено об антисоветской деятельности Лакобы и руководимой им до 1936 года подпольной контрреволюционной группы. Как участника антисоветского заговора, Мгалоблишвили арестовали (1938 г.) и приговорили к расстрелу. Но это было позже. А в день смерти Лакобы ничего не подозревавший Мгалоблишвили с почестями сопровождал тело Лакобы в Сухуми, увозя вместе с гробом и траурный венок лично от Берии. Вместе с другими этот венок был возложен на могилу Лакобы, которого похоронили в парке при большом стечении народа. Нет сведений, прилюдно ли вскрывалось захоронение. Но что этот кощунственный акт по приказу Берии осуществился, сохранились убедительные сведения. О них, к примеру, дал показания Гоглидзе:

> «Лакоба умер, кажется, в ноябре 1936 года, а о его антисоветской, заговорщической деятельности стало известно в период массовых арестов 1937 1938 гг. Помню, что на него были получены показания от лиц, арестованных НКВД Грузии, а также в НКВД СССР. Помню, что его фамилия упоминалась на открытых процессах участников право-троцкистских организаций, в связи с чем его могила была упразднена, а останки сожжены и развеяны…»

Всплыла снова и история с катером, т. е. с «покушением» на Сталина. Ягода к тому времени находился под арестом, а заменивший его Ежов был тоже не прочь еще больше скомпрометировать своего грозного предшественника. Но, видимо, не смог предвидеть, какие сильные козыри дает в руки «игрока с Биржевой улицы» не только в борьбе с мертвым Лакобой, но и с живыми участниками организованной им «заговорщической подпольной группы». Как бы там ни было, но в конце 1937 года были получены показания, что обстрелявший катер командир отделения пограничников Лавров являлся участником заговора и имел задание совершить террористический акт в отношении Сталина. Из лагеря, где Лавров отбывал наказание, его доставили в Тбилиси, во внутреннюю тюрьму НКВД, где, допросив с пристрастием, «полностью изобличили» как врага народа и террориста. Его приговорили к расстрелу. Такую же меру наказания получил и бывший председатель ГПУ Абхазии Микеладзе, уволенный за допущенный инцидент с катером в 1933 году из органов ЧК. К расстрелу он был приговорен тройкой республиканского НКВД. Это произошло уже после того, как окончательно втершийся в доверие к Сталину Берия в награду за «раскрытие» контрреволюционной террористической группы, «подготавливавшей убийство» вождя, сокрытое Ягодой, получил назначение в Москву. Сперва первым заместителем к Ежову, «столкнувшим» с помощью Берии Ягоду, чтобы менее чем через полгода убрать со своего пути и Ежова.

…Однако наступил час возмездия и для Берии. В материалах уголовного дела имеется акт, датированный 23 декабря 1953 года, извещающий о том, что:

> «…сего числа в 19 часов 50 минут… приведен в исполнение приговор специального судебного присутствия по отношению к осужденному к высшей мере уголовного наказания — расстрелу Берия Лаврентию Павловичу».

Произошло это на пятьдесят четвертом году (судя по автобиографии, Л. П. Берия родился 17 марта 1899 г.) его зловещей и в общем-то ничтожной жизни, втянувшей в свой страшный водоворот сотни и тысячи покалеченных и загубленных судеб.

Феликс Чуев
Член политбюро ЦК ВКП(б) Молотов

…Еду из столицы с Белорусского на электричке. Напротив сидит мальчик, рисует на потном стекле, пишет цифры, словно пытается угадать отпущенный ему на земле срок, хотя навряд ли задумывается об этом. Этот мальчик умрет в 2060 году — так мне внезапно открылось, не знаю почему. Я его больше не увижу, а если и встречу, наверняка не узнаю. Да и он тоже. Но ему суждено познать гораздо больше меня. В нем будет больше спокойной ясности и равнодушия к тому, что сегодня волнует меня, о чем давно собираюсь рассказать. Попытаюсь — «не ведая ни жалости, ни гнева». А сам думаю и смотрю на этого мальчика…

Я рано выучился читать. В доме были только политические книги да газета «Правда». Интерес к политике, а потом к истории сохранился надолго. Может быть, поэтому жизнь подарила мне встречи со многими государственными, политическими, военными деятелями, учеными, героями. Память и дневниковые записи высвечивают яркую личность главного маршала авиации А. Е. Голованова, встречи с маршалом Г. К. Жуковым, адмиралом Н. Г. Кузнецовым, партийным и государственным деятелем К. Т. Мазуровым, академиками А. А. Микулиным, С. К. Туманским, А. М. Люлькой, авиаконструкторами А. С. Яковлевым и А. А. Архангельским, «невероятными» летчиками М. М. Громовым, М. В. Водопьяновым, А. И. Покрышкиным и многими-многими другими — о каждом книгу можно написать.

И — Вячеслав Михайлович Молотов. 140 подробнейше записанных бесед, каждая в среднем 4–5 часов. Как ни относись к этому человеку, мнение его интересно знать, да и жизнь Молотова не оторвать от истории государства. Он работал с Лениным, был членом Военно-революционного комитета по подготовке Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, вместе со Сталиным репрессировал неугодных, занимал пост заместителя Председателя ГКО в Великую Отечественную войну, другие высокие посты, вел нашу внешнюю политику, встречался едва ли не со всеми крупными государственными деятелями первой половины XX века.

Конечно, суждения его субъективны, во многом идут вразрез с тем, что сейчас публикуется, но за 17 лет постоянного общения я имел возможность в какой-то мере изучить этого человека,

целиком, с юности отдавшего себя идее. Безусловно, многое из того, что он говорил, знал только он, и сейчас уточнить трудно. Я буду приводить его слова, стараясь не комментировать объективности ради. Темы наших бесед были весьма разнообразны, они касались самых напряженных исторических моментов. Это краткий конспект наших встреч, дневниковые записи. Я выбирал, мало затрагивая теоретические вопросы, хотя без них не обойтись и они занимают определенную часть «молотовского дневника», составляющего свыше пяти тысяч страниц на машинке. Да, все эти годы я постоянно вел дневник, детально записывая каждую встречу, каждое высказывание, а в последующие дни переспрашивая, уточняя…

…Что меня поражало? Поражала завидная быстрота его реакции, когда он отвечал на вопросы. Обычно в начале разговора Молотов говорил мало, больше слушал и сам спрашивал. А во второй половине беседы начинал рассказывать то, что нигде и ни от кого не услышишь. Щеки его розовеют, глаза, щурясь, блестят по-юношески. Разговорился. Иногда он словно волновался от давних воспоминаний и начинал слегка заикаться.

Разговаривая с ним, я ловил себя на мысли: невольно следишь за своей мыслью и речью, приучаешься к дисциплине беседы, краткости, сжатости — ни он, ни его учителя не терпели длиннот. Точен в формулировках и порой придирается, казалось бы, к незначительным мелочам. Любит докопаться до сути, упрям и последователен в беседе. О себе говорит мало.

— Вы сидели во всех тюрьмах царской империи?

— Во всех основных, — тут же уточняет он.

Он понимал, что я буду писать такую книгу. Берусь опубликовать примерно седьмую часть того, что я узнал от Молотова. Сам он не оставил мемуаров. «Мне не интересно, где, кто и что сказал, куда плюнул… Ленин не писал мемуаров, Сталин — тоже. Есть люди, которые говорят, что видели мою книгу. Я пишу не мемуары, а пишу о социализме — что это такое и, как говорят крестьяне, на кой он нам нужен», — говорил Молотов.

Я не знал, сколько будет этих встреч. Когда они стали частыми, я ловил себя на мысли, что, может, в последний раз вижу его. Ведь еще в 1969-м, когда впервые был у него дома, ему шел 80-й год. Среднего роста, крепко сбитый, с большим упрямым лбом, острыми карими глазами — яркими, не тускнеющими с годами. Жесткие седые усы — в его эпоху всё Политбюро было усатым…

Как проходили наши встречи? Обычно я приезжал на дачу в Жуковку, он встречал меня в прихожей — тепло, по-домашнему:

— Там кто, товарищ Феликс приехал?

Садились за стол, обедали, гуляли по лесу. («Я был Предсовнаркома, и то меня подслушивали, пойдем погуляем…»)

В половине наших встреч с В. М. Молотовым, да, точно, почти в 70 из 140 (в 1969–1977 гг.), участвовал Шота Иванович Кванталиани, историк по образованию, добрейший человек, с живым, ярким, моторным характером. Он умер внезапно в декабре 1977 года — и 50 не было. Все советовал мне, как начать эту книгу:

— Пиши так: «Старый, добрый Белорусский вокзал…»

А Молотов проживет еще почти 9 лет, но ездить к нему я буду без Шоты Ивановича.

Несколько раз за годы наших встреч по Москве, в самых авторитетных учреждениях, ходили слухи о смерти Молотова. Немедленно звоню в Жуковку:

— Можно Вячеслава Михайловича?

— Он самый.

Так было раза три, не меньше. Приезжаю — в окне светелки на даче виднеется его крутая голова. Работает.

— Я человек XIX века, говорил он.

— С каким суеверием люди вступали в новый век, боялись всего!

Он дожил до «летающих тарелок» и нового курса партии на перестройку. Перевел деньги в фонд помощи жертвам Чернобыльской АЭС — смотрю на почтовую квитанцию от 18 июня 1986 года.

Уезжаю в Москву — Молотов стоит в проеме двери, держась за косяк. Грустный-грустный, провожающий взгляд.

Мы встречались последние 17 лет его жизни. Умер он на 97-м году, в октябрьские праздники, 8 ноября 1986 года. Вскрыли его завещание. В конверте была сберегательная книжка: 500 рублей на похороны — все накопления.

Я не собираюсь давать оценки ни этому человеку, ни его рассказам и выводам, ни тем более эпохе, в которой проходила его политическая деятельность. Думаю, время для этого все-таки еще не пришло…

Итак, сам Молотов мемуаров не писал. Но вот передо мной листок, написанный совсем незадолго до смерти: видимо, одна из иллюстраций к его работе, напоминающей только попытку мемуаров. Написано карандашом, потом шариковой ручкой, видно, что автор спешит, сокращая почти каждое слово, рука его уже не очень повинуется приказу головы, буквы наползают одна на другую. Тело «умирает», а мозг ясный. Я «расшифровал» запись и приведу ее, потому что мы с ним, бывало, говорили на

эту тему ранее.

> «На X съезде партии (весна 1921 года) я был избран членом Центрального Комитета партии, а затем на пленуме ЦК — кандидатом в члены Политбюро ЦК. Тогда Политбюро ЦК состояло из пяти членов: Ленина, Сталина, Троцкого, Зиновьева, Каменева и трех кандидатов в члены Политбюро: Молотова, Калинина и Бухарина. Как первый кандидат в члены Политбюро, я нередко получал тогда решающий голос в Политбюро, когда кто-либо из его членов не мог присутствовать на заседании (по болезни, находясь в отпуске и тому подобное).
>
> Тогда же я был избран одним из секретарей ЦК, что возлагало на меня немало организационных дел. Спустя несколько недель после начала работы в центральном аппарате партии я попросил Владимира Ильича принять меня по некоторым вопросам. В состоявшейся беседе были затронуты некоторые важные кадровые вопросы (например, об укреплении руководства в Тульском губ коме, о необходимости покончить с попытками эсеров использовать имевшееся недовольство среди крестьян для развертывания антисоветского восстания в Тамбовской губернии и т. д.). Ленин подчеркнул сложность политического положения в стране. При этом сослался на то, что для улучшения дел в политической области требуется проведение коренных реформ в финансовых делах страны, но при малейшей неподготовленности или торопливости можно было: 1) вызвать взрыв недовольства, особенно среди крестьян, грозящий свалить еще не окрепший советский строй…»

На этом черновая запись обрывается. Набело она уже не будет переписана. В беседах Молотов не раз касался работы с Лениным. Обращает на себя внимание фраза: «Как первый кандидат в члены Политбюро». По словам Молотова, эту роль определил ему Ленин — иметь голос предпочтительнее перед Калининым и Бухариным.

…Подмосковье. Черно-белая зима. Оранжевая деревянная дача. За окном высокие сугробы, литые, почти чугунные, темные ели. Мы сидим за столом у окна.

Он хорошо помнит свое детство. В семье десять детей, он предпоследний. Помнит пятерых братьев и сестру, а трое умерли в раннем детстве. Отец, Михаил Прохорович Скрябин, служил приказчиком в торговом доме богатого купца Якова

Небогатикова. Приглянулся Михаил, и выдал за него купец свою дочь Анну. Было это в слободе Кукарке Вятской губернии. Здесь в марте 1890 года и родился Вячеслав. А после жили в Вятке и Нолинске.

— Я вятич, — говорит хозяин. — Мы с Рыковым из одной деревни. Оба Предсовнаркома, и оба заики. Киров тоже вятич. Мы, вятские ребята хватские, семеро одного не боятся, — улыбчиво щурит он глаза.

Когда юношей в Нолинске он организовал революционный митинг на табачной фабрике Небогатиковых, дедушка, отец матери, кинулся на него с палкой: «Ты чего митингуешь? Мы этим живем!» Дядья владели «Торговым домом братьев Небогатиковых», по Волге и Каме плавали их пароходы… А он уже избрал себе другой путь, трудный, непохожий, чреватый.

Жизненные неприятности начались, когда его исключили из начальной школы: дергал за волосы сидящего впереди ученика. «С тех пор исключали отовсюду». Отправился в Казань поступать в гимназию. Мать завернула ему в бумажку маленькую иконку — «на счастье». А он, задумав блеснуть своими математическими познаниями, быстро решил предложенную задачку на бумажке от иконки, а набело записал только ответ. «Сочли, что я списал у соседа, и не приняли». Однако там же, в Казани, удалось поступить в реальное училище. Жили в одной комнате четыре брата: один в гимназии учился, другой — в художественном училище, а двое младших — в реальном.

Здесь он узнал о первой русской революции. «В Казани было много ссыльных, — говорит Молотов, — и я подружился с одним грузином, Марковым. Думаю, это псевдоним. До сих пор вижу его лицо. Стал ходить к нему по вечерам, читать марксистскую литературу. Не все было понятно, и помню, как он мне объяснял, что такое детерминизм. По-моему, он был меньшевистского толку, но у меня тогда еще не было ясного представления о большевиках и меньшевиках. Я тогда увлекался Плехановым, а Ленина еще не читал».

Повлиял на юного реалиста большевик Кулеш, муж его двоюродной сестры Лидии Чирковой. Вместе с ней Вячеслав Скрябин приехал на каникулы в Нолинск, и она привела его на заседание нелегального кружка. В лесу собралось человек десять. Обсуждали вопрос: бойкотировать Государственную думу или нет? Большинство высказалось с меньшевистских позиций — против бойкота. Сестра за бойкот. А он воздержался. Чего, мол, голосовать, только пришел. Однако дали первое партийное поручение: всю ночь печатал в бане листовки и расклеивал по городу. С этого лета 1906 года исчисляется его партийный

стаж — более 80 лет.

В целях конспирации партийных билетов тогда не было, они появились после Октября 1917-го. Ленину был вручен партбилет № 1, Сталину — № 2, а ему — № 5. В 1962 году он был исключен из партии, однако в 1984-м восстановлен.

В Казани, в реальном, организовал марксистский кружок, а из нескольких таких кружков была создана молодежная революционная организация учащихся средних школ, и он стал председателем ее руководящей четверки, в которую входили Аросев, Тихомирнов и Мальцев. В училище «тянул» на золотую медаль, но в 1909 году, за полмесяца до выпускных экзаменов, его исключили и арестовали. Только одному из руководящей четверки, Виктору Тихомирнову удалось избежать ареста, уехав за границу. Там он установил связь с Лениным и некоторое время был его секретарем.

«Очень хороший товарищ. Сколько таких мне встретилось в жизни, сколько не дожило до Октября», — говорит хозяин. Сам он прошел все, что было уготовано коммунистам. Аресты, застенки, побеги, жизнь на нелегальном положении… «Сидел во всех основных тюрьмах царской империи. А после первого ареста меня сослали в Вологодскую губернию, в Соль-Вычегодск. Поселился в комнате с ссыльным эсером Суриным. Ничего парень был. Правда, потом оказался провокатором, и в 1917-м его убили. Мы с ним мирно сосуществовали днем, а по вечерам забивались по углам и штудировали каждый свою литературу. Когда моя ссылка подходила к концу, он прислал письмо: „Сюда приехал Сталин. Знаешь, кто это? Кавказский Ленин!“ Но я уехал раньше, и познакомились мы уже в Питере».

Первая ссылка продолжалась два года, и по срокам он ее отбыл, как сам говорит, добросовестно. В 1911 году приехал в Петербург, сдал экстерном экзамены за реальное училище и поступил на экономическое отделение Политехнического института. Учеба политических поощрялась властями: предполагалось, что она отвлечет от революции. Однако здесь-то, в столице, среди рабочего класса, он и созрел как революционер.

«В то время в Питере шла острая борьба между большевиками и меньшевиками. Меньшевики выдвинули идею построить так называемый „Рабочий дворец“ — центр пропаганды культуры среди рабочего класса, а большевики предложили не дворец создать, а ежедневную рабочую газету. Мы своего добились, и наша „Правда“ сразу стала популярной среди рабочих. До приезда Сталина мне пришлось организовывать „Правду“, выход первых ее номеров».

Он работает секретарем редакции. Здесь, сначала заочно, с

переписки, началось его общение с Лениным. Ильич из эмиграции руководит газетой, почти ежедневно присылает на его имя письма и статьи. В 1912 году основные члены ЦК во главе с Лениным были заграницей, и Вячеслав Михайлович становится членом Русского бюро ЦК. В «Правде» он проходит «академию Ильича». Здесь же его несколько раз арестовывают и высылают. Есть кинотрилогия о Максиме, где главную роль исполняет Борис Чирков, кстати, племянник Молотова, и, надо сказать, кое-что в этом фильме актер использовал из биографии своего родственника. «Мне, как и Максиму, — говорит Вячеслав Михайлович, запретили жить сначала в 49 городах империи, потом в 63. Напали на след в Москве, арестовали и отправили в Сибирь». Это уже 1915 год.

Поезд привез в Иркутск, а потом 200 километров пешком, по этапу, до Верхоленска, по 25 километров в день, вместе с уголовниками. Хорошо, что не заболел в пути, не заразился, только ноги сильно сбил. Оставили в селе Манзурка, где и встретил новый, 1916 год. В просторной избе собрались ссыльные, в одной половине — большевики, в другой — эсеры. И запели — одни «Интернационал», другие «Марсельезу». «Мы этих эсеров в конце концов выгнали из избы, — смеется Молотов, — а я перезимовал и удрал в Питер. Снова на нелегальное положение…»

Молотов говорил:

— Пока есть империализм, пока существуют классы, на подрыв нашего общества денег не пожалеют. Да и не все люди неподкупны. Когда до революции был разоблачен провокатор царской охранки Малиновский — депутат Государственной думы, большевик, член ЦК РСДРП(б), лучший наш оратор, Ленин не поверил. Живой такой человек, оборотистый, умел держаться, когда нужно — с гонором, когда надо — молчаливый. Рабочий-металлист, депутат от Москвы. Я его хорошо помню, не раз встречался с ним. Внешне немножко на Тито похож. Красивый, довольно симпатичный, особенно если ему посочувствуешь. Л как узнаешь, что это сволочь, — так неприятный тип! Меньшевики сообщили нам, что он провокатор. Мы не поверили, решили: позорят большевика. Но это была правда. После революции Малиновского расстреляли, в 1918-м, по-моему.

…Вот я «Правду» выпускал, мне 22 года было, какая у меня подготовка? Поверхностная, конечно, юношеская. Ну что я понимал? Хоть и два раза уже в ссылке был. Приходилось работать. А эти большевики старые, где они были? Никто не хотел особенно рисковать. Кржижановский служил, Красин — тоже, оба хорошие инженеры, Цюрупа был управляющим

поместьем. Киров — где-то журналистом в маленькой провинциальной газете, не участвовал в реальной борьбе. Я уже не говорю о Хрущеве — такой активный всегда, а в партию вступил только в 1918 году, когда все стало ясно.

Кого только не было в ту пору… Я себя никогда не считал старым большевиком. Вот иду по Новодевичьему кладбищу — там на одной могиле есть такая надпись: «Боец из старой ленинской гвардии Иванов». А в скобках Канительщик. Это у него кличка такая. Прозвали по какому-то случаю, может, и случайно, но надо же так влепить ему на могиле! Да еще написали: «От друзей». Вот эти старые большевики… Я, между прочим, никогда не считал себя старым большевиком — до последнего времени. Почему? Старые большевики были в 1905 году, большевики сложились до пятого года.

— А вы в шестом мальчиком были? — говорит Шота Иванович Кванталиани.

— Ну, мальчиком я был… Какой я там большевик? Печатался там…

— В 16 лет, в 1906 году вы были членом партии!

— Ну и что, в 16 лет? Какой я старый большевик?

— В 1912 году «Правду» выпустили.

— Ну, я уже, конечно, в период революции, после революции мог считать себя старым большевиком, но рядом сидели бородачи, которые в 1905-м уже командовали, возглавляли… Вполне в отцы годились, вполне, конечно. Я прислушивался к ним, правда, хотя я вместе с тем довольно высоко наверху стоял, а перед Февральской революцией был в Бюро ЦК, один из трех, и в революции участвовал активно, и все-таки я еще не из старой ленинской партии 1903–1904 годов. Но я очень близко к этому примыкаю, очень близко. Это факт. Но по молодости лет не мог я быть в 1903 году. А в шестнадцать успел уже. Успел, да.

…8 лет продолжались его ссылки, тюрьмы, подполье. Хорошо запомнил эти годы. Работал в «Правде», вел революционные кружки на питерских заводах. На какие средства существовал? В ссылке получал от царских властей 11 рублей в месяц («Это гроши. Правда, корова стоила 25 рублей, но я корову не покупал»). А в подполье где только не служил — и бухгалтером в журнале «Современный мир», и музыкантом в ресторанах. Он неплохо играл на нескольких музыкальных инструментах, пел, — надо сказать, музыкальные способности в семье достались не только ему, но и остальным братьям, а Николай Михайлович стал известным композитором.

В годы подполья пришлось быть и Михайловым, и Рябиным, и Самуилом Марковичем Брауде, и Яковом Каракурчи. Осенью 1916

года в Озерках, около Питера есть район такой, снимаю квартиру, даю задаток. — А как ваша фамилия? — Моя фамилия Каракурчи. — Не грузин будете? — Я немного греческой крови. — Поселился. Иду как-то по Литейному мосту, навстречу Демьян Бедный, старый знакомый по «Правде», стал печататься в других изданиях — там побольше гонорар был. Мы пришли к нему в кабинет, он работал в каком-то общественном кадетском комитете, барином выглядел в кабинете.

— Как живешь? — спрашивает Демьян.

— На нелегальном положении. По паспорту я теперь Яков Михайлович Каракурчи.

Демьян хохотал до слез. А мне этот Каракурчи был нужен потому, что он студент и, стало быть, может жить без паспорта, поскольку у него есть студенческий вид на жительство. К тому ж он горбун и не подлежал призыву в армию, что для меня было важно, ибо шла война. На чью фамилию достану паспорт, тем и был. Однако в своей партийной организации паспорт старался не брать, потому что это было гиблое дело. Охранка работала очень ловко и умело, в ней служили совсем не дураки, и почти в каждой нашей организации сидел провокатор. Февральская революция застала меня как Александра Степановича Потехина…

…Только за 5 месяцев, с сентября 1916 года до февраля 1917-го, он сменил шесть фамилий. На заседании Петроградского Совета в ночь на 27 февраля 1917 года впервые выступал как Молотов. Эту партийную кличку он взял себе в 1915 году, когда вел революционную работу среди заводского пролетариата.

«В ту февральскую ночь я был в Питере. Мы трое, Шляпников, Залуцкий и я, члены Русского бюро ЦК, жили на нелегальном положении. Прячешься, многого не знаешь, уцелеть бы. Когда развернулись события, мы ночью с Залуцким пошли на явку на Выборгскую сторону встретиться со Шляпниковым и узнать, как обстоят дела. Там нам сообщили, что Шляпников, возможно, у Горького. Отправились к Горькому. Он говорит: — Сейчас в Таврическом дворце начинается заседание Петроградского Совета, и Шляпников, скорей всего, там. — И мы пошли в Таврический. Ночь. Стрельба со всех сторон. Во дворец не пускают. Вызвали Керенского:

— Мы от имени большевиков!

Тот провел нас в президиум и посадил меня рядом с Иорданским, редактором „Современного мира“, где я работал бухгалтером».

Можно представить, какими глазами смотрел редактор на своего бухгалтера Потехина, который под фамилией Молотов сразу же взял слово после Керенского и стал крыть и Александра

Федоровича, и новое правительство. Однако предложение большевиков — разрешить выпуск только тех газет, которые поддерживают революцию, — не прошло. А на другой день Молотов редактировал большевистский манифест и всю ночь провел в типографии, пока печатали «Известия рабочих депутатов». Ленин потом одобрил этот манифест. А в пять утра Молотов мчался на машине в Таврический, разбрасывая из кузова направо-налево газеты с манифестом.

«Машин своих не было, но мы сами захватывали — уже чувствовали себя командирами. Народ активный был. Питер бурлил. Выступаешь на улице — группа собирается, потом толпа. Впервые свободу получили! Каких только партий не было… Даже „партия умеренных прогрессистов существовала“ — за прогресс, но умеренный. Плеханов выпустил антиленинский сборник. Алексеенко, один из лидеров большевиков в Государственной думе, тоже выступил против Ленина. Как не просто было Ильичу из-за границы бороться с ними, и как трудно было нам без него! По поручению ЦК я делал доклад на заседании Петроградского комитета партии большевиков о том, что бы не оказывать содействия Временному правительству. Меня поддержал Калинин, еще кое-кто из товарищей, но нас было меньшинство, и резолюция наша не прошла. Русскому бюро ЦК помогали такие товарищи, как Стасова, Калинин, и после Февральской революции мы пополнили наше бюро. Но все мы вместе взятые, пока не приехал Ленин, не видели, что надо поворачивать к социализму. Мы думали, что дальше последует демократическая революция. А он вышел из вагона на Финляндском вокзале, вместе с ним был Сталин, который встретил его за несколько станций до Петрограда. Ленин поднялся на броневик — „Да здравствует социалистическая революция!“

Как — социалистическая? Мы говорили о демократической революции. Для большевиков это была уже другая ориентация. Даже такие видные члены партии, как Каменев, Рыков, в своих выступлениях говорили о том, что социалистическая революция — дело далекого будущего, а Ленин: нет, надо готовиться к социалистической, а о демократической говорят старые большевики, они нам сейчас мешают, и не потому что они плохие, а потому, что цели и задачи изменились, и не так-то просто перестроиться. Ленин нам всем открыл глаза. Я-то был помоложе и сразу пошел за ним. Даже Сталин мне потом говорил:

— В апрельские дни в этом вопросе ты был ближе всех к Ильичу.

Мы долго обсуждали, что имел в виду Ленин под социалистической революцией? Мы тогда жили со Сталиным на

Васильевском острове, в одной квартире. Оба холостяками были. За одной девушкой ухаживали. Но он, грузин, отбил у меня эту Марусю… В той же квартире жили еще Смилга с женой и Залуцкий — мы впятером образовали нечто вроде коммуны. Старые большевики… Правда, потом и старые меньшевики, и кадеты, и даже черносотенцы стали выдавать себя за старых большевиков».

…День 25 октября 1917 года отдельно не запомнился, потому что был предельно насыщен. Но осталось ощущение того, что сделано большое, важное дело. В этот и последующие дни Молотов ночевал в Смольном, жил там в одной комнате с рабочим Бакаевым. Учились стрелять из револьвера. Выбрали комнату побольше и прямо в стену палили. Молотов был членом ВРК Военно-революционного комитета по подготовке восстания и членом Петроградского комитета партии. В Смольный приходило много народу — рабочие, солдаты, матросы, интеллигенция… Появился даже служащий Святейшего Синода:

— В здании Синода собирается нечто вроде стачечного комитета правительственных учреждений.

И Ленин направил Молотова с отрядом рабочей гвардии разобраться, что это за комитет, и арестовать его. «Указание было правильным и своевременным, — говорит Молотов, — ибо это оказался не столько стачечный, сколько контрреволюционный комитет всех правительственных учреждений человек 40–50 там заседало. Ну. я с красногвардейцами появился среди заседания: „Руки вверх!“ — и всех этих „комитетчиков“ мы отправили в Смольный. Точно так же по поручению Ленина мне в эти дни пришлось закрывать эсеровскую крестьянскую газету. А перед открытием II съезда Советов Ленин собрал членов ВРК в своей комнате обсудить, как открыть съезд и, в частности, как назвать наше первое правительство. Министры — это казалось тогда слишком по-буржуазному, только прогнали министров, и снова министры? Остановились на народных комиссарах, переняв это название от Французской революции.

На съезде Советов, когда Ленин выступал, провозглашая Советскую власть, я стоял за ним и почему-то смотрел на его ботинок. У Ленина была привычка: во время выступления приподнимать ногу на носке, он как бы весь тянулся ввысь. И я отчетливо видел протертую насквозь подошву его ботинка. На всю жизнь врезалось в память…»

Как они, стоящие рядом с Лениным на сцене мировой истории, видели будущую жизнь страны? Молотов говорит, что представление было отрывочное, цельной картины не было. Многое на деле получилось не так, как предполагали. Ленин,

например, считал, что в первую очередь будут уничтожены три основных врага: гнет денег, гнет эксплуатации и гнет капитала. И всерьез шли разговоры о том, чтобы покончить с деньгами уже в 20-е годы…

А пока надо было укреплять Советы в разных районах страны. Молотов работает на ответственных постах в Петрограде, Нижнем Новгороде, на Украине («На Украине» — как он говорит). В 1919 году комиссаром парохода «Красная звезда» он отправился восстанавливать Советскую власть вдоль Волги и Камы. Инструктором по народному образованию на этом пароходе была Надежда Константиновна Крупская. Уезжали поездом из Москвы до Нижнего Новгорода. Провожал Ленин. И тут же, на Курском вокзале, написал записку Молотову о том, что лично знает его как старого большевика, полностью доверяет и просит оказывать всяческое содействие.

В 1921 году Молотов стал Ответственным секретарем ЦК партии.

Он вспоминает:

— Ярославский и Михайлов стали секретарями. Михайлов был такой середнячок областного масштаба, не выше. Даже как областной работник он был не выше среднего уровня, правда, его почему-то выдвинули председателем Московского совета профсоюзов. Ярославский приноровился выполнять всякие просьбы: кому штаны надо, кому ботинки, — мелочи. Правда, время было такое, что люди нуждались во всем. Но надо же на главных вопросах сосредоточить внимание. Ленин мне так и говорил, как-то мы беседовали в другой раз, гуляли по Кремлю: «Вы не занимайтесь мелкими вопросами, перекладывайте их на помощников, вы занимайтесь политическими вопросами, а другие — старайтесь их отдать другим! Вы секретарь ЦК, не занимайтесь ерундой, как Ярославский и Крестинский!»

А тут просьбы всякие — кому-нибудь продукты нужны, не могут достать. И вот мы сидим обсуждаем, кому дать, кому не дать, — чепухой занимаемся. Я говорю: «Невозможно работать, Владимир Ильич, время уходит на ерунду». Ленин помолчал, ничего определенного мне не сказал.

Я через некоторое время прямо взмолился: надо с вами поговорить по некоторым вопросам. Согласился, назначил день.

— А Ленина называли «Владимир Ильич»?

— Нет. «Товарищ Ленин», — ответил Молотов. — Владимир Ильич — очень редко называли. Это только его близкие друзья по молодым годам, такие, как Кржижановский, называли его «Владимир Ильич», а так все — Ленин, Ленин… Может быть, Цюрупа называл его Владимир Ильич.

— А потом и Иосиф Виссарионович стал «товарищ Сталин»?

— Да, это было узаконено: товарищ Ленин, товарищ Сталин. Имя-отчество не принято было называть в партийных кругах. Владимир Ильич, Иосиф Виссарионович — это им не соответствовало. Теперешним настроениям и правилам обращения соответствует, а тогдашним — не соответствовало.

А в августе на пленуме, после доклада Ярославского, когда пленум закончился, Ленин вдруг говорит: «Вот у меня есть вопрос». И неожиданно заявляет: «Я насчет товарища Ярославского. Предлагаю его послать в Сиббюро. Здесь мы найдем вместо него человека, члена ЦК, а в Сибири — там не хватает людей, надо подсобить. Кто против? Никого нет. Значит, решение принято». Но когда я после пленума пошел на работу в свой кабинет — мы размещались тогда напротив центрального военторга, — иду в свой кабинет, вдруг за мной влетает Ярославский и набрасывается на меня: «Вы карьерист! Это все ваших рук дело! Вы интриган!» — и прочее. А куда мне деваться? «Вы карьерист! Вы добиваетесь чего-то!» Я даже вспылил: «Да что вы ругаетесь? Я просто хочу, чтобы вы работали где-нибудь в другом месте». Так он меня изругал, но уже поздно. Ленин сразу провел постановление, пленум утвердил. Конечно, все это было мое дело, я и не жалею, что…

Его в Сибирь отправили, он там 2–3 года поработал. А прошло тогда больше двух месяцев после того моего разговора с Лениным. Но он, видите, не забыл…

Когда уже накануне войны, в мае 1941 года, на посту Председателя Совнаркома меня сменил Сталин, Ярославский решил, что меня сильно понизили (а это совсем не так: перед войной надо было сконцентрировать руководство в одних руках), и он написал обо мне ругательную статью для «Правды». Но Сталин ее прочитал в гранках и сказал: «Это что ж, при Молотове у нас и Советской власти не было?»

Статью не напечатали.

…А время такое, что, спросишь у Молотова, когда было труднее, в 1921-м или в 1941-м, он не задумываясь отвечал: «Конечно, в 21-м. В 41-м у нас уже было монолитное социалистическое государство. А в гражданскую войну был момент, когда Деникин подходил к Москве, и Ленин собрал нас и сказал, что партии придется уйти в подполье. Неожиданно выручил Махно: ударил с фланга по Деникину».

Гражданская война, в экономике полная разруха, неурожай, голод. «Троцкий заявил на Политбюро: „Кукушка прокуковала“. Дескать, выход из положения — буржуазная республика. Страна перешла к нэпу. Многие отвернулись от Ленина, думали — завтра

коммунизм, а мы вдруг перешли на капитал, фирмы. Разочарование, сдают партбилеты, пьянствуют. А Ленин, этот оптимист, повернул назад и говорит: „Мы сейчас подготовимся, чтобы лучше наступать!“ Он даже в первые годы Советской власти допускал, что мы, так сказать, провалимся. Открыто говорил: если мы не сумеем осуществить построение социалистического общества, то все же сделаем все, что только могли сделать. Уступать врагам он был не способен по своему общему направлению. Разве он терпел бы всю эту оппозицию вокруг себя? Он сам говорил:

— Разве это диктатура? Это же кисельная власть!

А что он мог сделать? Его гениальность в том, что в этих условиях мы удержались».

Летом 1921 года Молотов замещал Сталина, который лечился после операции аппендицита, считавшейся тогда сложной. Ленин предложил Молотову и Каменеву съездить втроем к Зиновьеву и уговорить его выступить против Троцкого. Зиновьев находился в это время в доме отдыха Совнаркома, на бывшей даче Морозова.

«Отправились на автомобиле по теперешнему Ленинградскому шоссе, и около села Всехсвятского прокололась шина. Все вышли из автомобиля, шофер стал менять колесо. Подошли крестьяне. Портретов Ленина не было, и его никто не узнал. Узнали Каменева: он был председателем Моссовета и выступал здесь. Местные жители обступили его — вопросы, просьбы. А мы с Лениным отошли в сторонку.

— Сколько вам лет? — спросил Владимир Ильич.

— Тридцать один, — ответил я.

— Комсомолец, — задумчиво сказал Ленин и похлопал меня по плечу».

«Какая наиболее яркая черта ленинского характера вам запомнилась?» спрашиваю у Молотова. «Целеустремленность. И умение бороться за свое дело». Ведь в Политбюро он был в меньшинстве. Очень часто только Сталин и я его поддерживали. Как-то Ленин не пригласил Троцкого и Сталин заметил, что у нас получается фракция. Ленин улыбнулся:

— Товарищ Сталин, вам-то, старому фракционеру…

С 1921 года на заседаниях Политбюро я обычно сидел рядом с Лениным. Однажды во время выступления Троцкого Ленин незаметно передал мне записку: «Выступайте против него как можно резче. Записку порвите». Я так и сделал. А после меня встал Ленин и окончательно добил Троцкого. Правда, тот понял, в чем дело, и сказал потом: «На всякое дело есть свой Молотов». Троцкий считал, что мы должны вести курс на социализм постольку, поскольку нас может поддержать рабочий класс. А так

как Россия состоит в основном из непонимающего социализм крестьянства, то в такой обстановке мы победить сможем лишь в том случае, если нас поддержат западные рабочие, а мы пойдем за ними. Тогда нам надо закричать: «Да здравствует социализм!» — а самим удрать в кусты. А мы начали и повели Запад за собой.

В моем «молотовском дневнике» есть и такие воспоминания:

— Ленин понимал, что с точки зрения осложнения дел в партии и государстве очень разлагающе действовал Троцкий. Опасная фигура. Чувствовалось, что Ленин рад бы от него избавиться, да не может. У него не было еще такой мощной поддержки, какая потом появилась у Сталина. А у Троцкого хватало сильных прямых сторонников, были и ни то ни се, но признающие его большой авторитет. Троцкий человек достаточно умный, способный и пользовался огромным влиянием. Даже Ленин, который вел с ним непримиримую борьбу, вынужден был опубликовать в «Правде», что у него нет разногласий с Троцким по крестьянскому вопросу. Помню, это возмутило Сталина, как не соответствующее действительности, и он пришел к Ленину. Ленин отвечает:

— А что я могу сделать? У Троцкого в руках армия, которая сплошь из крестьян. У нас в стране разруха, а мы покажем народу, что еще и наверху грыземся!

(29.2.1980 г.)

— С 1902 года не прекращалась полемика между Лениным и Троцким. Ленин знал Троцкого как облупленного, а все-таки держал в Политбюро. Как Зиновьева и Каменева. С кем-то же надо работать. И, если человек мало-мальски поддерживал Ленина, он его брал к себе.

(9.5.1972 г.)

— Сталин все шутил, что он из Ялты плыл в Сочи на катере «Троцкий». И говорил: «Кто-то меня спросил: „Долго ты будешь ездить на Троцком?“» Он мне рассказывал. В 30-е годы.

— По иронии судьбы Троцкий уезжал из Советского Союза на пароходе «Ильич».

— Вот как? Выносили его из квартиры на руках. Двое выносили, в том числе начальник моей охраны Погудин. Он умер давно уже. Питух крепкий был, Погудин, — пил здорово.

(25.7.1975 г.)

— Троцкий всюду насаждал свои кадры, особенно в армии. Гамарник, начальник Политуправления. Склянский был у него первым замом. Я его знал. Откуда он взялся — черт его знает! Откуда Троцкий его взял, я не слыхал никогда. Эта нация, она столько пережила, и тогда вышколенных людей было очень

много. Это городские люди, которые веками жили в городах, из поколения в поколение, не то, что наши, пока обнюхаются.

(15.8.1975 г.)

— При Ленине такое было трудное положение… Но Ленин — это человек, который смотрит в разные глаза и подтягивает людей: «Имейте в виду, нам угрожает смерть!» Конечно, он не всё мог точно учитывать, но он подтягивал всех…

(9.6.1976 г.)

— Ленин считал, что придет время снять Троцкого… Претендовал на лидерство, фактическое лидерство, и Зиновьев. Он часто выступал, любил выступать, но и умел это делать, срывая аплодисменты. В таких случаях они кажутся оратору большим фактором. А оказалось, что он не такой глубокий человек, как, скажем, Сталин или даже Каменев. Так сложилось, что в литературе имена Зиновьева и Каменева идут рядом. А это совершенно разные люди, хотя Каменев идеологически накачивал, осаживал и поддерживал Зиновьева. Зиновьев — писучий, говорливый, язык у него, как говорится, без костей. Каменев посолидней, поглубже и оппортунист последовательный. Зиновьев пел, так сказать… на Каменева. Пооораторствует, бывало, очень революционно, а потом уже Каменев вступает в бой. Во время первой мировой войны Каменев был в ссылке, а Зиновьев жил за границей, в Швейцарии, там, где Ленин. По переписке Ленина с Зиновьевым видно, что Ленин то и дело недоволен Зиновьевым, потому что тот «качался», хотя изображал из себя ленинца. Каменева не было рядом, и он все время проявлял крайнюю неустойчивость. Ленин его поправляет, осаживает… Так вот, Зиновьев претендовал на лидерство. И добился, что на XII съезде в 1923 году, еще при живом Ленине, делал политический отчет.

(29.2.1980 г.)

— Были ли у Ленина ошибки? Безусловно. Я как первый кандидат в Политбюро при голосовании часто был полноправным членом «пятерки». И был у меня единственный раз, когда я голосовал против Ленина — при Ленине. Летом 1921 года он предлагал закрыть Большой театр. Говорит, что же, у нас голод, такое трудное положение, а это — дворянское наследство. В порядке сокращения расходов можем пока без него обойтись…

И «провалился». Большинство — против. Сталина не было. Я помню, что тогда я и голосовал в числе тех, которые не согласились с Лениным. И убытка большого нет. Тут, видимо, он перенервничал. «На черта нам…» Один из самых трудных годов. Переход к НЭПу.

(9.6.1976 г.)

— Ленин человек колоссальной энергии. Мало пожил. Немецкого, как злословят некоторые, у него в характере и поведении было мало. Нет, но аккуратность! Организованность — чертовская, чертовская организованность! Но больше он русского типа, безусловно русский.

Сталин не раз говорил: если б сейчас Ленин был бы жив, наверное, другое сказал — куда там нам! Он бы, наверное, что-то придумал то, чего мы пока не можем.

— Правильно ли сделали, что положили Ленина в Мавзолей?

— Для того периода это нужно. Крупская же против была. Решением ЦК это сделали. Сталин настаивал, да. Мы поддержали. Нужно было, нужно.

…Ленина вижу сейчас как живого. Между прочим, он смеялся очень ярко иногда. Как колокольчик. Ха-ха-ха-ха-ха! Раскатисто. Если в хорошем настроении… Раскатисто очень, да. Он человек был, ну, не то что веселый, но не надутый, чувство юмора у него хорошее… Простой. В общении русский был человек. Но и таких, пустых разговоров я не знаю. У него и роль была такая в жизни. Но вместе с тем он простой человек, душевный. Я имел возможность близко его наблюдать, конечно.

Я такого мнения держусь, что для воспитания молодежи, и не только молодежи, а и стариков, выживших из ума, и среднего возраста, не думающего об этих вопросах, не на что опереться, кроме Ленина. А Ленин — считается, давно был, и, значит, надо что-то новое. А суть-то дела в том, что надо поднять всю борьбу на некоторый новый этап и все вскроется по-новому. Придется на многое по-новому посмотреть…

Советую почитать статью Ленина «Политика и экономика в эпоху диктатуры пролетариата». Конец 1919 года. Я сейчас вам могу привести его доводы своими словами, а потом вы прочитаете, чтобы «углубиться». В данном случае я точно передаю смысл. Там сказано так: социализм есть уничтожение классов. Уничтожить классы можно только при диктатуре пролетариата. Для этого нужна диктатура пролетариата.

А у нас — уничтожение эксплуататорских классов. Вот, скажем, крестьянина берегут, колхозника. А беречь его нельзя, если хочешь счастья этому крестьянину. Его надо освободить.

И сделать — тружеником социалистической деревни. Вот эти сторонники колхозного крестьянства, они-то как раз и реакционеры. Они крестьянина этого в том виде, в каком он есть, хотят заморозить. Отупели в своем мелкобуржуазном мещанстве.

(29.7.1971 г., 12.12.1972 г.)

— Коллонтай вместе со Шляпниковым против Ленина выступала, — говорит Шота Иванович. — Портила кровь Ленину.

— Но она все-таки выдающийся человек. Да, выдающийся, безусловно. Интересная. Поклонников ме-ме-няла много.

— А как вам фильм о Коллонтай — «Посол Советского Союза?»

— Коллонтай выиграла войну… А на деле — была послом, выполняла наши указания, как и подобает послу.

Коллонтай… Я се хорошо знал. У меня были с ней довольно хорошие отношения, но она, конечно, не настоящий революционер. Со стороны подошла. Но честный человек. Интересная женщина. Муж у нее был Дыбенко, а до этого Шляпников. Такая публика, которая мало доверия вызывала. А сама она очень способная как писатель, очень интересная женщина, безусловно. Ну, и хороший оратор, особенно для женской аудитории. Красиво очень говорила, с большим чувством, искренне, ну, производит впечатление. Полина Семеновна была се поклонницей. Смелая в словах, в жестах очень свободная. Жила долго в Европе, там выступала, языки знала, очень культурный человек. Дочь генерала. Ленина почитайте на XI съезде партии, где он говорит против рабочей оппозиции… Оппозиция Шляпникова и Коллонтай, как он выразился, это непосредственно спаянные товарищи.

Вообще-то раньше Коллонтай была женой одного офицера, дворянина. Но с ним разошлась по принципиальным, идейным соображениям и ушла в революционный лагерь. Во время первой мировой войны примкнула к большевикам, в 1914 году.

— Мне один старичок рассказывал, что вагон, где гуляли Коллонтай и Дыбенко, в гражданскую войну называли «коллонтаевка».

— Разве? Дыбенко — один из ее последних мужей. Она боевая.

— Двух мужей расстреляли, а она уцелела, — говорит Шота Иванович.

— Но она у нас была не вредной, знала языки.

(25.1.1975 г., 28.4.1976 г.)

— У Ленина не было друзей в Политбюро. Но он нас всех сохранил — и тех, и этих. Многие качались от него в разные стороны, а других-то не было. И другие, еще неизвестно, когда придут. Но в этом-то и сила Ленина, иначе он бы сам не удержался, и все дело рухнуло бы. Время было совсем другое. А мы нередко переносим наше время в ту эпоху или в 30–40-е годы и меряем сегодняшними мерками.

Близкие отношения у Ленина были с Бухариным.

— В последние годы?

— Нет, пожалуй, в первые годы ближе были. Но он часто и

запросто бывал на квартире Ленина и в Горках, обедал в семье. Наиболее квалифицированный теоретически, выше Зиновьева: тот больше оратор-журналист, а этот теоретик. Но оба с гонором были. Бухарин — очень самоуверенно себя вел, да и был крайне неустойчивым политически. Ленин назвал его «любимцем всей партии», но тут же сказал, что его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским. Вот вам и любимец! Да и до того Ленин его бил нещадно. А так Бухарин — добродушный, приятный человек. Со Сталиным у Ленина отношения были тесные, но, в основном, на деловой основе. Но Сталина он куда выше поднял, чем Бухарина! Да и непросто поднял — сделал своей опорой в ЦК. И доверял ему.

Бухарин — ученый, литератор, по любым вопросам он выступал с большей или меньшей уверенностью, ну и авторитет был, нельзя отрицать.

— И сейчас популярен!

— И сейчас, конечно.

(9.3.1985 г.)

— Так вы из всей плеяды оппозиционеров выше всех Бухарина ставите?

— По теоретическому уровню — да.

— А Зиновьев, значит, ниже?

— Ниже, да. Бухарин более знающий. Зиновьев пытался теоретизировать, но — поверхностно. И с ним Сталин так обращался: «Я не знаю, читал ли товарищ Зиновьев Энгельса». Когда Зиновьев был уже в оппозиции в 1925–1926 гг., он говорил: «Я стою на принципах коммунизма Энгельса». — «Я не знаю, говорит Сталин, — читал ли эти принципы товарищ Зиновьев, я боюсь, что не читал, а если и читал, то, видимо, не понял».

Как снег на голову! Сразу противника поставит в такое положение: читал юга не читал, а читал — не понял. Если нет, я вам снова почитаю, а вы увидите…

— Хитер был?

— Очень хитер, да.

(9.7.1971 г.)

— О Бухарине Ленин говорил: «Дьявольски неустойчив в политике». Дьявольски, да. Видно, что он любил Бухарина, хорошо к нему относился, но «дьявольски неустойчив».

— Но ведь он, еще раз вспомним, его называл «любимцем партии»…

— Да, да. Бухарин по характеру был очень общительный человек и интересный, но вот — «дьявольски неустойчив». Это видел не только Ленин, многие другие. Чувствуется, что Ленин

его жалеет, а не может ничего ему уступить в идейной области. Бухарин, действительно, по характеру был очень мягкий, общительный, но старался в идейных вопросах держаться довольно последовательно, оппортунистически.

— В своем «завещании» Ленин каждого приложил сильно…

— Это точно. Но он не мог так просто, обывательски такие выводы давать, а связывал очень точно с содержанием, не навязчиво, но связывал каждого. Каждый должен быть интересен по-своему.

Смотрим с Молотовым по телевизору документальный фильм о Ленине. Показывают Симбирск.

— Керенский — способный человек, хороший оратор. Доводилось много раз слушать его и тут же выступать против него. В 36 лет стал во главе русского государства. Отец его подписывал аттестат зрелости Ленину. Наверняка были знакомы семьями, в одном городе жили — не такой большой городок…

(14.8.1973 г.)

— Дзержинский, как человек определенной отрасли партийной работы, был нужен Ленину и подходил для этого. Он самые трудные, такие неприятные обязанности выполнял так, что от этого партии была прибыль, как говорится, а не убыль… И Ленин его признавал и ценил. Но по вопросам экономики Ленин, конечно, мог не всегда поддерживать Дзержинского. А, в общем, конечно, Дзержинский близко был к ленинской позиции.

…Равнодушным людям или плохо настроенным нельзя отдавать в руки историю, историю коммунизма.

(9.3.1985 г.)

— Причина смерти Аллилуевой, наиболее вероятная — ревность. Ревность, конечно. По-моему, совсем необоснованная. Парикмахерша была у Сталина, к которой он ходил бриться. Супруга этим была недовольна. Очень ревнивый человек. Как это так, почему? Такая молодая…

У нас большая компания после 7 ноября 1932 года собралась в квартире Ворошилова. Сталин скатал комочек хлеба и на глазах у всех (человек двадцать было) бросил этот хлебный шарик в жену Егорова. Я это видел, но не обратил внимания. Будто бы и это сыграло роль.

Аллилуева была, по-моему, немножко психопаткой в это время. На нее все это подействовало так, что она не могла уже держать себя в руках.

С этого вечера она ушла вместе с моей женой Полиной Семеновной, и они долго гуляли по Кремлю. Поздно ночью, в первом или во втором часу ночи. И она жаловалась моей жене, что вот это ей не нравилось, это не нравилось… Про

парикмахершу… Почему он и вечером так заигрывал…

А все было просто так, немножко выпили, шутка. Ничего особенного. На нее же — подействовало.

Она очень ревновала его. Цыганская кровь. В ту ночь и застрелилась. Полина Семеновна осуждала ее поступок, говорила: «Надя была неправа. Она оставила его в такой трудный период!» Что запомнилось? Сталин поднял пистолет, которым застрелилась Аллилуева, и сказал: «И пистолетик-то игрушечный, раз в году стрелял, — пистолет был подарочный; подарил ей свояк, по-моему… — Я был плохим мужем, мне некогда было ее водить в кино».

Этот вопрос возникает, потому что пустили слух, что он ее убил. Я никогда прежде не видел его плачущим. А тут, у гроба Аллилуевой, я видел, как у него покатились слезы.

(9.7.1971, 4.11.1978 гг.)

— У Сталина была дача, называлась Ближняя. Была Дальняя, где очень редко бывали. А была еще третья дача, какого-то бывшего дореволюционного инженера, с озером, Соколовка называлась. Что Бухарин мог приезжать к Сталину и Аллилуевой, это несомненно. Он очень обходительный, интеллигентный и очень мягкий. Но чтобы она пошла за Бухариным, а не за Сталиным, я сомневаюсь. Маловероятно. Очень любила Сталина, это факт. Она, правда, не совсем уравновешенная была.

— Светлана Аллилуева пишет, что в 1942 году к Сталину пришел Берия и настоял на расстреле Алеши Сванидзе, который ранее был осужден и пять лет отсидел. И Сталин легко согласился. Зачем это нужно было?

— Это вот, к сожалению, было… Он был большой либерал, Алеша Сванидзе, европеец. И он Западом питался. Сталин его чувствовал. И, когда появились поводы, Алеша что-то там болтал. Сталин, конечно, очень круто мог поступить, а Берия мог подыграть…

— Светлана утверждает, что Надежда Сергеевна оставила после себя письмо, прочитав которое «отец мог думать, что мама только для видимости была рядом с ним».

— Она, конечно, поддавалась всяким влияниям. Бухарину в какой-то мере. Енукидзе. Это возможно.

— Светлана пишет: «Подойдя на минутку к гробу, он вдруг оттолкнул его от себя руками и, повернувшись. ушел прочь и на похороны не пошел».

— Не, ничего подобного, ничего подобного, — говорит Молотов. — Помню хорошо: когда Сталин подошел к гробу в момент прощания перед похоронами слезы на глазах. Я больше никогда не видел слез у него. И сказал очень так грустно: «Не

уберег». Больше я его не помню плачущим. Я это слышал и это запомнил: «Не уберег». Вообще, Сталин красивый был. Женщины должны были увлекаться им. Он имел успех.

— Светлана пишет: слезы ненавидел. Не любил одеколон и духи.

— Это могло быть. Простота такая…

— Пишет, что отца любили все — прислуга, охрана, он был прост в обращении, ничего не требовал особенного от прислуги, всегда выполнял просьбы, помогал…

— Это, да, это правильно.

— Лимонник завел на даче. Большой лимонник, специально здание было отведено… Чтоб он копался там, я этого не видел. Я даже думал: на кой черт ему этот лимонник? Все: ох! Ах! Ох!

А я, по совести говоря, меньше других охал и ахал. По мне, на кой черт этот лимонник?! Лимонник в Москве. Какая польза, какой интерес от него, не понимаю. Как будто опыты какие-то проводил. Так надо знать тогда дело. А пользоваться какими-то методами — зачем? Отдых?

— Про лимонник потом мне рассказывал Акакий Иванович Мгеладзе, бывший Первый секретарь ЦК Грузии. Его Сталин пригласил к себе на дачу, отрезал кусочек лимона, угостил:

— Хороший лимон?

— Хороший, товарищ Сталин.

— Сам выращивал.

Погуляли, поговорили. Сталин снова отрезал дольку: «На, еще попробуй». Приходится есть, хвалить. «Сам вырастил и где, в Москве!» — говорит Сталин. Еще походили, опять угощает: «Смотри, даже в Москве растет!»

Когда Мгеладзе уже стало невмоготу жевать лимон, его осени по: «Товарищ Сталин, обязуюсь, что Грузия будет обеспечивать лимонами всю страну!» И назвал срок.

— Наконец-то додумался! — сказал Сталин.

(6.6.1973 г.)

— Если учесть всю сложность характера Сталина… Насчет русскости…

— Тут как будто у Сталина были некоторые сомнения по этому поводу?

— Были, конечно. Недаром он долго не соглашался Председателем Совнаркома стать. Ну, не то чтоб не соглашался, но не ставился этот вопрос. Я ему писал, между прочим, перед тем, когда я стал возглавлять Совнарком: лучше бы тебе быть. Это в конце 1930 года. Рыкова больше нельзя оставлять, вот тебя мы хотим назначить. Я в ЦК работал, Секретарем ЦК. Он был в отпуску. В Сочи. Сталин мне написал письмо, что меня надо

назначить. Я ответил: если подойду, если народ найдет, что я подхожу, пусть будет так. Но, конечно, лучше, если бы тебя на это место.

Так было принято. При Ленине так было. Он являлся фактическим лидером партии, фактическим, и Председателем Совнаркома. А я — вроде Первого Секретаря, но совсем не в том положении, какое потом приобрел Первый.

Письма между Сталиным и мной были секретные, доставлялись по фельдъегерьской связи, чекисты привозили. Личные, полуофициальные. Писали друг другу личные замечания. Связь была очень близкая.

(6.6.1973 г.)

Рассказываю Молотову о том, как в ЦК КПСС мне сказали, что Ленин не выдвигал Сталина на пост Генсека: Каменев выдвинул, а Ленин дал согласие. Товарищ, который со мной беседовал сообщил, что избрание Сталина на этот пост — загадка, великая тайна, которую знает только один человек, но он никому не расскажет. Этот человек — Молотов.

— Я-то хорошо знал: это Ленин его выдвинул, — утверждает Молотов.

(4.12.1973 г.)

— Сталин жалел, что согласился на Генералиссимуса. Он всегда жалел. И правильно. Это перестарались Каганович, Берия… Ну, командующие поддержали.

— Кузнецов пишет…

— Он не знает, Кузнецов знал только, что разговор был с военными… Сталин был против. Сожалел: «Зачем мне все это?»

— Особое отличие, а для чего это надо было? Для чего ему какие-то внешние отличия, когда он был признанный человек! Те — военные специалисты, он же политик государственный. Суворов же не был государственным и партийным деятелем, ему это нужно было. А Сталин — руководитель коммунистического движения, социалистического строительства, это ему не нужно было. Нет, он жалел, жалел.

(30.12.1973 г.)

— Сталин — только один, имейте в виду, а генералов-то было много. Потом ругался: «Как я согласился?» — Не хотел. Вождь всей партии, всего народа и международного коммунистического движения, только генералиссимус — это ведь принижает, а не поднимает! Не у всех в голове укладывается. Два раза пытались ему присвоить. Первую попытку он отбил, а потом согласился и жалел.

(7.5.1975.,16.6.1977 гг.)

Разговор о присвоении Сталину звания Героя Советского

Союза после войны.

Сталин сказал, что он не подходил под статус награды:

— Героя присваивают за лично проявленное мужество, — я такого мужества не проявил…

И не взял Звезду. Его только рисовали на портретах с этой Звездой. Когда он умер, Золотую Звезду Героя Советского Союза И. В. Сталина выдал начальник Наградного отдела, ее прикололи на подушку и несли на похоронах.

— Сталин носил только одну звездочку — Героя Социалистического Труда. Я иногда надевал орден Ленина.

(16.6.1977 гг.)

— Сейчас, мне кажется, принижена роль Председателя Совета Министров.

— Есть, конечно, принижение, — соглашается Молотов. — Дальнейшее принижение. При Сталине, конечно, этого не было.

— «Председатель Совета Министров» писалось первым. «Председатель Совета Министров и Секретарь ЦК КПСС Сталин».

— Одно время, когда были общие постановления Совмина и ЦК, писали так: «Предсовнаркома Молотов, Секретарь ЦК Сталин». Так печаталось. Рядом. Это ленинское правило.

(14.1.1975 г.)

— Каганович как-то возмутился: «Почему Молотов первый?»

Получалось тут немножко неловко, потому что декреты обыкновенно подписывались так: Председатель и Секретарь. Секретарь — управделами получается, в этом есть неловкость. Тогда нашли выход, стали писать в одну строчку: Председатель Совнаркома и Секретарь ЦК.

(16.6.1977 г.)

— Конституция СССР целиком Сталиным создана. Он следил, направлял, целиком. По его плану сделана, под его непосредственным, постоянным руководством.

(7.5.1975 г.)

— Определенные силы хотят не того, чтобы ошибки Сталина исправить, а при помощи ошибок Сталина испортить всю линию партии.

А несмотря на ошибки Сталина, я признаю его великим человеком, незаменимым в свое время — не было другого человека.

Сталин, вероятно, знал мое критическое мнение, правда, я в такой откровенной форме ему это не говорил, но высказывал кой-какие критические вещи. Не всегда ему нравилось. А все-таки более близкого-то к нему человека я не знал…

(12.12.1972 г.)

— Маршал Василевский говорит, что не встречал человека с

такой памятью, как у Сталина.

— Память исключительная.

(11.3.1976 г.)

— Сталин немецкий знал немножко?

— Немножко. В Европе бывал, да. Понимал.

— Когда Риббентроп говорил, он понимал?

— Нет, не понимал. И я не понимал. Самые разнообразные разговоры бывают. Подходят ко мне и говорят: «На скольких языках вы говорите?» — Я всем отвечаю: «На русском». Немного знаю французский, еще меньше — немецкий и совсем плохо — английский.

(8.1.1974 г.)

— Сталин много не пил, но в компании, вот долго сидим, конечно, выпивал, как и все мы.

— Наверное, мог много выпить?

— Грузин. Он себя сдерживал, по все-таки пил иногда по-настоящему. Редко, редко. Я тоже мог…

— Сталин шампанское любил?

— Да, он шампанское любил. Его любимое вино. Он с шампанского начинал…

— Какие вина вы со Сталиным пили? «Киндзмараули»?

— «Киндзмараули» — мало. Вот тогда было…

— «Цинандали»?

— Не-е-ет, красные вина. Я пил «Цигистави», того района. А, когда я недоливал, Берия говорил: «Как ты пьешь?»

— Пью, как все… Это кисленькое вино, а все пили сладкое сладковатое… Как это называется… Ну, черт…

— «Хванчкара»?

— Нет. «Хванчкару» редко. «Оджалеши» тоже пили. Очень много. До войны.

— «Цоликаури»? — спрашивает Шота Иванович.

— «Цоликаури»! — вспомнив, восклицает Молотов.

— Правда, что у Сталина были отпечатаны на машинке этикетки вин Штеменко пишет?

— Ничего не было. Может, что-то случайно…

(4.10.1972.,8.1.1974 гг.)

— Сталин поздно ложился спать…

— Я бы сказал — чересчур поздно, — соглашается Молотов. Он работал много, конечно.

(16.1.1973., 8.1.1974., 16.2.1985 гг.)

— Мы у Сталина не раз ели сибирскую рыбу — нельму. Как сыр, кусочками нарежут — хорошая, очень приятная рыба. Вкусная. В Сталине от Сибири кое-что осталось. Когда он жил в Сибири, был рыбаком, а так — не увлекался. Не заметно было, да

и некогда.

Рыбу ели по-сибирски, мороженую, сырую, — с чесноком, с водкой, ничего, хорошо получалось. С удовольствием ели. Налимов часто ели. Берия привозил.

(12.5.1976 г.).

— Берия часто приносил с собой мамалыгу, кукурузу. И, особенно, вот эти самые сыры. Сыр очень хороший. Ну, все мы набрасывались, нарасхват, голодные… Когда там обед, время, некогда, пообедаешь или нет…

(9.6.1976 г.).

— Вы практически всю жизнь были в руководстве…

— Имел отношение близкое к этому делу.

— Знали ли вы о прожиточном минимуме, что 60 рублей в месяц рабочему не хватает, доходило до вас?

— Очень даже доходило. А какой выход из этого? Знали, что так. Не надо никаких специальных осведомителей, кругом же люди. Сегодня одни, завтра другие, разные мнения. Надо быть очень уж глухим и тупым, чтобы не знать об этом. Знали, но не все могли сделать, как надо. Это ведь очень сложный вопрос, как выправить дело. Хотя мне кажется, мы в общем знали и то, как надо выправить. Возможности небольшие были, конечно.

Дорогу, по-моему, еще не все нашли. А мы, по-моему, нашли довольно надежную дорогу. Многое еще не выполнено, конечно. Пока капитализм существует, народу очень трудно улучшать жизнь.

(12.5.1976 г.)

— Первые годы охраны, по-моему, не было. Тогда все ходили пешком. И Сталин. А вот когда начались новые покушения в 1928 году… На границе были пойманы с бомбами эсеровского типа люди. Они террористы, смелые…

Мы едем, а сзади обязательно охрана. Вторая машина. Может быть, у Сталина была и впереди. Но только у одного Сталина — впереди. Может быть, но я об этом даже не слышал. Насчет второй машины мы хорошо знали. Она и на дачу, и везде…

(16.8.1977 г.)

— Помню, метель, снег валит, мы идем со Сталиным вдоль манежа. Это еще охраны не было. Сталин в шубе, валенках, ушанке, уши опущены, никто его не узнает. Вдруг какой-то нищий к нам прицепился: «Подайте, господа хорошие!» Сталин полез в карман, достал десятку, дал ему, и мы пошли дальше. А нищий нам вослед: «У, буржуи проклятые!»

Сталин потом смеялся: «Вот и пойми наш народ! Мало дашь — плохо, много — тоже плохо!»

— Когда осуществляли план реконструкции Москвы, то

снесли много исторических памятников, — говорю я.

— Погибли памятники?

— Погибли памятники, да.

— Например?

— Например, храм Христа Спасителя.

— А, храм Христа Спасителя.

— Часто этот вопрос задают. Говорят, Каганович участвовал.

— На него, да? (с улыбкой). Это уж чересчур. Я не помню, то ли я был председателем, то ли членом этой комиссии, членом-то наверняка был. Приняли решение по вопросу: заменить храм Христа Спасителя — Дворцом Советов. За это я проголосовал, но когда проект дал архитектор Иофан, он не знаменитый архитектор, но он оказался как-то наверху, и дал проект такой — колоссальное здание… Я высказался против. Сказал: «Я не подпишу». Начали уговаривать. Сталин говорит: «Надо подписать». Я знал, что это чепуховая мысль сама. Я познакомился с некоторыми замечаниями или, может быть, в разговоре просто выяснилось: если поставить Дворец Советов на месте храма и вверху колоссальный памятник Ленину, ноги-то будут видны, а голову не видно. Как так? Памятник Ленину, а голова и фигура вся вообще не видна. Там всякие туманы бывают, и это было бы частым явлением. Абсурд, просто глупость архитектора, а берется за такое дело. «Я не подпишу». Тогда настояли. Сталин, Ворошилов входили в комиссию… Я подписал.

— Но зачем взорвали храм, могли бы на другом месте этот памятник, если уж хотели, поставить.

— Сознательно было уничтожено. Сам храм. Против него были возражения. Я лично не возражал.

— Но можно было какой-то музей в нем открыть.

— Это правильно. Но неожиданно появился бассейн — вместо памятника. Тоже абсурд какой-то.

— Там, говорят, хорошие работы были.

— Да, там были хорошие работы. Отдельные, кажется, сохранились.

— Они где-то валяются, а там вместе собраны были. Имена георгиевских кавалеров были выбиты. Это слава русского оружия, все-таки. Надо было там что-то придумать, не обязательно под церковь отдавать.

— Церковное совсем нехорошо — в самом центре России.

— Зачем было взрывать? Стоял — и пусть стоял бы!

— Недодумали. Оставить было нельзя, а взрывать тоже не стоило.

— Не стоило. Я тоже так считаю. Там такие стены были… Потом пытались ставить фундамент Дворца Советов — ничего не

вышло, поплыло. Жалко все-таки, что взорвали. Говорят, красивый был. Я не видел, — спрашиваю Молотова.

— Храм не видели разве? Он же долго держался.

— До моего рождения. Я в 41-м родился. Это ж до войны было.

— До войны? Пожалуй, да. Тут, наверно, не все правильно, но никаких особых претензий, по-моему, нельзя иметь.

— Но зачем взорвали? — в который раз спрашиваю я.

— Ну а что значит — взорвали? Все равно надо было убирать оттуда.

— Васнецова работы там, фрески…

— Это в музее можно оставить, но ради этого храм сохранять, по-моему, нельзя.

— Храм красивый, как произведение, стоял бы.

— Да ну его к черту.

— Там бы уже не молились…

— Ну а для чего это надо?

— Стоял бы, как Василий Блаженный. Сталин ведь его спас!

— Это верно. Но тот более древнего периода, а этот уже XIX века.

Много прошло лет, конечно, были и неудачные начинания. Теперь они кажутся чудачествами, явной ошибкой, но не всегда так казалось.

(9.12.1982 г.)

— Сталин на все свои подарки музей завел, — говорит Шота Иванович.

— Да, музей, да. Мне тоже дарили. Там, в министерстве иностранных дел сваливали куда-то. Мао Цзэдун мне подарил вазы замечательные. Потом какие-то скульптурки. В министерстве остались. А часть, вероятно, в Совете Министров. Я не мог этим заниматься. У Сталина — целый музей, были очень ценные. Искусство, это надо было сохранить.

— Сейчас себе домой забирают…

— Возможно, возможно.

(4.10.1972 г.)

-.. Мы жили со Сталиным в одном коридоре в Кремле, в здании, где сейчас Дворец Съездов построен новый. По вечерам друг к другу заходили. Были годы, когда довольно часто это было. У него на даче, обыкновенно общались: либо на одной, либо на другой. На Ближней больше. А Дальняя — это в районе Домодедово.

(9.6.1976 г.)

«Что с вами будет без меня, если война?» — говорил он после войны. «Вы не интересуетесь военным делом! Никто не

интересуется, не знаете военного дела. Что с вами будет? Они же вас передушат!»

И в этом упреке была доля правды, конечно. Мало очень интересовались. Надо сказать, что Сталин исключительно попал, так сказать, был на месте в период войны. Потому что надо было не только знать военную науку, но и вкус к военному делу иметь. А у него был этот вкус. И перед войной это чувствовалось. И ему помогало.

Потом после войны Сталин собрался уходить на пенсию и за столом сказал:

— Пусть Вячеслав теперь поработает. Он помоложе.

Разговор такой был у него на даче, в узком составе.

— Должен кто-то помоложе, пусть Вячеслав поработает.

Он сказал без всякого тоста. Каганович даже заплакал. Самым настоящим образом заплакал.[1]

Когда мы с ним встречались, он выражал всякие хорошие чувства. Но ко мне очень критически относился. Иногда это сказывалось. По югославскому вопросу они никто меня не поддержали, все выступили против меня — и Каганович, и Маленков.

— Мы думали: Молотов, Маленков, Каганович — заодно.

— Не вышло.

— По «антипартийной группе» Каганович вас поддержал.

— Поддержал, да.

(4.10.1972., 6.6.1973 гг.)

— А все-таки в России были большевики, которых еще в других местах не было, — говорит Молотов… — Можно гордиться и можно пле-плеваться на русских, когда они плохо ведут себя. Но есть чем гордиться. Россия мир спасала несколько раз, как ни крути.

(14.1.1975 г.)

— Русский народ помог другим народам, это правильно, но это половина дела. Другие народы смогли начать развивать свои способности только после ликвидации русского деспотизма и царизма. Не видеть главного, деспотизма, и замазывать дело тем, что на местах есть деспоты, — это уже ограниченность. Нельзя это замазывать. Если мы, русские, не будем этого говорить, то за спиной у нас все время будут стоять полудрузья.

— Сталин после Победы в своем тосте сказал, что руководящей и направляющей силой в войне был русский народ!

— Это никто не может отрицать. И я считаю правильным. Он сказал об уме, терпении, характере, но и о наших ошибках. Критически подошел. Но, видите, дело в том, что эго было выступление, отвечающее определенному периоду, а в целом оно

недостаточно. Тут главное — русский народ. Но если русский народ не забывает того, что он, в свою очередь, кое-что подавлял и насильничал над другими…

Чтобы добиться революции, русские должны были иметь прочный союз среди других наций. А поэтому Ленин говорит: главная опасность — национализм. И сейчас такая опасность, безусловно, есть.

Это противоречит марксизму: когда мы будем жить хорошо, тогда и другие страны. Я считаю это национализмом. Никто не замечает это дело. А это есть первая коренная ошибка с точки зрения международного коммунистического движения.

(12.12.1972 г.)

— Поскольку русским приходится выполнять руководящую роль, то нельзя отталкивать от себя. Поэтому главная опасность — это великодержавный шовинизм. При Ленине, конечно, другое было положение, но и теперь могут расползтись. Опасно. В Прибалтике, Молдавии, да и в Средней Азии возникнут настроения.

— После революции огромную империю большевикам удалось сохранить. И на какой почве — на дружеской, на союзной.

— Конечно. Это очень сложная задача… Все может быть, и республики станут отходить от нас. В какой-то мере, если не будет проводиться ленинская политика. Опыт колоссальный. При всех трудностях ничто от нас не отошло, кроме тех, кому мы разрешили отойти, например, Польше, Финляндии. До определенного момента — Прибалтике. И это только благодаря тому, что осуществляли политику, которую Ленин очень глубоко разработал и очень твердо проводил — направо и налево критикуя тех, которые нивелировали национальный вопрос. Пятаков, Бухарин и другие говорили, что национальный вопрос уже не имеет значения. Настолько это было близоруко, даже не леваки, а мелкобуржуазное залихватство. Считали — только классовый подход, и все. А Ленин и Сталин понимали это хорошо. Ну как же, никого другого Ленин не назначил на один из самых важнейших в ту пору постов — народным комиссаром по делам национальностей назначил Сталина. Поставил его во главе национального министерства!

(27.4.1973 г.)

— Как все-таки будет при коммунизме, сохранятся ли национальные особенности?

— Ну, это сотрется.

— Но это же плохо.

— Почему плохо? Обогатимся. Вы что думаете, у немцев нет

хороших качеств? У французов нет?

— Но тогда у нас не будет своего нового Пушкина, Чайковского, Сурикова… Будет общая, интернациональная культура.

— Нельзя свой кругозор ограничивать тем, что уже создано. Пора научиться мыслить более широко. А если вы этому не научитесь, вы останетесь ограниченным полукоммунистом, русским, не больше. Никто у вас не отнимает национальное, но вы подниметесь на ступеньку выше. Но, если вы останетесь на этих позициях, вы будете хорошим поэтом РСФСР, но не СССР. Твардовский борется за русскую поэзию, это лучший сейчас русский поэт. Я помню его, он очень талантливый и очень ограниченный. Потому что многие из нас ограничены российским кругозором, где преобладает крестьянское — то, что Маркс называл идиотизмом деревни. Узкий кругозор у человека, и ему это нравится. Крестьянская — русская ли, грузинская ли, немецкая — но ограниченность… Вот была у меня маленькая книжка, как-то попала после войны, переписка Чайковского с Танеевым. Танеев восторгается музыкой Чайковского, богатством красок, гордится русской культурой. Правильно, говорит Чайковский, я тоже восхищаюсь и немецкой, и итальянской, и французской музыкой. Что он не национален? Глубоко национален. Но не сводит все к русскому. Наиболее талантливые люди не ограничиваются своим полем зрения, а добавляют кое-что полезное и от соседей, ведь это же замечательно!

(12.12.1972 г.)

— Никто так не разбирался в национальных вопросах, не организовывал наши национальные республики, как Сталин. Одно создание среднеазиатских республик — это целиком его, сталинское дело! И границы, и само открытие целых народов, которыми никто не интересовался в центре и не знал их по-настоящему. Потому что все мы, включая Ленина, не доходили до этих дел, некогда было, а он очень хорошо в этом разбирался. Ведь острая борьба шла. Казахи, например, их верхушка, дрались за Ташкент, хотели чтоб он был у них столицей. Сталин собрал их, обсудил это дело, посмотрел границы и сказал:

— Ташкент — узбекам, а Верный, Алма-Ата — казахам.

И стоит нерушимо. Конечно, Сталин на себя взял такой груз, что в последние годы очень переутомился, устал и почти не лечился — на это тоже есть свои основания, врагов у него было предостаточно… А если еще кто-нибудь подливал масла в огонь…

(3.2.1972 г.)

Рассказываю:

— В Доме литераторов была встреча писателей с Микояном.

Пришло человек 30. Рассчитывали на большой зал, потом видят — народу мало, собрались в малом зале и усадили всех за один стол.

Тема — 50-летие Советского государства, СССР. Какие были предложения по созданию Союза, как Ленин их выслушивал… Сталин предложил, чтобы все республики входили в состав РСФСР на правах автономных. «Ленин ощетинился против Сталина», — эту фразу Микоян повторил дважды. Сталин потом признал свою ошибку.

— Дело в том, — поясняет Молотов, — что Сталин в данном случае продолжал линию Ленина. А тот пошел дальше. Еще надстройку — а почему не пойти? И Ленин от своих же установок, которые он проповедовал и которые Сталин хорошо знал, пошел… на второй этаж…

Ленин выступал против федеративного принципа, не хотел федерации, потому что он выступал за централизм — все держать в руках рабочего класса, все узлы, чтобы это укрепляло государство. Прочитайте его статью по национальному вопросу. Автономия — да. На автономию надо пойти.

И Ленин быстро перешел от своих же установок, поднялся выше. А Сталин не знал этого сначала…

(21.6.1972 г.)

— О Сталине и Дзержинском Ленин говорил, что инородцы порой бывают более русскими, чем сами русские. В Сталине, конечно, это очень проявлялось, особенно в последние годы даже чересчур. Он не любил, когда представитель другой национальности менял фамилию на русскую, спрашивал:

— А русской нации он не изменит?

Считал, что на высокие посты надо допускать, в основном, русских, украинцев и белорусов.

(7.5.1975.,17.7.1975 гг.)

Заговорили о волнениях в Абхазии, о требованиях абхазцев к грузинам.

— После революции у определенной части населения там было мнение избрать государственным языком английский, — сказал Молотов.

(16.7.1978 г.)

— Но как вы объясните переселение целых народов во время войны?

— Это сейчас мы стали умные, все-то мы знаем и все перемешиваем во времени, сжимаем годы в одну точку. Во всем были разные периоды. Так вот, во время войны к нам поступали сведения о массовых предательствах. Батальоны кавказцев стояли против нас на фронтах, били нас в спину. Речь шла о жизни и

смерти, разбираться было некогда. Конечно, попали и многие невиновные.

(22.4.1970 г.)

— Почему во время войны выселили калмыков?

— Они немцам помогали.

— Мне один писатель говорил, будто вы сказали, что к 1943 году Сталин перестал быть коммунистом.

— Абсурд! Никогда я не только не мог так сказать, но даже так подумать о Сталине.

(30.10.1984 г.)

«В 20–30-е годы, — вспоминает Молотов, — партия вела жесточайшую борьбу с левым и правым уклонами. Сначала шла борьба пером, но без конца так вести борьбу — это за счет государства, за счет рабочего класса. Люди трудятся и хотят жить лучше, а мы продолжаем борьбу наверху — это опаснейшее дело. В какой-то мере и 1937-й год был продолжением… После революции мы рубили направо-налево, одержали победу, но оставили врагов разных направлений, которые могли объединиться перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии. В этом надо разобраться. Кого обидели, кого понизили. Все эти разные мотивы толкали на критические позиции, а это были такие критики, которые не способны понять новое и готовы на плохие дела. Многие кричали „ура!“ за партию и за Сталина, а на деле колебались. Разобраться во многом сейчас трудно, но тогда нужно было быть очень начеку. Ведь даже среди членов партии были, есть и такие, которые хороши и преданны, когда все хорошо, когда стране и партии не грозит опасность. Но, если что-то серьезное начнется, они могут дрогнуть, переметнуться, надежды на них мало. 1937 год лишил нас пятой колонны. Конечно, были допущены ошибки, погибло много честных коммунистов. И чекисты перестарались. Им дали задание, они и рады стараться. У многих были колебания, из-за этого гибли честные люди».

— Как же вы допустили гибель многих известных людей, не говоря уже о тех, что пострадали на местах? — спрашиваю я.

— Посмотрел бы я на вас на нашем месте, как бы вы справились. Это сейчас мы умные. Были разные периоды, а мы сжимаем время в одну точку. Надо разобраться и с каждым периодом, и с каждым действующим лицом отдельно. Скажем, если из 80 человек 50 оказались неправы и их репрессировали, то это не сразу. 80 исключили из своих рядов 10, 70 еще 10 и пошло постепенно… Социализм требует огромного напряжения сил. Здесь и ошибки. Но, повторяю, мы могли бы иметь гораздо больше жертв во время войны и даже дойти до поражения, если

бы задрожало руководство, если бы в нем, как трещины, появились разногласия. Я не уверен, что такой человек, как, скажем, Тухачевский, которого мы очень хорошо знали, не зашатался бы. Не думайте, что Сталин поверил какой-то фальшивке, якобы переданной через Бенеша. Тухачевский был расстрелян, потому что был военной силой правых — Рыкова и Бухарина. А государственные перевороты без военных не обходятся. Я не понимаю, почему реабилитировали Тухачевского. Да не только я. Ворошилов, например, сказал после его реабилитации: «Я этому барину не верил и не верю. Он на сторону революции перешел, чтоб сделать карьеру». Я признаю, что были допущены крупные ошибки и перегибы, но в целом политика была правильной. Я и все члены Политбюро несем ответственность за ошибки. Но поставьте вы самых святых людей управлять государством, пусть бы они попробовали пройти одними разговорами мимо этих периодов, — ничего бы у них не вышло! Развалили бы все. Но одно дело — политика, другое — проводить ее в жизнь. Мы не могли отказаться от жестоких мер из-за опасности раскола. А при Ленине разве этого не было. Не надо представлять Ленина, гладящим сопливых ребятишек! Без крайностей не только Ленина и Сталина представить нельзя, но и жить невозможно.

Я и сам мог бы не уцелеть, если бы Сталин еще пожил, это другой разговор, но, несмотря на это, я его считаю величайшим человеком, выполнившим такие колоссальные и трудные задачи, которые не мог бы осуществить ни один из нас, никто из тех, кто был тогда в партии. Говорить о Кирове как о его заместителе — абсурд, который ясен для каждого грамотного, знающего коммуниста, и это настолько противоречило отношениям Сталина и Кирова и, прежде всего, мнению самого Кирова. Это мог только Хрущев придумать. Другие-то были посильнее Кирова, и он бы никого не смог разбить ни Зиновьева, ни Каменева, ни Бухарина. Почитайте все речи Кирова, назовите хоть одно расхождение Кирова со Сталиным, назовите хоть один теоретический труд Кирова! А в ту пору Генеральный секретарь должен был быть теоретиком, ибо на эту роль претендовали такие, как Зиновьев, Бухарин, а до этого и Троцкий. Они-то посильнее Кирова.

В тот декабрьский вечер 1934 года я был в кабинете Сталина и помню, как позвонил начальник ОГПУ Ленинграда Медведь и сообщил, что сегодня в Смольном убит товарищ Сергей. Сталин сказал: «Шляпы». Мы срочно поехали в Ленинград. Допрашивали Николаева, убийцу Кирова. Мелкий человек, подставное лицо в руках зиновьевцев. Говорить о том, что Сталин организовал

убийство Кирова, чудовищно и кощунственно! Сталин любил Кирова, растил его. Киров был его идейной опорой в Ленинграде. Сталин звал его в Москву, тот отказывался. На моей памяти, так же тепло в Политбюро Сталин относился только, пожалуй, к Жданову. После XX съезда по делу Кирова была создана комиссия, в которую вошли видные юристы. Возглавлял ее Н. С. Хрущев, как известно, в ту пору уже не пылавший любовью к Сталину. И тем не менее комиссия пришла к выводу, что И. В. Сталин к убийству С. М. Кирова непричастен. Когда я предложил это опубликовать, Хрущев отказался…

— Почему сидели ученые? Стечкин? Туполев? Королев?

— Много болтали лишнего. И круг их знакомств, как и следовало ожидать. Они ведь не поддерживали нас. В значительной степени наша русская интеллигенция была связана с зажиточным крестьянством, у которого прокулацкие настроения — страна-то крестьянская. Туполевы — они были в свое время очень серьезным вопросом для нас. Они из той интеллигенции, которая очень нужна Советской власти, но в душе они — против и по линии личных связей они опасную и разлагающую работу вели, и даже, если не вели, то дышали этим, да и не могли иначе! Требовалось время, чтобы приблизить их к новому строю. Иван Петрович Павлов говорил студентам:

— Вот из-за кого нам плохо живется, — и указывал на портреты Ленина и Сталина.

Этого открытого противника легко понять, а с другими было сложнее. Теперь, когда многие из них в славе, это одно, а тогда ведь интеллигенция, в основном, отрицательно относилась к Советской власти. Вот тут надо найти способ, как этим делом овладеть. Чекистам приказали: обеспечьте их самыми лучшими условиями, кормите их пирожными, по пусть работают, конструируют нужные стране военные вещи. Не пропагандой, а своим личным влиянием они опасны, и не считаться с тем, что в трудный момент они могут стать особенно опасны, тоже нельзя. Без этого в политике не обойдешься. Своими руками они коммунизм не смогут построить. Что Туполев? Из ближайших друзей Ленина ни одного около Ленина в конце концов не оказалось, достаточно преданного партии. Кроме Сталина. И того Ленин критиковал.

Конечно, мы наломали дров. Сказать, что Сталин об этом ничего не знал, — абсурд, сказать, что он один за это отвечает, — неверно. Если обвинять во всем одного Сталина, то тогда он один и социализм построил, и воину выиграл. А вы назовите того, кто меньше, чем Сталин, ошибался? Сыграл свою роль наш партийный карьеризм — каждый держится за свое место. И потом

у нас если уж проводится какая-то кампания, то проводится упорно, до конца. И масштабы, и возможности большие. Контроль над органами был недостаточным.

Таково мнение одного из тех, кто стоял у руля нашего государства в самые трудные его периоды. Не будем никому навязывать это мнение, так же, как и другие, противоположные. Пусть родится истина.

…На столе Молотова — книги, журналы. Художественная, политическая, экономическая литература. «Я читаю медленно, — говорит Молотов. — Вот Ленин и Сталин умели быстро. Не знаю, большое ли это достоинство, но я всегда завидовал тем, кто умеет быстро читать».

Он привык много работать. Сидит за столом или стоит за конторкой. Высокий лоб, белые виски, седые усы. Карие глаза. Что-то ленинское есть во всем его облике, в поведении, в неброской домашней обстановке (любой чиновник средней руки сейчас живет с большим размахом), в личной скромности, в манере разговаривать с людьми («Товарищ Феликс пришел?»), да и в умении преодолевать трудности. А сколько их было на пути этого человека, который сам — живая история. 11 лет он возглавлял Советское правительство.

— У меня есть одна неясность, Вячеслав Михайлович.

— Только одна? У меня их гораздо больше.

Я спрашиваю его о предвоенных переговорах с Риббентропом и Гитлером.

«Было дело под Полтавой, — улыбается Молотов. О врагах он умеет говорить едко, саркастично: — Гитлер играл во время переговоров, пытался произвести впечатление. Он был умен, но все-таки ограничен, слеп в силу нелепости своей изначальной идеи. Он меня все агитировал, как бы нам вместе, Германии и Советскому Союзу, выступить против Англии, — дескать, Англия ничтожный остров, а владеет половиной мира. Разве это допустимо? Я ему ответил, что, конечно, это безобразие, и я ему очень сочувствую. А когда прощались, он сказал мне:

— Я понимаю, что история навеки запомнит Сталина. Но она запомнит и меня.

— Да, конечно, запомнит, — ответил я.

Ощущалось, что он побаивается Сталина как личности.

— Видел всю их компанию — Геринга, Гесса, Геббельса, ну и, конечно, Риббентропа — тот вообще меня своим другим называл. Это 1940-й. А годом раньше, в 1939-м, Риббентроп приезжал к нам подписывать Пакт о ненападении, и, когда подписали. Сталин поднял бокал шампанского:

— Выпьем за нового антикоминтерновца Сталина! — так, с

иронией, с издевкой сказал.

Риббентроп тут же бросился к телефону, это было в моем кабинете, передать слова Сталина Гитлеру. Тот ему в ответ: „Мой гениальный министр иностранных дел!“ А Сталин едва заметно подмигнул мне…

Нам очень хотелось оттянуть войну и почти на два года это удалось, а на больший срок, к сожалению, не получилось. Пытались увеличить и время, и пространство. С нами воссоединились Западная Украина и Западная Белоруссия, Прибалтика и Бессарабия. Условия жизни в стране были трудными, а мы требовали: „Давай, давай!“ Давай производительность труда, давай то, давай это — Шла упорная подготовка к войне, но все учесть и успеть было просто невозможно, а страна работала без выходных, и струна напряжения и терпения у нашего народа была натянута до предела.

Вечером 22 июня 1941 года мы собрали Политбюро. Разъехались и снова собрались. Потом я пошел к себе в кабинет, этажом выше, а часа в два ночи мне позвонили из секретариата Сталина, сообщили, что германский посол Шуленбург просит его принять. Все стало ясно. Как правило, послы министрам иностранных дел по ночам не звонят. К тому же звонок из секретариата Сталина свидетельствовал, что Сталин об этом знает. Шуленбург пришел ко мне со своим переводчиком статс-секретарем посольства Хильгером, и тот при вручении ноты об объявлении войны прослезился. В некоторых книгах этот момент приводится неточно, но ведь Шуленбурга принимал я, а не авторы этих книг. Мы со Сталиным поехали в Наркомат обороны, где Сталин крепко поговорил с Тимошенко и Жуковым».

В 12 часов дня Молотов от имени Советского правительства выступил по радио с Центрального телеграфа на улице Горького:

— Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами. «Текст выступления был подготовлен вместе со Сталиным. Мы решили, что Сталин выступит, когда прояснится боевая обстановка».

Всю войну Молотов был Первым и единственным заместителем Председателя Государственного Комитета Обороны и народным комиссаром по иностранным делам. Пришлось поработать для создания антигитлеровской коалиции, вынудить капиталистов помогать нам, «бежать с нами в одной упряжке», как он сам говорит. Даже один его полет в Англию и США в 1942 году над территорией, занятой врагом, можно назвать героическим. На приеме в честь Победы первый тост Верховного был:

— За нашего Вячеслава!

Тем самым Сталин подчеркнул выдающуюся роль советской дипломатии в годы войны.

«Дипломатия дипломатией, — подмигивает Молотов, — но нам и армия неплохо помогала. Если б не она, никакие дипломаты ничего б не сделали». Это, конечно, верно, и все-таки… Я держу фотографию в зеленой рамке с надписью по-английски: «Моему другу Вячеславу Молотову от Франклина Рузвельта. 30 мая 1942 г.». Вспоминаются слова английского премьера Черчилля о том, что когда умрет Молотов, то все великие дипломаты мира, если существует тот свет, сочтут за честь пригласить его в свою компанию… Однако союзники со Вторым фронтом не спешили и своих солдат нам не давали. «Черчилль мне говорит: вы возьмите свои войска с Кавказа, а мы туда введем свои и будем охранять вашу нефть. Вот так. И с Мурманском так же предлагали поступить. А Рузвельт — с Дальним Востоком. Только б самим не воевать».

Он не любит говорить о своей роли в войне. «У меня тут заслуг не много. Я ничего особенного не сделал». Надо добавить, что Золотую звезду Героя Социалистического Труда он получил в 1943 году за успешное руководство производством танков в стране. В 1941-м ездил на Западный фронт назначать вместо Конева — Жукова, и тот поправил дело. Был в Ленинграде за несколько дней до начала блокады. В Череповец прилетел на самолете, до Мги добирался на поезде, дальше путь был разбит, и в Ленинград приехал на дрезине. В Москву вернулся, когда блокадное кольцо замкнулось, и пришлось лететь над Ладожским озером. После этой поездки Сталин назначил Жукова командующим Ленинградским фронтом. «Из военных он у нас был наиболее заметным, — говорит Молотов. — Он и Рокоссовский».

День Победы Молотов встретил в Сан-Франциско. «Особого праздника там не чувствовалось, но 8 мая мне предложили выступить по радио. Я ответил, что еще не завершены боевые действия в Чехословакии и наша страна будет праздновать 9-го. И выступил перед американцами 9-го».

Прожита жизнь. Есть что вспомнить. И память отличная. Поражает завидная быстрота его реакции, когда он отвечает на вопросы. Столько лет мы подолгу беседуем… Иногда он как будто волнуется от давних воспоминаний и начинает слегка заикаться, причем, спотыкается не на согласном звуке, а раза два-три повторяет первый слог слова или все слово, если оно односложное. О себе говорит мало, хотя был вторым лицом в государстве три десятилетия.

— Пусть Вячеслав теперь поработает, — как-то сказал Сталин.

«Однако, началась „холодная война“, и Сталину уходить было нельзя. Его политический авторитет на мировой арене был огромен».

А вот что еще говорил мне Молотов:

— Сталин провел основную часть своей жизни на кунцевской даче. В последние его дни я был в опале…

Сталина я видел за четыре-пять недель до смерти. Тогда он был вполне здоров. Когда заболел, меня вызвали. Я приехал на дачу, там были члены Бюро ЦК. Из не членов Бюро, по-моему, только меня и Микояна вызвали. Командовал Берия.

Сталин лежал на диване. Глаза закрыты. Иногда он открывал их и пытался говорить, но сознание к нему так и не вернулось. Когда пытался говорить, к нему подбегал Берия и целовал ему руки. Корчило Сталина, разные такие моменты были. Казалось, что начинает приходить в себя. Вот тогда Берия держался Сталина! У-у! Готов был…

— Не отравили ли Сталина?

— Возможно. Но кто сейчас это докажет?

Лечили хорошие врачи. Лукомский — хороший терапевт, Тареев… Куперин это администратор. Всегда дежурил кто-нибудь из членов Бюро. Я тоже дежурил.

Вот, когда он умер, тут все и началось.

(22.4.1970 г.)

— Не исключаю, что Берия приложил руку к его смерти. Из того, что он мне говорил, да и я чувствовал… На трибуне мавзолея В. И. Ленина 1 мая 1953 года делал такие намеки… Хотел, видимо, сочувствие мое вызвать. Сказал: «Я его убрал». Вроде посодействовал мне. Он, конечно, хотел сделать мое отношение к себе более благоприятным.

Хрущев едва ли помог. Он мог догадываться. А возможно… Они все-таки были близки. Маленков больше знает. Больше, больше.

Шота Иванович передаст рассказ бывшего Первого секретаря ЦК Компартии Грузии А. И. Мгеладзе о его встрече с Берией сразу после похорон Сталина. Берия хохотал, крыл Сталина матом: «Корифей науки! Ха-ха-ха!»

(9.6.1976 г.)

— Сам Сталин, помнится, сказал во время войны: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора. Но ветер истории безжалостно развеет ее!»

(24.8.1971 г.)

— Сталин работал над второй частью «Экономических

проблем», давал мне кое-что почитать. Но куда все это делось? Ничего не известно…

— Не мог Берия прибрать?

— Нет, Берия не интересовался. Ему интересно, кто против кого, одного этим ударить, другого — этим. Ему важно, какие столкновения между отдельными людьми идут, чтобы использовать. И, когда нужно, высунуть какой-нибудь документ: «Вот ты что про него писал!»

И поссорить, одним словом.

— Мгеладзе рассказывал, как Маленков и Берия формировали новое правительство. Маленков сделал заявление: «Товарищ Сталин находится в очень тяжелом положении. Вряд ли он из него выйдет. А если выйдет, то ему надо будет не менее шести месяцев, чтобы вернуться на работу. Поэтому страна не может быть без руководства». После Берия читает список правительства. Веселый, как будто хочет показать, что ничего страшного для страны нет.

— Возможно. Я не помню эти детали.

— Перед смертью Сталин поднял руку.

— Поднять-то поднял, но…

— Совершенно точно, что он умер не своей смертью…

— Это не исключено, — соглашается Молотов.

(30.6.1976 г.)

…Сталин снится… Не то что часто, но иногда снится. И какие-то совершенно необычные условия. В каком-то разрушенном городе… Никак не могу выйти… Потом встречаюсь с ним. Одним словом, такие какие-то совершенно странные сны, очень запутанные.

(17.7.1975, 30.6.1976 гг.)

Последние годы Молотов постоянно живет на даче — государственной, с казенной мебелью. Ему повысили пенсию до 300 рублей, прежде получал 120, потом 250. Однако материальные блага его никогда не волновали. Стол, стулья, диван — все самое простецкое, с алюминиевыми инвентарными номерами. Пожалуй, единственная неказенная вещь — конторка для работы. Аккуратен и бережлив, как свойственно людям его закалки. Дома любит ходить в коричневой рубахе навыпуск, темных брюках. Дважды в день отправляется гулять, надевает пальто, шляпу, пенсне — настоящий Молотов, каким его привыкли видеть на старых газетных снимках. Шагает по лесным аллеям, постукивая ореховой палочкой, которую ему некогда презентовал британский посол сэр Арчибальд Керр. Молотов бодр, у него всегда рабочее настроение, не скажешь, что ему 79, 85, 95… Я как-то заметил, что у него цвет лица стал здоровее, чем

в прежние годы, до выхода на пенсию. «Еще бы! Тогда я занимался выколачиванием мирных договоров, а сейчас отдыхаю».

Несколько лет Молотов работает над научной книгой о социализме. «Две страницы пишу, три вычеркиваю», — шутит он. Помощников у него нет, да и привык все делать сам.

— Снятся ли вам сны? — спрашиваю у него.

— Иногда снится, что завтра мне делать доклад, а я его еще не подготовил. Мы ведь сами писали свои выступления.

Много читает — почти все новинки художественной, политической и экономической литературы. По телевизору смотрит «Время» и «Международную панораму». Иногда начнет смотреть новый фильм о войне или о революции, о Ленине, поглядит немного, махнет рукой и уходит работать.

Приходят письма. Просят рассказать о своей жизни, написать воспоминания. Многие выдают желаемое за действительное, считают, что такие мемуары уже созданы, и даже название приводят: «Сорок лет со Сталиным». Однако мемуарные занятия для него не представляют интереса.

Он оптимистически смотрит в будущее, верит в нашу молодежь.

…Пишут из-за рубежа. Из США пришло письмо с долларами в конверте на ответ: «Я собираю автографы великих людей, а Вас в нашей семье очень уважают».

Рассматриваю фотографии на стене. Необычный снимок Ленина: в очках читает газету. Молотов говорит, что это редкий снимок: Ленин не любил, когда его видели в очках. Другая фотография — вдоль кремлевской стены идут и беседуют Сталин, Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе… «Это наша рабочая группа».

Его интересуют экономика страны и советско-американские переговоры, работа по укреплению дисциплины и повышение производительности сельского хозяйства, чем дышат братья писатели, как он обычно говорит, и борьба чилийского народа. «В Чили — дело времени. У нас 1905-й год тоже был поражением, но без него мы бы не победили в 17-м. Это надо понимать. А есть такие — подай вот сразу все на блюдечке! А нет — плохо. Чаепитчики, — как говорил Ленин. Надо понимать, когда и как все использовать. Ленин подписал Брестский мир, а Троцкий был против, вот какой умный! Мы с Гитлером заключили мир, на нас тоже нападали, а мы два года выиграли».

Нет и не было легких лет. Победы и неудачи, успехи и перегибы, предвиденья и ошибки. Но и социализм строили впервые в истории.

Мне доводилось не раз беседовать с Лениным и в неофициальной обстановке. — Зайдем ко мне, товарищ Молотов. — Пили чай с черносмородиновым вареньем. — У нас такой народный характер, — в тот вечер говорил Ленин, что для того, чтобы провести что-то в жизнь, надо сперва сильно перегнуть в одну сторону, а потом постепенно выправлять. А чтобы сразу все правильно было — мы еще долго так не научимся. — Пока у нас государство, — продолжает Молотов, — а оно еще долго будет жить, пока у нас деньги, а они еще тоже поживут, будут и такие отрицательные явления, как бюрократизм, карьеризм, стяжательство. Ну и жестокость.

Он много перенес, но у него сложилась судьба. Он увидел воплощенную мечту 1917 года, могучее социалистическое государство, взлет Гагарина в космос, победное шествие ленинских идей по земному шару, успехи наших друзей. «Какой молодец Фидель! — говорит Молотов. — Будут, конечно, на этом пути и неудачи, но империализм трещит по швам. В январе 1917 года Ленин говорил, что, может быть, нашим внукам посчастливится жить в новом обществе. А уже через 10 месяцев он стал руководителем первого в мире социалистического государства. Вот как быстро может измениться историческая обстановка! Сейчас у нас все есть: сильная страна и содружество социалистических государств. Бояться нам некого и нечего, кроме собственной расхлябанности, лени, недисциплинированности, и с этим нужно бороться, чтобы укрепить дело социализма. Вы пришли на все готовенькое, но поработать вам придется крепко».

Он говорит, а я смотрю на снимок ленинских похорон: Сталин согнулся под тяжестью гроба Ильича, рядом подставил свое плечо Молотов. В ту пору руководители были молодые, как страна…

Держу в руках «Правду» № 1 от 22 апреля 1912 года с дарственной надписью Молотова. Он выпускал этот номер. На первой странице помещен список сотрудников и авторов. Спрашиваю:

— А где здесь вы?

— Вот, — Молотов читает, — А. Рябин. Я убрал от своей фамилии две первые буквы, и получился из Скрябина Рябин. А редактор Егоров — это подставная фигура. Находили рабочего, который соглашался отсидеть полгода в царской тюрьме.

Листаю Ленина: «Т. Молотову для всех членов Политбюро. Это и следующее письмо Чичерина явно доказывают, что он болен и сильно. Мы будем дураками, если тотчас и насильно не сошлем его в санаторий. 24.1.22. Ленин».

Молотов поясняет: «Дело в том, что Чичерин в угоду

американцам за приличную компенсацию предложил внести маленькие изменения в нашу Конституцию, предоставив паразитическим элементам представительство в Советах. Ну, а ответ Ленина не требует комментариев. Ленин ценил Чичерина как знающего работника, народного комиссара по иностранным делам, однако не вводил его в состав Центрального Комитета партии, не то что в Политбюро. Не был членом ЦК и заместитель Ленина по Совнаркому Цюрупа, и руководитель Госплана Кржижановский не был, и Красин не был. А вот когда на X съезде партии пытались забаллотировать в состав ЦК Орджоникидзе, Ленин со всей страстностью выступил в его защиту. Противники Серго говорили, что он груб, допускает рукоприкладство, а Ленин возразил: „Но ведь он же плохо слышит!“ При чем здесь — плохо слышит? Но Ленин считал Серго очень партийным человеком и провел его в ЦК. А в 1922 году добился избрания Сталина Генеральным секретарем. На каждом бюллетене для голосования против фамилии „Сталин“ рукой Ленина было написано: „Генеральный секретарь“!»

Смотрим «Иллюстрированное приложение к „Правде“» от 24 сентября 1922 года, известный снимок в Горках. Здесь он называется «Тов. Ленин и тов. Сталин». Мне не раз доводилось слышать и кое-где даже читать, что снимок этот якобы смонтирован. «Что же, выходит, смонтирован при живом Ленине? Ведь это 1922-й…»

Мы сидим за столом. За окном ясный зимний день России. Подмосковье, высокие сугробы. В снегу деревья…

…Ясность ума не покидала его. Было только одно отклонение — незадолго до смерти. Утром он прочитал последнюю страницу «Правды», отложил газету и сказал:

— На пять часов пригласите ко мне Шеварднадзе.

Видимо, его взволновал какой-то международный вопрос, и он вошел в свою прежнюю роль члена Политбюро, Первого заместителя Предсовмина и министра иностранных дел. Думали, что до пяти часов он забудет, но он надел костюм, галстук, и тогда ему сказали, что товарищ Шеварднадзе занят и не может приехать…

Когда его похоронили, на даче стали жить другие люди, мебель государственную оттуда увезли, а его конторку отнесли на склад.

«Возьмите ее себе, а то сожгут, — сказали мне на складе. — Молотов все-таки. В нашем совминовском поселке так скромно, как он, никто не жил и не живет сейчас, никакого барства, капризности, все просто…»

notes

Примечания

1

Когда я спросил Кагановича об этом, он стал отрицать.

«Я к Молотову хорошо относился, — сказал Каганович, — ценил его принципиальность, убежденность. Но мы не раз спорили с ним на деловой почве. Я был наркомом путей сообщения и выбивал у него то, что нужно для железнодорожного транспорта. Он был Предсовнаркома и зажимал. Тогда я жаловался на него Сталину, и Сталин меня поддерживал. Но я никогда не был против того, чтобы Молотов стоял во главе правительства после Сталина. Ведь я же предложил его на эту должность Сталину еще в 1930 году!»